

ИЗРАИЛЬ

ДЖОН и ДАВИД
КИМХИ

По обе стороны
холма

ДЖОН и ДАВИД КИМХИ

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА

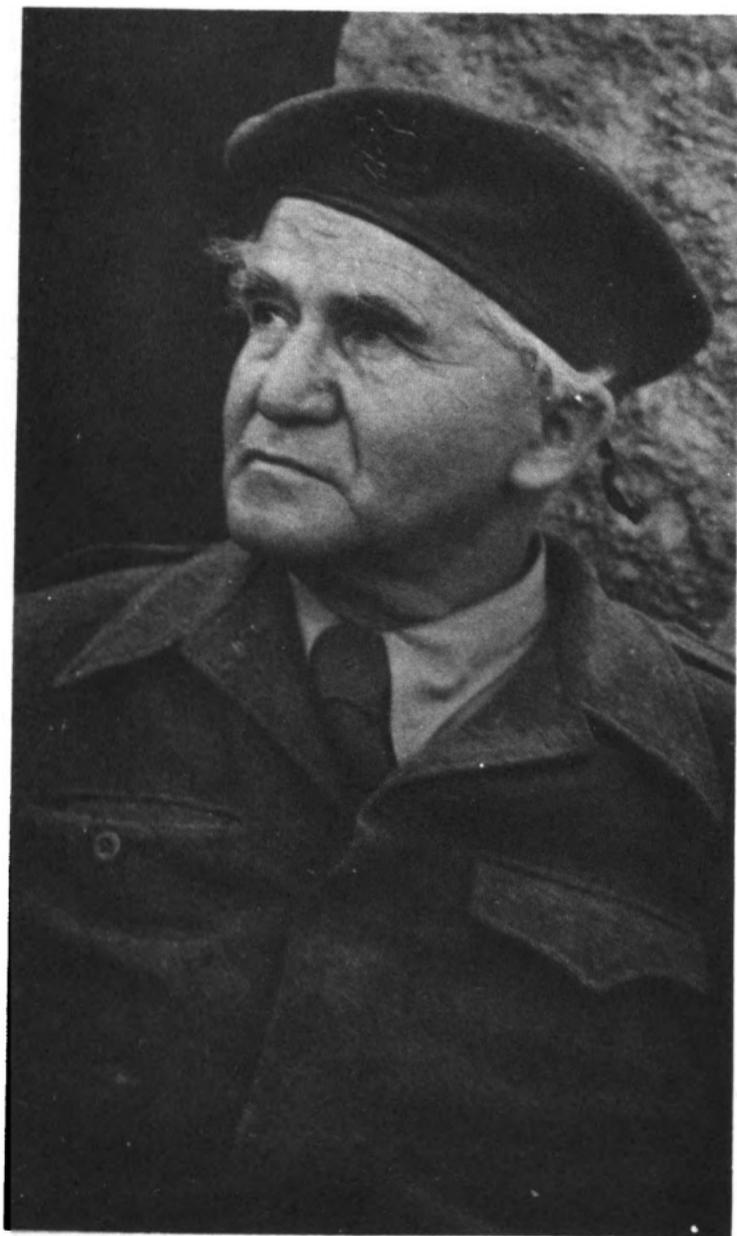
35

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

עבריה וצבי עופר
קבוץ יפעת

ДЖОН и ДАВИД КИМХИ

ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА

ДАВИД БЕН-ГУРИОН

ДЖОН и ДАВИД КИМХИ

**ПО ОБЕ СТОРОНЫ
ХОЛМА**

**БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"
1976**

ג'ון ודוד קמחי
משני עברי הגבעה
BOTH SIDES OF THE HILL
by JON AND DAVID KIMCHE

Перевел с иврита О. МИНЦ
Редактор Н. РУБИНШТЕЙН

ספריה
תל-אביב
לעולים
ספריה - ז - ספריה
.....

412

ALL RIGHTS RESERVED

כל הזכויות שמורות
לספריה עליה
היוצאת לאור בסיתע:
האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

דפוס "קריב", תל-אביב
1976

Набрано и напечатано в типографии
"Карив", Тель-Авив, Амикцоа, 7
1976

OCR Давид Титневский, май 2021 г., Найфа

Об авторах

Джон Кимхи родился в Швейцарии. Живет в настоящее время в Лондоне. Во время второй мировой войны был военным корреспондентом агентства "Рейтер", влиятельной британской газеты "Обсервер" и распространенной вечерней лондонской газеты "Ивнинг стандарт", где сотрудничает и поныне. Участник гражданской войны в Испании. После второй мировой войны побывал в Иране и Ираке и выступал в прессе с обширными материалами о событиях в этих странах, привлекавших внимание мировой общественности. В 1948 году, после образования Государства Израиль и вторжения в нашу страну арабских армий, широко освещал в мировой печати ход Войны за Независимость. Вместе с братом **Давидом** выпустил книгу "Тайные дороги", посвященную *Алие Бет* — нелегальной иммиграции евреев Европы в подмандатную Палестину после второй мировой войны. Автор нескольких книг о Ближнем Востоке и на другие актуальные политические темы. Основал журналы "Джуиш обсервер" и "Нью мидлист".

Давид Кимхи родился в Англии. С 1946 года живет в Израиле. Во время Войны за Независимость сражался в рядах бригады "Эциони" и был ранен в боях за Иерусалим. После окончания войны завершил учебу в Иерусалимском университете, специализировался по востоковедению. Впоследствии, пройдя в Сорбонне курс усовершенствования, получил в Иерусалимском

университете звание доктора. Работая в качестве лектора в ряде университетов, в том числе в Тель-Авивском, регулярно сотрудничал в газете "Джерузалем пост". Его статьи по проблемам Ближнего Востока публикуются во многих газетах. После Шестидневной войны издал вместе с Даном Бавли книгу "Огненный вихрь" (1968). В 1973 году вышла в свет его книга "Афро-азиатское движение".

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие авторов	11
Предисловие к книге, заслуживающей прочтения. <i>Бен-Гурион</i>	13
Из предисловия к первому изданию на иврите. <i>Х. Ласков</i>	17
Введение о том, как пишется современная история.	20
 Часть первая. Отступление империи	
<i>Глава первая.</i> Кризис на Даунинг-стрите	31
<i>Глава вторая.</i> Каким образом арабские страны оказались вовлеченными в войну с Эрец Израэль	60
<i>Глава третья.</i> Как началась война в Эрец Израэль. Иллюзии мирного урегулирования	85
 Часть вторая. Необъявленная война	
<i>Глава четвертая.</i> Евреи и арабы готовятся к войне. Первые враждебные действия	101
<i>Глава пятая.</i> Январь—апрель 1948 г. Начало концентрированных арабских атак. Евреи перехватывают инициативу	117
<i>Глава шестая.</i> Территориальные притязания короля Абдаллы. Политика Великобритании после голосования за раздел.	144
<i>Глава седьмая.</i> Последние дни мандата. "План далед" и оборона Иерусалима	161
 Часть третья. Объявленная война	
<i>Глава восьмая.</i> Начало войны. Первый этап: 15 мая—11 июня 1948 года	195
<i>Глава девятая.</i> Иерусалим в кольце. Бои за Латрун	242
<i>Глава десятая.</i> Первос прекращение огня	266
<i>Глава одиннадцатая.</i> Десять дней войны: 8—18 июля	305
<i>Глава двенадцатая.</i> Война с Египтом	324
<i>Глава тринадцатая.</i> "Око за око": битва, которая еще не закончилась.	358
<i>Послесловие.</i> Израиль и арабская революция	370

Памяти нашего отца Монеша Кимхи

20 мая 1958 года

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРОВ

Работая над этой книгой в 1959 году, мы, разумеется, строго следовали указаниям цензора о том, что можно и чего нельзя разглашать в истории боев 1948 года. Правда, мы имели достаточно свободный доступ к секретным документам, касающимся ведения войны, но, по понятным причинам, нам не позволили опубликовать целиком все, что мы прочли и собрали.

Между тем прошли годы. В Израиле выросло новое поколение, и Война за Независимость стала замечательной главой в истории народа Израиля. Тайны тех дней перестали быть тайнами. Теперь мы получили возможность пополнить новое издание нашей книги многими материалами, которые прежде находились под запретом. Прибавилась также информация, почерпнутая нами из арабских источников, как из печатных (например, мемуаров Фаузи эль-Каукаджи), так и из бесед с жителями правобережья Иордана. Кроме того, с помощью сотрудников исторического отдела ЦАХАЛа, удалось устранить неточности, вкравшиеся в первое издание, и обогатить изложение многими новыми фактами и деталями. Это дало более исчерпывающую и точную картину военных действий. В итоге, хотя в основу данного издания и положена книга, написанная нами в 1959 году, оно содержит много материалов,*

*ЦАХАЛ — Армия Обороны Израиля.

которых нет во всех предыдущих изданиях. Новое издание вышло в свет благодаря большой помощи, оказанной нам полковником Гершоном Ривлином, подполковником Моше Бримером, госпожой Мирьям Дрори и сотрудниками исторического отдела ЦАХАЛа.

*Джон Кимхи
Лондон,
декабрь 1972 года*

*Давид Кимхи
Рамат-Хашарон,
декабрь 1972 года*

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ, ЗАСЛУЖИВАЮЩЕЙ ПРОЧТЕНИЯ

Летопись, принадлежащая перу двух братьев Кимхи и озаглавленная "По обе стороны холма", является изложением короткого периода в истории Эрец Исраэль: трех решающих лет между годами 1945 и 1948. Три этих года принесли большие перемены и стали поворотными в истории Эрец Исраэль и судьбах народа Израиля.

В XIX веке жили три выдающихся еврея, предсказавшие возрождение независимости еврейского народа, но лишь один из них видел будущее еврейское государство именно в Эрец Исраэль. Их имена: Моше Гесс (друг Карла Маркса), автор книги "Рим и Иерусалим"; Леон Пинскер, автор книги "Автоэмансипация"; д-р Теодор Герцль, автор книги "Еврейское государство". Из этих троих провозвестником еврейского государства именно в Эрец Исраэль был Моше Гесс. Но только Герцль достиг подлинного величия, превратив еврейство, веками рассеянное по всему миру, в фактор международного значения и политическую силу. Однако после того как оформилась Всемирная сионистская организация, Герцль говорил уже не о еврейском государстве, а о "правоохраненном убежище".

Декларация Бальфура, врученная в 1917 году лордом Бальфуром лорду Ротшильду, фактически была

плодом усилий д-ра Вейцмана, который пытался договориться с принцем Фейсалом, сыном короля Тауфика Хусейна. 3 февраля 1919 года оба подписали соглашение, в котором было сказано: "Тотчас после окончания мирных переговоров будут установлены определенные границы между арабским государством и Эрец Исраэль. Создание конституции и администрации Эрец Исраэль будет исходить из всех мероприятий, которые потребуются для полной гарантии проведения в жизнь декларации британского правительства от 2 ноября 1917 года (Декларация Бальфура) и всех действий, необходимых для увеличения иммиграции евреев в страну в широком масштабе и со всей возможной быстротой с тем, чтобы помочь им осесть и обосноваться на земле".

Однако соглашение это не имело реального значения. Не только арабы Эрец Исраэль, но и арабы соседних стран и даже самого Ирака, в котором Фейсал был возведен на престол, рассматривали этот договор как клочок бумаги, и согласие Фейсала ни одного араба ни к чему не обязывало.

Автор этих строк, войдя в 1933 году в состав сионистского руководства, провел переговоры с арабскими руководителями из Эрец Исраэль и арабских стран (Ливана, Сирии, с представителями Ибн-Сауда, Нури-паши, Антониуса и другими), но два арабских делегата при Лиге Наций в Швейцарии противились любому соглашению между арабами и евреями.

Положение осложнилось в 1936 году. Верховный арабский комитет, возглавляемый муфтием, постановил объявить всеобщую забастовку, пока не будут выполнены три требования: прекращение еврейской иммиграции, запрет на продажу евреям земли и создание правительства, избранного населением страны, иначе говоря, — превращение Эрец Исраэль в арабское государство.

В том же году лондонское правительство послало в Эрец Исраэль королевскую комиссию (комиссию Пилля) для изучения создавшегося положения. Комиссия предложила раздел страны на два государства — арабское и еврейское. В Лондоне это предложение сначала приняли, затем отказались и послали новую комиссию, выступившую с двумя другими предложениями, с которыми не согласились ни евреи, ни арабы.

В начале сентября 1939 года началась вторая мировая война. Сионистское руководство обратилось тогда с призывом к еврейской молодежи вступить в английскую армию. В стране на этот призыв откликнулось сто тридцать тысяч человек — мужчин и женщин. Однако все настояния создать еврейское военное соединение долгое время игнорировались, пока в сентябре 1944 года глава британского правительства Черчилль не решил, наконец, по собственному усмотрению создать Еврейскую бригаду, которая была сформирована в Эрец Исраэль и вместе с войсками других союзников послана в Италию воевать.

Вторая мировая война и катастрофа, постигшая евреев на оккупированных Гитлером территориях, совершенно изменили положение вещей.

Два брата, написавшие книгу "По обе стороны холма", посвятили ее главным образом событиям после второй мировой войны. За полгода до ее окончания лейбористская партия Великобритании приняла решение о немедленном создании после окончания войны еврейского государства по обе стороны Иордана. Она также приняла решение, на котором сионистское движение никогда не настаивало, а именно: выселить всех израильских арабов в арабские страны.

Когда же после окончания войны лейбористское правительство пришло к власти, его руководители полностью отмежевались от позиции своей партии и

пошли по пути продолжения политики Белой книги, фактически почти прекращавшей иммиграцию и поселение евреев в Эрец Исраэль.

Оба автора — братья Джон и Давид Кимхи — рассматривают в своей книге "По обе стороны холма" действия евреев, арабов и британского правительства в период с начала 1946 года до основания Государства Израиль четырнадцатого мая 1948 года и до победы Израиля над арабскими странами, насчитывавшими тогда 30 миллионов человек и решившими уничтожить Израиль с его 650 000 евреев. Книга эта заслуживает изучения и внимания.

Д. Бен-Гурион

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ НА ИВРИТЕ

Трудно писать историю современности, но еще более сложно ее участнику написать предисловие к книге, которая трактует тему, очень близкую и по времени, и по существу каждому, кто воевал, — а требуется сохранить объективность...

Братья Кимхи, основываясь на имевшихся в их распоряжении источниках, рассматривают, со своей точки зрения, лишь две стороны Войны за Независимость. Первая — “воля к победе” обеих противостоящих лагерей, вторая — политические и специфически-военные аспекты боевых операций.

Международное положение и ситуация на месте обрисованы с большим знанием дела. Никогда эти факторы не оставались нейтральными: либо они способствовали нашей борьбе, либо становились на ее пути. Важнейшим обстоятельством в этом плане стало свертывание Британской империи после решения лейбористского правительства Эттли-Бевина в 1947 году уйти из Индии и последствия этого решения.

Как сказано, в книге описано состязание двух противников и их “воля к победе”. Показаны замешательство, неопределенность, безразличие, царившие в Англии; малочисленность тех руководителей арабского Востока, которые обладали сильной волей к победе; раздиравшие арабов противоречия, которые прак-

тически свели на нет их слабое желание — там, где оно имелось.

Книга рассказывает о том, что у евреев стремление победить или, точнее — необходимость одержать победу, жило почти в каждом доме. На стороне израильтян было еще одно важное обстоятельство — правительственное руководство, которое закалило эту волю к победе и обратило в силу, готовую на самопожертвование.

Доказав, что истинное понимание и глубокий анализ создавшейся ситуации были на стороне Израиля, авторы продолжают рассматривать вопрос в следующем направлении: сумели ли политическое руководство и высшее военное командование сориентироваться в разгаре военного пожара, смогли ли они в ходе войны различить решающие, поворотные моменты; как складывались силы, как значительный успех достигался благодаря многим второстепенным достижениям, как определялся центр тяжести политических и военных проблем, например, направление главного удара при проведении операций в Иерусалиме и в Негеве.

Авторы исследуют, каким было взаимодействие и сотрудничество между политическими и военными руководителями. Это сотрудничество прошло сквозь самые тяжелые испытания, вызванные главным образом переходом от подпольных отрядов к армии, от борьбы против отдельных банд к войне с регулярными войсками. Лишь полная самоотверженность всех руководителей позволила осуществить этот переход без ущерба для военных усилий. Столкновения различных стремлений учили молодую армию сотрудничеству с политическим руководством.

Как автор вступительного слова, я хотел бы подчеркнуть один общеизвестный факт: за всем ходом описанных событий ощущается присутствие незаурядной личности человека, который владеет ситуацией,

смотрит далеко вперед в стремлении увидеть и понять будущее, остро чувствует настоящий момент и дерзает, беря в расчет не только то, что поддается констатации и анализу, но и то, что можно ощутить лишь интуитивно, взвешивает все это и имеет силу принимать решения. Это, конечно, динамический и целеустремленный ДАВИД БЕН-ГУРИОН, человек, стоявший у руля Войны за Независимость.

Генерал-лейтенант Хаим Ласков

ВВЕДЕНИЕ

О ТОМ, КАК ПИШЕТСЯ СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Роковой весной 1938 года один из нас начал записывать важные сообщения, появившиеся в прессе и отражавшие предположения деятелей разных партий о возможности возникновения новой войны. Очень скоро ведение этих записей стало слишком обременительным занятием. По мере приближения войны мы забросили это занятие. Так или иначе, первая вырезка, теперь уже пожелтевшая от времени, была взята из "Манчестер гардиан" за 8 марта 1938 года. Там рассказывалось о речи, произнесенной накануне в манчестерском ленчклубе мистером Б. Х. Лидл-Гартом. В своем выступлении Лидл-Гарт ссылался на свой двадцатилетний опыт исследования документов первой мировой войны в ту пору, когда правительства и генералы открыли архивы и сердца, чтобы представить собственные действия на суд и рассмотрение других народов.

Проработав в этом направлении двадцать лет, Лидл-Гарт пришел к заключению, что на свете нет ничего более недостоверного и вводящего в заблуждение, чем документы. История, основывающаяся исключительно на документах и донесениях, сродни легенде. Следы многочисленных изъятий из официальных архивов безмолвно свидетельствуют о показаниях, которые были уничтожены, чтобы скрыть то, что

бросает тень на доброе имя командующих. Французы поступали еще умней: военачальник, оберегая жизнь своих солдат, а заодно и свое доброе имя, сочинял приказы на основании несуществующих донесений об атаке, которой никогда не было. Все были одинаково довольны, а документ аккуратно подшивался к делу. Лидл-Гарт заключает:

“Часто я не мог понять, как вообще велась война, если учесть, сколько времени тратили командующие на препарирование ее истории”.

Задолго до Лидл-Гарта с той же проблемой столкнулся и Фукидид, когда он писал историю Пелопоннесской войны. Он убедился, что реляции военачальников отнюдь не всегда соответствуют фактам. Даже очевидцев надо проверять, ибо многие из них “пристрастны к той или иной стороне либо страдают слабой памятью”.

Так вот, когда четыре года назад мы приступили к написанию этой книги, мы были уверены, что обладаем преимуществами перед Лидл-Гартом и Фукидидом. Ведь один из нас сам участвовал в войне в армии Израиля; а другой сотрудничал в газете, пользовавшейся исключительными льготами, дававшими возможность следить за любым боем с наблюдательного пункта батальонного командира или даже главнокомандующего. Таким образом, на первый взгляд казалось, что нам ведомо и известно все.

Последующий опыт воскрешения перипетий войны в Эрец Исраэль по материалам официальных архивов и мемуаров, а также с помощью бесед и бесчисленных интервью развеял многие ходячие представления о характере и ходе этой войны. Мы обнаружили, что даже очевидец события не может дать точного о нем отчета; то, что видишь, вводит зачастую в заблуждение не меньше, чем то, что узнаешь из документа. Пришлось убедиться, что не стоит доверять показаниям многих свидетелей. Оказалось, что в официальных

израильских архивах, в том числе и в секретных пока, много пробелов, а отчеты часто базируются всего лишь на личных впечатлениях. Иные стычки здесь представляли в виде крупных боев, а действительно решающие сражения порой вообще не были описаны или превратились на бумаге в мелкие схватки. Что касается отображения войны в официальных арабских архивах, то оно очень похоже на то, как, по словам Лидл-Гарта, отразилась первая мировая война в архивах Франции: всякое соответствие в них действительным событиям не более чем случайность.

Между тем бои в этой кампании играли во многих отношениях второстепенную роль. Что было в этой войне по-настоящему существенно, так это — столкновение воли обоих лагерей, борьба между штабами, а это почти не отражено в архивах, за исключением личных записных книжек Давида Бен-Гуриона, в то время главы правительства и главнокомандующего.* Реально боевые действия на фронтах имели куда меньше значения в конфликте, чем это вытекает из приукрашенных сводок, изображавших оперативную сторону войны. Эти сводки получали широкую огласку, причем каждая сторона — израильская, арабская и английская — повторяла их на свой лад в соответствии с собственными интересами. Поэтому мы уделили больше внимания именно “воле” соперничающих сторон — воле, которая двигала войсками, принесла победу одной стороне и поражение другой. Если был когда-нибудь “турнир” военачальников, то именно во время кампании в Эрец Исраэль: это была война командующих, командиров и офицеров на местах. Именно они определили исход войны, и кто не знает о существо-

* До 15 мая 1948 г. Бен-Гурион был председателем Еврейского агентства и ответственным за его оборонный отдел. После мая 1948 г. занял пост главы правительства и министра обороны с полномочиями главнокомандующего.

вавших в их рядах стремлениях и противоречиях, тот не в состоянии правильно оценить то, что произошло в Эрец Исраэль в 1948 году.

Поскольку многие из молодого поколения Израиля не могут понять природы этих намерений и противоречий, они допускают ошибку, совершенную до них уже столько раз: оценивают кампанию 1948 года по количеству участвовавших в ней войск, по качеству вооружения, которым эта война велась. Конечно, и то, и другое важно, но в совокупности международных сил, участвовавших в борьбе, это был фактор второстепенный. В тех обстоятельствах неизмеримо большее значение имела воля евреев Эрец Исраэль выжить во что бы то ни стало, в частности — политическое и военное воплощение этой воли в лице Давида Бен-Гуриона, первого главы правительства Израиля, а также политические инструменты еврейского населения, ставшие основой будущей Армии Оборона Израиля: Хагана — оборонный щит и национальная военная секретная сила евреев Эрец Исраэль и Пальмах — отборная ударная часть Хаганы.

Во всяком случае конфликт в Эрец Исраэль в 1948 году рассматривается евреями страны как победоносная война за независимость. В то же время, с точки зрения арабов, то была непоправимая катастрофа, обрушенная на них эгоистичными и бездарными руководителями Великобритании и Соединенных Штатов, а также предательством эгоистичных и бездарных вождей из среды правящих классов арабских стран. Арабы отказываются признать за еврейским населением наличие у него силы воли и воли к борьбе. Лишь редкие голоса в арабском стане, на которые, как правило, не обращали внимания*, призывали понять, что истинные причины поражения арабов более глубоки и коренятся

*Особенно Константин Р. Зурияк в книге "Суть катастрофы" и Мусса Алми в книге "Уроки Палестины".

в самом арабском мире. Это был суровый анализ. "Арабы должны вернуть себе честь и Палестину, — писал Мусса Алми в 1949 году. — Без Палестины нет им жизни. Это понимали наши предки еще в незапамятные времена. Они оказались более мудрыми, чем мы, и когда Европа напала и отняла у них Палестину, они были готовы ради нее на смерть и продолжали сражаться, пока не возвратили ее себе. То же самое и сегодня. Это первый этап долгой войны"*

Зурияк, который впоследствии занял пост проректора в Американском университете в Бейруте, выступал с аналогичными заявлениями. В 1948 году он писал:**

"То, что мы проиграли кампанию, отнюдь не означает, что мы проиграли всю войну или потерпели сокрушительное поражение, от которого нам никогда уже не оправиться. Борьба эта во многих отношениях решающая, ибо от нее зависит становление или уничтожение сионистского государства. В случае нашего поражения и возникновения еврейского государства, мировое еврейство мобилизует свою мощь,** чтобы уберечь его, укрепить и расширить подобно тому, как это было сделано, чтобы основать его".

Для достижения цели — окончательного поражения евреев в Эрец Исраэль — необходимо, по общему мнению Муссы Алми и Зурияка, совершить в арабском обществе полный внутренний переворот. Подготовка арабского общества к этой борьбе возможна только через его всеохватывающее политическое и общественное возрождение. Необходимо положить конец старому режиму; должно создать подлинное арабское единство, дать народным массам свободу, женщине —

*"Уроки Палестины", стр. 386.

**"Суть катастрофы", стр. 7.

*** ..."Мы обязаны признать наличие той ужасной мощи, которой располагает враг и принять ее в расчет, когда мы изучаем наши теперешние проблемы и стараемся их разрешить"

равенство, образование — всем. В этих своих писаниях сразу вслед за кампанией и поражением Мусса Алми и профессор Зурияк ввели в общественный обиход фразу, ставшую общей для каждого арабского публициста, писавшего о войне в Эрец Исраэль. Эта фраза ожила десять лет спустя, когда свою версию о войне опубликовал сэр Джон Глабб. В арабском мире получил хождение опасный миф, приписывающий евреям сплоченное и эффективное командование, “военную подготовку в широких масштабах, оснащенность новейшими видами оружия и тяжелой боевой техникой, сильные и эффективные укрепления” и т. д. То же самое утверждал Зурияк, и то же писали арабские публицисты и руководители, которые рассуждали подобно этим двоим.*

Версия эта в арабском мире все более и более превращалась в общепринятое и утешительное воззрение. С течением времени она укрепилась в сознании арабов и причинила огромный ущерб делу арабской революции и возрождения. В Египте, Сирии, Ираке и Иордании эта версия завела в тупик новые движения, помешав им добиться многого из того, что было в пределах возможного.

Эта версия навязала арабским революциям высосанные из пальца проблемы, и на них-то, да на борьбу с ветряными мельницами ушла вся их творческая энергия. В нашей книге мы постарались вернуться к исходной точке и установить, что же в действительности произошло в войне в Эрец Исраэль. Быть может, арабскому миру 60-х — 70-х годов удастся наконец после дополнительного анализа увидеть истину и перейти к решению насущных задач арабского общества взамен выдуманных проблем. 1948 год показал, что это общество страдает слабостью, недостаточностью

* В частности, президент Насер.

знаний и навыков, неумением действовать соответственно условиям эпохи и потребностям народных масс. По мнению Муссы Алми и Зурияка, эта критика верна и сегодня.

С другой стороны, и израильтяне, как мы это увидим ниже, не были полностью едины и во многих отношениях не были подготовлены к испытанию, которое их ожидало. Мы увидим, что и у них были кризисные ситуации — внутренние, личные, политические и военные, — и мы проследим их возникновение и развитие, даже если кому-нибудь покажется, что от этого несколько меркнет героическая картина первого военного испытания Израиля, как она сложилась в сознании многих. Но ведь померкнет только картина, а не сама историческая действительность. Потому что, невзирая на разногласия и трения, вспыхивавшие даже в самые ответственные часы, было у крепнущего Израиля нечто, начисто отсутствовавшее в лагере арабов: это нечто — “дух Хаганы”. Именно этот дух сделал возможным успех импровизированных военных действий, понимание конкретных условий и подарил израильтянам сплочение, приведшее не только к военным победам, но и давшее им чувство морального превосходства, воодушевлявшее их солдат и командиров. Этот дух Хаганы не принимался вообще в расчет арабскими разведслужбами, и похоже, что они и по сегодня — а с ними и многие израильтяне — склонны недооценивать роль, какую этот дух сыграл в войне 1948 года. Быть может, это наиболее важный урок той войны как для араба, так и для израильтянина, для военного и для политика. Дух этот нашел наиболее конкретное выражение в военной доктрине инициативных действий и в гибкой тактике, разработанной Ицхаком Саде в мае 1946 года. Люди Хаганы, в частности ее командиры, впитали в себя принципы этой науки. Вот откуда ночные бои, проникновение в тыл

противника, умение в ходе рекогносцировки нащупать самое уязвимое место у врага и в итоге взять над ним верх. Однако для победы в войне им потребовалось нечто значительно большее.

Часть первая

ОТСТУПЛЕНИЕ ИМПЕРИИ

Глава первая

КРИЗИС НА ДАУНИНГ-СТРИТЕ

Если проследить этапы существования больших политических конгломератов, то окажется, что многие великие империи — к примеру, Французская, Российская и Китайская — распались из-за внутреннего гнета, коррупции и плохого управления. Но были и другие, которые вошли в полосу политического упадка на гребне культурных достижений, технического прогресса и гражданского равенства. Так было — в разные исторические эпохи — с Римской и Британской империями. И знаменательно, что и Римская, и Британская метрополии в эти периоды своей истории вступили в вооруженный конфликт с еврейским населением Эрец Исраэль.

Римская Палестина возникла в результате поражения евреев в Иудее во время восстания Бар-Кохбы против римского управления (135 г. н. э.). А 1813 лет спустя британская Палестина прекратила свое существование в качестве административной единицы благодаря успешному восстанию евреев. Оба движения носили характер национального восстания против власти империй. Оба вспыхнули из-за обстоятельств, которые для евреев были невыносимыми. Оба произошли в пору политического кризиса некогда могущественных держав.

Однако они отличались друг от друга как тактикой и стратегией, избранными восставшими, так и характером результатов: первое восстание закончилось национальной катастрофой, а второе — восемнадцать столетий спустя — увенчалось успехом, знаменовавшим начало возрождения еврейской государственности.

Великобритания в 1948 году, как и Рим во втором веке н. э., находилась в начале затяжного периода развала. Если бы не это обстоятельство, трудно сказать, дерзнули бы ли вожди евреев как в древности, так и в недавнем прошлом, бросить вызов могущественной империи. В обоих случаях вызов этот имел ограниченную цель — расшатать на земле Израиля власть империи и тем самым привести еврейский народ к политической самостоятельности. В обоих случаях евреи вовсе не стремились к физическому истреблению своего могущественного противника; они хотели только сбросить с себя гнет чужеземного управления, отравлявший их жизнь в Эрец Исраэль. Справедливости ради следует отметить, что восстание Бар-Кохбы было подавлено Римом особенно жестоко, потому что успех восстания поставил бы под угрозу само существование империи. В борьбе же против Великобритании евреи добились победы еще и потому, что англичане не усматривали в еврейском восстании серьезной угрозы интересам империи, поскольку за 3 роковых послевоенных года (1945 — 1948) произошел полный переворот в их взглядах на судьбу и величие Британии и возможность сохранить ее как империю.

Цель этой книги — дать правдивую картину событий, происходивших в Эрец Исраэль, и анализ причин, вызвавших эти события. Ради этой цели мы сознательно избегали уходить в глубь исторических пластов, скрывающих корни хорошо известных взаимоотношений между сионистами, арабами и англичанами. Дело в том, что между 1939 и 1945 годами сионизм претерпел

радикальные изменения. После 1945 года англичане и арабы оказались перед чем-то совершенно непохожим на довоенный сионизм, знакомый им в течение двадцати предшествующих лет. Новый сионизм с его мощным эмоциональным зарядом был следствием катастрофы, постигшей еврейское государство. Его политическая активность определялась срочной необходимостью что-либо предпринять для уцелевших от катастрофы. Тем, кого немцы и их союзники обездолили физически и духовно, сионизм стремился обеспечить возможность нормального существования. Моральное и политическое убежище было необходимо и тем миллионам евреев, которые не жили в странах, где немцы проводили свое "окончательное решение еврейского вопроса". Эти миллионы понимали, что если бы не воля Божья и победа союзников, их постигла бы участь шести миллионов европейских братьев.

Именно эти два обстоятельства, а не "тоска евреев по национальному очагу" придали послевоенному сионизму его характерные черты.

Европейская катастрофа — вот что превратило эти чаяния, возвышенные и эмоциональные, но абстрактные и пассивные в политическом смысле, в неудержимую движущую силу. И она же придала этой силе бесспорное нравственное обоснование, на которое нееврейский мир не имел и не нашел сколько-нибудь вразумительных возражений.

Однако для английского лейбористского правительства в начале 1947 года это была не только абстрактная нравственная проблема. Она касалась 100 тысяч британских военнослужащих в Палестине, еще 200 тысяч, дислоцированных на Ближнем Востоке, и многих других, находившихся в побежденных странах — Германии, Австрии и Италии. Эти войска, весьма отдаленные друг от друга территориально, были все одинаково

причастны к борьбе с движением "хамаапилим" ("дерзновенные"), стремящимися в Эрец Исраэль.

Конфликт в Эрец Исраэль в начале 1947 года принес немало тревог и хлопот почти полмиллиону английских солдат на трех континентах. Но лейбористское правительство в Уайтхолле не могло рассматривать ситуацию в Эрец Исраэль изолированно от остальных проблем, до предела обострившихся зимой 1947 года, — проблем, подобных которым не знало ни одно британское правительство мирного времени.

В Египте, Сирии и Трансиордании разразились правительственные кризисы, приведшие к власти новые кабинеты. Новое египетское правительство во главе с Нукраши-пашой отказалось от проекта договора с Британией, по поводу которого вел переговоры прежний премьер-министр Исмаил Цидки-паша. В Эрец Исраэль люди из Национальной военной организации (Эцель) высекли английского майора и пять сержантов в отместку за порку юноши-еврея. Но подобные инциденты казались мелкими неприятностями на фоне потрясений, происходивших в результате второй мировой войны: Великобритания была на пороге глубокого экономического кризиса. Ощущалась острая нужда в сырье, топливе, продовольствии, рабочей силе; из-за недостатка угля начали закрываться заводы. И в это время на экономику Великобритании обрушился свой удар стихия: в течение февраля не было ни одного солнечного дня.

3 февраля закрылись автомобильные заводы Остина и многие другие предприятия; на другой день прекратила работу шоколадная фабрика в Кедберри, а 6 февраля в результате метели целые районы Северной Англии оказались отрезанными от центра страны. Было опубликовано заявление, что под угрозой поставлено снабжение продовольствием и молоком, из магазинов исчез картофель. 7 февраля было объявлено, что

запасы продовольствия "значительно сократились". В Южной Англии была резко ограничена подача электроэнергии.

2 февраля посол США в Афинах заявил о распространившихся слухах о том, что англичане намерены вывести из Греции свои войска.

Эти обстоятельства оказали, конечно, влияние на решение английского правительства об Эрец Исраэль. Глава министерства иностранных дел Великобритании объявил "свое последнее слово" делегации Еврейского агентства как раз в тот момент, когда здание министерства погрузилось в темноту из-за перебоев в подаче электроэнергии. Согласно британскому плану, Палестина будет находиться под патронажем Британии в течение четырех лет, после чего получит независимость, если евреи и арабы сумеют достичь договоренности по этому вопросу. В первые два года в страну впустят сто тысяч евреев. Позднее, в соответствии с "экономическими возможностями абсорбции", верховный комиссар установит численную норму для еврейских иммигрантов. "Если соглашение не будет достигнуто, — сказал Эрнест Бевин, — правительство Ее Величества передаст всю палестинскую проблему на рассмотрение Организации Объединенных Наций". Атмосфера во время заседания была весьма натянутая, и грубоватая шутка Бевина о том, что в освещении нет нужды, поскольку в помещении находятся израильтяне*, еще более усилила напряженность:

После этой встречи Бен-Гурион и Шерток (Шарет) не поскупились на резкие слова по поводу проявленного Бевинот отсутствия такта и воспитанности. Нервы у англичан и у евреев были напряжены до предела. И

* По-английски конец слова *israelites* (израэлайтс) — израильтяне — созвучен слову *lights* (лайтс) — огни, свет.

действительно, причин для этого вполне хватало у тех и у других.

Три дня спустя евреи и арабы заявили министру иностранных дел, что они не могут принять его "окончательные" предложения. На этом переговоры с англичанами закончились. Однако было неясно, какие последствия повлечет за собой отказ от английских предложений. На фоне разбушевавшейся стихии и внутренних бедствий эта неопределенность выглядела особенно тревожной.

Освещение и отопление были урезаны до минимума, поезда ходили с перебоями, промышленность была почти парализована, число безработных перевалило за миллион, под угрозой находилось снабжение продовольствием.

И в это время, снова при свечах, было созвано заседание кабинета министров, дабы принять решение о будущем Палестины, Индии и Греции (решение о Бирме было уже принято 28 января) в рамках государственных обязательств Великобритании. Последующие три дня изменили весь ход британской истории.

Юридические советники министерства иностранных дел пришли к заключению, что, по условиям мандата на Палестину, у правительства Великобритании нет никаких полномочий ни на передачу страны евреям или арабам, ни на ее разделение между ними. В противовес главе правительства, Бевин был убежден, что англичане не могут себе позволить уйти с Ближнего Востока; британские экономические интересы (на его языке: "Конверты с зарплатой рабочих") слишком зависят от этого района, чтобы с легкостью с ним расстаться. Поэтому он обрадовался последнему решению министерства иностранных дел, благодаря которому ему не составляло никакого труда убедить кабинет снять с повестки дня предложение о новом разделе, сформулированном министром по делам колоний Ар-

туром Крич-Джонсом. Члены кабинета — как сторонники сионизма, так и его противники — тоже очень обрадовались возможности ухватиться за эту юридическую зацепку и тем самым уклониться от немедленного решения. Было ясно, что, по мнению всех членов кабинета, только Организация Объединенных Наций может теперь предложить урегулирование проблемы Палестины. Во вторник 18 февраля 1947 года Бевин объявил парламенту, что решено передать палестинский вопрос в ООН.

Заявление Бевина в парламенте было одним из его самых бессердечных поступков. Он осудил старания президента Трумэна* как бессмысленное вмешательство и выступил против излишней поспешности в принятии решения. "После 2000-летнего конфликта еще двенадцать месяцев не могут считаться большой проволочкой", — сказал Бевин в парламенте. Речь его была принята с горечью, но решение вернуть мандат понравилось. Позднее президент Трумэн охарактеризовал выступление Бевина как "равнодушие к страданиям людей". Такой же была реакция на выступление Бевина среди евреев.

Во всяком случае Бевин в тот день предстал перед парламентом как гневный, разочарованный человек, который полагает, что ему, единственному из всего кабинета, понятно, что означает для Британского содружества наций решение передать проблему Эрец Исраэль в ООН, особенно, когда это делается одновременно с двумя другими отходами с территорий, веками принадлежащих Британской короне. Начало ухода из Индии и Греции предстояло на той же неделе. Если бы можно было выбирать, он предпочел бы скорее

* В 1946 г. президент США послал своего личного представителя в лагерь беженцев в Германии и Австрии, а затем отправил письмо главе правительства Эттли, убеждая его впустить в Палестину 100 000 иммигрантов.

отказаться от британских позиций в Греции, нежели в Палестине.

Тут Бевин был в одиночестве, причем на сей раз главным его противником оказался не Бьюэн и даже не Моррисон, так часто бывавший его оппонентом, а сам премьер. Эттли решительно отказался признать, что заинтересованность Англии в Ближнем Востоке столь велика, чтобы держать там войска и оказывать прямое влияние на этот район. Именно Эттли настойчиво и непрерывно требовал вывести английских солдат и ликвидировать там прямой английский надзор. Глава правительства отверг доводы начальников штабов против быстрого ухода и отвел политические и экономические возражения Бевина. Эттли стремился к уходу из Эрец Исраэль без всяких дополнительных осложнений и получил поддержку своего кабинета.

Решение это не было одиночным. Спустя два дня после того как Бевин сообщил парламенту, что ответственность за судьбу Палестины будет передана Организации Объединенных Наций, в палате общин выступил Эттли и заявил (в четверг 20 февраля), что правительство намеревается передать власть в Индии "в ответственные индийские руки" не позднее июня 1948 года. С мнением военных относительно сроков ухода снова не посчитались; похоже, что быстрота была у Эттли решающим соображением.

Не успел мир осознать значение этого важного шага, как меньше чем через сутки (к вечеру 21 февраля) английский посол в Вашингтоне явился к государственному секретарю США генералу Маршаллу, имея при себе срочное послание из Лондона от министра иностранных дел. Маршалла он не застал. Копия документа была передана Дину Ачесону, а оригинал вручили на следующий день. Суть послания была проста и ясна: до 30 апреля английское правительство будет вынуждено отказаться от своих военных и денежных обязательств

в Греции. Итак, всего за семьдесят два часа той холодной февральской недели лейбористское правительство передало судьбу Эрец Исраэль Организации Объединенных Наций, свою власть в Индии — "в ответственные индийские руки", а свои обязательства по отношению к Греции — Соединенным Штатам. В тот день запасов угля на Британских островах оставалось на две недели, а количество безработных приблизилось к двум миллионам.

Таковы были обстоятельства, при которых английское правительство отказалось от мандата на Палестину; то была часть добровольного отказа от власти, равного которому не знала история империй нового времени. Но в отличие от ухода из Греции или Индии передача палестинской проблемы Объединенным Нациям оказалась лишь прологом, а не финалом. Тем временем в английском министерстве иностранных дел начала укореняться мысль, что уход британцев из Палестины не обязательно непоправимая катастрофа; того же мнения придерживался и начальник генерального штаба фельдмаршал Монтгомери.

Еще в октябре 1946 года в британском министерстве обороны состоялось совещание на тему о различных стратегических возможностях в районе Средиземного моря. Пресс-атташе министерства сказал о совещании следующее:

Генеральный штаб предложил ликвидировать центры управления и снабжения в восточной части Средиземного моря — преимущественно в Палестине — и перевести их в африканские колонии Кению и Танганьики. Эта рекомендация учитывает продолжение существования авангардных оперативных баз, пока это будет возможно, в таких странах, как Судан, Палестина, Трансиордания и Ирак.

В своих мемуарах Монтгомери поразительно избегает какого бы то ни было упоминания об этом стратеги-

ческом эпизоде, и это, впрочем, далеко не единственный пробел в его описании своей политики по отношению к Палестине, как мы это еще увидим.

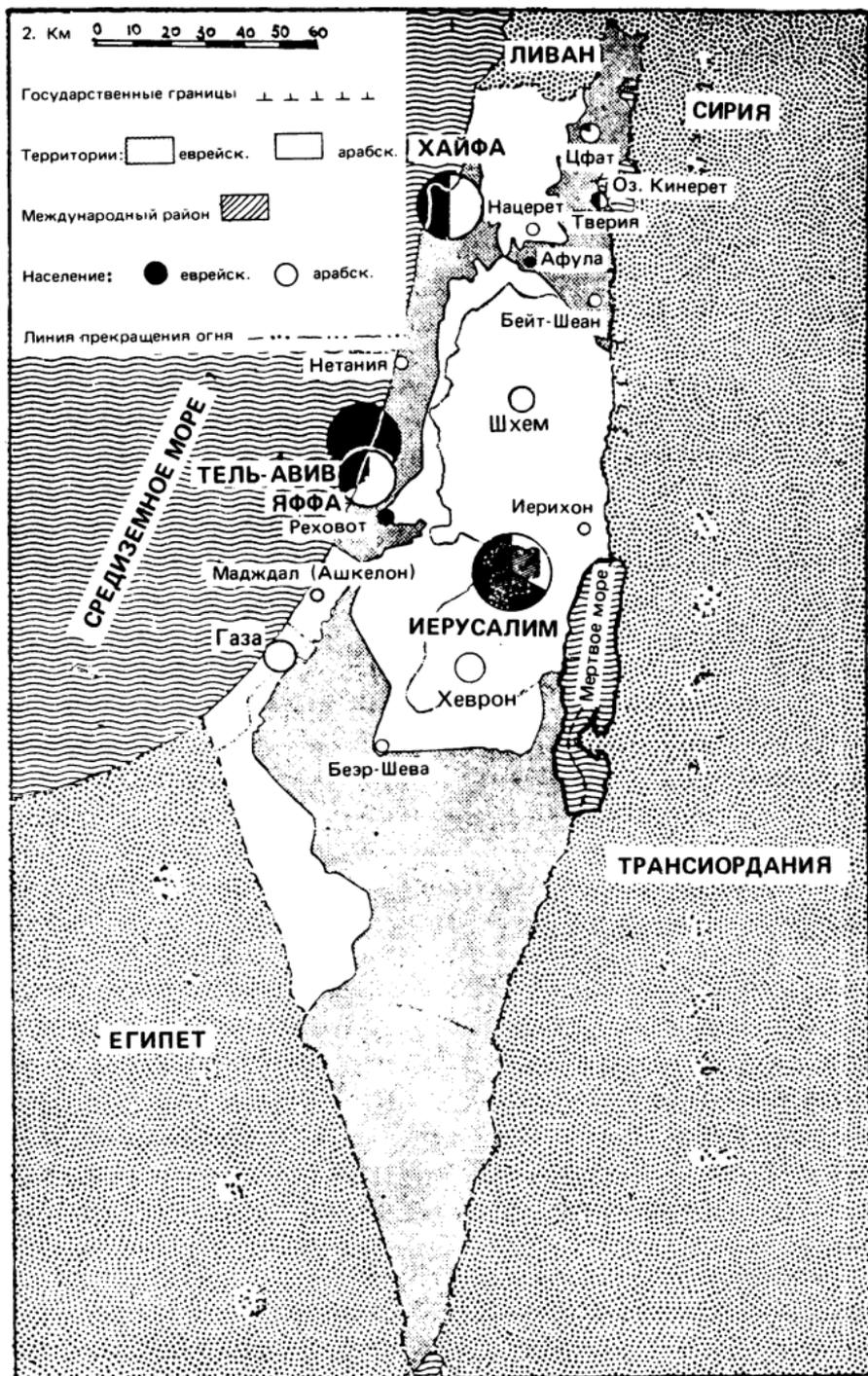
Во всяком случае из Вашингтона не последовало никакого отклика на эти оптимистические прогнозы о последствиях британского решения покинуть этот район. На завтраке членов американского правительства 24 февраля 1947 года генерал Маршалл передал, что англичане сообщили ему о невозможности оказывать дальнейшую финансовую и военную помощь Турции и Греции, и добавил, что, по его мнению, это означает отказ от Ближнего Востока. Не таким, однако, было мнение британского правительства; мнение Маршалла разделял, быть может, только Эрнест Бевин.

Тем не менее лейбористское правительство продолжало действовать, не подозревая, по-видимому, в какой кризис оно впутывается. Оно могло позволить себе пренебречь ответственностью за судьбу Индии или Греции, но в Палестине и на всем Ближнем Востоке обстановка была значительно сложнее, потому что здесь не было никого, кто хотел бы или был бы в состоянии взять на себя ответственность за этот район.

Здесь все еще находились 100 тысяч британских солдат и британская администрация. Они, а отнюдь не Объединенные Нации, продолжали управлять страной, и руль управления Палестиной, по-прежнему оставался на Даунинг-стрите.

Теперь, однако, лейбористское правительство обнаружило, к своему неудовольствию, что чем больше оно старается освободиться от своих политических обязательств по отношению к Эрец Исраэль в международном плане, тем безнадежнее запутывается его администрация в местных конфликтах на территории этой страны.

Это противоречие явилось следствием нежелания и неспособности английского правительства выработать

Карта № 1. Границы раздела по решению Совета Безопасности ООН от 29.XI.1947 г.

однозначную политику для этого района, при его последовательной тенденции взвалить на военные власти решение всех ответственных вопросов в этом районе и это в то время, когда отношения между евреями и англичанами в Эрец Исраэль окончательно испортились. Евреи возненавидели англичан за высылки "нелегальных иммигрантов" на Кипр; англичане преследовали евреев за действия Эцеля и Лехи (Лохамей херут Исраэль — Борцы за свободу Израиля)

Как совмещало английское правительство свои политические цели с военными? Получение точного ответа на этот вопрос является одной из самых трудных задач нашего исследования и, возможно, самой важной. Позиция правительства Великобритании по отношению к усиливающемуся кризису на Ближнем Востоке — как она проявлялась в то время, а не как описывалась потом в стремлении задним числом логически все обосновать, — эта позиция больше повлияла на будущее Эрец Исраэль и на поведение англичан на Ближнем Востоке, чем любой другой фактор.

Воссоздавая тогдашнюю ситуацию, мы старались заручиться, насколько возможно, устными и письменными свидетельствами того времени. Это нам удалось: мы установили контакты со многими членами лейбористского правительства, находившегося у власти в описываемое время, и взяли интервью почти у всех, кто имел хоть какое-нибудь отношение к выработке и осуществлению его политики. Полученная таким путем картина зачастую противоречива. Это естественно и понятно: то, что хранит память члена кабинета, для которого Палестина была лишь одним из пунктов перенасыщенной повестки дня, предметом десятиминутного обсуждения, откладываемого затем до следующего раза, отличается от воспоминаний чиновника и военного, служивших на месте описываемых событий

и отдававших им все свое время в течение многих утомительных месяцев.

Чтобы понять, с какими трудностями приходилось сталкиваться в Уайтхолле при выработке политики Англии в отношении Эрец Исраэль, необходимо помнить о многих обстоятельствах, в которых вынуждено было действовать британское правительство. Оно столкнулось с необходимостью управлять ходом событий, возникновение которых не могли предвидеть прежние лейбористские программы, и поэтому советники правительства не имели готовой теории, которой они могли бы руководствоваться в практической деятельности.

Едва выбравшись из кризиса, вызванного стихийными бедствиями, английское правительство в своей политической деятельности столкнулось с угрозой экономической гибели Европы и фактом политического поглощения Восточной Европы Советским Союзом.

Планы "осторожной передачи власти в Индии", подготовленные лейбористами, провалились. Вместо поэтапного и безболезненного перехода управления от англичан к индусам и пакистанцам — перехода, которому надлежало завершиться в июне 1948 года, — начались распри между буддистами и мусульманами, и началась миграция беженцев, сопровождавшаяся массовой резней в масштабах, неслыханных даже на Востоке.

Британский кабинет в начале лета 1947 года был вынужден как-то справляться с трудностями, к которым он совсем не был подготовлен. В Индии надо было ускорить раздел почти на год, дабы уменьшить человеческие жертвы и размеры хаоса.

Как это часто бывает в политике, лейбористское правительство старалось представить то, к чему его вынуждали обстоятельства, как благородные деяния. Индия, Бирма, Египет, Греция и Палестина получили

возможность определять свое будущее, потому что иначе лейбористскому правительству было не справиться с внутренними и международными трудностями. Никаких специфических трудностей не встретили англичане при уходе из Индии, Бирмы или Греции, хотя в некоторых странах после ухода англичан были и потрясения, и массовая гибель людей.

По-другому, однако, обстояло дело в Палестине, где, казалось бы, передача власти должна была произойти гораздо менее болезненно, чем в Индии. Но британская политика в Палестине была нередкостью непоследовательной: с одной стороны, англичане рассчитывали вывести из страны войска и администрацию, твердо решив не ослаблять своей властной хватки вплоть до последней минуты, с другой стороны — были сомнения и разногласия по поводу действительного намерения Великобритании уйти из страны.

И сверх всего, выработка британской позиции была окрашена еще и личными чувствами членов кабинета, граничившими с ненавистью к евреям в Палестине и их сторонникам. Это личное отношение к проблеме усугубляло и без того большие политические затруднения.

Лейбористские министры не имели эмоционально окрашенного отношения к политике в Индии, Бирме или Греции. Не так обстояло дело с Палестиной. Многие члены кабинета с воодушевлением поддерживали сионизм в годы, предшествовавшие их назначению министрами. Другие в прошлом являлись такими же страстными его противниками или нейтралистами. Но почти каждый из них был экстремистом. Моррисон, Гринвуд, Дультон, Дживит, Крич-Джонс, Бьюэн и Вильямс поддерживали сионизм; Бевин, Александер и Криппс были его противниками; большинство же нейтралистов, в том числе Эттли, Эдисон и Шинуэлл, обыкновенно оказывали поддержку противникам сию-

низма. Однако теперь, когда ситуация в Палестине стала критической, в кабинете не было никакого действенного сопротивления политике, которую рекомендовал министр иностранных дел.

Политика Бевина заключалась в передаче проблемы на усмотрение Объединенных Наций, при этом он исходил из твердой убежденности, что Объединенным Нациям не удастся прийти к какому-либо соглашению по этому вопросу. Если же соглашение и состоится, то все равно ООН обратится к Великобритании с просьбой оставаться в Палестине, чтобы провести в жизнь это согласованное решение.

Все министры считали, что такая политика — единственно возможный путь для правительства, осуществляющего уход Англии с заморских территорий.* В жестокости террористических нападений на английских солдат и упрямой позиции еврейских руководителей по отношению к любому компромиссу министры видели оправдание своей жесткой антиссионистской политики. Однако ошибочно в этой связи полагать, будто линия кабинета была проарабской или антиизраильской. Эта политика так далеко никогда не заходила, являясь в большинстве случаев лишь плодом скороспелых прагматических решений.

Политика по отношению к этому району определялась разными инстанциями и зачастую была противоречивой. В то время когда британское правительство заявило Организации Объединенных Наций о своем намерении передать ей ответственность за судьбу мандата на Палестину, начальник имперского генерального штаба фельдмаршал Монтгомери оказывал давление на правительство в Лондоне, требуя ввести в Эрец Израэль суровый военный режим, чтобы сломить подполь-

* В своих мемуарах фельдмаршал Монтгомери отмечает, что этот поворот в настроении кабинета наблюдался летом 1947 года.

ные организации евреев — террористические группировки и Хагану*. Однако военные и гражданские власти на местах воспротивились этому. В марте 1947 года верховный комиссар сэра Алан Канингем и начальник штаба в Палестине генерал Гордон Макмиллан были вызваны в Лондон для дополнительных консультаций. В Лондоне обоих генералов пригласили на заседание кабинета на Даунинг-стрите.

Они явились и были введены в приемную, получили копию повестки дня заседания кабинета, и им предложили подождать. К своему удивлению, они обнаружили, что палестинский вопрос, по-видимому, не является актуальным и стоит четвертым пунктом, между подготовкой к Олимпийским играм и поправками к закону о национальном здравоохранении. На самом деле ничего удивительного в этом не было, поскольку министр иностранных дел и его советники все еще не были уверены, что решение об уходе из Эрец Исраэль — окончательное. Наоборот, все они были убеждены, что их прогноз дальнейшего развития событий верный и что Объединенные Нации будут вынуждены просить британское правительство продолжать оставаться в стране, для обеспечения законности и порядка. В министерстве колоний, ведавшем в течение всех лет мандата палестинскими делами, также не могли в силу привычки согласиться с заменой налаженного мандатного управления полным хаосом, который возник бы, по их мнению, в случае ухода англичан. И в военном министерстве фельдмаршал Монтгомери сомневался в целесообразности ухода из Эрец Исраэль.

* Монтгомери в своих мемуарах изображает этот период неточно и старается убедить, будто он был в числе противников установления военного режима, однако документы доказывают, что он был во главе тех, кто рекомендовал применение военных мер, в том числе военный режим.

Такая двойственность британской политики стала притчей во языцех в Объединенных Нациях и в самой Британии. 2 апреля 1947 года британское правительство обратилось к генеральному секретарю ООН, прося его созвать специальную сессию Генеральной Ассамблеи, чтобы обсудить судьбу мандата. По мнению министра иностранных дел, в этой просьбе не подразумевалась передача ответственности за мандат Организации Объединенных Наций. Даже через шесть недель, 29 мая, Бевин заявил на ежегодной конференции лейбористов, что обращение в Организацию ООН — в основном условное. Бевин заверил участников конференции, что он не согласится с решением палестинской проблемы, если оно не будет единогласным. Единственное, что казалось несомненным в этой запутанной ситуации, так это то, что единогласное решение никогда не будет достигнуто. Особая сессия Генеральной Ассамблеи, созванная по просьбе английского правительства в апреле, назначила следственную комиссию для разбора этой проблемы.

Однако летние события привели к переоценке положения. Усиливающееся напряжение в Эрец Исраэль, растущее давление так называемой нелегальной алии и поднятая ею буря в общественном мнении Соединенных Штатов,* твердая решимость Эттли уйти из Эрец

* Алия, именуемая "нелегальной", была одним из видов высоконравственного и впечатляющего оружия, имевшегося у евреев. История беженцев, узников нацистских концлагерей, гонимых от берегов Эрец Исраэль военными судами Королевского флота, вызвала возмущение мирового общественного мнения и более всего в Соединенных Штатах. Возмущение американцев росло и привело к открытому осуждению британской политики, когда английские власти в июле 1947 года решили выслать назад в Европу 4500 олим, прибывших на корабле "Эксодус". Трехчасовая схватка на палубе корабля, за которой последовала затяжная драма возврата "хамапилим" ("дерзновенных") в Германию силой, вызвала волну антибританских настроений в Соединенных Штатах и Франции.

Израэль, быстрое развитие событий в Индии — все это в конце концов убедило Бевина и министерство иностранных дел в том, что альтернативы уходу больше не существует. Осознание этого факта было переведено на язык политики в августе 1947 года и с этого момента осуществлялось с упорством, удивлявшим американскую администрацию и Еврейское агентство.

И все-таки английская политика оставалась двуличной. Министерство иностранных дел, в особенности Бевин и его советник по делам Палестины Гарольд Били, добиваясь ухода, рассчитывали на то, что евреи или арабы, либо обе стороны вместе попросят англичан не уходить, чтобы спасти страну от хаоса.

Но одно дело решиться на уход, а другое — осуществить его политически так, чтобы обеспечить на будущее английские интересы в Эрец Израэль и соседних странах. И снова британский кабинет продемонстрировал свою ограниченность. Единогласно приняв решение об уходе и передаче ответственности Объединенным Нациям, он устранился от какого бы то ни было участия в разрешении могущих возникнуть конфликтов. Более того, кабинет решил, что не возьмет на себя в Объединенных Нациях никакой инициативы и не поддержит никакого решения ООН своими войсками в Палестине, если оно не будет единогласно утверждено и принято как евреями, так и арабами. А поскольку такого в прошлом не бывало и ясно было, что не случится и в будущем, решение кабинета означало полный отказ от ответственности за последующее развитие событий в Эрец Израэль.

Нам не известно ни одно обсуждение политики в британском кабинете во время ухода и после него, которое не было бы увиливанием от всякой ответственности. В течение всего 1947 года проблема Эрец Израэль обсуждалась лишь мимоходом. Решение об уходе было согласовано с большинством членов каби-

нета весной; принято оно было министром иностранных дел летом — и отныне кабинет мог уже ни о чем не заботиться. Все остальное являлось чисто административным делом, и только; его можно было предоставить министерству иностранных дел, военному министерству, мандатной администрации и войскам; таково было царившее в правительстве настроение.

Теперь перейдем к положению дел на территории Эрец Исраэль. Поскольку проблема все более и более становилась проблемой военной, ответственность за повседневное управление все в большей мере ложилась на плечи военных в Эрец Исраэль, в Египте и на всем Ближнем Востоке. К нашему счастью, они менее других страдали нерешительностью. Посмотрим, как оценивали ситуацию летом 1947 года люди, которым приходилось проводить политику лейбористского правительства на практике.

За летние месяцы положение заметно изменилось. Организация Объединенных Наций учредила особую комиссию из представителей одиннадцати стран для изучения палестинской проблемы. 31 августа предложения этой комиссии были опубликованы. Комиссия рекомендовала как можно скорее прекратить действие мандата и провести раздел страны на два независимых государства — еврейское и арабское — с введением международного статуса для Иерусалима. Еврейское государство должно было включать Негев, прибрежную полосу от Ашдода до Акко,* долину Изреэль и восточную Галилею; арабы получали западную и центральную Галилею, Самарию и Иудею, а также прибрежную полосу на юге от Ашдода до египетской границы. Евреи одобрили это решение, арабы же и англичане его отвергли.

*Однако сами эти два города включались в арабское государство.

23 сентября министр по делам колоний Крич-Джонс сказал, что английское правительство постановило разработать программу эвакуации войск и британской администрации из этого района. Одновременно он заявил, что, если решение комиссии не будет принято и евреями, и арабами (тогда было уже вполне ясно, что план не будет принят), англичане сочтут невозможным содействовать выполнению ее рекомендаций. Согласно этим рекомендациям еврейское и арабское государства должны были быть основаны после двухгодичного переходного периода. В этот промежуточный срок Англии предлагалось продолжать осуществление власти в стране под покровительством ООН, а также разрешить 150 000 евреям-олим прибыть в ту часть страны, которая была выделена еврейскому государству.*

Заявление Крич-Джонса и британская реакция в целом на предложение о разделе не оставляли места для сомнений, что англичане собираются уйти из Эрец Исраэль как можно скорее, не сделав при этом ничего для осуществления решения Организации Объединенных Наций о разделе. Таким образом, создалось совершенно новое положение. Похоже, однако, что члены кабинета и даже главы штабов не имели всесторонней оценки этой новой ситуации; своим подчиненным в Эрец Исраэль они даже и не намекнули, в чем заключаются цели правительственной политики, если не считать указаний о военных и административных мерах, связанных с безопасностью войск, уходящих из Эрец

* Эти рекомендации содержались в отчете большинства в комиссии, поддержанном представителями Канады, Чехословакии, Гватемалы, Голландии, Перу, Швеции и Уругвая. Отчет меньшинства, предлагавший кантонизацию с федеральным правительством, был внесен представителями Ирана, Индии и Югославии. Одиннадцатый член комиссии, представитель Австрии, воздержался от поддержки какого-либо из предложений.

Израэль. Начальника британского штаба в Египте, в связи с эвакуацией из Эрец Израэль, обязали добиться от египетских властей согласия на весьма значительное увеличение английских сил, дислоцированных в районе Суэцкого канала. В то же время ему ни слова не сказали о более широких целях, которые, возможно, имелись у правительства.

Камнем преткновения для гражданских и военных властей на Ближнем Востоке стала неосведомленность о конечных целях политики английского правительства. Контакт между британским посольством в Каире и главным командованием был не более чем светским. Командующие войсками в Египте не знали оценки положения и не располагали той специальной информацией, которой пользовался советник посольства по арабским делам генерал И. Н. Клейтон. Военные относились к Клейтону в высшей степени подозрительно, хотя он был главным поставщиком информации об арабских делах для министерства иностранных дел в Лондоне. Клейтон, так считали военные, "отуземился", и нельзя полагаться на его объективность. Но все это были лишь симптомы куда более серьезной болезни. С точки зрения людей на местах, политика не имела стержня, и, что еще хуже, — отсутствовало единое централизованное руководство. На Ближнем Востоке не было человека, который имел бы полномочия принять политическое решение. Таких прав не имел ни верховный комиссар в Иерусалиме, ни командующие войсками в Палестине или Египте. Каждое требование принять решение кочевало из инстанции в инстанцию, пока в конечном счете не возвращалось в Лондон к начальникам штабов: Монтгомери, Теддеру, Канингему. Но и они оставляли важнейшие решения на усмотрение правительства.

Деловая атмосфера в кабинете министров определялась характером премьера: Эттли до тех пор задержи-

вал и откладывал принятие важнейших решений, пока сами события не навязывали линию практических действий. В то же время он проявлял твердость во второстепенных делах, что подчеркивало его неспособность принимать политические решения. Так, например, он упорно настаивал на ускорении эвакуации вооруженных сил из Эрец Исраэль и из Индии, не соглашаясь со сроками, которых требовали военные и даже Бевин. В конце концов Эттли взял верх, однако ценой человеческих потерь и вредных политических последствий от слишком поспешного ухода. В то время его поведение поддерживало легенду, будто глава лейбористского правительства крут с военными и твердо стоит на своем. Военные сделали свои выводы о деловых качествах правительства и о его склонности властвовать и править в те критические дни.

Такое мнение еще более укрепилось, так как все понимали, что никто в кабинете не компетентен и не располагает политической и военной информацией из первоисточников. Военные очень быстро убедились, что правительство зависит от советников не меньше, чем от начальников штабов. Многие военные, независимо от их проарабских или просионистских симпатий не доверяли советникам министерства иностранных дел и министерства колоний. В течение того года командующие на Ближнем Востоке успели понять, что Эттли заинтересован в том, чтобы любой ценой предотвратить столкновение с Соединенными Штатами по вопросу об Эрец Исраэль.* Отсюда его стремление бесконечно откладывать принятие окончательных решений. Другое дело Бевин, известный своей склонностью поддержи-

* Правительство Соединенных Штатов продолжало пока недвусмысленно поддерживать рекомендации англо-американской следственной комиссии, содержащиеся в ее отчете, опубликованном в мае 1946 г. Главная рекомендация заключалась в разрешении на въезд 100 000 олим в Эрец Исраэль в течение двух лет.

вать позиции арабов. Однако и он не заходил в этой склонности так далеко, чтобы принимать ответственные решения.

Так принятие решения передавалось от одного к другому, пока не попадало в кабинет, выталкивалось оттуда в обратный путь, к тем, кто уже раньше от него уклонялся. Полномочия и ответственность за проведение недеklarированной и, по-видимому, даже не существующей фактически политической программы, оставались в руках чиновников и военных в Эрец Исраэль и других местах Ближнего Востока. Поскольку у них отсутствовали ясные или хотя бы даже завуалированные указания, оставался широкий простор для произвольного толкования правительственной политики.

Многие военные, особенно в Эрец Исраэль, уже прониклись враждебными чувствами к евреям за поддержку и оправдание актов террора против англичан. Военные знали, что их взгляды и мнения в большой степени разделяются министром иностранных дел.

Поэтому неудивительно, что, приступая к проведению в жизнь того, что только и было ясно в английской политике — к эвакуации из Эрец Исраэль, — они имели свое мнение по поводу того, как это выполнить, не создавая трений с правительством в Лондоне и одновременно действуя в угоду своему пристрастию. Среди военных и высших чинов командования господствовали проарабские тенденции, которые не могли не сказаться в практической деятельности. Не стоит, однако, возлагать вину только на людей на местах: решающие полномочия находились в руках кабинета министров, но он не воспользовался ими. Безответственно уклоняясь от принятия решений и выработки указаний, правительство продемонстрировало перед военными свое нежелание руководить событиями.

Это не случайное и не личное мнение. Насколько можно судить, таково было мнение всех военных в районе, обязанных проводить по долгу службы английскую политику на Ближнем Востоке. Военачальники не щадили и министерство иностранных дел. По уставу оно не несло непосредственной ответственности за выполнение политики в Эрец Исраэль — эта территория пока еще находилась в компетенции министерства колоний; тем не менее в политике чувствовалась сильная личность министра иностранных дел Эрнеста Бевина. Какой бы ни была английская политика в Вашингтоне и в Каире, военным в Эрец Исраэль и в Египте не говорили об этом ничего. У министерства иностранных дел, возможно, были свои цели и свои пути для их достижения. Местные дипломаты не посвящали в эти сложности командиров войск на местах. Военачальники все в большей степени склонялись к тому, чтобы держаться подальше от высокой политики: и так уже были трения между Монтгомери и министерствами иностранных дел и колоний.

В своих "Мемуарах" (глава 29) фельдмаршал Монтгомери описывает характер и развитие разногласий, однако подробности, которые он приводит, и расставляемые им акценты вряд ли приняли бы без возражений в министерстве иностранных дел или колоний. Полномочия Крич-Джонса были ограничены правом вето, принадлежавшим Бевину. Трудно согласовать политику "твердой руки", предложенную Монтгомери, получавшую нечеткую и уклончивую поддержку Эттли и Бевина, и политику более гибкую, которую предлагал Крич-Джонс и временами поддерживали Герберт Моррисон и Артур Гринвуд.

Итак, военные все более склонялись к тому, чтобы не отягощать себя чужими заботами: их дело — эвакуироваться без осложнений и долгих размышлений по поводу морально-политических результатов такого хо-

да событий. Поэтому они, не вникая, принимали указания и предоставляли гражданским властям и политикам разбираться в политических последствиях.

Но чем серьезнее эти последствия становились, тем меньше внимания уделялось военным на местах. Командиры не получали никаких инструкций о намерениях британского правительства. Они не знали того, что известно было правительству о намерениях арабов. Военные действовали или под влиянием собственных симпатий, или просто по своему усмотрению в условиях полной неопределенности.

Местные власти несли ответственность перед министерством колоний во главе с Артуром Крич-Джонсом; министерство колоний и шагу не ступало без санкции министерства иностранных дел во главе с Эрнестом Бевиним; Бевин ничего не делал, не посоветовавшись с командующими войсками — Монтгомери, Теддером и Канингемом, но последние отказывались брать на себя ответственность, которая, по их мнению, лежала на кабинете. В то же время кабинет уклонялся от принятия решений и предоставлял командующим, министерству иностранных дел, министерству колоний и их чиновникам на местах толковать по своему усмотрению эту ситуацию и вести практическую политику. Это, по словам одного лица, занимавшего ключевой пост в проведении вышеуказанной практической политики, и является подлинным объяснением якобы макиавеллиевского коварства британской политики в Эрец Исраэль в месяцы, предшествовавшие эвакуации из страны. Так что на самом деле это была мешанина из невежества, нерешительности и местных антиеврейских предубеждений, подогреваемых всем известной предвзятостью министра иностранных дел.

Возвращаясь теперь в Лондон, мы должны вспомнить, что в августе 1947 года Бевин и остальные члены кабинета единодушно считали, что Англия должна уйти

из Эрец Исраэль. Однако подробности, которые мы узнали от главных советников Бевина и их коллег в министерстве колоний, проливают свет на отношение правительства к проблеме ликвидации британской власти в Эрец Исраэль. Эта сторона дела, по-видимому, не заботила Бевина и не тревожила Эттли. Никто из них не задумывался над возможными последствиями ухода англичан. Их главной заботой было уйти со всей возможной быстротой и с наименьшими осложнениями. Во время поверхностного обсуждения, проведенного кабинетом, было выдвинуто несколько гипотез, и Крич-Джонс выразил свое мнение, что войны не будет. Не так считал Бевин. Он полагал, что не обойдется без местных инцидентов и что результаты этих стычек не принесут ущерба арабам.

Такое убеждение министра иностранных дел, разделяемое его советниками и главой правительства, придало определенную окраску проведению повседневной английской политики в Эрец Исраэль, а также позиции Англии в Объединенных Нациях. Предположение, будто Соединенные Штаты и Еврейское агентство смотрят на политику Англии сквозь пальцы, все более и более укоренялось. Уход британцев будет сопровождаться незначительными военными действиями, и географические контуры Эрец Исраэль определятся на поле боя, а не на специальной сессии ООН в Нью-Йорке. Поскольку и арабские руководители склонялись к тому же мнению, образовался почти естественный британско-арабский блок в Объединенных Нациях, а также и в Эрец Исраэль, где командующие войсками волею-неволею были вынуждены догадываться, чего ждет от них правительство в Лондоне.

Не получая подробных разъяснений, командующие войсками на Ближнем Востоке принялись сами толковать каждый политический зигзаг. Убедившись, что английские ораторы в Объединенных Нациях все более

поддерживают арабов, они ориентировались в том же направлении. А поскольку с этим курсом зачастую совпадали их собственные симпатии, ничто не мешало уж от себя подлить масло в огонь при реализации политики, гуманной по самой своей сути.

По мере того как опасность войны росла и принимала все более реальные очертания, обе стороны в неофициальных беседах начали строить гипотезы о том, что может произойти после раздела. Насколько нам удалось установить после обсуждения вопроса со всеми, кто имел отношение к этому делу, ни на какой из стадий не было заключено официального соглашения между англичанами и арабскими руководителями о деталях положения, которое немедленно создастся после ухода англичан. Единственное официально известное соглашение заключалось в том, что трансйорданский король Абдалла займет районы, не предназначенные Израилю.

В действительности неофициальное арабо-английское соглашение существовало. Советникам Бевина было известно о договоренности с королем Абдаллой, согласно которой определенные территории, отведенные евреям, будут оккупированы Арабским легионом, и еврейскому государству достанется куда меньше земель, чем следовало по рекомендациям Объединенных Наций. Такое крошечное бессильное государство неизбежно будет вынуждено просить у англичан защиты и помощи в переговорах с арабскими соседями. В этих планах совместных действий обсуждалась судьба Хайфы, но никогда не было достигнуто с Абдаллой четкого соглашения и реальной программы, ясной и детальной.

Однако сказано и сделано было достаточно, чтобы не сбылись утверждения кабинета, что уход англичан из Эрец Исраэль пройдет так же гладко, как в Индии. В ноябре Объединенные Нации проголосовали за раздел

Палестины (Соединенные Штаты вопреки ожиданию англичан договорились с Советским Союзом, гарантируя тем самым принятие плана раздела на специальной сессии Генеральной Ассамблеи. Обе державы хотели положить конец влиянию англичан в Палестине). И тут лейбористское правительство неожиданно для себя обнаружило, что оно вступило в борьбу с евреями на стороне арабов Эрец Исраэль и государств Арабской лиги. Такой союз неизбежно был направлен против решения Генеральной Ассамблеи ООН, против основания в Эрец Исраэль еврейского государства.

К моменту прекращения действия мандата, к 14 мая 1948 года, английское правительство увязло в проблемах Эрец Исраэль так глубоко, как ему не случалось за все 25 лет мандата, да еще получило напоследок новое, самое крупное, восстание евреев. Кабинет оказался опутанным обязательствами, принятыми за тридцать земель от правительственной канцелярии, — и это произошло только потому, что правительство Эттли прежде уклонялось от ответственности и не принимало никаких решений.

Пытаясь переложить ответственность на Организацию Объединенных Наций, Великобритания использовала последние месяцы своего правления в Эрец Исраэль в попытках свести на нет резолюцию ООН. Она пыталась и Соединенные Штаты связать с решением об Эрец Исраэль. Но США, в отличие от того, как это было в Греции и в Европе, воздержались от прямых обязательств по отношению к Эрец Исраэль.

Итак, заканчивая описание растерянности лондонских и Вашингтонских правителей в решающий для Эрец Исраэль час, мы видим, что англичане, решив уйти из страны, увязли там глубже, чем когда бы то ни было; а американцы все более занимались мировыми проблемами и от прямого вмешательства в дела Эрец Исраэль воздерживались.

Сцена была готова к началу действия. Большинство еврейского населения в Эрец Исраэль не подозревало, что его ожидает в будущем. Ишув (еврейское население страны) готовился к грядущим событиям, но разве он мог предвидеть такую войну, которая уже стояла у его порога? У английских руководителей было определенное представление о том, что должно произойти. "Вам будет весело!" — сказал на прощание фельдмаршал Монтгомери генералу Макмиллану, командующему войсками в Эрец Исраэль, после совещания в военном министерстве летом 1947 года.

Но кто и с кем будет воевать? Настало время расстаться с Лондоном и Нью-Йорком и ознакомиться с арабскими совещаниями, которые неторопливо шли то в Египте, то в Ливане. Третья сторона треугольника становилась все более явной: арабские страны втягивались в конфликт, начало которому было положено восстанием евреев против британских властей, не допускавших в страну остатки европейского еврейства, уцелевшие после второй мировой войны.

Но каким образом это восстание евреев против британского владычества превратилось в арабо-израильскую войну?

Глава вторая

КАКИМ ОБРАЗОМ АРАБСКИЕ СТРАНЫ ОКАЗАЛИСЬ ВОВЛЕЧЕННЫМИ В ВОЙНУ В ЭРЕЦ ИСРАЭЛЬ

Долгое время подлинное отношение арабских руководителей в Эрец Исраэль и арабских странах к плану создания еврейского государства оставалось в некотором роде загадкой. По этому поводу арабские дипломаты высказывали прямо противоположные мнения, смотря по тому, выступали ли они публично или высказывались в частной беседе. Таким образом, постороннему человеку и, конечно, правительствам Европы и Соединенных Штатов нелегко было уразуметь, что же принимать за действительное выражение арабских намерений: публично провозглашаемые решения бороться против осуществления надежд евреев на свое государство в Эрец Исраэль или кулуарные заверения, что мирное урегулирование вполне реально. Британские и американские деятели пришли к выводу, что подлинным выражением позиции арабов являются их неоднократные публичные враждебные декларации, отвергающие идею еврейского государства в Эрец Исраэль.

.. Но архивы германского министерства иностранных дел, попавшие в руки союзников, а также опубликованные государственным департаментом документы, особенно относящиеся к 1938 году, пролили новый и более верный свет на истинную позицию арабских

правителей и политических лидеров. Секретная информация, которую арабские руководители передавали в то время немцам и американцам, составляет один из наиболее важных источников для понимания действительного отношения арабов к этому вопросу.

До второй мировой войны англичане и в известной степени также американцы были замешаны в палестинские дела в такой мере, что исключало их превращение в поверенных арабских националистов. Последние, как это можно установить из немецких архивов, предпочитали обращаться к Германии, чтобы обменяться откровенными мнениями по проблеме Эрец Исраэль. Итоги таких обсуждений изложены в письменном виде директором сектора Ближнего и Среднего Востока политического отдела германского министерства иностранных дел Отто фон Хентигом.

29 июля 1937 года фон Хентиг написал инструктивный циркуляр для вершителей немецкой политики. В этом циркуляре откровенно рассматривается программа, предложенная Королевской комиссией лорда Пиля (июль 1937 года), в которой предусматривался раздел Эрец Исраэль на еврейское и арабское государства с сохранением британских интересов в Хайфе и Негеве. В высшей степени поучительно сравнить выводы фон Хентига с отчетами британского министерства иностранных дел по поводу ожидаемой реакции арабов на предложение Пиля. Эти отчеты подчеркивают упорное сопротивление арабов идее раздела Эрец Исраэль и серьезные последствия, которые повлечет за собой осуществление такого плана. Фон Хентиг пришел к совсем другому выводу, куда более основательному и глубокому в смысле понимания позиции арабов. Человек, который в 1937 году написал это важное свидетельство, служил после войны в 1947 году одним из политических советников короля Ибн Сауда. В 1937 году, на основании подробных донесений немецких

представителей в Иерусалиме и арабских столицах, он пришел к заключению, что существует большой разрыв между тем, что говорят арабские руководители, и тем, к чему они готовы на практике. Вот его слова:

Весь мусульманский мир испытывает, разумеется, отвращение к идее создания еврейского государства; вместе с тем, у арабов нет ни малейшего желания ссориться с Англией из-за этого вопроса. Арабы прекрасно понимают, что Англия считает это дело достаточно серьезным, чтобы навязать свою волю даже силой оружия, не останавливаясь ни перед чем...

Далее фон Хентиг поясняет, что упорно сопротивляются предложению о разделе только правители Ирака и иерусалимский муфтий Хадж Амин эль-Хусейни. Король Ибн Сауд отказался от обязательств по отношению к Эрец Исраэль; египтяне заняли компромиссную позицию и не обнаружили большой заинтересованности в этом вопросе, а король Абдалла из Трансиордании открыто заявил, что поступит согласно воле англичан. Одни сионисты активно сопротивляются решению вопроса путем раздела.

Через две недели после составления фон Хентигом упомянутого документа было сделано важное политическое заявление, по-видимому, с одобрения главы министерства иностранных дел Германии. Заявление это допускало, что интересы британской империи требуют создания еврейского государства в Эрец Исраэль, и поскольку у Германии в настоящий момент нет намерений ссориться с Великобританией, то "совершенно исключена" поддержка арабов оружием или деньгами, как исключено и активное сопротивление основанию еврейского государства в Эрец Исраэль. Все это было в 1937 году.

Из опубликованных документов американского отдела за 1938 год также видно, что те две важные арабские силы, которые, как свидетельствует фон

Хентиг, наиболее активно сопротивлялись разделу — Ирак и муфтий, — даже они в это время были заняты тайными переговорами с евреями в Эрец Исраэль. Как Нури Саид, так и муфтий встречались с ректором Еврейского университета доктором Иегудой Магнесом в надежде добиться урегулирования, которое устранило бы необходимость в разделе.* В длинном письме на имя главы отдела Ближнего Востока консул Соединенных Штатов в Багдаде излагает всю эту историю так, как он слышал ее от самого Нури Саида. И снова бросается в глаза резкое расхождение между немецкой оценкой положения и английской или американской. Немцы поняли, что арабы не готовы бороться с твердой британской политикой; американский консул Невеншоу продемонстрировал значительно меньшую степень аналитического таланта. Он добросовестно пересказал то, что заявил ему Нури Саид, не пытаясь, подобно фон Хентигу, вникнуть в существо дела и прийти к собственному заключению.

Однако, как только немцам и арабам стало ясно, что англичане колеблются в отношении плана раздела (после представления отчета следственной комиссии в 1937 г.), положение принципиально изменилось. Позиция англичан ослабела, а сопротивление арабов и немцев усилилось. Умеренные арабы, питавшие, как правило, проанглийские симпатии, оказались в меньшинстве, и подняли голову арабские экстремисты, стоявшие на крайних антибританских позициях. Сначала немцы просто не поверили своим глазам, затем поразились и наконец воспряли духом при виде такой нерешительности англичан на Ближнем Востоке.

Не учитывая этого, нельзя дать правильную оценку событиям, разыгравшимся десять лет спустя, в 1947

* Жаль, что автор биографии Магнеса профессор Норман Бентвич не уделяет этому эпизоду должного внимания, которое могло бы пролить дополнительный свет на указанные переговоры.

году. Снова решалась судьба британского правления в Палестине. И снова арабский мир замер в ожидании того, что предпримут англичане. Пока Великобритания играла решающую роль в определении судеб этого района, ни одна арабская страна не была готова бросить англичанам открытый вызов. Однако февраль 1947 года принес с собой недвусмысленное решение английского правительства просить Объединенные Нации заняться будущим Палестины. Арабы, в том числе король Абдалла, не скрывали своих сомнений. Они не могли себе представить, что англичане действительно покинут Эрец Исраэль. Однако примерно с середины марта они поверили в искренность английских намерений.

Процесс постепенного вмешательства арабов в конфликт между англичанами и евреями в Эрец Исраэль начался немедленно после опубликования отчета англо-американской следственной комиссии в мае 1946 года. Ее основные рекомендации — допуск 100 000 еврейских беженцев в Эрец Исраэль в двухлетний срок и отмена прежних ограничений на продажу евреям земли — ошеломили арабских руководителей. Потрясение, вызванное этим отчетом, не смягчилось критикой тех же рекомендаций со стороны сионистских вождей, которые ожидали от комиссии, что она создаст благоприятные условия для осуществления их требований национальной независимости.

По мнению арабских руководителей, эти рекомендации содержали открытый вызов, на который они находили нужным реагировать. Общественное мнение арабского мира разбушевало. Правительство Англии, особенно премьер Эттли и начальники штабов, усмотрели в рекомендациях комиссии покушение на английские интересы. Таким образом, с самого начала возникла англо-арабская общность интересов — непри-

нятие основной рекомендации комиссии о допуске 100 000 евреев в Эрец Исраэль*.

Комиссия представила свой отчет обоим правительствам 22 апреля 1946 года. Спустя две недели, 8 мая, президент Трумэн обратился к главе британского правительства с письмом, требуя быстрых действий в духе рекомендаций комиссии.

16 мая, после получения от Эттли двух неопределенных ответов, Трумэн направил в Лондон второе, более официальное, письмо. Эттли ответил 27 мая, через одиннадцать дней после получения послания президента. Он направил Трумэну список из сорока трех тем, которые должны быть изучены английскими и американскими экспертами, прежде чем лейбористское правительство сможет поставить на обсуждение десять рекомендаций англо-американской комиссии по палестинской проблеме. На прямой вопрос президента Эттли ответил, что предложение впустить в страну евреев из лагерей в Европе можно будет обсудить вместе с остальными сорока двумя темами списка. Одна из них, как сообщил Эттли в парламенте, касалась роспуска нелегальных вооруженных отрядов Ханы.

Теперь мы вправе заявить, что война началась как англо-еврейский конфликт. Однако уже начали действовать силы, вызвавшие арабское вмешательство и превратившие англо-еврейский конфликт в арабо-израильскую войну. Эттли не склонен был действовать в духе рекомендаций комиссии. "Триумvirат" генерального штаба – Монтгомери, Теддер, Канингем – был против рекомендаций отчета. Они считали, что

* Опасения английского правительства, что любые изменения в объеме алии приведут к кровопролитным беспорядкам на Ближнем Востоке, были изложены правительству США в письме от 19 октября 1945 г. ("Мемуары Гарри Трумэна").

выполнение рекомендаций приведет к вводу в Эрец Исраэль еще одной дивизии и наверняка повлечет кровопролитие. В Аммане британский командующий Арабским легионом Глабб-паша, чьи слава и влияние еще не потускнели, выступил с предостережением, что если рекомендации отчета будут осуществлены, то "пожар охватит весь мусульманский мир".

Узнав о точке зрения командующих объединенными штабами США, изложенной президенту Трумэну в конце мая 1946 года, Эттли еще более укрепился в своем мнении*. Начальники американских штабов считали, что выполнение рекомендаций отчета вызовет на Ближнем Востоке реакцию, с которой английские войска не справятся, и что неразумно будет посылать в Эрец Исраэль американские войска. Выполнение рекомендаций с применением силы еще более повредит британским и американским интересам на Ближнем Востоке. Если это случится, предупреждали американские командующие штабов, место Соединенных Штатов на Ближнем Востоке (в смысле влияния и военной мощи) может занять СССР. Они также опасались, что враждебность арабов приведет к угрозе нефтяному снабжению Соединенных Штатов.

Эта позиция была известна лондонскому правительству и британскому министерству иностранных дел. С другой стороны, сопротивление английского правительства, поддержанное начальниками штабов и военными советниками президента Трумэна, не было тайной для друзей Великобритании среди арабских руководителей, в частности для короля Абдаллы и регента Ирака. Словом, арабские вожди прекрасно понимали, что от них требуется.

На этом историческом фоне 2 июня 1946 года собралось совещание правителей арабских стран в

* Там же, стр. 154 -- 155.

Иншасе, одном из загородных дворцов короля Фарука. Сначала не предполагалось, что в центре совещания будет стоять вопрос об Эрец Исраэль*. Цель совещания состояла в координации антикоммунистических мер, рекомендованных британским представителем в Каире. И действительно, эта тема была главной на обсуждении и в решении, принятом совещанием. Однако ситуация была слишком удобной, чтобы не воспользоваться ею именно в решающий момент обмена посланиями между Эттли и Трумэнном. Присутствовавшие на совещании короли, регенты и президенты** постановили, что рекомендации комиссии неприемлемы. Они призвали положить конец всякой алии евреев в Эрец Исраэль и прекратить продажу евреям земельных участков. В заключение они обязались оказывать поддержку палестинским арабам "всеми доступными им средствами".

Теперь Эттли имел веский довод в дискуссии с президентом Трумэнном и парламентом о сокращении алии. Кабинет был уже на стороне премьера. Однако, прокламируя такую политику, лейбористское правительство раскрыло свои намерения. Фактически оно назначило арабам приз за сопротивление. С точки зрения арабских руководителей это была абсолютно ясная ситуация, позволяющая извлечь максимум политической пользы. Специальная встреча политической комиссии Арабской лиги была назначена на 9 июня 1946 года. Так начался процесс вовлечения арабов в конфликт между британским правительством и еврейским ишувом в Эрец Исраэль.

* Эта подробность была сообщена мне королем Абдаллой через несколько дней после совещания в Иншасе, 20 июля 1946 г. — Дж. К.

** Короли Абдалла и Фарук, наследник престола Саудовской Аравии эмир Сауд, регент Ирака Абдель Илла, президент Ливана Бишара эль-Хури, президент Сирии Каватли и Саиф эль-Ислам Ахмад из Йемена.

Через неделю после встречи правителей политических руководителей арабских стран прибыли в Балудан — небольшой горный курорт близ Дамаска. Балуданское совещание открылось официально 9 июня 1946 года с соблюдением всех церемоний и произнесением обычных напыщенных речей: речь председателя, министра иностранных дел Трансиордании Шурьяки; приветствие главы делегации Сирии Абдаллы эль-Джабри; короткое политическое выступление генерального секретаря Лиги Абдель Рахмана Азам-паши из Египта. Однако едва закончился обмен любезностями, как начались разногласия.

Были руководители, требовавшие военного вмешательства и даже не пытавшиеся скрыть своего намерения вторгнуться в Эрец Исраэль сразу после ухода англичан, а если удастся, — и раньше. К этой группе принадлежали король Абдалла, сирийский руководитель Эль-Джабри, а также бывший муфтий Хадж Амин эль-Хусейни — один из тех, чье влияние пока еще трудно было предвидеть. Но в этой группе цели каждого из трех ее участников были различны. Абдалла рассчитывал захватить не только большую часть арабского сектора Эрец Исраэль, но и определенные стратегические районы, которые считались еврейскими территориями, особенно район порта Хайфы и Негев, пока еще почти незаселенный. В этом случае — а британское министерство иностранных дел и военное командование неофициально ему обещали благожелательный нейтралитет Великобритании — Абдалла был готов пойти на соглашение с карликовым государством, которое останется у евреев. У сирийцев имелись похожие территориальные устремления, но другие политические цели. Они прежде всего были заинтересованы в оккупации возможно большей части севера Эрец Исраэль до прихода туда Арабского легиона Абдаллы. Они жаждали нанести поражение евреям и не соглаша-

лись на урегулирование, основанное на мирном сосуществовании с еврейским государством. Что касается муфтия, то он просто хотел прогнать евреев из Эрец Исраэль и установить там свою власть.

Вторую группу арабских стран-участниц совещания можно определить как "мнимых партнеров". Эта группа включала Ирак и Ливан. Внешне обе эти страны на всех встречах Лиги, начиная с совещания в Балудане, демонстрировали на словах свою готовность оказать всемерную поддержку военному вмешательству. Но все воинственные речи их представителей служили лишь маскировкой их явного нежелания или неспособности прибегнуть к практическим действиям против евреев в Эрец Исраэль. Поэтому ни Ирак, ни Ливан не сыграли сколько-нибудь серьезной военной роли, когда наступил час испытания. Зато их достижения на бумаге, как мы увидим, были самыми блестящими. В течение всех этих месяцев никто не мог перещеголять представителей Ирака и Ливана по части "воинственности и энтузиазма", но и другие арабские страны не были менее склонны перейти от воинственных деклараций к делу.

Однако там была также группа, открыто противившаяся военной интервенции: Египет и Саудовская Аравия. Эти страны не хотели впутываться в войну в Эрец Исраэль. Обе отдавали предпочтение внутренним проблемам, куда более важным с их точки зрения, нежели конфликт с Соединенными Штатами и военное столкновение с Эрец Исраэль, последствия которого невозможно предусмотреть. До последнего времени Египет и Саудовская Аравия сопротивлялись каждому шагу в направлении военной интервенции арабских стран в Эрец Исраэль, но предотвратить ее они не смогли.

Все это — политические разногласия и эгоистические национальные интересы — обосновало интервенцию в

Эрец Исраэль. Абдалла двинул войска, чтобы осуществить свое стремление царствовать в Иерусалиме и править в арабских частях Эрец Исраэль, удалив из страны сирийцев и муфтия. Чем больше казалось, что Абдалле сопутствует успех в достижении его планов, тем сильней становилось давление, которое муфтий и сирийцы оказывали на Египет, чтобы заставить его обуздать стремления Абдаллы, в которых ощущался вызов гегемонии Египта в арабском мире. Король Египта Фарук и его правительство, конечно, опасались, что Трансиордания увеличится в размерах, и одновременно очень хотелось им поживиться плодами победы в Эрец Исраэль. Однако решающим толчком, побудившим Египет вступить в войну, стало именно желание уменьшить аппетиты Абдаллы.

Два главных пункта значились в повестке дня совещания в Балудане. Первый — выработать согласованный ответ на меморандум Великобритании и США арабским странам об их позиции по отношению к отчету англо-американской комиссии о будущем Эрец Исраэль. Но, поскольку отчет комиссии ничего хорошего арабам не сулил, в повестку дня был включен еще один пункт — обсуждение плана "спасения Палестины".

Кроме членов арабских делегаций на совещании присутствовали два известных в арабском мире иностранца: генерал И. Н. Клейтон, уполномоченный по арабским делам при британском посольстве в Каире, и дамасский корреспондент лондонской газеты "Таймс". Клейтон был более чем дружественный "наблюдатель". Он участвовал в обсуждении, резко выступив против предложения поднять вопрос об англо-американском отчете в Совете Безопасности. Он советовал арабским руководителям не усложнять проблему Палестины разбирательством в Организации Объединенных Наций.

После выступлений арабских представителей стало ясно, что нет шансов достичь соглашения хотя бы по одному главному вопросу повестки дня. Египетский представитель Макрам Убияд заявил: "Если мы предложим арабам Палестины сражаться, используя все находящееся у них вооружение, то мы будем ответственными за все тяжелые потери, которые они понесут, потому что евреи вооружены значительно лучше палестинских арабов".

Старый сирийский дипломат Фарс предупредил совещание, что если будет принято предложение объявить бойкот английской торговле, то "это подорвет сирийские финансы, так как сирийская валюта не имеет никакой покупательной силы за границей" без английской поддержки.

Специальный посланник короля Ибн Сауда, шейх Юсуф Ясин зачитал меморандум короля, где значилось, что Саудовская Аравия выполнит любое решение Лиги, но вместе с тем призывает участников совещания принять решения, основанные на правильной оценке положения и с учетом возможностей арабских стран. "Лучше всего, — утверждал король Ибн Сауд, — добиться согласия палестинцев направить от их имени и от имени Арабской лиги делегацию в Вашингтон и Лондон для дополнительных переговоров и использовать все имеющиеся у них политические средства".

Министр иностранных дел Трансиордании Шурьяки предложил начать переговоры с британским правительством о создании независимой Палестины.

Зато представитель иракского правительства д-р Фадель Джамали обрушился на все эти нерешительные заявления. Он провозгласил, что "время разговоров прошло. Мы должны сплотить ряды и заняться делом. Американцы понимают только язык грубой силы. Нам следует отложить наш ответ на меморандум Англии и

Соединенных Штатов, пока мы не решим, какие практические шаги следует предпринять членам Лиги”.

Спустя два года д-р Джамали прокомментировал результаты совещания в Балудане перед парламентской следственной комиссией, созданной правительством Ирака. В отчете Джамали указывается:

Ирак проявил заботу о Палестине более всякой другой арабской страны. За ним следовали Сирия и Ливан, но то были пока еще молодые государства, весьма опасавшиеся трений с Великобританией или Соединенными Штатами. Египет еще не был убежден, что он должен проявить больше энергии, и ограничился моральной поддержкой. Позиция Саудовской Аравии неоспоримо показала, как мало правды в заявлении, будто король Ибн Сауд и его семья готовы принести себя в жертву ради дела арабов Палестины. Трансиордания и Йемен проявили пламенные симпатии к позиции Ирака, но они были слишком бедны, чтобы оказать помощь в какой-либо конкретной форме.

Итак, после долгих бесплодных прений не было достигнуто никакого соглашения. Поэтому решили выпустить два отдельных коммюнике: одно, предназначенное для широкой огласки, другое – секретное, для сведения правительств Лиги.

Опубликованные решения были: послать ответ правительствам Великобритании и Соединенных Штатов по поводу отчета англо-американской комиссии об Эрец Исраэль; обратиться к правительству Великобритании с предложением провести переговоры о будущем Эрец Исраэль в соответствии с параграфами 79 и 80 устава Объединенных Наций; основать две комиссии для рассмотрения положения в Эрец Исраэль: одна – из представителей арабских стран будет работать в Каире, а другая – с участием муфтия, Ахмеда Хилми и Туфика эль-Халади будет представлять арабов Эрец

Израэль; объявить бойкот сионистским товарам; передать нужную (не установленную) сумму денег арабам Эрец Израэль для поддержки их борьбы; рассматривать в будущем продажу арабских земельных участков евреям в Эрец Израэль как измену.

Секретное решение содержало пункты, более удовлетворявшие иракцев. Оно констатировало, что твердая решимость сионистов образовать еврейское государство приближает час великого столкновения в Эрец Израэль. Это вынудит проживающих там арабов к энергичной защите своих интересов — факт, который поставит арабские страны в щекотливое положение, поскольку они не могут запретить своим гражданам придти на помощь братьям в Палестине деньгами, оружием и добровольцами.

Другой пункт секретного решения основывался на предпосылке, что отношения между арабами и англичанами ухудшатся, если рекомендации отчета англо-американской комиссии осуществляются. В этом случае арабские страны не предоставят никаких новых экономических выгод ни Великобритании, ни США; арабские страны откажутся участвовать в какой бы то ни было международной организации; они взвесят возможность упразднения существующих концессий; они также обсудят возможность передачи всей палестинской проблемы в Организацию Объединенных Наций.

Таковы были опубликованные и секретные решения. Для самих арабских делегаций эти решения отнюдь не уменьшали принципиальных разногласий между ними. Однако заключительная речь иракского представителя д-ра Фаделя Джамали лишила их возможности самообмана, и на бурном последнем заседании большинство постановило вычеркнуть выступление Джамали из официального протокола совещания.

Джамали сказал:

Иракская делегация покидает Балудан без уверенности в пользе принятых на совещании решений... Поэтому иракская делегация рекомендует своему правительству сохранить свободу действий в вопросе выбора путей и средств для ликвидации палестинской проблемы более эффективно, чем это предложено резолюциями данного совещания... Совещание в Балудане превратилось в очередной пример противоречий во взглядах и интересах арабских стран, выявляющихся на каждом совещании и во всех решениях Лиги...

На этом и закончилось совещание в Балудане. Но, несмотря на всю нерешительность, так огорчившую Джамали, оно все же было не лишено значения: на нем впервые прозвучали предложения о ликвидации проблемы Эрец Исраэль, исходившие от членов Арабской лиги. Несмотря на нежелание тогда большинства участников мыслить категориями войны, именно решения в Балудане привели арабские страны на путь вооруженного конфликта в Эрец Исраэль менее чем через два года.

Другим результатом этого совещания было то, что оно дало в руки британскому правительству столь желанное алиби. Теперь в споре с Трумэнном британский кабинет министров располагал доказательством, что невозможно осуществить рекомендации англо-американской комиссии, не поставив под угрозу позиции Великобритании и Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. Балудан — доказательство тому, а генерал Клейтон — свидетель.

Теперь события следовали одно за другим, показывая на практике, что английское правительство готово помогать арабам в определении судьбы Эрец Исраэль. Однако следующий шаг был не следствием сговора англичан с арабами, а результатом серьезнейшего просчета еврейских руководителей в Эрец Исраэль. Они,

подобно Джамали в Балудане, предполагали, что единственный язык, на котором можно говорить с англичанами, это язык силы. Было решено доказать британским военным властям на деле, что без доброй воли евреев Эрец Исраэль английские войска могут оказаться в опасной изоляции. План командования Хаганы был согласован с Эцелем, утвержден Моше Шертоком (Шаретом) и исполкомом Сионистской организации, а затем (12 мая) представлен на утверждение Бен-Гуриону, находившемуся в то время в Лондоне.

Операция должна была послужить предостережением британским мандатным властям и — одновременно — демонстрацией силы Хаганы, т. е. напугать англичан и поднять дух еврейского ишува. В ночь на 16 июня 1946 года, в тот час, когда арабские делегации в Балудане завершали свою работу составлением резолюций, отряды Хаганы предприняли вылазки во всех концах страны, а люди Эцеля напали на английский аэродром в Лоде. Восемь мостов — четыре шоссе и четыре железнодорожных — взлетели на воздух, что парализовало все средства сообщения в стране. Нападениям подверглись также железнодорожные пути и аэродромы. Был причинен значительный материальный ущерб, но руководители этой операции тщательнейшим образом проследили, чтобы англичане не понесли потерь в людях. Солдаты Хаганы вернулись на свои базы удовлетворенные тем, что демонстративные цели операции выполнены: они доказали на практике англичанам и еврейскому ишуву, что Хагана — это национальная сила, которой не следует пренебрегать.

Однако существовала и обратная сторона медали. Через месяц после этой операции (13 июля) первый секретарь мандатных властей сэр Джон Шоу в частной беседе рассказал, что когда Хагана провела эту операцию, в Лондоне вздохнули с облегчением и тотчас приступили к действиям. Именно этого хотели британ-

ские военные власти. Выступление Хаганы сыграло на руку и Эттли. Он еще до того заявил и своему парламенту, и президенту Трумэну, что лейбористское правительство не сумеет сделать ничего, пока Хагана не будет разоружена и распущена. И вот теперь ему из первых рук преподнесли доказательство его правоты: сама же Хагана позаботилась об этом. Британские власти в Эрец Исраэль прибегли к энергичным мерам. 30 июня 1946 года были арестованы еврейские руководители. Здание Еврейского агентства в Иерусалиме было захвачено. Англичане взяли всю страну под строгий контроль. Министерство иностранных дел получило возможность сообщить послам арабских стран о скорых и энергичных мерах. Это была британская благодарность арабам за их твердость на совещании в Балудане. Так англичане и арабы стали сообщниками. Мир очень скоро убедился, что рекомендации англо-американской комиссии — это пустые слова.

Так было, по-видимому, предотвращено якобы проеврейское решение, поддержанное президентом Трумэном, и казавшееся арабам угрожающей реальностью. Несмотря на это, в сентябре 1946 года в Лондоне собралась еще одна безрезультатная конференция с членами английского правительства.

Эти дипломатические и политические провалы произошли в то время, когда масштаб нелегальной иммиграции в Эрец Исраэль создал кризисную ситуацию. Углубился конфликт англичан с Хаганой, Эцелем и Лехи. Англичане, в отличие от Египта и Саудовской Аравии, не могли позволить себе сидеть сложа руки и ничего не предпринимать в Эрец Исраэль. Так мы приходим к цепи событий, уже описанных выше и приведших к передаче палестинской проблемы в ООН, а также к заявлению британского правительства в сентябре 1947 года о предстоящем уходе англичан из Эрец Исраэль. Это подтолкнуло короля Абдаллу на

серьезное изменение его политики в отношении Эрец Исраэль.

За семь дней, в промежутке между 17 и 23 марта 1947 года, Абдалла, разбиравшийся в зигзагах английской политики на Ближнем Востоке лучше любого другого арабского руководителя, а возможно, и лучше большинства еврейских руководителей в Эрец Исраэль, сделал свои выводы из решения англичан. То было повторение истории 1937 года, описанной нами выше (стр. 61–65). Еще на секретном совещании политического комитета Арабской лиги 17 марта 1947 года в Каире представитель Трансиордании занял позицию осторожного неприсоединения и отказа от каких бы то ни было обязательств по отношению к политике Арабской лиги в Эрец Исраэль. Когда через неделю Лига собралась повторно, решение Абдаллы раскрылось. На этом заседании комитета Лиги (23 марта 1947 года) премьер Трансиордании предложил присутствующим представителям арабских стран принять к сведению, что "Хашимитское правительство сохраняет за собой свободу действий в отношении Палестины, чтобы сохранить и на будущее время арабский облик страны". Король Абдалла бросил жребий.

Отныне и далее разногласия между членами Лиги по поводу их намерений в Эрец Исраэль стали еще более многочисленными.

Тут в Эрец Исраэль прибыла новая комиссия — на сей раз под эгидой Объединенных Наций. Арабские страны объявили ей бойкот. Спустя десятилетие после предложения комиссии Пиля в 1937 году о разделе Эрец Исраэль на арабское и еврейское государства, следственная комиссия по Эрец Исраэль представила свой отчет в ООН. В отличие от англо-американской комиссии она сочла необходимым разорвать связь Великобритании с Эрец Исраэль. Она рекомендовала раздел Эрец Исраэль на арабское и еврейское государ-

ства и провозглашение международного статуса для Иерусалима.

Отчет комиссии потряс арабов. Не так они себе представляли уход англичан из Эрец Исраэль. Со времени секретной встречи совета Лиги в Каире в марте 1947 года арабы не возвращались к обсуждению ситуации, сложившейся после передачи проблемы Палестины в Объединенные Нации. И вот теперь появился новый отчет с его крайними рекомендациями и исполнил арабский мир. Начались поспешные консультации.

Как только до арабских правительств дошло содержание отчета, премьер Ирака Салах Джабр отправил членам политического комитета Лиги срочные приглашения на чрезвычайное совещание 16 сентября в Цофаре (Ливан). О прохладной позиции Египта можно судить по тому, что приглашения были посланы на сей раз не Узам-пашой и секретариатом Лиги, находившимся под египетским контролем, а иракским правительством.

Глава правительства Ирака председательствовал на чрезвычайном совещании и установил повестку дня. Он предложил немедленно довести до сведения Великобритании и Соединенных Штатов, что если ООН решится на урегулирование в Эрец Исраэль в ущерб правам арабов, то будут тотчас осуществлены решения, принятые в Балудане. Более того, совещание должно было срочно наметить необходимые меры для осуществления также секретных решений, принятых в Балудане. И, в-третьих, Салах Джабр обратился ко всем арабским правительствам с призывом делать взносы в фонд помощи палестинским арабам в их борьбе.

Но и на сей раз экстремистская инициатива Ирака встретила сдержанное отношение Египта и Саудовской Аравии. Представитель последней энергично настаивал

на отказе от принятых в Балудане решений. Он был убежден, что попытка их осуществления закончится крахом и выставит арабов на посмешище. На это Салах Джабр подчеркнул свою уверенность в том, что "Великобритания и Соединенные Штаты побоятся оказать поддержку предложению о разделе Палестины и даже, возможно, выступят против раздела, если будут знать, что, поддерживая сионизм, они могут потерять нефтяные концессии в наших странах. Англичане и американцы перестанут смеяться, если мы прекратим поступление нефти с Ближнего Востока".

Тем не менее послание, отправленное правительствам Англии и Соединенных Штатов, оказалось более умеренным. В нем вообще не упоминались решения, принятые в Балудане, не было речи о прекращении поставок нефти с Ближнего Востока (среди представителей Египта и Саудовской Аравии крепло понимание того, что иракцы выступают в основном "для протокола" и не выполняют своих угроз). Однако послание было достаточно выразительным, чтобы дать Великобритании алиби для отказа от рекомендаций ООН. Точно так же год назад ею были отвергнуты предложения англо-американской комиссии, а десять лет назад — решения комиссии Пиля. Процедура стала уже рутинной. В послании, направленном с совещания в Цофаре Лондону и Вашингтону, говорилось, что создание в Палестине еврейского государства (как это рекомендуют Объединенные Нации) поведет к вспышке волнений и насилия на Ближнем Востоке, которые арабские правительства не смогут предотвратить. Многозначительно, что даже на этой, поздней, стадии арабские правительства не были готовы прибегнуть ни к прямому военному вмешательству в Эрец Исраэль, ни даже к обсуждению такой возможности.

Через три недели, в начале октября, снова состоялось совещание Лиги в Али (Ливан). И на сей раз глава

правительства Ирака Салах Джабр был его движущей силой. Совещание единогласно постановило, что, невзирая на обсуждение в Цофаре, решения, принятые в Балудане, остаются в силе. Поскольку существовало опасение, что большинство в ООН может поддержать рекомендацию о создании еврейского государства, был сделан новый шаг: назначили военную комиссию из представителей Ирака, Ливана, Палестины, Сирии и Трансиордании. Египет в ней представлен не был. Эта комиссия постановила создать общеарабский главный штаб и сконцентрировать арабские войска на границах Палестины, она призвала поставить палестинским арабам 10 000 винтовок и принять меры к закупке боевых самолетов. Военная комиссия продолжала свою деятельность, так как можно было ждать трудностей при формировании общеарабского генерального штаба. Но даже эта комиссия не приняла еще ясного решения о прямой военной интервенции арабских стран, а только, по свидетельству генерального секретаря Арабской лиги Азам-паши, впервые упомянуло о такой возможности.

Душой этого совещания продолжали оставаться премьер иракского правительства и его министр иностранных дел д-р Фадель Джамали. Однако иракская активность была явно демонстративной. Ведь у иракцев не было никакого территориального соприкосновения с Эрец Исраэль, и их воинственность воспринималась другими арабскими делегациями с откровенным недоверием. Было известно, что подходят к концу новые переговоры Ирака с Англией, поэтому правительство Ирака было заинтересовано в том, чтобы успокоить общественное мнение в своей стране громкими выступлениями об Эрец Исраэль. Агрессивные выступления были необходимы, чтобы скрыть готовность Ирака пойти на большие уступки Англии в договоре о концессии. Однако на последних этапах

совещания в Али его участники столкнулись с реальной проблемой: не с громкими речами Ирака, а с молчанием Абдаллы.

На заключительном заседании выступил муфтий и потребовал создания палестинского правительства, которое будет руководить борьбой против евреев. Он противился прямому вмешательству арабских стран и опасался его. Позицию муфтия разделяли правители Египта и Саудовской Аравии; Сирия и Ливан ограничились молчанием. Зато Ирак и Трансиордания энергично выступили против этого плана. Позднее муфтий утверждал, будто совещание оказало ему поддержку. Перед тем как разъехаться, делегаты вдруг поняли, что необходимо сделать реальную оценку положения. Они знали, что судьба их решений зависит от политики, которую изберет король Абдалла, а не от споров в Али, потому что лишь он располагает вооруженными силами, способными стать решающим фактором кампании.

Поэтому делегации не разъехались по окончании совещания, а сообща отправились в Амман, чтобы встретиться с королем Абдаллой и попытаться выведать его намерения. Дело в том, что над всеми решениями совещания нависло заявление главы правительства Трансиордании на секретной встрече в Каире в марте о том, что Трансиордания отныне считает себя свободной действовать в Эрец Исраэль независимо от решений Лиги.

Абдалла был непреклонен. Он ничего не хотел слышать о палестинском правительстве — с Хадж Амином или без него. Азам-паша особенно старался повлиять на Абдаллу, чтобы тот изменил свою позицию, но безрезультатно. Абдалла был также против предложения о поставке палестинским арабам оружия для действий против евреев. Он утверждал, что евреи вооружены значительно лучше. Но по второму вопро-

су, поднятому участниками совещания в Али, они, к своему удивлению, обнаружили, что король Абдалла готов к сотрудничеству. Они хотели, чтобы Абдалла отказался от своего плана создания Великой Сирии, включающей Сирию, Трансиорданию и арабскую часть Палестины (мечта, которой он тешился, насколько им было известно, с начала 1946 года). Король согласился с этим без возражений. Представители обрадовались: они в этом не увидели ничего подозрительного. Про себя Абдалла уже решил, что теперь он заинтересован в Великой Трансиордании, а не в Великой Сирии* Но он был единственным из соревновавшихся за будущую власть в Палестине, знавшим точно, чего он хочет. Почти за две недели до прибытия делегации с совещания в Али, Абдалла изложил свои намерения одному из своих приближенных, палестинскому арабу, в беседе, которая у них состоялась 1 октября 1947 года. Впоследствии этот собеседник записал слова короля:

Англичане согласились с моими просьбами, важнейшая из которых была — увеличить поставки оружия, особенно танков и боеприпасов... Я не позволю другим захватить стратегические позиции в Палестине, но это еще не значит, что я намерен действовать исключительно в одиночку.

Муфтий и Хаватли хотят создания в Палестине независимого арабского государства во главе с муфтием. Если бы это случилось, я оказался бы окруженным врагами почти со всех сторон. Поэтому я вынужден предпринять шаги, чтобы разрушить их планы. Любое место, освобожденное англичанами, будет занято моими войсками.

*Бевин заявил Абдалле в их беседе в Лондоне в феврале 1946 г., что британское правительство не сможет поддерживать его стремления к созданию Великой Сирии, и советовал отказаться от этой идеи. То была часть цены, которую Абдалле пришлось уплатить за корону.

Я сам не нападу на евреев; буду наступать только в том случае, если они нападут на мои вооруженные силы. Я не допущу резни в Палестине. Лишь после того как в стране воцарятся порядок и спокойствие, можно будет достигнуть соглашения с евреями.

В другой беседе через несколько дней Абдалла сослался на утверждение его военных советников о том, что сирийцам и ливанцам нужно дать оккупировать узкую полосу на севере Эрец Исраэль, но он, Абдалла, захватит Акко и позаботится, чтобы район сирийских и ливанских завоеваний никоим образом не расширился.

Несколько недель спустя, в ноябре 1947 года, Абдалла тайно принял госпожу Голду Меирсон (Меир), представителя Еврейского агентства. Они обсудили, каковы шансы на принятие решения о разделе Эрец Исраэль, поставленного тогда на повестку дня в ООН. Король заявил госпоже Меирсон, что он приберет к рукам арабскую часть Эрец Исраэль, так как не допустит создания там другого арабского государства; после этого он подпишет соглашение с еврейским государством. Абдалла не видел особых трудностей на этом пути, но добавил: "У нас обоих имеется общий враг, который будет мешать нашим планам — муфтий".

Эти беседы, а также свидетельства его военных и политических советников, особенно Глабб-паши и Киркбрейда, неоспоримо доказывают, что Абдалла не действовал как английская марионетка. Скорее он был именно тем, кто задавал тон и держал в своих руках инициативу для осуществления собственных целей. Конечно, эти его цели соответствовали политике англичан, и они не чинили ему препятствий. Задним числом можно сделать вывод, что он пользовался поощрением англичан, по крайней мере, неофициальным, а также вполне официальной военной и экономической по-

мощью. Было лишь одно категорическое условие, поставленное Абдалле английским министром иностранных дел Эрнестом Бевингом: каковы бы ни были намерения Абдаллы, он должен воздерживаться от действий до официального ухода англичан из Эрец Исраэль.

Беседы представителей арабских стран в Аммане ничего, таким образом, не изменили. Муфтий, поддерживаемый Сирией и Ливаном, приступил к организации поставок оружия арабам Эрец Исраэль и к набору добровольцев. Король Абдалла сохранял за собой свободу действий, а иракские руководители продолжали быть посредниками англичан и одновременно изображали, для общественного мнения своего народа, яростную непримиримость. Арабские представители покинули Амман, а два важнейших вопроса все еще оставались без ответа:

1. Что произойдет в Нью-Йорке на Генеральной Ассамблее Объединенных Наций?

2. Что подразумевает Абдалла под "свободой действий"? Попытается ли он завоевать Эрец Исраэль целиком или только те части, которые ООН выделит арабскому палестинскому государству?

Через некоторое время был получен ответ на оба эти вопроса. Первый решился 29 ноября 1947 года, когда Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за раздел Эрец Исраэль 33 голосами против 13. Однако ответ на второй вопрос был дан только через шесть месяцев — 15 мая 1948 года, когда король Абдалла открыл свои карты.

А как евреи Эрец Исраэль подошли к уготованному им испытанию?

Посмотрим теперь, что делается по другую сторону холма, где еврейские лидеры начали пробуждаться от приятных грез о том, что все, быть может, обойдется мирно.

Глава третья

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА В ЭРЕЦ ИСРАЭЛЬ. ИЛЛЮЗИИ МИРНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Еврейские руководители в Эрец Исраэль за редким исключением стали жертвами самой опасной политической болезни — веры в свою пропаганду. Нелегко разрушалась эта вера. Большинство полуподпольных и полувоенных еврейских организаций летом 1947 года оказались нацеленными на борьбу против английского мандатного правления; оружие, войсковые подразделения, разведка и пропаганда готовились именно к борьбе против англичан.

Еврейские руководители не верили, что англичане серьезно относятся к декларированному ими отказу от мандата. Вместе с тем они считали, что арабы не окажут серьезного сопротивления решению Объединенных Наций и нет реальной угрозы большой войны ни с арабами внутри Эрец Исраэль, ни с соседними арабскими странами.

Решительными противниками такого подхода среди еврейских руководителей летом 1947 года были Бен-Гурион и вожди Хаганы. С декабря 1946 года Бен-Гурион был ведущей фигурой в Еврейском агентстве во всех вопросах безопасности. Пожалуй, это был единственный человек, который понимал возможные

военные последствия раздела. Но лишь немногие коллеги соглашались с его выводами, и предпринять что-нибудь было невозможно.

Бен-Гурион и не слишком настаивал, поскольку в то время не верил, что англичане действительно решились уйти из Эрец Исраэль. И, возможно, что он тогда был не очень далек от истины.

Вследствие этого, вся энергия еврейских руководителей сконцентрировалась вокруг политической борьбы за создание еврейского государства в следственной комиссии Организации Объединенных Наций, и в борьбе против англичан, связанной главным образом с доставкой "нелегальных" олим в Эрец Исраэль. Возможность наступательной войны со стороны арабских стран казалась маловероятной. До лета 1947 года не предпринималось особых усилий, чтобы добыть более тяжелые виды вооружения из-за границы. Разведслужбе в арабских тылах придавали тогда второстепенное значение по сравнению с разведкой, действовавшей против англичан.

Многие еврейские руководители утверждали, что сперва им необходимо добиться политической победы в Объединенных Нациях. Эти руководители — кроме Бен-Гуриона и командиров Хаганы — не догадывались, чем чревата такая победа и что может за ней последовать. Оборонительные силы евреев в Эрец Исраэль летом 1947 года на деле были куда слабее, чем это себе представлял мир и большинство еврейских лидеров.

Хагана готовилась к отражению атаки арабов на ишув. Такая возможность принималась в расчет уже в ранних инструкциях о ее общей структуре, а в структуре, введенной в мае 1945 года, учитывалось, что в будущем, по-видимому, придется воевать и с регулярными армиями соседних арабских стран.

Однако практические заботы об этом теперь были отложены в сторону, и все внимание сосредоточилось

на усилиях добиться сначала отчета ООН, который рекомендовал бы создание еврейского государства после раздела Эрец Исраэль, а потом — получить в Генеральной Ассамблее большинство в две трети голосов, необходимое для принятия отчета. Более того, еврейские руководители прониклись уверенностью, что после того как Объединенные Нации утвердят образование еврейского государства, арабские страны тоже будут вынуждены примириться с этим фактом.

Заявления арабских руководителей, противоречившие такой гипотезе, не принимались всерьез евреями Эрец Исраэль и сионистами во всем мире. Все они утверждали, что цель арабских угроз — лишь запугать евреев, следственную комиссию ООН и Генеральную Ассамблею Объединенных Наций. До известной степени они были правы, как это можно видеть из истории совещаний Арабской лиги, описанной в предыдущей главе. Но они недооценили рост национализма арабов и допустили особенно серьезный просчет при оценке намерений короля Абдаллы.

По пути в Нью-Йорк на решающее заседание Генеральной Ассамблеи ООН генеральный секретарь Арабской лиги Абдель Рахман Азам пытался рассеять эти иллюзии евреев. На пресс-конференции в Лондоне 15 сентября 1947 года Азам сделал "торжественное предупреждение, что любая попытка противодействовать решениям совещания встретит решительный отпор со стороны арабов... Пусть никто не сомневается, что арабы будут драться за Палестину, если их вынудят к этому".

Через несколько дней Азам повторил свое предостережение в убедительной форме перед двумя советниками Моше Шертока: Обри Эйбаном (Аба Эвен), который был тогда представителем Еврейского агентства в ООН, и Давидом Горовицем.

Предостережение Азама было пронизано неотразимой логикой. Было ясно, что умеренная часть арабских руководителей не сумеет предотвратить войну. Настроение арабов формировала молодежь, поджигавшая трамваи на улицах Каира. Ни один арабский руководитель не устоит перед напором и враждебностью толпы. Однако еврейские руководители не могли заставить себя принять неизбежность, заключающуюся в выводах Азама. Они понимали, что арабское руководство боится толпы, но не желали верить, что англичане или американцы позволят этому сброду диктовать им политику на Ближнем Востоке.

Многие еврейские руководители с недоверием относились к угрозам арабов. Но когда 13 октября 1947 года Советский Союз объявил о своей поддержке идеи создания еврейского государства в разделенной Эрец Исраэль, большинству еврейских руководителей стало казаться, что теперь уже никак нельзя полагать, будто арабы запрямятся до такой степени, что затеют ссору с Объединенными Нациями, Соединенными Штатами и Советским Союзом. Ведь теперь обе эти великие державы стоят за раздел Эрец Исраэль и, следовательно, ключ к еврейской независимости — в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и в дружеских отношениях с Соединенными Штатами и с Советским Союзом, которые, кажется, противостояли друг другу в любом вопросе, кроме плана создания еврейского государства в Эрец Исраэль. Следствием этого укрепилась уверенность руководителей Еврейского агентства в том, что при наличии такой коалиции даже британское правительство окажется не в силах помешать осуществлению решения Объединенных Наций. Добиться же такого решения стало главной целью всех еврейских усилий.

Нежелание большинства еврейских руководителей принимать всерьез возможность общего арабского нападения поддерживалось и отчетами, которые готовил

политический отдел Еврейского агентства. Его арабский подотдел осуществлял непрерывные контакты со многими ведущими арабскими представителями, в том числе с королем Абдаллой, с премьер-министром Ливана Риадом эль-Салахом и египетскими и сирийскими дипломатами. Из отчетов об этих секретных встречах глава подотдела Ближнего Востока в Еврейском агентстве Элиягу Сасон сделал вывод, что у арабских руководителей, за исключением вожаков палестинских арабов, нет настоящего желания воевать.

Был, однако, в Эрец Исраэль один человек, не разделявший этого мнения и не поддерживавший его — Давид Бен-Гурион. Он придавал Объединенным Нациям второстепенное значение сравнительно с нуждами еврейской взаимопомощи и видел опасность в решимости англичан торпедировать любое решение Объединенных Наций — опасность, которую недооценивало большинство еврейских лидеров. Бен-Гуриона поддерживали несколько единомышленников среди политического руководства и большинство старших офицеров Хаганы. Многим из них было всего лишь по двадцать — тридцать лет. Они были воспитанниками подполья, без всякого опыта регулярной военной службы. С начала 1947 года они обсуждали новые аспекты проблемы, стоящей перед подпольными еврейскими вооруженными силами.

Бен-Гурион выразил свое мнение прямо и непосредственно в указаниях органам Хаганы в июле 1947 года. Он сказал:

Политическая борьба (против Белой книги) в разгаре, более того, она осложняется. Антисионистские и антиеврейские тенденции создателей Белой книги усиливаются. Вместе с тем заново возникает в увеличенных размерах арабская опасность. Мы столкнулись не только с разбойными замыслами арабского руковод-

ства в стране, но и со злобной агрессивностью правителей арабских стран, и мы обязаны подготовиться к борьбе на этом фронте со всей серьезностью и срочно.

Однако надо видеть различие между двумя фронтами, и это различие жизненно важно. Борьба между сионизмом и политикой Белой книги носит в основном политический характер, а не военный, и военные операции, проводимые время от времени в этой политической борьбе, не имеют другой цели, кроме поддержки последней. В ней организация Хаганы является лишь одним из факторов политики еврейского народа. И только общие усилия ишува и всего народа в увеличении иммиграции и числа поселений, в борьбе и в поддержании нашей международной политической кампании склонят чашу весов на нашу сторону.

Не так обстоит дело на фронте арабской агрессии. Здесь Организация, т. е. Хагана, играет первостепенную роль. В случае вооруженного нападения арабов решающей окажется только еврейская военная сила и, если не готовиться к борьбе, Организация упустит свою основную задачу, и самое существование ишува и наше сионистское дело окажутся под угрозой гибели.

Сегодня против нас действуют банды, и эти банды в любой момент могут превратиться в инструмент террора в руках политического руководства муфтия. Однако впереди у нас куда более значительная и грозная опасность. Надо считаться с возможностью открытых или скрытых враждебных действий со стороны войск арабских стран.

В Египте, Ираке, Ливане, Сирии и Трансиордании насчитывается более ста двадцати тысяч военных, принадлежащих к разным родам войск, обученных и снаряженных с разной степенью совершенства. Подготовка Организации не только для защиты еврейских

поселений и ишува, но, при необходимости, также для защиты нашей страны и нашей национальной судьбы в ней — вот самая насущная задача настоящего времени.

Командование Хаганы было в те годы укомплектовано на основе партийного паритета, и таким оно оставалось до 2 мая 1948 года, а именно:

Начальником командования Хаганы был Исраэль Галили; Гистадрут представляли Йосеф Исраэли, Зеэв Файнштейн (Шефер), Леви Эшкол, Исер Бен-Цви и Барух Рабинов; от Мизрахи — Шимон Вассерман; левые группы были представлены Зелигом Русецким, Гадом Михнесом, Исасхаром Ситковым и Йосефом Якобсоном. Только трое из них участвовали в работе оперативной комиссии, которая называлась Вторым отделом: Галили, Исраэли и Якобсон. Генштаб был построен как профессиональный военный, а не политический орган и включал канцелярию начальника генштаба, отдел организации и планирования военных действий, отдел обучения, технический и инспекционный отделы, превратившиеся потом в секторы. Во главе генштаба стоял Яков Дори; Эшкол служил помощником Бен-Гуриона до принятия финансовых дел командования. Начальник оперативного отдела генштаба Игаэл Ядин занял достойное место среди военных руководителей, когда Дори слег и выбыл из строя на продолжительное время. В числе других работников были Цви Аялон, заместитель начальника генштаба, Иоханан Ратнер, ответственный за планирование, Йосеф Авидар, начальник сектора снабжения, и Моше Цадок, возглавлявший сектор кадров. Игал Алон возглавлял Пальмах.

Руководители Хаганы в конечном счете уверовали частично в концепцию Бен-Гуриона, что предстоит конфронтация с арабами Эрец Исраэль, а возможно, и с арабскими добровольцами из соседних стран. Но они

не верили, что арабские страны смогут предпринять крупное вторжение в Эрец Исраэль, имея против себя Объединенные Нации, Соединенные Штаты и Советский Союз. Руководители Хаганы требовали повышения боевой готовности: усиления боевых учений, увеличения вооружения, главным образом винтовок и пулеметов, и улучшения структуры. Предстоящую войну они представляли себе несколько более организованной, но все же похожей на партизанские действия арабских банд в 1936 году. Поэтому и предложенные ими военные меры были направлены на ведение борьбы в подобной ситуации. Самое крупное оперативное подразделение Хаганы, которое они могли себе вообразить, был полк Пальмаха, насчитывавший около 600 человек.

Бен-Гурион не разделял этих воззрений. Он считал, что необходима организованная по всем правилам армия. Он требовал тяжелого снаряжения, пушек, истребителей и бомбардировщиков. Еще в июне 1945 года, во время визита в Соединенные Штаты, он убеждал руководителей американского еврейства помочь созданию военной промышленности в Эрец Исраэль.* Вдобавок к возникшим в связи с этим денежным проблемам имелось почти непреодолимое препятствие — трудности провоза тяжелых видов вооружения в страну в условиях жесткого контроля англичан, а также проведение военного обучения так, чтобы это не

*С этой целью в Нью-Йорке собралась избранная группа из двадцати богатых американских сионистов. За короткое время она собрала несколько миллионов долларов и закупила тяжелые станки, необходимые для основания военной промышленности. Хаим Славин, ответственный за операцию, сумел провести англичан и доставить оборудование в Эрец Исраэль, однако использование большей его части стало возможным только после ухода англичан. За кулисами действовал Хаим Вейцман, чтобы организовать в Соединенных Штатах помощь в деле производства оружия для Хаганы.

повлекло за собой немедленного английского вмешательства. Англичане, однако, проявили беспечность и не смогли помешать Иегуде Арази тайно провезти 1200 тонн станочного оборудования, на базе которого вырос подпольный завод боеприпасов.

Бен-Гурион был недоволен партизанским характером Хаганы. Он считал, что рамки Хаганы окажутся недостаточными в будущей конфронтации с арабскими армиями или (это казалось более вероятным) для того, чтобы заставить англичан уйти из Эрец Исраэль. В то время Бен-Гурион был еще убежден, что англичане на деле не собираются эвакуировать свои войска из Эрец Исраэль. Он считал, что до военного столкновения с арабами евреям придется выдержать политическую борьбу с британскими оккупационными силами.

Вместе с тем Бен-Гурион все более укреплялся в мысли, что существует возможность возникновения серьезнейшего конфликта с арабами, если англичане уйдут. Поэтому еврейское руководство должно осуществлять два параллельных курса: политическую кампанию, чтобы заставить англичан эвакуироваться из Эрец Исраэль, и чрезвычайные усилия по приведению Хаганы в состояние максимальной готовности. Положение, однако, было неясное — с большим количеством политических неизвестных.

Почти единственный из политического руководства Еврейского агентства, кто ощущал, с какой скоростью развиваются события, был Бен-Гурион. В августе 1946 года он собрал членов исполкома Еврейского агентства (кроме арестованных в Эрец Исраэль) в своей комнате в парижском отеле "Руаяль-Монсо" и потребовал выделить пять миллионов долларов на покупку оружия. Собравшиеся подумали, что он над ними смеется. После долгого спора ему пообещали три миллиона, но деньги были выделены лишь спустя долгое время.

Эти разногласия внутри Еврейского агентства продолжались все лето, вплоть до приближения осенью решающего часа. Люди Хаганы (в том числе Бен-Гурион) не могли добиться увеличения субсидий на покупку вооружения, пока не произошел тот психологический перелом, который был необходим для серьезного обсуждения вопроса о новых закупках. Из-за жестких бюджетных ограничений Хагана могла приобрести лишь мизерные количества оружия в Европе — тут двадцать винтовок, там пятьдесят, да еще где-нибудь несколько пулеметов. А Бен-Гурион, Шаул Авигур, руководивший закупками, и Исраэль Галили требовали тысяч единиц оружия. Только осенью 1947 года Еврейское агентство высвободило достаточные денежные фонды, позволившие европейской закупочной группе во главе с Моней Мардором расширить свои операции. В ноябре 1947 года Эхуд Ибраль (Авриэль), Иегуда Арази и Элиягу Сахаров выехали в Европу и Канаду для закупки оружия в крупных масштабах.

Потребовались долгие препирательства с политическими руководителями, чтобы национальный комитет евреев Эрец Исраэль дал согласие на всеобщую мобилизацию в стране. Только в октябре 1947 года Хагана получила "добро" на этот шаг.

В то время полагали, что еврейское население должно быть хорошо обучено и способно постоять за себя. С политической точки зрения имелось в виду произвести этим сильное впечатление в мире; с точки зрения психологической хотели таким путем укрепить в евреях страны уверенность в своих силах; но с практической точки зрения картина, какой она казалась узкому кругу руководителей Хаганы в последние и решающие дни прений в Генеральной Ассамблее, выглядела, увы, по-другому. Организованной и обученной силой, на которую можно было опереться в случае необходимости, был только Пальмах — ударная

часть Хаганы. Как мы увидим в четвертой главе, к концу 1947 года Пальмах насчитывал 2100 мобилизованных и еще около тысячи резервистов — в большинстве юношей и частично девушек.

В дополнение к этому в течение двадцати часов можно было призвать и укомплектовать так называемые полевые отряды.* Однако ни Пальмах, ни полевые отряды не были обучены для операций в составе подразделений более крупных, чем батальон. Практически невозможно было проводить обучение в более крупных частях из-за присутствия англичан во всех концах страны. Теоретически Пальмах в 1947 году состоял из четырех батальонов, которые, однако, не проходили еще обучения в качестве оперативной единицы.

Осматривая эти карликовые еврейские вооруженные силы, которым предстояла конфронтация не только с британскими оккупационными войсками (как это полагали), но и с местными арабами, поддерживаемыми добровольцами, а возможно, и армиями Египта, Сирии и Трансиордании, — Давид Бен-Гурион отдавал себе полный отчет в том, что партизанскими методами Хагане испытания не выдержать. Поэтому он потребовал учредить совет из ветеранов британской армии, который будет действовать наряду с командованием Хаганы, контролировать превращение последней в регулярные войска. Кандидатами в этот совет Бен-Гурион назвал несколько офицеров, служивших в британской армии. Руководители Хаганы понимали, что их организация страдает недостатками, но оспаривали.

*То были пехотные отряды Хаганы, укомплектованные в большинстве солдатами, имевшими опыт службы в британских войсках и участия во второй мировой войне, а также полицией еврейских ишувов и молодежью. Были также так называемые гарнизонные отряды — стационарные, составленные из людей, которых готовили к позиционной обороне поселений и городов.

идею создания независимого от них органа: они считали, что чем основывать совет, который не будет пользоваться поддержкой Организации, лучше укрепить самое Хагану путем включения в ее ряды ветеранов английской службы. Бен-Гурион, со своей стороны, не отказался от своего плана превратить Хагану в регулярную армию. Это было осуществлено шест. месяцев спустя, на сей раз (благодаря изменившимся обстоятельствам) при полной поддержке большинства командиров Хаганы.

Евреи Эрец Исраэль шли, таким образом, навстречу кризису 29 ноября 1947 года, опутанные тенетами политической борьбы и никак не готовые к той войне, которая их ожидала. В то время евреи, за исключением Бен-Гуриона и нескольких очень близких к нему людей, находились, к счастью, в состоянии полного неведения о реальной ситуации, и только англичане имели некоторое представление о подлинном положении вещей, хотя и они тешились иллюзиями по поводу развития событий в Объединенных Нациях.

Подобно еврейским руководителям, англичане продолжали верить, что решающее слово в Эрец Исраэль останется за ними, ввиду якобы неизбежного тупика в ООН. "Почему вы согласились на передачу проблемы Эрец Исраэль в Объединенные Нации? — спросил советник Бевина Гарольд Били у Давида Горовица, — ведь решение ООН в вашу пользу возможно только при условии, что Советский Союз и Соединенные Штаты договорятся между собой". Итак, за девять дней до того, как невероятное стало фактом, британское министерство иностранных дел сообщило, что в Уайтхолле по-прежнему полагают, что ключ к урегулированию палестинской проблемы все еще в руках британского правительства. Бевин старался убедить евреев, американцев и русских в необходимости обес-

печить силой выполнение решения Объединенных Наций. Но поскольку ни США, ни СССР не будут готовы навязать силой эти решения, а сами евреи просто не сумеют сделать этого в одиночку, ответственность снова перейдет к англичанам. Но последние тоже не станут проводить раздел, если только на это не согласятся и евреи, и арабы — вещь невозможная. Но что случится, если такая ситуация все-таки возникнет?

На этот вопрос британское министерство иностранных дел дало четкий ответ еще до принятия решения в Объединенных Нациях и после этого — в декабре: "Правительство Великобритании не видит угрозы или возможности вторжения регулярных арабских армий на территорию Эрец Исраэль". Такова была официальная позиция на 20 ноября 1947 года. Месяцем позже британское министерство иностранных дел пояснило, что военные советники правительства Великобритании "убеждены в отсутствии опасности, что объединенные арабские армии вступят в Эрец Исраэль разве что для занятия определенных участков Палестинского арабского государства чисто символическими силами". Это было 20 декабря.

В то время как евреи в Эрец Исраэль радостно следили за ходом голосования в ООН и тревожно — за реакцией арабов (а она стала недвусмысленно ясной после поджога торгового центра в Иерусалиме и нападения на еврейские автобусы, следовавшие через арабские города Рамлу и Лод), Бен-Гурион пригласил к себе Эхуда Авриэля и Иегуду Арази и предложил им ехать в Европу и Канаду, чтобы каким-нибудь образом раздобыть 10 000 винтовок и 450 пулеметов и купить самолеты и пушки. Авриэлю был предоставлен кредит 750 000 долларов. Однако, кроме Бен-Гуриона и Галили, никто не верил в успех этой миссии. Одни считали, что это напрасные надежды, другие видели в этом просто безумие. На поверку же оказалось, что это был

первый шаг из мира грез и иллюзий, сопутствовавших решениям ООН о разделе Эрец Исраэль. Суровая действительность стала уже вырисовываться. Как это произошло, мы увидим, когда коснемся первых последствий голосования о разделе.

Часть вторая

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА

Глава четвертая

ЕВРЕИ И АРАБЫ ГОТОВЯТСЯ К ВОЙНЕ. ПЕРВЫЕ ВРАЖДЕБНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Немного времени выпало для братания между евреями и британскими солдатами в Эрец Исраэль, для выражения радости в связи с итогами голосования о разделе в Объединенных Нациях и последующим решением англичан вывести администрацию до 15 мая и войска до 1 августа. 30 ноября 1947 года прогремели первые выстрелы* на дорогах в районе Иерусалима и в других городах со смешанным населением. Так арабы опровергли предположение еврейских руководителей, что все может уладиться без особенного насилия. Теперь Хагана взяла в свои руки управление еврейским ишувом в Эрец Исраэль. Но Хагана, как мы уже объясняли, отнюдь не была так всесильна, как ее представлял себе мир. Военные корреспонденты английских и американских газет говорили о милиции в 80 000 человек, способных носить оружие; другие печатали отчеты, упоминавшие тайные склады артиллерии и даже "танки Хаганы". Военные руководители арабов мерили Хагану подобными же мерками (см.

*Инцидент, ознаменовавший начало Войны за Независимость, - нападение (30.11.47.) близ Лода на еврейский автобус, направлявшийся в Иерусалим.

стр. 110)*. Фактически дела обстояли несколько иначе.

Хагана была организована в двадцатые годы нашего века для обороны еврейского ишува в Эрец Исраэль. Она была нелегальной, и обучение проводилось тайно; оружие для нее приходилось доставлять из-за границы или покупать незаконным образом у английских солдат. Членов Хаганы не призывали официально, а собирали на занятия, обучая основным элементам ведения боя и пользования оружием, чаще старыми пистолетами и винтовками, иногда автоматами и самодельными гранатами. Эти тренировки проводили в укромных местах в часы досуга и после работы. Была разработана совершенная система сигнализации, чтобы заблаговременно оповещать о приближении английских солдат или полицейских. Британская полиция нередко мчалась в школу или на станцию скорой помощи, узнав, что там проводят учения Хаганы; но в большинстве случаев она обнаруживала взрослых учащихся, погруженных в свои вечерние занятия, или медсестер, ухаживающих за группой пациентов, на вид подозрительно здоровых. Эти тренировочные центры зачастую кочевали с места на место, часы учений также менялись от раза к разу, чтобы уберечься от преследователей, коим имя — мандатные силы.

Более серьезные мероприятия, как, например, особые курсы для командиров взводов и отделений, устраивались в хозяйствах и поселениях, расположенных на отшибе. В Бен-Шемене, Мишмар-Хаэмеке, Ше-

*Одна из основных трудностей при определении численности Хаганы состоит в том, что, кроме подразделений Пальмаха, полевых и гарнизонных отрядов, каждый член кибуца и мошава автоматически зачисляется в члены Хаганы. Все, кто работал в этих хозяйствах, в том числе женщины и подростки старше четырнадцати лет, прошли военное обучение на местах, а каждый поселок мог за ночь превратиться в укрепленный пункт. Этот фактор оказал решающее влияние на ход событий.

фии, Бат-Шломо, Джоаре и других селениях находились стационарные центры Хаганы. Даже там время от времени приходилось прерывать тренировки из-за внезапного набега английского сыскного подразделения. Все это, разумеется, исключало действительно интенсивное и эффективное обучение. Обыски продолжались даже после принятия резолюции ООН о разделе. Англичане, решив уйти из Эрец Исраэль, тем не менее отказывались согласиться на создание местной милиции в районах, отведенных евреям и арабам по решению Объединенных Наций. Назначив 15 мая датой отказа от мандата, они рассматривали себя ответственными за соблюдение законности и порядка вплоть до последнего момента. Ишуву казалось, что эта "ответственность" осуществляется весьма односторонне, поскольку Хагану вынуждали оставаться в подполье и преследовали еще долго после того, как открыто началось формирование Арабской армии спасения в арабских зонах Эрец Исраэль, порою в двух-трех километрах от британских военных лагерей. Эти трудности в известном смысле помогли будущим командирам Пальмаха изучить условия местности, где им предстояло сражаться.

Что касается оружия и оснащения, то Хагане далеко было до предположений, по которым англичане и арабы расценивали ее техническую мощь. Оружие, закупанвшееся для Хаганы за рубежом, приобреталось на скудные средства. Ценой огромного труда удалось им собрать легкое стрелковое оружие, от австро-венгерских пистолетов марки "Штайер", финских автоматов и русских наганов до нескольких драгоценных пулеметов — "Бренов", "Льюисов" и "Гочкисов". Кроме этого, в Эрец Исраэль работало несколько тайных мастерских, выпускавших в небольшом количестве мины, взрывчатку, ручные гранаты, минометы и пулеметы с боеприпасами к ним. Но значительное

количество оружия было добыто на Ближнем Востоке после битвы при Эль-Аламейне и ухода французов из Сирии.

Одним из наиболее способных добытчиков Хаганы был Эхуд Авриэль, которого Бен-Гурион направил в Европу с поручением закупить 10 000 винтовок и 450 пулеметов. Авриэль не был новичком в миссиях такого рода: он приобрел опыт, будучи одним из самых пробивных и деятельных активистов Мосада Алия Бет — подпольной организации, занимавшейся нелегальной переправкой евреев в Эрец Исраэль в эпоху мандата. Имелись и другие специалисты по этой части: Славин в Соединенных Штатах, Мардор в Европе и Арази в Италии, Канаде, а затем во Франции. Арази добыл первые шесть пушек для Хаганы, сыгравшие чуть ли не решающую роль в боях в день вторжения арабов.

Авриэль приехал в Париж в начале декабря 1947 года и тотчас вступил в контакт с многочисленными связными, которых он знал со времен Мосада Алия Бет. Очень скоро он стал получать заманчивые предложения и оказалось, что в большинстве случаев оружие предлагает Прага. Приятель англичанин рассказал ему, что можно получить на эти поставки официальные свидетельства одной южноамериканской страны за вознаграждение в размере десяти процентов от суммы сделки. Цена непомерная, но выбора не было. Авриэль заинтересовался. Он знал, что чехи готовы экспортировать оружие в Южную Америку, и согласился на предложенные условия. У него до сих пор сохранились официальные документы некоей страны со времен работы на "нелегальную" алию. В документах значилось, что господин Ибраль (Авриэль) является официальным представителем главы того государства, от имени которого он уполномочен закупать оружие. Запасшись этими документами, он выехал в Прагу

после того как другие представители Хаганы — Пинха Сапир, Пино Гинзбург, Моня Мардор и Уриэль Дорон подготовили почву для его приезда.

С помощью документов Авриэля, вообще-то не слишком подлинных, его товарищи начали прощупывать почву в чешских министерствах обороны и снабжения. К своему удивлению, они обнаружили, что чехи склонны к сотрудничеству. Прага, оказывается, очень хотела помочь маленькой стране в ее борьбе за независимость, особенно против англичан.* Более того, чехи крайне нуждались в долларах, и они продавали свои излишки оружия.

Однако лишь после того, как завершились продолжительные переговоры между Моше Шертоком (Шаретом) и Андреем Громыко в Нью-Йорке в январе 1948 года, и после того, как русские дали свое согласие, — только тогда чехи окончательно согласились продать оружие евреям. С этой минуты они были готовы принять документы Авриэля и считать их подлинными. Английские протесты только раззадорили их, и они стали выказывать еще более теплое отношение к представителям Хаганы. В конце января была совершена первая сделка на приобретение оружия в Чехословакии, но еще требовалось доставить оружие в Эрец Исраэль в обход британской блокады на море и мандатного контроля на суше. Для транспортировки оружия был призван еще один ветеран Мосада Алия Бет — Иегуда Арази. Со своей базы в Италии Арази успешно провез оружие, упрятав его в тракторы, контейнеры с продовольствием и другие тайники. Одной из самых больших его удач явилась отправка парохода "Нора" с 4300 чешскими винтовками и 200 пулеметами и с боеприпасами под грузом картофеля.

*Правда, с тем же энтузиазмом они были готовы продавать оружие арабам (см. десятую главу)

Ружья были благополучно привезены в страну 3 апреля и сыграли важную роль в успехах Хаганы в этом месяце. Тогда же поступило 200 пулеметов на самолете, который приземлился на юге страны и поднялся в воздух, как только оружие было разгружено. Вооружения, имевшегося у Хаганы в начале боев, едва хватало на окопную оборону от банд и было совершенно недостаточно для борьбы с регулярными арабскими войсками. Изучив в апреле 1947 года списки вооружения Хаганы, Бен-Гурион нашел, судя по его записям, лишь следующий запас:

10 073 винтовки (из них только 1353 находились на центральных оружейных складах и подразделениях Хаганы и Пальмаха. Остальные 8720 были разбросаны по маленьким тайникам в различных хозяйствах и служили для нужд местной обороны) ;

1900 автоматов;

444 легких пулемета;

186 средних пулеметов;

672 двухдюймовых и 96 трехдюймовых минометов.*

Не было ни одного тяжелого пулемета, ни одной пушки, ни бронированных машин, ни противотанкового, ни зенитного оружия. Не было даже в зародыше военно-морских или военно-воздушных сил, если не считать нескольких разнотипных легких самолетов — маленьких "примусов" и "Пайперов".**

Только в специальных ударных отрядах Хаганы — отрядах Пальмаха — солдаты несли постоянную служ-

*Из этого перечня только 656 винтовок, 130 автоматов, 33 легких и 5 средних пулеметов находились тогда в распоряжении Пальмаха.

**Самолетам этим принадлежала важная роль в первые месяцы боев. Они использовались для разведки, для связи с осажденным Иерусалимом и даже для "бомбардировочных" рейдов. Бомбы летчики сбрасывали вручную.

бу. Основные подразделения Пальмаха жили в кибуцах, где личный состав посменно две недели работал и две недели проходил обучение.

Когда 30 ноября 1947 года начались бои, Пальмах насчитывал около 3000 человек под ружьем и в резерве. Пальмах входил органической частью в Хагану и главное командование последней назначало командира Пальмаха и командиров его бригад. Подразделения Пальмаха управлялись из отдельного штаба, служившего промежуточным звеном между ними и главным командованием Хаганы. Строевые отряды Пальмаха жили другой жизнью, чем остальные подразделения Хаганы, и фактически пользовались полной независимостью в принятии тактических решений. Среди его командиров в 1941 году было два молодых человека, которым тогда едва исполнилось двадцать и которые впоследствии прославились военными талантами — Моше Даян и Игал Алон.

Свои самые крупные единицы — полевые отряды — Хагана мобилизовала сразу же в ответ на первые вооруженные выступления арабов после голосования о разделе 29 ноября. Это, однако, было лишь началом мобилизации, проводившейся весьма неспешно. Только 26 января было объявлено о всеобщей мобилизации всех членов Хаганы. Годные для несения службы, но еще не служившие в Хагане не призывались до марта месяца. Руководители Еврейского агентства еще не осознали всей серьезности положения. Командир Хаганы Израэль Галили просил объявить мобилизацию семейных мужчин в возрасте от двадцати пяти лет и старше. Эта просьба Галили пять раз отклонялась Комиссией 16-ти правления Еврейского агентства и Национального комитета. На шестой раз он получил "добро": положение тогда стало уже настолько ясным, что спорить больше было не о чем.

В первые месяцы враждебные действия в большинстве случаев ограничивались отдельными нападениями в городах со смешанным еврейско-арабским населением — в Иерусалиме, Хайфе и Яффе.

Английские солдаты ничего не сделали для прекращения стычек. Когда в начале враждебных действий арабский сброд поджег в Иерусалиме еврейский торговый центр, английские солдаты расположились вокруг места происшествия в своих броневиках и фотографировали пожар. Когда же были вызваны силы Хаганы, чтобы предотвратить грабеж, броневики повернулись против них и не подпустили их к месту пожара.* Позднее, во время ночных нападений арабов на изолированные еврейские кварталы в Иерусалиме, англичане удовлетворялись обысками, чаще всего у членов Хаганы. В первые недели враждебных действий в Иерусалиме члены Хаганы больше опасались англичан, чем арабов. Возмущение достигло предела, когда английский патруль разоружил нескольких членов Хаганы, отконвоировал их в Старый город к арабским линиям и там выпустил. Они были убиты арабами на месте. Теперь люди Хаганы, отправляясь на посты, переодевались в длиннополые сюртуки и нахлобучивали на головы шляпы с широкими полями, маскируясь под ортодоксов из квартала Меа-Шеарим, или шли в обнимку с девушками, которые прятали оружие на случай внезапного обыска.

Зверства англичан в Иерусалиме не назовешь случайными эпизодами. Они действовали систематически: на заводе "Иоцек" возле Яффы они разоружили охранявших объект часовых Хаганы и оставили их там лицом к лицу с вооруженной толпой арабов, растерзавшей беззащитных. Англичане предпринимали также

*Один из авторов, служивший в отрядах Хаганы в Иерусалиме, своими глазами наблюдал это поведение англичан.

прямые нападения на силы Хаганы. Напомним хотя бы убийство охраны близ Сальмы и в квартале Хатиква в начале декабря 1947 года, нападение на колонну, направлявшуюся в Бен-Шемен, и убийство тринадцати ее провожатых 14 декабря 1947 года, нападение на бойцов Пальмаха близ Кастеля и убийство шести бойцов 17 марта 1948 года, нападение на отряд Пальмаха возле возвышенности Радар, когда 24 апреля того же года было убито пятнадцать человек, и другие, подобные случаи.

Однако в декабре, январе и феврале это были в большинстве случаев лишь разрозненные инциденты. Открывалась стрельба, взрывались здания, бомбы подкладывались арабами в еврейских кварталах и, в отместку, евреями — в арабских. Действия в отместку часто выполнялись двумя отколовшимися организациями — Эцелем и Лехи. Но с течением времени уже было трудно отличить нападения от возмездия. И то и другое вытекало из решения арабов военными действиями перечеркнуть голосование в ООН.

Теперь следует посмотреть, как восприняли новую ситуацию арабские руководители. Раздел Эрец Исраэль превращался в реальность и переходил в практическую стадию. Что по этому поводу собирались предпринять арабы? 12 декабря 1947 года, через две недели после голосования в Организации Объединенных Наций, утвердившего план раздела, главы арабских правительств собрались в Каире. И на сей раз приглашение исходило от иракского премьера Салаха Джабра. Из протокола видно, что различные противоречия не были устранены; напротив, ввиду неизбежного конфликта в Эрец Исраэль они еще более обострились.

Глава правительства Ирака предложил, чтобы секретные решения совещания в Балудане были выполнены немедленно и чтобы арабские страны начали военную интервенцию в Эрец Исраэль в соответствии с

рекомендацией председателя военной комиссии Арабской лиги иракского генерала Исмаила Сфуат-паши. В своем отчете совещанию глав правительств генерал высказывал мнение, что евреи Эрец Исраэль сосредоточили вооруженные силы порядка 50 000 человек, не считая резервистов. У евреев, говорил генерал, достаточно легкого оружия, много пушек и танков и значительные военно-воздушные силы. Из этой оценки еврейского потенциала иракский генерал делал вывод, что палестинским арабам против евреев в одиночку не устоять. Необходимо направить палестинцам самое лучшее оружие, какое только возможно, поддержать их добровольцами и сосредоточить регулярные арабские армии на границах Эрец Исраэль, которым, возможно, придется участвовать в боях.

Последовавшие прения были путанными, но поучительными. Глава правительства Саудовской Аравии возражал против приведения в действие секретных резолюций, принятых в Балудане. Он противился вооружению арабов Эрец Исраэль, угрозам нефтяным компаниям англичан и американцев, но более всего — интервенции регулярных арабских войск в Эрец Исраэль. Глава египетского правительства был против всякого вмешательства регулярных войск, но был готов оказать поддержку добровольцами. Меморандум, представленный муфтием, также поддерживал эту линию. Он не хотел вмешательства в Эрец Исраэль регулярных армий, поскольку это означало вмешательство короля Абдаллы, но он был за вооружение и мобилизацию арабов Эрец Исраэль. Те же мотивы, что побудили Египет и муфтия занять такую позицию, побудили короля Абдаллу ей воспротивиться. Он не хотел вооружать палестинских сторонников муфтия и требовал вмешательства регулярных арабских войск (подразумевая Арабский легион), но не ранее ухода англичан 15 мая 1948 года.

Ввиду таких неразрешимых противоречий главы правительств согласились на несколько общих принципов: сделать все, что в их силах, для срыва программы раздела; поставить военной комиссии Арабской лиги 10 000 винтовок, другое легкое оружие и боеприпасы; организовать переброску 3000 добровольцев через Сирию в Эрец Исраэль; внести один миллион фунтов стерлингов на покрытие расходов, связанных с "обороной Палестины"; создать техническую комиссию по организации, обучению и оснащению добровольцев. Главнокомандующим этими силами был назначен генерал Сфуат.

Делегации Ирака и Трансиордании были довольны принятыми решениями. Они покинули Каир и отправились на дополнительные беседы с королем Абдаллой в Амман. Король же заверил их, что он сам сумеет осуществить программу генерала Сфуата, а Сирию и Египет не стоит принимать в расчет, когда речь заходит о реальном вмешательстве. Иракцы вернулись в Багдад и доложили об успехе своей миссии. Результаты бесед в Каире и Аммане были сообщены также иракскому дипломату Нури ас-Саиду, находившемуся в Лондоне. 16 января 1948 года Нури ас-Саид имел частную встречу с Эрнестом Бевинем и полностью информировал своего собеседника о ходе событий и о намерениях арабских руководителей. Ответ Бевина был одобрительный. "Мы убедились, — писал впоследствии ас-Саид иракскому парламенту о своей миссии, — что Британия приветствует цель арабов в Палестине. Переговоры об оружии для иракской армии были очень успешными".

2 февраля 1948 года состоялось еще одно совещание Арабской лиги в Каире. Генерал Сфуат представил отчет о скупом отклике на решения, принятые на декабрьском совещании, и потребовал от арабских делегатов осуществления мер, предусмотренных два

месяца назад. Он хотел немедленно собрать совет арабских военачальников (созыв занял шесть недель). Лига постановила не предоставлять больше нефтяных концессий и разрешений на прокладку новых нефтепроводов. Однако эти агрессивные речи были очень далеки от угрозы прекращения поставок нефти — угрозы, являвшейся главным содержанием секретных резолюций совещания в Балудане. Не успел Сфуат возвратиться в Багдад, как там разразился острый правительственный кризис. 15 февраля 1945 года в Ираке вспыхнули волнения против подписания нового англо-иракского договора в Портсмуте. Регент эмир Абдель Илла был вынужден распустить правительство Салаха Джабра и аннулировать новый договор. Премьер и Нури ас-Саид сочли за лучшее повременить с возвращением в Ирак. Доктора Джамали посадили под домашний арест. В этих условиях английское правительство не считало, что есть необходимость поставлять Ираку оружие в соответствии с соглашением между Нури ас-Саидом и Бевином. Так или иначе, иракцам пришлось заняться своими собственными делами. В последующие решающие месяцы иракцы уже не играли важной роли в событиях в Эрец Исраэль.

Иракский кризис вряд ли мог ощутимо уменьшить преимущества арабов в людях и вооружении. Однако их руководители не спешили использовать свое превосходство. Вопреки собственным же отчетам о мощи евреев, арабы полагали, что еврейские поселения, изолированные и разбросанные среди арабских округов, станут легкой добычей и без особых усилий с их стороны. За остальную часть еврейской территории Эрец Исраэль, рассуждали арабы, можно будет взяться не торопясь, после ухода англичан. Эта приятная вера поддерживалась и укреплялась британскими чиновниками и военными командирами англичан. Более того, местные арабы, обладавшие туманным представлением

о силе евреев, знали еще меньше о собственных силах. Они слышали об отчетах и решениях Арабской лиги, требовавших больше денег, больше оружия и больше добровольцев, и приняли все это за чистую монету. Никто не объяснил арабам, проживающим в основном в деревнях — пока еще не стало слишком поздно, — что арабские страны не выполняют обещанного и большая часть поставляемого ими оружия устарела, испорчена и ничего не стоит.*

Само арабское руководство, даже на местном уровне, страдало от полного отсутствия сотрудничества между руководителями. Разногласия между "хусейнистами" — сторонниками муфтия — и "антихусейнистами" (с такими почтенными семьями во главе, как Нашашибби) часто приводили к полному хаосу. В Яффе объявились два самостоятельных вождя, причем каждый отдавал отдельные и порою противоречивые приказы; в Хайфе распри между арабскими группировками дошли до того, что одна завладевала оружием и боеприпасами, предназначенными другой; в Лоде происходили стычки между враждовавшими бандами.

В первые месяцы 1948 года на арабской стороне в Эрец Исраэль появилась новая сила. 8 января в Галилею вошел второй Ярмукский батальон, а 20 января первый Ярмукский батальон пересек границу Трансиордания — Эрец Исраэль и стал лагерем близ Шхема. За ним вскоре последовали другие батальоны. Араб-

*Согласно отчету, подготовленному для совета Арабской лиги ее военной комиссией 8 февраля 1948 г., комиссия передала к этому сроку палестинским арабам 1700 ружей, 500 000 патронов и небольшое количество пистолетов и гранат. Кроме этого, Египет отправил муфтию 1200 винтовок и 700 000 патронов для распределения среди его сторонников. Вскоре после отчета правительство Ирака отправило еще 1000 ружей, а сирийские власти — еще 78 пулеметов, 8 минометов и 645 винтовок.

ская армия спасения под командованием ливанца Фавзи эль-Каукаджи приступила к действиям.*

Арабские правительства начали вербовку и обучение добровольцев в декабре 1947 года. Эта работа проводилась под наблюдением консультативной военной комиссии Арабской лиги. Главнокомандующий Исмаил Сфуат разместил свой штаб в Эль-Кудсия около Дамаска и занял учебный военный лагерь сирийцев в Эль-Катне. Лагерь должен был служить базой для обучения, снаряжения и отправки добровольческих отрядов в Эрец Исраэль.

Первые незначительные стычки произошли на севере Эрец Исраэль. Цфат доставлял особенные хлопоты англичанам из-за непрекращающихся перестрелок между евреями и арабами. В Эмек-Хахула происходили наиболее частые инциденты. Это заставило Хагану прибегнуть к новому виду операций возмездия, чтобы произвести впечатление на арабов и посеять страх среди феллахов, дабы они знали, что у Хаганы руки длинные и могут дотянуться до самых отдаленных арабских районов, воздавая око за око. На первом этапе эти операции метили только в виновных арабов, о которых было достоверно известно, что они совершили преступления против евреев. Но до разработки новой системы возмездия о ней вели дискуссию в кругах еврейского ишува. Евреи — так твердили оппоненты — не должны делать ничего, "что способствовало бы раздуванию пожара", а действия в отместку

*Фавзи эль-Каукаджи родился в Триполи (Ливан), служил в сирийских отрядах оттоманской армии в первую мировую войну. Он участвовал в мятеже друзов против французов в Сирии в 1925 г., затем перешел в армию Саудовской Аравии, позднее — в иракский военный колледж. Каукаджи приобрел особую известность во время событий 1936 года в Палестине. В 1941 году он сражался против англичан на стороне Рашида эль-Келани в Ираке и был там ранен. Остальные годы второй мировой войны он провел в Германии в качестве гостя нацистов.

и без разбора повлекут только его распространение. Первая такая операция была проведена 18 декабря в арабском селе Хисас близ сирийской границы. Маленькая группа бойцов Хаганы проникла в село, убила десять арабов и ранила пятерых гранатами и пулеметным огнем. Парни ушли без потерь, разбросав листовки о том, что нападение является возмездием за убийства в Цфате и за инцидент близ Хисаса, в котором погиб еврей. Среди убитых в Хисасе оказались два ливанца и два сирийца, гостивших в селе. Позднее утверждали, что это нападение повлекло вторжение Арабской армии спасения (ААС), но правильнее будет сказать, что Хисас был лишь звеном в длинной и крайне запутанной цепи событий, которые теперь, после вторжения ААС, достигли новой стадии. Арабы участвовали свои вылазки, но Хагана теперь парировала любые удары — на севере или на юге и на дороге в Иерусалим. Проводились также операции возмездия в Блад-эль-Шейхе близ Хайфы, в Язоре и в Сальме возле Яффы и в других местах.

Командиры Бен-Гурион и Галили упорно боролись против ограничений, наложенных на операции возмездия. Они утверждали, что опасения и укоры совести — всего лишь прекраснодушные. Становилось все более и более трудно, даже невозможно, точно указать виновных арабов. Такое положение подвергало Пальмах дополнительной и неоправданной опасности. Операции возмездия превратились в национальную проблему, перестав быть только личным делом участников. Их целью было отныне предостеречь, нагнать страх в большей степени, чем наказать. Такими были нападения на центральную автобусную станцию в Рамле в ночь с 11 на 12 декабря, вылазка 15 февраля 1948 года в Сасу — село в центральной Галилее, расположенное в почти недоступном месте, в восемнадцати километрах от ближайшего еврейского поселения. Если было араб-

ское село, чувствовавшее себя уверенно в центре арабской территории Эрец Исраэль, то таким была Саса. Однако той ночью из Эйн-Зейтим вышла рота Пальмаха под командованием Моше Кальмана, прошла полями по липкой грязи галилейской земли, добралась до Сасы, взорвала двадцать домов и вернулась, проделав на обратном пути восемнадцать километров по вражеской территории. Этой операцией имелось в виду продемонстрировать, что нет такой арабской деревни, до которой не дотянулась бы рука Пальмаха. Чтобы показать это как можно более наглядно, в ту ночь провели несколько аналогичных операций против арабских сел и дорожных мостов по хорошо разработанному плану. Эти действия убедили многих феллахов, если не их руководителей, в силе евреев.

Глава пятая

ЯНВАРЬ — АПРЕЛЬ 1948 г.

НАЧАЛО КОНЦЕНТРИРОВАННЫХ АРАБСКИХ АТАК ЕВРЕИ ПЕРЕХВАТЫВАЮТ ИНИЦИАТИВУ

9 января 1948 года началось первое большое наступление арабских нерегулярных сил через границу. Атаке подвергся Кфар-Сольд, еврейское поселение в северной части Эрец Исраэль. Одновременно они напали на соседний кибуц Дан. В обеих группах было по 150 арабов. Стрельба привлекла внимание англичан: прибыла колонна броневиков, после долгой перестрелки вынудившая арабов отступить. Но это еще не было настоящее наступление. Арабская армия спасения (ААС) под командованием Фавзи эль-Каукаджи еще не начала действовать.

Арабские руководители хотели дать понять феллахам, что эти местные атаки еще не являются началом арабской наступательной войны против евреев. При этом они старались предупредить преждевременное восстание, пока англичане в стране и могут вмешаться. Они не желали спровоцировать английское вмешательство генеральным наступлением на евреев. Их не покидала уверенность, что можно себе позволить подождать, пока из страны не уберется последний англичанин.

Однако с течением времени действия ААС на территории Эрец Исраэль становились все более вызываю-

щими, и 4 февраля ее отряд устроил в Хушве засаду нескольким военным автомобилям, полагая, что они принадлежат евреям. На самом же деле это были машины ирландской стражи. В бою арабы потерпели поражение, но многим удалось бежать. Шестерых ирландцы все-таки захватили. Пленные оказались сирийцами и аттестовали себя "добровольцами чести". Их допрос привел английские власти к выводу, что если это типичные бойцы ААС, то "евреев ожидают тяжелые времена".*

Сложилась довольно странная ситуация. Арабские лидеры осторожно взирали в сторону Уайтхолла, стараясь понять, не вызовет ли враждебной реакции их открытое военное вторжение в Эрец Исраэль. Авантюристы уговаривали не беспокоиться и не колебаться. Тем не менее ААС углублялась в Эрец Исраэль с большой осторожностью, нащупывая путь и следя в оба за британской реакцией. После первого нападения 9 января на еврейские поселения Англия заявила Сирии протест. Сирийцы уклонились от ответа и выжидали. Поскольку никаких дополнительных признаков английского недовольства не последовало, продвижение ААС возобновилось и даже ускорилось; ее штаб в центре Эрец Исраэль в Кфар-Джебба (менее 35 километров от английского штаба в этой зоне) был усилен и укреплен. Решено было также ввести в Эрец Исраэль всю Арабскую армию спасения (ААС), насчи-

*Об этом пишет майор Р. Д. Вильсон в своей книге "Кордон и поиск" – история Шестой автотранспортной дивизии. Участком командовал Адив Шишакли. Он послал Каукаджи следующую телеграмму: "Фавзи: рота Идлива атаковала еврейскую колонну. На помощь евреи выслали крупные подкрепления. Англичане вмешались, выступив против нас на броневиках; они пользовались минометами. Пришлось отступить. Мы не знаем, каковы потери евреев и англичан. Наши потери – пять пропавших без вести. Подробности потом. Адив". Телеграмма была отправлена 4 февраля 1948 года.

тывавшую в феврале 1948 года около 5000 человек, и начать готовиться к действиям.

В распоряжении британского главнокомандующего в Эрец Исраэль генерала Гордона Макмиллана пока еще было около 50 000 солдат, в том числе такие испытанные части, как Шестая автотранспортная дивизия, дислоцированная в районе сосредоточения ААС. Если б Макмиллана уполномочили выступить против ААС или ее ливанского командующего Фавзи эль-Каукаджи, он мог бы прогнать ее за пределы Эрец Исраэль в течение 48 часов. Однако Макмиллан получил из Лондона строжайшие инструкции за подписью государственного секретаря по военным делам Иммануила Шинуэлла воздерживаться от всякого военного столкновения с евреями и арабами, если только действия двух враждующих сторон не станут помехой беспрепятственной эвакуации англичан из страны (см. шестую главу). На практике эта инструкция обрекла Макмиллана на унизительные переговоры с Каукаджи по принципу "Не тронь меня, и я тебя не трону" и соглашение, которое дало Каукаджи уверенность, что англичане не будут вмешиваться, если действия его армии не будут слишком вызывающими.*

Каукаджи, однако, был хитер. Он заключил соглашение не только с англичанами, но и с тайными

*Каукаджи так описывает обращение к нему англичан: "Через несколько дней после моего прибытия в штаб в деревне Кфар-Джебба явилась британская военная делегация во главе с генералом и капитаном Махмудом ар-Рефаи в качестве переводчика. После поздравления с благополучным прибытием офицер заявил, что английское командование будет рассматривать меня как ответственного за безопасность всей страны. Будучи чрезвычайно удивлен, я ответил, что считаю себя ответственным только за участок, выделенный мне Верховным арабским командованием в Дамаске — треугольник Шхем-Дженин-Тулькарем, а также район Галилеи и Ладжун — и что я несу ответственность только перед Дамаском". Фавзи эль-Каукаджи, "Мемуары, 1948 год".

представителями Еврейского агентства. Сначала его штаб в Тубоасе посетил представитель Макмиллана Лабусьер, а затем туда тайно явился Иегошуа Пальмон* из бюро по арабским делам Еврейского агентства. Каукаджи заявил Пальмону, что он не нападет на евреев и не станет помогать бандам муфтия в Иерусалиме и Яффе, если только его об этом не попросит командующий нерегулярными силами в районе Иерусалима Эбед эль-Кадар эль-Хусейни, или командующий яффским районом Хасан Сальма.

Однако большинство активных арабских руководителей ничего не знало об этих тайных переговорах и соглашениях. Они понимали только, что английское правительство смотрит сквозь пальцы на готовящуюся арабскую интервенцию.

Сегодня, оглядываясь назад, справедливости ради надо заметить, что лейбористское правительство не хотело, чтобы его действия были истолкованы таким образом; тем не менее правительство и министерство иностранных дел Великобритании не могут обвинить арабов в том, что последние ошибались в понимании и истолковании действий и намерений англичан.

В то время как ААС начала свое продвижение вглубь Эрец Исраэль, британское правительство заключило великодушное соглашение об освобождении крупных замороженных египетских сумм в английской валюте. Это было 5 января 1948 года. 10 января было заключено англо-иракское соглашение, обеспечившее Ираку немедленную крупную военную помощь

*Иегошуа Пальмон и Эзра Данин из политического отдела Сохнута поддерживали тесные контакты с палестинскими арабами еще до ноября 1947 года. Впоследствии говорилось, что им удалось внести раскол в арабские села, нейтрализовать арабскую деятельность в стране и способствовать переходу важных британских позиций, например, полицейского пункта Каркура к Хагане.

(см. главу четвертую)* Накануне подразделения ААС пересекли границу и вступили на территорию Эрец Исраэль. 12 февраля представитель министерства иностранных дел в Лондоне подтвердил, что британское правительство продолжает поставки оружия Египту, Ираку и Трансиордании в соответствии с договорами о дружбе с этими странами.

21 января британский делегат в Организации Объединенных Наций сэр Александр Кадоган заявил комиссии ООН по Эрец Исраэль, что английское правительство "не в состоянии" принять ее рекомендации об открытии 1 февраля крупного порта в Эрец Исраэль для облегчения приезда значительного числа еврейских иммигрантов. Пока сэр Кадоган выступал в Нью-Йорке, моторизованная часть ААС, насчитывавшая около 700 человек, под командованием сирийского офицера Сафар-Бека пересекла на двадцати грузовиках с сирийскими номерами границу Эрец Исраэль. Отряд был вооружен винтовками и минометами и оснащен рациями.

Они пересекли границу, и ничего не произошло. Никто не запротестовал. Никто не вмешался. Четыре дня спустя Фавзи эль-Каукаджи почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы принять командование Арабской армией спасения. 25 января он перенес свою ставку в Кфар-Джебба.

Легкость, с которой ААС вступила в Эрец Исраэль и поразительное бездействие англичан привели к тому, что командование ААС получило подтверждение своего предположения, что английские войска либо не хотят, либо не в состоянии вмешаться. От Каукаджи

*Не вина английского правительства, что общественное мнение Ирака отвергло это соглашение, отчего Ирак потерял излишки английского вооружения, которые он должен был получить по новому договору.

потребовали, чтобы он предпринял более активные действия. И Каукаджи не устоял перед давлением.

В ночь на 16 февраля ААС провела свою первую большую атаку. Более 500 ее солдат из первого Ярмукского батальона под командованием Мохаммеда Цафы с приданным вооружением и при поддержке местных нерегулярных сил предприняли беспорядочную атаку на Тират-Цеви к югу от Бейт-Шеана в Иорданской долине. Поселенцам удалось отразить лобовой удар, и они запросили о помощи. К утру из Бейт-Шеана в направлении Тират-Цеви вышел британский отряд. В пути у него были легкие стычки с арабами, когда же англичане добрались до поля боя, то оказалось, что арабы прекратили атаку. Выяснилось, что шестьдесят арабов убито, примерно столько же ранено, а трое взяты евреями в плен. Потери евреев — один убитый и два раненых*.

Этот бой, несомненно, укрепил выжидательную позицию Каукаджи. Неожиданное поражение тяжело ошеломило его недавних советников. Однако широкой арабской общественности в Эрец Исраэль и соседних странах бой при Тират-Цеви был преподнесен как крупная арабская победа.

Несмотря на поражение в Тират-Цеви, проникновение арабских добровольцев продолжалось. К марту их число в ААС достигло 4000 человек плюс несколько тысяч палестинцев нерегулярной службы.

*В Тират-Цеви Хагана одержала победу в большой степени благодаря тому, что ее разведка заблаговременно предупредила о готовящемся нападении. По-другому изображает дело Каукаджи: в своих воспоминаниях о бое при Тират-Цеви он пишет, что вмешательство англичан — единственная причина отступления арабов. Если б не это, — утверждает он, — кибуц был бы захвачен с легкостью. По его словам, погибло 37 его солдат, у евреев было 112 убитых и еще больше раненых. — "Мемуары, 1948 год".

В северном секторе было 7000 человек.* Сектор находился под личным командованием Каукаджи и Адиба Шишакли. Каукаджи командовал самарийским участком ("треугольником"), а Шишакли хозяйничал в Галилее (за исключением отрезка Хайфа—Шефарам).

Центральный фронт — от Калькилии на севере до линии Мадждал—Фалуджа на юге — удерживали 5000 человек, почти целиком из регулярной армии. Этим фронтом командовали Эбед эль-Кадр эль-Хусейни на отрезке Иерусалим — Рамла и Хасан Сальма на отрезке Рамла — Лод — Яффа. Оба этих командира были яркими сторонниками муфтия, и оба впоследствии были убиты в бою.

Южный фронт, опоясывавший весь Негев, находился в подчинении сторонников муфтия Хадж Амина эль-Хусейни, среди них Тарк-бей эль-Африки, Хусани Минави, Хадж Амин и другие главари банд; было там также несколько сот добровольцев из египетских Мусульманских братьев. В Негеве (в том числе в Безр-Шеве) насчитывалось около 100 000 местных арабов против 1000 еврейских поселенцев, защищенных одним батальоном Пальмаха во главе с Моше Нецером. Через некоторое время к ним был послан командиром Нахум Сариг.

Некоторое количество палестинских арабов получило военную подготовку в двух полувоенных организациях Неджада и Футуа. Большинство арабов умели пользоваться оружием и прекрасно ориентировались в местности. Феллахи имели личные тайники с оружием и с энтузиазмом присоединялись к любой операции, когда им казалось, что победа обеспечена.

По мере увеличения количества арабских бойцов, изолированные инциденты, предвестники враждебных

*По словам иракского генерала Тага Хашими в его книге "Дневник войны".

действий, стали в декабре и январе более систематическими. Так, участились массированные нападения на еврейские кварталы в городах со смешанным населением, особенно в Иерусалиме, где несколько еврейских кварталов находились в тисках арабского окружения. Отныне кварталы Тальпийот, Шимон-Хацадик, Емин-Моше, Макор-Хаим, кибуц Рамат-Рахель и еврейский квартал в старой части Иерусалима стали объектом почти непрерывных налетов. В то время набегам и окружениям, напоминавшим бой у Тират-Цеви, подвергались почти все изолированные поселки.

Одно из наиболее дерзких нападений было предпринято 14 января на Кфар-Эцион – кибуц, расположенный вместе с тремя другими поселениями в Хевронских горах, на территории с довольно высокой плотностью арабского населения. Руководил вылазкой самый опытный из главарей банд Эбед эль-Кадр эль-Хусейни. Часть его банды и сотни местных феллахов приняли участие в нападении. Людям Эбед эль-Кадра удалось захватить высоту к югу от Кфар-Эциона (Красную горку). Победа, однако, ускользнула от них, и арабы бросились бежать, столкнувшись с неожиданной атакой взвода Пальмаха, подоспевшего из ближнего кибуца. Арабы оставили на полях Кфар-Эциона 120 убитых. Назавтра, в отместку за поражение, феллахи устроили засаду в Хевронских горах и напали на взвод Хаганы из тридцати пяти человек. Отряд состоял из студентов Еврейского университета, которых срочно отправили на подмогу осажденному Эциону. Все тридцать пять были убиты.

Известие об этой трагедии потрясло весь ишув. В Хагане не было солдата, которого бы никто не знал, а в Эрец Исраэль не было такого еврея, который не знал бы хоть одну семью из осиротевших тридцати пяти. В ишуве началось что-то вроде духовного кризиса. Уверенность в себе пошатнулась. Прошло несколько недель, прежде чем ишув оправился от этого удара.

Основными целями арабских атак на этом этапе были коммуникации евреев. Дороги блокировались. На легковые машины, грузовики и автобусы устраивались засады. Дороги из Тель-Авива в Иерусалим, из Хайфы в поселения восточной Галилеи и из Афулы в Бейт-Шеан были для евреев почти закрыты. Поселения в Негеве, Хевронских горах и поселение Бейт-Хаарава у северной оконечности Мертвого моря фактически оказались отрезанными от остальных еврейских районов Эрец Исраэль.

Известная истина, что тот, кто удерживает в своих руках линии коммуникации, выигрывает войну, становилась все более ясной еврейским руководителям. Транспорт за транспортом подвергались нападениям, потери росли, а положение осажденных, и прежде всего еврейского Иерусалима, становилось все более серьезным. Арабские вожди также понимали, что это путь к победе. Поэтому они изменили свою тактику. Вместо нападений на отдельные транспортные колонны они начали систематические действия из своих сел на холмах, господствующих над важными магистралями страны и над ключевой дорогой Иерусалим — Тель-Авив.

Еврейские руководители прекрасно понимали пагубность положения, но в первые четыре месяца боев почти ничего не могли предпринять. Инициатива целиком оставалась в руках арабов. Евреи вели лишь оборонительную борьбу, в лучшем случае делали вылазки местного значения. На этой стадии войны стратегия Хаганы базировалась на двух соображениях.

Первое было политическим и имело целью доказать неправильность убеждения арабов, неофициально поддерживаемого англичанами, будто решение Организации Объединенных Наций неосуществимо. Чтобы доказать, что утверждение это в самой своей основе ложно, еврейские руководители решили продемонстрировать всему миру, что арабы не в состоянии завоевать даже

одно единственное еврейское поселение и что евреи могут сами за себя постоять на своей земле. Важно было защищать каждый поселок, даже самый далекий и изолированный. Таково было мнение Бен-Гуриона и позиция Галили, которую они были вынуждены отстаивать против своих многочисленных военных коллег. Это была также и позиция самих поселенцев, без которых ее невозможно было бы проводить. Так родилась тактика "Никакого отступления!" Борьба шла до конца за каждое село и предместье — даже если с чисто военной точки зрения она казалась почти невозможной или нецелесообразной. Такая политика означала дробление небольшой сплоченной силы Пальмаха и Хаганы, исключала всякую возможность сконцентрировать войска и обрекала Хагану на пассивную оборону. Более того, подобная тактика обороны любой позиции любой ценой вынуждала Хагану доставлять снабжение одиноким поселениям через территории, занятые арабами. Арабским бандам тем самым предоставлялась постоянная возможность устраивать засады на еврейские транспорты, отправляемые в селения Неве-Яков, Атарот, Эцион, Иехиам, Бен-Шемен и многие другие. Этот тяжелый в военном отношении принцип оказался мудрым в политическом отношении. Он был осуществлен на практике благодаря железной решимости еврейских поселенцев даже в самых уязвимых местах оставаться на месте и драться за свои хозяйства.

Второе соображение, положенное в основу стратегии Хаганы, было чисто военное. Главное командование сознавало, что до завершения мобилизации Хаганы и получения более или менее крупных поставок вооружения нельзя и помышлять о наступлении. Поэтому наличным силам поручалось либо защищать кибуцы, либо конвоировать транспорты. Хагана страдала от острой нехватки оружия. Например, в бригаде Карме-

ли, сформированной во второй половине февраля, оружия имелось лишь на треть личного состава.

В то время как ударные роты Пальмаха и еще 3000 пехотинцев из полевых отрядов, мобилизованных в начале боев, осуществляли на практике описанную тактику, главное командование старалось набрать, сформировать и обучить дополнительные войсковые соединения. До 1 февраля было мобилизовано около 10 000 человек. Агентов Хаганы в Европе и Соединенных Штатах обязали любыми средствами раздобыть оружие.

На этой стадии общих приготовлений Хагана приступила к составлению стратегических планов, предвидя день, когда в частях окажется достаточно людей и оружия, чтобы перехватить у арабов инициативу. Руководители Хаганы полагали, что основная цель арабов — изолировать и при возможности захватить Негев и восточную Галилею, проникнуть в прибрежные долины Шарон и Хейфер из Калькилии в направлении Нетании и Герцлии, изолировать три крупнейших города — Иерусалим, Тель-Авив и Хайфу и перерезать линии снабжения водой, электроэнергией и топливом.

Для предотвращения этого Хагана разработала оперативный план, известный под названием "План далед". Задача сил Хаганы по "Плану далед" была следующая: "Овладеть территорией еврейского государства, защитить его границы, поселки и еврейское население вне его границ против врага организованного, полуорганизованного и неорганизованного, действующего как с баз за пределами государства, так и с баз на его территории". Цель была двойная: овладеть стратегическими высотами, господствующими над возможными направлениями ударов арабских войск, и заполнить "вакуум", который возникнет с уходом англичан. Имелось в виду создать еврейскую территорию, протянутую с севера на юг. Подразделения Пальмаха получили новые задачи. Были определены оборо-

нительные позиции, подлежащие удержанию; укрепленные полицейские пункты и села, которые они должны захватить; рейды, которые они должны провести на занятой арабами территории. Приказы о выполнении "Плана далед" будут отданы лишь после полной мобилизации и получения дополнительного вооружения — две предпосылки, необходимых для развертывания еврейского наступления.

Был и третий фактор, которым стратеги Хаганы не могли пренебречь: англичане. Еврейские руководители ждали в тревоге все первые месяцы 1948 года; у них пока еще не было уверенности, что англичане действительно намерены уйти из Эрец Исраэль. А поскольку командование Хаганы не имело ответа на этот вопрос, оно не могло осуществить "План далед", так как присутствие британских властей и войск чрезвычайно затрудняло подготовку Хаганы к войне. Из-за непрерывных обысков, арестов и конфискаций, проводимых англичанами, Хагана была вынуждена сохранять свой подпольный характер еще долгое время после того, как были открыто сформированы части Арабской армии спасения в подмандатной Эрец Исраэль. По мнению евреев, беспристрастие англичан всегда шло на пользу арабам. Такой дискриминационный нейтралитет евреи чувствовали в самых различных формах: непрерывные задержки еврейских транспортов в пунктах оружия, хотя арабы устраивают засады и держат под обстрелом любое шоссе; отказ англичан разрешить Хаганае открыто действовать; аресты людей Хаганы в Иерусалиме, Хайфе и Тверии, несмотря на непрекращающиеся нападения арабов на еврейские кварталы; отказ впустить в страну еврейских иммигрантов, в то время как сотни арабов ежедневно пересекали границу и въезжали в Эрец Исраэль. Такое отношение англичан вызвало не только горечь у руководителей Хаганы: оно привело к тому, что мысли военных сосредоточились на угрозе английского вмешательства в большей

мере, чем на опасности вторжения арабов. Так, например, когда 15 февраля 1948 года английский военный патруль появился близ укрепленной позиции Пальмаха в Гар-Кнаан, первым движением пальмаховцев, находившихся в глубине арабской территории, было упрятать оружие*

Недовольство и горечь, копившиеся в сердцах евреев, усугублялись многочисленными враждебными актами отдельных лиц британской службы безопасности. Одним из них был страшный случай в Иерусалиме на улице Бен-Иегуда, куда люди в форме местной английской полиции завезли заминированный грузовик, и взрывом было убито около шестидесяти человек.

Пока англичане осуществляли тщательный контроль над военными намерениями евреев, не могло быть и речи ни о каком крупном наступлении Хаганы. Но с окончанием зимы и приближением английской эвакуации британские власти предоставили евреям и арабам их собственной судьбе. Близился срок введения в действие "Плана далед". В ночь на 31 марта прибыли первые партии чешского оружия, и они были благополучно переданы Хаганы. Наконец-то шесть полевых отрядов стали боеспособными, хотя не имели тогда полного личного состава и достаточно вооружения и не были хорошо обучены.

Однако тут случилось нечто такое, что едва не сорвало всю тактику "Никакого отступления!" Арабы опередили евреев; оборонительные действия Хаганы потерпели неудачу. В течение нескольких недель арабы

*В противовес этому Каукаджи в своих воспоминаниях утверждает, что в задачи британских войск в Эрец Исраэль до 15 мая 1948 года входило:

1. Защищать евреев в их боях против арабов;
2. Периодически поддерживать атаки евреев;
3. Поставлять евреям "как можно больше вооружения и как можно скорей...". "Мемуары, 1948 год".

добились во всех частях Эрец Исраэль успеха в операциях против еврейских коммуникаций, поставив под удар всю систему связи между зонами, находящимися в руках евреев. За одну неделю — последнюю неделю марта — в Галилее было устроено нападение из засады на еврейский транспорт, направлявшийся в отдаленный поселок Иехиам, расположенный на месте бывшей крепости мамелюков Килат-Джидин, и сорок семь человек конвоя были убиты; другая колонна, возвращавшаяся в Иерусалим из Кфар-Эциона, попала близ Неби-Даниэль в окружение, и после боя, в котором обе стороны понесли тяжелые потери, евреи спаслись от полного уничтожения лишь благодаря английскому вмешательству. Все бронированные автомобили и снаряжение было захвачено арабами. Два других транспорта, пытавшихся в те же дни пробраться в Иерусалим, угодили в засаду и тяжело пострадали. В итоге были выведены из строя почти все самодельные броневики и весь транспорт Хаганы. Путь в Негев был также отрезан.

Более того, эти успехи арабов поставили под угрозу не только политику Хаганы — оборонять даже самые дальние поселения, но грозили Иерусалиму, сердцу еврейского ишува. Иерусалим был наиболее уязвимой еврейской позицией и, по мнению Бен-Гуриона, политически самой важной. Поэтому вокруг Иерусалима разыгралось несколько самых ожесточенных и тяжелых боев.

Положение евреев в Иерусалиме в первые месяцы 1948 года казалось почти безнадежным. Арабы удерживали в своих руках ключевые пункты; они захватили горы, господствующие над городом, за исключением горы Скопус, где одиноко высились корпуса Еврейского университета и больницы "Хадаса". Еще более опасным для евреев был контроль арабов над тремя главными магистралями, ведущими в Иерусалим: к северу — над шоссе Рамалла — Шхем с двумя одиноки-

ми еврейскими поселениями Неве-Яков и Атарот (они были окружены и находились под угрозой захвата); к югу — над дорогой Бейт-Лехем (Вифлеем) — Хеврон — Безр-Шева (четыре еврейских поселения, входивших в Гуш-Эцион, подвергались там постоянным нападениям); и к западу — над шоссе, спускавшимся к приморской еврейской полосе. От последнего зависело снабжение Иерусалима продовольствием и оружием. В Иерусалиме было тогда сто тысяч евреев.

Положение было ясное и для арабов, и для евреев. Судьба евреев в Иерусалиме зависела от возможности держать это единственное шоссе открытым для бесперебойного снабжения. Ситуация становилась все более и более тяжелой. В течение февраля лишь двум транспортам удалось миновать узкое и скалистое ущелье Шаар-Хагай, по которому вьется шоссе, поднимающееся из долины в Иудейские горы. Место идеальное для засад: над дорогой высятся поросшие лесом крутые горы, усыпанные валунами, грозящими обвалами. Арабы хорошо использовали это преимущество. Три больших транспорта с продовольствием и боеприпасами подверглись атакам, когда они преодолевали подъем в Шаар-Хагае, двигаясь в Иерусалим; десятки грузовиков были уничтожены. Путь в Иерусалим превратился в наводящее страх кладбище шоферов и машин.

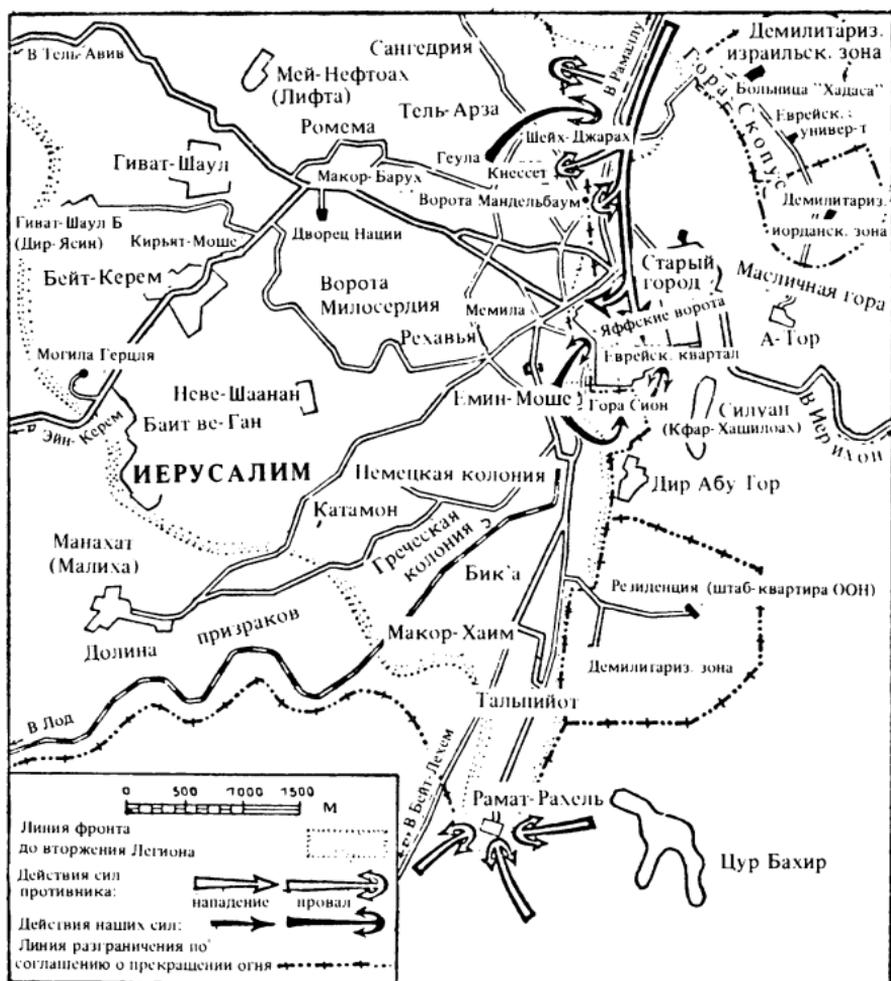
В конце марта арабам удалось окончательно перекрыть шоссе. Крупные силы Эбед эль-Кафра эль-Хусейни овладели высотами, господствующими над Шаар-Хагаем, и закрепились в селах Сарис, Цуба и Кагель у дороги. Они завалили шоссе громадными валунами и срубленными деревьями. Еврейская часть Иерусалима оказалась отрезанной и ее население — обреченным на голод. Опасность захвата его арабами была вполне реальной.

Мрачная перспектива потери Иерусалима заставила главное командование Хаганы разработать новые планы до начала общего контрнаступления. Инициативу передали командирам на местах. В Иерусалиме генерал Шалтиэль решил, что атаковать наличными силами нет никакой возможности.

Но теперь не было выбора: Иерусалим в опасности. Необходимо было начать наступление, невзирая на то, что оружия в достаточном количестве еще не поступило. В последний день марта Бен-Гурион телеграфировал представителям Хаганы в Праге. Он дал Дорону и Авриэлю указание немедленно направить в Эрец Израэль самолетом ДС-4 как можно больше винтовок и пулеметов. Это оружие было необходимо как боевое и моральное подкрепление для проведения операции "Нахшон" (Кодовое название операции по спасению Иерусалима). Для выполнения этой задачи были отобраны опытные батальоны бригады Харель (Пальмах), батальон бригады Гивати, сформированной недавно, затем личный состав бригады Кирьяти. Рота опытных бойцов из бригады Эциони в Иерусалиме тоже участвовала в боях, хотя и не входила в состав сил "Нахсона".

Первый батальон "Нахшон" (укомплектованный из рот Пальмаха — Александрони, Гивати и Кирьяти) должен был действовать на участке от Хульды до Латруна. Второй батальон (подразделение Пальмаха, сформированное специально для освобождения дороги в Иерусалим) — получил задание продвигаться вместе с первым транспортом и вступить в бой на участке Латрун — Кирьят-Анавим, против сел Кагель, Сарис, Колония и Цуба. Третий батальон был оставлен в резерве для западного сектора. Отрезок от Иерусалима до Латруна был подчинен на этой стадии бригаде Эциони, а не командованию операцией "Нахшон".

За 48 часов до начала наступления прибыл самолет из Праги. Оружие, еще не вынуженное из чехословацкой

Карта № 2. Иерусалим и его окрестности в начале мая 1948 г.

упаковки, было отправлено первому батальону "Нахшон", сосредоточенному в промежуточном лагере близ Тель-Авива и к тому моменту почти небооруженному. Чтобы солдаты обрели навык действовать с новым оружием, провели учебную стрельбу, а затем полк ушел в Наан, где устроил свою ставку командир бригады Гивати Шимон Авидан, возглавлявший операцию.

Операция началась в ночь с 5 на 6 апреля. Первые бои в Кастеле и рейд на командный пункт Хасана Сальмы были подготовительными и не входили в "Нахшон". Во время этой подготовки в ночь со 2 на 3 апреля высоты Кастеля (Боаз и Нахшон) были захвачены подразделением бригады Эциони, которое там оказалось, а сам Кастель — Пальмахом. Высота Кастеля 800 метров над уровнем моря, километрах в девяти к западу от Иерусалима, стала главным местом сражения. Она господствует над окрестностями, над иерусалимским шоссе, выющимся целых пять километров по склонам горы. Кастель расположен на вершине, его каменные строения были превращены в укрепленные позиции над ведущим к селу крутым и скалистым откосом. Именно здесь произошли самые упорные бои за обладание деревней и стратегической высотой. В ночь с 5 на 6 апреля прошел первый транспорт, наутро достигший Иерусалима. К вечеру 7 апреля, после того как из Сирии по тревоге был вызван Эбед эль-Кадр эль-Хусейни, поднявший своих приверженцев во всей округе, арабы пошли в контратаку на Кастель, продолжавшуюся и ночью (на этой стадии командование участком перешло к штабу "Нахсона"). Под утро был убит командующий арабскими силами в секторе Иерусалима Эбед эль-Кадр, руководивший контратакой. Гибель вождя привела арабов в ярость, и они возобновили бой, перешедший в рукопашный, чтобы отомстить за него и овладеть высотой. Бойцы бригады Эциони, понеся большие потери, были вынуждены

отступить. Уцелевшие уходили под прикрытием роты Пальмаха. Но и роте пришлось повернуть, когда командир отдал приказ: "Всем рядовым тотчас отступить в направлении Нахалат-Ицхак, взводные остаются на месте и прикрывают отход". Только одному командиру отделения удалось уйти живым из Кастеля. Ротный, который отдал приказ об отступлении, был найден мертвым возле своего пулемета.

Кастель был взят снова силами Пальмаха 9 апреля, после отступления арабов. Закончилась одна из решающих битв войны за Эрец Исраэль. Арабы потеряли важную высоту. Они потеряли в этих боях своего самого храброго и решительного военачальника.

Одновременно с наступлением на Кастель, 6 апреля, на западном фланге еврейские войска начали продвижение к Дейр-Мухъязин, у подножья Шаар-Хагая, неподалеку от Латруна, и овладели им. Арабы опять пошли в контратаку, но не сумели выбить евреев из деревни. Их вынудил уйти отряд английских броневиков, командир которого утверждал, что он нуждается в том, чтобы шоссе было открыто, — аргумент, казавшийся смехотворным, потому что шоссе в течение последнего месяца было блокировано арабами. Оттуда бригада Гивати пошла в атаку на деревни, господствующие над Шаар-Хагаем, и овладели высотой Дейр-Мухъязин и другими высотами. Между тем подразделение Пальмаха, укрепив оборону Кастеля, захватило горные деревни Колония, Лифта, Сарис, но ему не удалось взять деревню Цуба, которая, подобно Кастелю, расположена на крутом холме и была надежно укреплена. На этом операция "Нахшон" прекратилась. Цель была достигнута.

Бен-Гурион в начале 1966 года вспоминал те дни: "В конце марта прибыл самолет с оружием, так как англичане уже начали покидать страну. Днем полного ухода было назначено 15 мая, но они эвакуировали свои войска с юга на север и поэтому начали с Негева.

Там было летное поле. Мы думали посадить там самолет, но трудно было сообщить летчику место посадки, и он летал часа два, чуть не израсходовав все горючее. В конце концов мы с ним связались, он посадил самолет, оружие разгрузили, и он сразу полетел назад. В тот же день мы приняли решение по поводу операции "Нахшон". Я собрал штаб и сказал им, что мы вынуждены пробить дорогу в Иерусалим. Британский верховный комиссар обещал, что движение будет свободным, но не сдержал слова. Арабы закрыли дорогу, и мы вынуждены были пробить ее. Мы разработали план захвата дороги. Подготовили 400 человек. Я говорю: "400 человек, чтобы освободить дорогу? Против нас 5000 арабов! Нам требуется минимум 1500 человек". Мне говорят: "Откуда нам взять 1500 человек? Все заняты, все на постах на разных фронтах". Я сказал, что вызовем всех командиров, и пусть каждый даст половину своих людей, кроме тех, что в Галилее. Галилея была тогда в чрезвычайно трудном положении. Послали мы телеграммы, и все командиры прибыли. Я был удивлен. Все приняли это с радостью, никто не возражал и не доказывал, что его фронт ставится под угрозу. Так собрали 1500 человек. В ту ночь прибыло оружие — ружья и пулеметы. Это было наше первое наступление накануне основания государства, и успешное. Мы пробили дорогу. Британское правительство не вмешалось".

Три больших транспорта были доставлены в Иерусалим в ходе операции "Харель". Один из транспортов (больше 250 машин) прорвался по перекрытой дороге и доставил в осажденный Иерусалим продовольствие и боеприпасы. Жители встречали колонну почти с истерической радостью — запасы провианта в городе сокращались с пугающей быстротой. 20 апреля в Иерусалим вошел другой транспорт из 294 машин. Однако на сей раз арабы подготовились. Они вернулись, захватили несколько высот, господствующих над Шаар-Хагаем, и

нанесли колонне большой ущерб, прежде чем ей удалось достичь Иерусалима. Тем не менее эти операции дали Иерусалиму столь необходимую передышку. В город поступили жизненно необходимые продовольствие и боеприпасы. Хагане, однако, не удалось ни обеспечить, чтобы эта дорога оставалась открытой, ни максимально ее использовать в те дни, когда она не была в руках врагов. В конце апреля арабы снова блокировали Иерусалим.

Бригада Харель овладела Бейт-Суриком и Биду, когда до главного командования дошли известия (как выяснилось позже — ошибочные), что англичане эвакуируются из части Иерусалима. Было решено немедленно перебросить бригаду в столицу.

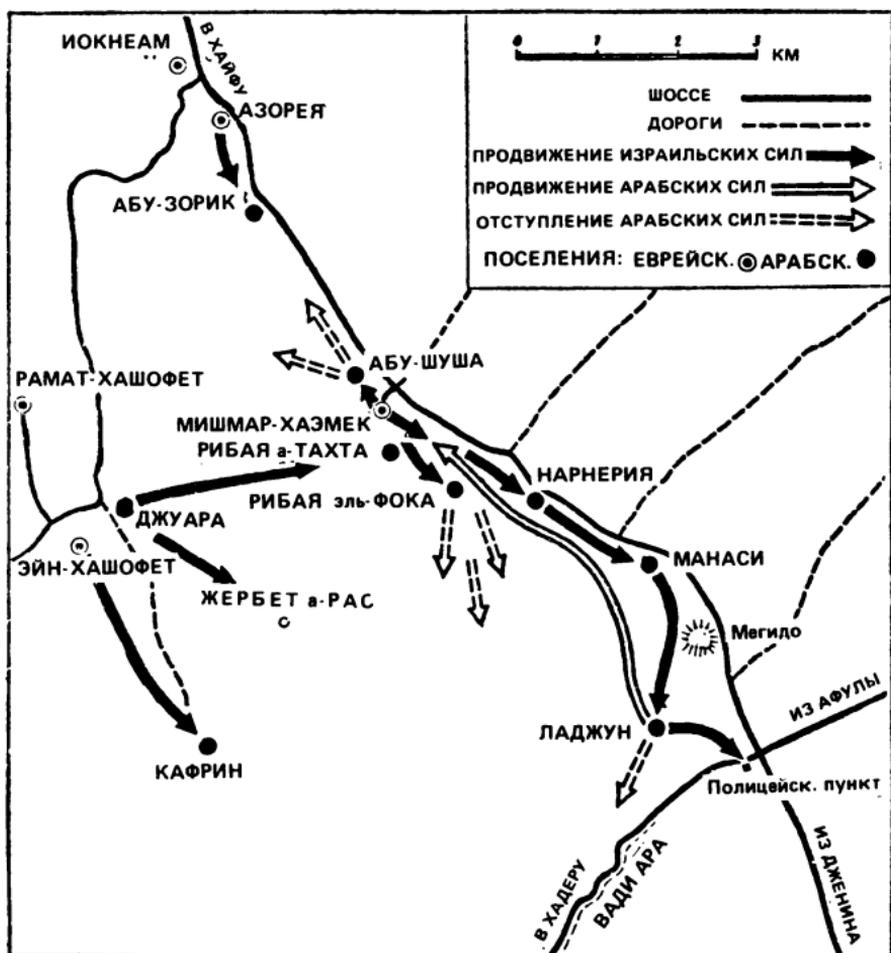
Итак, операция "Нахшон" не привела к потере арабами инициативы. Но определенная цель была все-таки достигнута: падение осажденного Иерусалима удалось предотвратить.

В ночь на 4 апреля, в ту самую ночь, когда бойцы операции "Нахшон" готовились выступить в направлении Шаар-Хагая, Каукаджи сконцентрировал около 1000 человек и батарею из шести 75-миллиметровых пушек в горах над кибуцем Мишмар-Хазмек. Этот кибуц находится у дороги, ведущей к Хайфскому заливу; он охраняет дорогу Ваади-Мильх и расположен по обе стороны дороги Дженин — Эмек-Изрезль. Поселение представляло некоторую угрозу линиям сообщения арабов из Хайфы и Акко в Дженин. Таков был объект первого крупного нападения Каукаджи; захват кибуца Мишмар-Хазмек дал бы ему возможность спуститься дорогой Ваади-Мильх и заблокировать жизненно важное шоссе Тель-Авив — Хайфа или повернуть на восток и вторгнуться в цветущие сельскохозяйственные поселения в Эмек-Изрезль. Этой операцией Каукаджи хотел доказать критикам в своей стране, что он воюет, а не играет в солдатики.

В ночь на 4 апреля Каукаджи начал атаку обстрелом из 75-миллиметровых орудий. Это был первый случай применения артиллерии в Войне за Независимость. Обстрел явился для поселенцев и для командования Хаганы полной неожиданностью. У защитников кибуца был всего лишь один пулемет, а ружей для всех мужчин не хватало. Если бы 5 апреля на рассвете Каукаджи пошел в атаку, он вероятно захватил бы кибуц благодаря численному превосходству, тем более что защитники были ошеломлены обстрелом, причинившим значительные потери. Но Каукаджи предпочел продолжать стрельбу из пушек, полагая, что это вынудит поселенцев сдаться.

Главное командование Хаганы быстро оценило создавшееся положение. Тактика Арабской армии спасения теперь отличалась от той, которую использовали арабы при нападении на Тират-Цеви два месяца назад. Командование опасалось, что Мишмар-Хаэмек не устоит перед превосходящими силами противника. Поэтому туда был направлен Ицхак Саде, который принял руководство боем. Подразделения Пальмаха и полевые отряды получили приказ перебросить подкрепления в Мишмар-Хаэмек за счет сокращения охраны в других поселениях. Очень быстро удалось собрать батальон Пальмаха под командованием Дана Ланнера и две полевые роты. Каукаджи, со своей стороны, также получил подкрепления из Дженина. Обе стороны были готовы померяться силами.

Но прежде чем развернулся бой, произошел один из тех случаев, по поводу которых имеются противоречащие друг другу отчеты. 5 апреля — на следующий день после первого нападения — явились английские солдаты из третьего гусарского полка, ближайшего к Хай-Эхазиону, и приступили к расспросам и допросам. Они считали, что у них нет ни сил, ни полномочий, чтобы прогнать Каукаджи и его людей. На месте они застали одного из заместителей Каукаджи. После переговоров

Карта № 3. Нападение Каукаджи на Мишмар-Хазмек и контратака
 Хаганы 4–12 апреля 1948 г.

отряд возвратился на свою базу в Рамат-Давид и сообщил, что арабы отказываются уйти, хотя обещали не возобновлять нападение. Но в тот же день после обеда арабы возобновили тяжелый артиллерийский обстрел. В Мишмар-Хазмек прибыл командир гусарского полка подполковник Пиль. Арабские командиры обвинили в возобновлении огня защитников кибуца. Евреи во время затишья уничтожили соседнюю деревню Рубия. Пиль спросил кибуцников, будут ли они соблюдать перемирие. Те не хотели сначала брать на себя какие-либо обязательства, однако, по совету Пили согласились на прекращение огня на 24 часа для эвакуации из кибуца женщин и детей. Солдаты Каукаджи в этом усмотрели большую победу своего командира.

Назавтра Пиль пытался добиться продления перемирия. Он был обескуражен, когда поселенцы заявили ему, что не располагают полномочиями вести переговоры. Тем не менее присутствие англичан дало им время для получения подкреплений. По мнению Пили, это было непорядочно, и он сказал евреям, что они нарушили соглашение о прекращении огня. Убедившись, что Хагана действительно перебросила подкрепления и приступила к действиям, подполковник отчаялся в своей миссии и удалился, так и не сообщив, что евреи в этой странной войне сражаются за свои жизни, а не изучают военное искусство. Большинство историков либо умалчивают об этом вмешательстве, либо приписывают ему заведомо несправедливые намерения. На самом же деле, это был шаг, продиктованный добрыми побуждениями, но необдуманый и поэтому неэффективный. Тем не менее вмешательство англичанина дало возможность вывезти из Мишмар-Хазмека женщин и детей, прежде чем бой развернулся в полную силу.

Каукаджи поставил свои орудия над двумя арабскими селами, Верхней и Нижней Рубией, откуда Мишмар-Хазмек был как на ладони, и четверо суток без

перерыва обстреливал кибуц. Свои силы он расположил в обоих селах и на окрестных холмах и рассчитывал подобраться по поросшим лесом холмам к кибуцу и обрушиться на Мишмар-Хазмек после подавления сопротивления пушками. Ланнер, прибыв на место с подмогой, ударил прежде всего по двум арабским деревням, и они очень быстро перешли в руки евреев. Однако рота полевых отрядов в Рубии почти немедленно подверглась тяжелой контратаке, продолжавшейся весь день 9 апреля. Каукаджи понимал, что днем у него преимущества численного перевеса и более тяжелого вооружения; евреи же использовали ночное время, зная, что арабы не любят сражаться в темноте. С наступлением сумерек 9 апреля еврейские позиции находились на грани падения. Почти не осталось боеприпасов, люди провели в бою целый день без пищи и воды, потери были большие. Ночью арабы открыли артобстрел с удвоенной силой. Ланнер полагал, что это подготовка перед решающей атакой. На самом же деле тяжелый артиллерийский огонь был лишь прикрытием для отхода сил Каукаджи. Командиры Хаганы облегченно вздохнули. Их удивила неспособность Каукаджи воспользоваться своим тактическим преимуществом. Впоследствии он утверждал, будто у него иссякли боеприпасы — аргумент столь же неверный, сколь и неубедительный.

Но сражение за Мишмар-Хазмек еще не закончилось. 12 апреля евреи заняли деревни Манаси и Нарнерия, угрожая тыловой линии сообщения Каукаджи, и тот, получив новые подкрепления, сильно контратаковал. Он еще не отказался от захвата кибуца Мишмар-Хазмек, а только переменял тактику. Вместо лобовой атаки на кибуц, он повел своих людей в поросшую лесом гористую местность над долиной. Каукаджи возобновил продвижение с 1000 солдат ААС, которые пробрались через рощу и протаскивали на руках свои пушки. Ланнер, однако, предусмотрел этот маневр и

силами роты Пальмаха и двух рот резервистов захватил развалины Бейт-Рас — в тылу войск Каукаджи. Евреи подпустили его солдат на расстояние 300 метров и открыли огонь. Неожиданность и сила огня сломили арабов. Они в панике бросились бежать, преследуемые бойцами Пальмаха. Еще до того как Каукаджи удалось убраться восвояси, к евреям перешла большая часть окрестности, в том числе деревни Абу-Шуша, Нарнерия, Манаси и Ладжун. Как и в Кастеле, евреи взяли верх, однако Каукаджи сохранил за собой последнее слово: он опубликовал официальное заявление о своей "большой победе в Мишмар-Хазмеке". По его словам, сотни евреев погибли, само поселение стерто с лица земли и над ним развевается арабский флаг.*

Тем временем командир батальона друзей в Арабской армии спасения Шахив Вохаб 12 апреля двинул свою часть на кибуц Рамат-Иоханан к северо-востоку от Хайфы. Это селение протянулось вдоль главного шоссе Тель-Авив — Хайфа, имевшего важное значение для еврейских коммуникаций. И здесь евреи отбили атаку и 16 апреля овладели двумя арабскими селами Херват-Хушей и Херват-Кесарим, стратегически удобными для защиты кибуца. Теперь занятые села оставались в руках евреев, и кончились времена вылазок, проводимых по системе "ударь и спасайся".

Операции "Нахшон", "Мишмар-Хазмек" и "Рамат-Иоханан" ознаменовали новый этап войны, на котором инициатива перешла везде (кроме Иерусалима) к евреям. На этом этапе уже появилась возможность привести в действие наступательный "План далед". Однако решающим фактором для еврейских руководителей была не возможность выполнения плана, кото-

*В своих мемуарах он утверждает, что только 14 апреля было убито 230 евреев и 210 ранено! Его собственные потери за все время битвы за Мишмар-Хазмек составляли, по его словам, 6 убитых и 24 раненых.

рый они сами же наметили, а растущая уверенность, что англичане действительно решили уйти из Эрец Исраэль.

До апреля 1948 года лишь немногие в главном командовании полагали, что англичане серьезно относятся к своему плану эвакуации. Как евреям, так и арабам было чрезвычайно важно (но вместе с этим и трудно) распознать истинные намерения англичан в период между голосованием о разделе в Организации Объединенных Наций и окончанием срока мандата 15 мая. Нам следует теперь присмотреться к английской политике на этом отрезке времени. Наилучший способ ее понять состоит в исследовании одного фактора, оказавшего на нее сильнейшее влияние: стремления Абдаллы захватить Эрец Исраэль

Глава шестая

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ КОРОЛЯ АБДАЛЛЫ. ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ ГОЛОСОВАНИЯ ЗА РАЗДЕЛ

В первые месяцы 1948 года в Эрец Исраэль складывалось положение, очень смахивавшее на то, которое предвидел король Абдалла во время встречи в ноябре 1947 года с госпожой Голдой Меирсон (Меир), представительницей Еврейского агентства. Он сказал ей тогда: "У нас у обоих общий враг — муфтий". (См. главу вторую).

Кроме евреев, за Эрец Исраэль боролись муфтий с его бандами и король Абдалла с его Арабским легионом. Арабская армия спасения Фавзи эль-Каукаджи, поддерживаемая Сирией и Ливаном, очень быстро перестала рассматриваться в качестве политической силы, хотя по своей численности и была самой крупной из военных соединений, действовавших в Эрец Исраэль: больше сил Арабского легиона на правом берегу и намного больше по численности, чем Пальмах. Король Абдалла решил теперь действовать против планов муфтия. Он приказал своему премьеру Тауфику Абу-Гуда, участвовавшему в Лондоне в переговорах о поправках к договору между Великобританией и Трансиорданией, просить Бевина об аудиенции и выложить на стол все карты.

Тауфик Абу-Гуда явился на прием к Бевину в конце февраля 1948 года в сопровождении генерала Глабба в качестве переводчика. Тауфик разъяснил Бевину положение: король Абдалла намерен вступить в Эрец Исраэль и занять территории, выделенные арабам по плану раздела (кроме Галилеи и Газы), чтобы предупредить, таким образом, занятие этих территорий евреями или силами муфтия. По словам генерала, когда он перевел сказанное, Бевин заметил: "Кажется очевидным, что это следует сделать". Затем министр иностранных дел Великобритании добавил: "Только не вторгайтесь на территории, выделенные евреям!" Бевин поблагодарил главу правительства Трансиордании за откровенность, и на этом они расстались.

В тот момент ни Глабб с Бевиним, ни тем более Абдалла не предполагали, что произойдет всеобщее арабское вторжение в Эрец-Исраэль. Глабб говорит, что в намерение Абдаллы входил захват с согласия англичан центральной части Эрец Исраэль, выделенной ООН для палестинского арабского государства, и не было у него намерения напасть на территории, предназначенные для евреев. То же самое утверждал Бевин в парламенте. Соответствовали ли эти утверждения истине?

Теперь необходимо разобраться в одной из самых трудных проблем тогдашнего положения в Эрец Исраэль: каковы были политические отношения между Великобританией и арабским миром на данной стадии кризиса. Рассказ генерала Глабба представляет интерес, хотя несколько иной, чем хотелось бы автору. Рассказчик укрепляет мнение евреев и арабов, будто он, Глабб, служил важным звеном в отношениях между англичанами и арабами и что король Абдалла относился к нему, как к своему поверенному. На деле ни правительство Великобритании, ни король Абдалла не считали так и не прибегали к его помощи. Глаббу

ничего не сообщали о том, что обсуждали на секретных совещаниях Арабской лиги (если б это его интересовало, для него не составило бы труда выяснить, что там происходило). Его даже не посвящали в то, чего желало бы британское правительство в Эрец Исраэль. Его собственные описания удивительно бедны информацией для человека, занимавшего такое центральное положение. Что особенно поучительно в версии Глабба, так это потрясающая неэффективность его разведывательной службы во всем, что касалось происходящего на еврейской стороне, — факт, который можно объяснить лишь бездарностью и невежеством его разведки.

Глабб и глава правительства Трансиордании возвратились из Лондона, имея благословение британского правительства плану тихого захвата большей части арабской территории Эрец Исраэль. Что касается полосы Газы и той части Галилеи, которая была отведена арабам, Абдалла полагал, что их можно будет предложить в качестве вознаграждения Египту на юге и Сирии или Ливану на севере. В Аммане крепла уверенность, что евреи не будут этому противиться, и поэтому появится также перспектива мирного урегулирования, которое устроит всех, кроме муфтия. Абдалла был готов теперь открыть свои карты на следующей сессии Арабской лиги.

Сессия состоялась в Каире 10 апреля 1948 года и продолжалась двенадцать дней. Открылась она спокойно и в более деловой обстановке, чем обычно. Генерал Сфуат сделал обзор военного положения. Последние известия из Эрец Исраэль не слишком ободряющие, пояснил он, наступление Арабской армии спасения на Хайфу остановлено, и Каукаджи вынужден отступить после атаки на еврейское поселение Мишмар-Хазмек, преграждавшее ему путь вперед; на другом конце фронта евреи захватили горное село, господствующее над кагельским шоссе, убили арабского командующего иерусалимским фронтом Эбед эль-Кафра эль-Хусей-

ни (племянника и агента муфтия) и открыли дорогу на Иерусалим. Ввиду такого оборота событий, заявил Сфуат, нельзя более откладывать отправку регулярных армий в Эрец Исраэль.

Это явилось сигналом для делегации Абдаллы. Она объявила, что Арабский легион вступит в Эрец Исраэль, как только кончится срок мандата. Это заявление вызвало изумление и замешательство среди остальных делегаций. После сложных обсуждений было решено обратиться к арабским странам с новым призывом выделить арабской военной комиссии по спасению Палестины людей и снаряжение, послать представителя в ставку ААС и приказать арабским вооруженным силам, предназначенным для освобождения палестинских арабов, быть в боевой готовности в пограничных районах к 1 мая 1948 года. Однако ливанский делегат Риад ас-Сульх энергично выступил против решения вторгнуться в Эрец Исраэль, а Египет снова заявил о своем решительном несогласии привести в действие регулярные войска. Тем не менее что-то нужно было им предпринять, поскольку Абдалла открыто готовился к вторжению в Эрец Исраэль силами Арабского легиона. Центральной проблемой обсуждения в Лиге на сей раз явилась не еврейская проблема, а заявление о намерениях Абдаллы.

Два дня спустя, 12 апреля, король Фарук пригласил к себе руководителей делегаций. Он обратился к ним со словами: "Завоевание Эрец Исраэль какой-нибудь из арабских армий должно рассматриваться только как временный шаг; ни при каких обстоятельствах это не может считаться присвоением или разделом Палестины. После освобождения Палестина должна быть возвращена ее населению, которое изберет свое правительство". Разумеется, Фарук имел в виду короля Абдаллу. Так это было понято и последним, и он дал указание своей делегации ответить соответствующим образом. Трансиордания согласна, ответила делегация,

со словами короля Фарука, что решать будут сами палестинцы; "Но, — добавил Абдалла, — Палестина и Трансиордания — это единое целое, так как Палестина прибрежная полоса, а Трансиордания ее тыл". Абдалла был доволен. Он, таким образом, объявил своим коллегам, что большая часть арабской Палестины будет включена в его государство, и они это проглотили, хоть и с большим неудовольствием.

Возвратясь в Амман, король Абдалла договорился с правительством Ирака, что два иракских батальона займут участок палестинского фронта, отведенного Арабскому легиону. К концу месяца стало известно, что оба батальона выступили. 26 апреля трансирданский парламент утвердил отправку легиона в Эрец Израэль, и в тот же день король Абдалла сделал следующее заявление для прессы: "Все наши усилия прийти к мирному урегулированию закончились неудачей. Единственное, что нам осталось — война. Мне выпала честь спасти Палестину". Несмотря на это, два дня спустя, 28 апреля 1948 года, британский министр иностранных дел заявил в парламенте: "Мы полагаем, что Арабский легион покинет Эрец Израэль до окончания мандата... Нет никаких признаков того, что король Абдалла предпримет какие-либо военные действия"*.

В Лондоне все еще надеялись, что войну можно предотвратить и что король Абдалла просто унаследует арабскую часть Эрец Израэль. Это было мнение правительства. Но возникло и другое течение (особенно среди советников Бевина в министерстве иностранных дел и у верхушки генерального штаба), полагавшее, что Абдалле нет нужды слишком себя ограничи-

*27 апреля начальник арабского бюро Еврейского агентства Сасон сообщил, что Абдалла и иракцы готовятся к вторжению в Эрец Израэль силами нерегулярных войск. Он предложил, чтобы Хагана немедленно объявила всеобщую мобилизацию.

вать линиями раздела: желательно, чтобы он обратил свое внимание на две ключевые позиции — Хайфу и Негев. Однако осуществление этой идеи расстроилось. Глабб отрицает, что он знал об этом, хотя сама идея была изложена старшим британским офицером на штабном собрании в Хайфе за несколько дней до окончания срока мандата. И все-таки даже тогда у англичан не было ясного представления о реальных размерах надвигавшегося арабского вторжения в Эрец Исраэль.*

30 апреля, за две недели до конца мандата, снова собралась Арабская лига, на сей раз в Аммане. Во многих отношениях эта встреча была самой поразительной из всей серии совещаний Лиги. Политическая комиссия пришла к выводу, что арабским странам ничего другого не требуется как только, отмобилизовав и выдвинув свои армии к границам Эрец Исраэль, продемонстрировать намерение идти на Тель-Авив. Арабская демонстрация силы приведет к вмешательству великих держав, которые вынудят евреев принять арабские условия мира. Имея перед собой столь радостные перспективы, делегации согласились с тем, чтобы арабские вооруженные силы готовились к совместному вторжению в Эрец Исраэль 15 мая. Даже тут египтяне еще колебались. Они не взяли на себя обязательств. Одновременно состоялась встреча командую-

1 мая Моше Шарет телеграфировал из штаба ООН в Нью-Йорке, что Крич-Джонс сказал ему, будто англичане делают все, чтобы сдержать арабов, однако операции Хаганы в Тверии, Хайфе и Яффе срывают эти усилия. Он "умолял проявить сдержанность и, ради всего святого, остановиться (с наступлением) в Яффе. Утверждал, что Иерусалим нуждается в централизованном управлении, дабы предотвратить ухудшение положения". Шарет заключает телеграмму: "Впечатление, которое произвели на меня он и остальные члены британской делегации: прежде всего — они прониклись уважением к нашим успехам и нашей твердости; второе — возможно, они стремятся остаться в Иерусалиме".

щих арабскими армиями. Они постановили, что война против евреев в Эрец Исраэль потребует пять дивизий с полным оснащением при поддержке шести эскадрилий истребителей и бомбардировщиков. Эти войска должны иметь объединенное командование. Политическая комиссия отклонила эти цифры как нереальные и завышенные. Абдалла насмеялся над военачальниками. "Сионистская крепость развалится после первой же атаки, и евреи запросят у арабов мира", — сказал он одному из журналистов. Абдалла хотел подготовить общественное мнение к фактическому разделу страны между евреями и арабами на основе границ, предложенных Организацией Объединенных Наций.

И тут яркая мечта Абдаллы стала блекнуть. Автоматически покорить арабскую Палестину без крупного столкновения с евреями оказалось невозможным. Амбициозные планы блицмарша на Хайфу, о котором говорили его английские друзья, уже не казались столь осуществимыми. Он скоро убедился, что придется иметь дело не только с евреями, но и с враждебными ему Египтом и Сирией, которые решили опередить его в завоевании арабской Эрец Исраэль. В довершение всего выяснилось, что между ним и его военачальником Глаббом также нет согласия в том, что считать главной целью интервенции в Эрец Исраэль. До сих пор ему казалось, что все идет очень гладко. Теперь же, когда настал решительный час, все расстроилось и развалилось. Совместное вмешательство ставило под сомнение возможность заполучить Иерусалим и большую часть арабской территории Эрец Исраэль, к чему он так страстно стремился. Поэтому он решил предпринять еще одну попытку остановить беду. С Египтом или муфтием он ничего не мог поделать. Англичане безвозвратно решили уйти из страны. За три дня до их ухода Абдалла ухватился за последнюю, еще оставшуюся возможность. У него состоялось еще одно свидание с представителями Еврейского агентства.

Переодетые Голда Меирсон и Эзра Данин прошли кордоны Арабского легиона. Он встретился с ними в доме своего личного шофера. Абдалла выглядел бледным и мрачным. Все кончилось, сказал он им, через три дня начнутся военные действия объединенных арабских армий. Чтобы добиться мирного урегулирования, ему требуется время. Согласны ли еврейские руководители еще на два года отложить провозглашение своего независимого государства? В этом случае не будет никакой войны. Однако даже Абдалла уже больше не был убежден, что это выход из положения. Голда Меирсон и Эзра Данин вернулись и доложили о беседе руководству еврейского ишува.

Один или два советника Бен-Гуриона были готовы принять предложение Абдаллы. Однако положение в целом было окутано мраком неизвестности. Как Абдалла, так и Бен-Гурион ломали голову над проблемой англичан. Действительно ли они уберутся 14 мая и освободят поле для войны? Как Абдалла, так и Бен-Гурион не были уверены в этом. Не были уверены и несколько наиболее близких советников Бевина. Только у британских чиновников в Эрец Исраэль не было никаких сомнений по этому поводу. Будучи непосредственно заняты сложным процессом эвакуации, они знали, что крайне трудно остановиться посередине, а тем более — повернуть колесо назад. Тем не менее все поведение англичан, изобилующее противоречиями, привело к общей неопределенности, беспокойству и подозрительности. Но в чем собственно заключались намерения англичан?

Немного найдется в английской иностранной политике вопросов, на которые столь трудно ответить, как на этот. Даже обращение постфактум к документам и лицам, имевшим отношение к проведению этой политики, не дает ясного ответа, так как две черты в политике англичан исключали возможность понять их намерения. Во-первых, британский министр иностран-

ных дел сознательно отказывался сколько-нибудь точно определить свою политику. Его главный помощник в то время описывал эту политику как основанную на ряде "недекларированных предположений" касательно того, чего желали бы англичане и что должно произойти по мнению министра иностранных дел. Эта подчеркнутая неопределенность была лишь одной из черт, затемнявших суть этой политики. Вторая сложность заключалась в многочисленности каналов, по которым эта политика осуществлялась на Ближнем Востоке и в ООН.

Слишком многие на разных уровнях придавали своим высказываниям политический смысл: министр иностранных дел в своих редких заявлениях парламенту или почетным гостям; его главные помощники по ближневосточным делам в менее официальных беседах с дипломатами и гостями; фельдмаршал Монгомери и маршал авиации Теддер из имперского штаба; сэр Александр Кадоган в Объединенных Нациях; генерал Клейтон (темная личность в британском посольстве в Каире, нечто вроде неофициального британского посла при Арабской лиге, значение которого в качестве рупора британской политики сильно преувеличивалось и арабами, и сионистами); генерал Глабб и сэр Алек Киркбрейд в Аммане; верховный комиссар генерал Канингем и главнокомандующий британскими вооруженными силами в Эрец Исраэль генерал Макмиллан; генерал Гейл в Египте. И, сверх того, ряд более или менее сомнительных фигур и организаций, действовавших на Ближнем Востоке по заданию британского правительства или от его имени — агенты Интеллидженс сервис, служба политической войны, радиостанции, информационные учреждения и лица, сами зачислявшие себя в неофициальные представители, вроде корреспондентов, бизнесменов и представителей нефтяных компаний. Это была настоящая какофония.

В течение шести месяцев — со дня принятия резолюции в ООН в конце ноября 1947 года и до начала официальной войны в Эрец Исраэль в мае 1948 года — друзья Великобритании и ее многочисленные противники пытались докопаться до сущности и целей британской политики в Эрец Исраэль. Отсутствие четкости и авторитетности усугублялось разнобоем и противоречиями, да к тому же английские ораторы старались напустить словесного тумана. Эта политика смахивала на прилавок универмага: каждый мог отобрать либо те стороны британской политики, которые были ему по душе, либо те, что, наоборот, не нравились.

Евреи в Эрец Исраэль видели, таким образом, в британской политике макиавеллиевский умысел отнять у них в последнюю минуту плоды резолюции ООН о разделе Эрец Исраэль — основание еврейского государства. Арабы же видели, как легко англичане дают им успокоительные заверения и столь же легко отмежевываются от них. Комиссия Организации Объединенных Наций по Эрец Исраэль, в данном случае выступавшая и от имени секретариата ООН и от имени правительства Соединенных Штатов, указала в своем отчете от 13 апреля 1948 года, что общая политика Англии состояла тогда в том, чтобы не делать никаких шагов, которые могут быть истолкованы как обязывающие ее в отношении резолюции ООН. Эта негативная цель британской политики была бесспорной для всех. Британское правительство оправдывало свою позицию тем, что никто не может требовать, чтобы одни лишь британские войска несли тяготы, вытекающие из проведения раздела Эрец Исраэль против воли арабского большинства. Аргумент этот вызывал подозрения еврейских руководителей, опасавшихся, как бы британских солдат не использовали для предотвращения создания еврейского государства.

Был ли повод для подозрения и даже страха, что в последнюю минуту в английской политике может

произойти поворот, который приведет к возвращению британских войск в Эрец Исраэль и военному вмешательству против решения, принятого Генеральной Ассамблеей ООН?

Из-за особенностей британской политики, описанных выше, цепь событий была также полна противоречий, запутана и трудна для желающих делать выводы и обобщения.

Таков — мы вправе предположить — был характер британской политики в то время. "Люди на местах" в Эрец Исраэль — военные и чиновники — выполняли приказы об уходе из Эрец Исраэль без всяких задних мыслей и тайных планов оставаться в стране или возвращаться в нее. Верно, что короткий срок, отпущенный им для проведения эвакуации, их не удовлетворял; но никакой заинтересованности оставаться в Эрец Исраэль у них не было. Они хотели уйти из страны и действительно ушли.

Британский командующий в Хайфе генерал-майор Стоккуэл начал 21 апреля эвакуацию своих сил почти из всего района Хайфы, и Хагана взяла власть в свои руки.* Несмотря на противоречивые, расплывчатые намеки генерала Глабба, остается фактом, что главнокомандующий в Эрец Исраэль генерал Макмиллан отдал приказ о полной эвакуации из Иерусалима до 14 мая 1948 года. Но еще более последовательными были

*После падения Хайфы генерал Макмиллан 28 апреля адресовал своим офицерам следующее заявление:

"Отношения между армией и арабами в последнее время ухудшились, особенно после Хайфы. Надо стараться это исправить. С этой целью можно использовать четыре довода: войска не поддерживают ни ту, ни другую сторону; мы изгнали евреев из Шейх-Джараха; предотвратили падение Яффы; позаботились об арабских беженцах из Хайфы. В дополнение к сему необходимо разъяснить, что положение арабов ухудшилось в силу двух нижеследующих факторов: они не вняли нашему совету соблюдать умеренность; арабских командиров обуял страх после их первых поражений".

действия генерала Макмиллана в Яффе. В начале мая он вмешался, чтобы прекратить бои между евреями и арабами в Яффе, потому что это мешало беспрепятственному выводу его сил из Црифина — главной военной базы в Эрец Исраэль.

В то время Яффа почти целиком находилась в руках евреев. Когда почти все уже было кончено, Макмиллан получил из военного министерства в Лондоне следующую инструкцию: "Вернитесь, займите Яффу и передайте город арабам". Ему также сообщили, что в Яффу отплыли крейсер и два миноносца, но когда они прибыли на место, солдаты Макмиллана были уже заняты проводами арабских жителей в Трансиорданию. Неудивительно, что генерал Макмиллан в то время считал такое вмешательство Лондона не только нерациональным, но и "абсолютно нереальным".

Что же случилось в Лондоне, чем объяснить эти "нереальные" решения и приказы? Быть может, правящие верхи, дипломаты и военные пожалели, что решились на столь поспешную эвакуацию? Или ждали удобного повода, чтобы вернуть Великобритании господство над Эрец Исраэль? Или они просто были сбиты с толку, не знали, что происходит в Эрец Исраэль и утратили контроль над ходом событий? Похоже, что шаги правительства являлись скорее импровизацией, чем строго обдуманными поступками, и в военном министерстве полагались более на свои умозаключения, чем на реальную информацию.

На заседании кабинета Бевин высказал мнение, что в Эрец Исраэль вспыхнет война, что арабы возьмут верх, и евреи обратятся к англичанам с просьбой вмешаться и спасти положение, и что в результате всего этого произойдет такой раздел Эрец Исраэль, при котором евреи не будут владеть ни Хайфой, ни Негевом. Министр колоний Крич-Джонс не верил, что будет явная война; он и его министерство в основном

опасались административного хаоса, как следствия эвакуации гражданских мандатных властей.*

В апреле 1948 года главнокомандующий британскими войсками в Эрец Исраэль генерал Макмиллан высказался в том смысле, что с точки зрения военной и географической для объединенных арабских войск не составит "никакой трудности завоевание всей страны". Так же полагал и глава генерального штаба в Лондоне фельдмаршал Монтгомери. То же самое думали и многочисленные чиновники и офицеры рангом ниже. Генерал Макмиллан получил инструкцию не вмешиваться в ход событий, запрограммированных их авторами. Его обязали педантично придерживаться указаний, разработанных военным министром Иммануилом Шинуэллом в апреле 1947 года. В соответствии с ними Макмиллану приказывалось: ограничиться поддержанием законности и порядка только на территории, которая будет оставаться в руках британских войск по мере эвакуации; не вмешиваться в еврейско-арабский конфликт; главной своей задачей считать обеспечение порядка при эвакуации.

Однако в официальном Лондоне было несколько скептиков, сомневавшихся в результатах такой политики. И вот, когда продажа еврейским властям крупнейшей британской военной базы в Црифине за 750 000 фунтов стерлингов была почти завершена, Макмиллан получил из Лондона нижеследующую ко-

*Один из главных советников Бевина изложил это так: "Арабы или британские вооруженные силы в Эрец Исраэль не получали никаких четких указаний насчет того, что арабы должны занять лишь те территории, которые были отведены им решением ООН. Понятно было — и следует предположить, что король Абдалла тоже понимал так, — что придется захватить и некоторые еврейские территории. Предполагали, хотя и не формулировали четко и ясно, что в Эрец Исраэль произойдут бои, которые завершатся разделом, причем Израилю достанется значительно меньше, чем по рекомендации Объединенных Наций".

манду: "Црифин — достояние арабов, надо продать им". В соответствии с этим база и была передана арабам, когда англичане ушли из Црифина. Через 24 часа Хагана изгнала арабов и заняла эту базу. Теперь ничего уже не надо было платить.*

По всей стране происходило то же самое. Макмиллан получал распоряжения, что в момент эвакуации стратегически укрепленных полицейских участков и других важных объектов, предпочтение надо отдавать арабам. Некоторые из этих пунктов, как, например, Неби-Иеша и Ирак-Суйдан, стали ареной ожесточенных боев. В официальных британских кругах были уверены, что евреям в Эрец Исраэль уготовано заведомое поражение.

В этих условиях неразберихи и импровизации складывалась и оформлялась британская военная политика: нечто вроде полувмешательства с целью создать превосходящим арабским вооруженным силам условия для овладения всей территорией Эрец Исраэль, оставив, быть может, евреям маленький островок, огрызок. По мере проведения этой политики сложились и политические мотивы для ее оправдания. Вслед за месяцами проволочек, помех, отмежеваний, осуждений, маневров и протестов в Организации Объединенных Наций, британский представитель Артур Крич-Джонс внезапно сделал неожиданное признание, пролившее свет на намерения его правительства. Случилось это назавтра после того как Хагана овладела Хайфой, и началось укрепление еврейских позиций на севере, в Иерусалимском коридоре и в Яффе. 23 апреля Крич-Джонс заявил на Ассамблее, что, по мнению его правительства, Организация Объединенных Наций должна теперь стремиться к более скромной цели, нежели раздел, и не требовать окончательного

*Через несколько лет государство Израиль заплатило британскому правительству 600 000 фунтов стерлингов.

урегулирования конфликта между евреями и арабами в Эрец Исраэль. В этом случае британская делегация готова сотрудничать и делать все, что сможет.

Такова была позиция Великобритании, заявленная во всеуслышание. Что побудило Крич-Джонса выступить с такой декларацией? Неужели так бедна была информация, которой располагало британское правительство о происходящем в Эрец Исраэль, и так ошибочна была оценка перспективы на будущее, что в этот апрельский день оно действительно полагало, будто наступило наилучшее время для публичных заявлений подобного рода?

Причину этого следует искать в странном представлении, разыгравшемся на Даунинг-Стрите накануне — вечером 22 апреля. На исходе дня Эрнест Бевин явился к главе правительства в состоянии крайнего возбуждения и тревоги. Он рассказал Эттли, что, согласно сообщениям арабской прессы, евреи в Хайфе уничтожили 23 000 арабов, а британские солдаты под командованием генерал-майора Стоккуэла держались в стороне и не ударили палец о палец. Бевин заявил, что армия его подвела и поставила в нестерпимо неловкое положение перед арабами. Это произвело впечатление на Эттли, и он вызвал фельдмаршала Монтгомери. Дело происходило в 7 часов 30 минут вечера. Министр обороны Александер тоже присутствовал при этом. Разыгрался бурный спор. По свидетельству Монтгомери, "Бевин был очень взволнован",* и Эттли был склонен его поддержать. Назавтра чуть свет, — рассказывает Монтгомери, — Бевин встретился с ним снова и на сей раз "был еще более взволнован". Этими слухами, состоянием паники и гнева и объясняется прозвучавшая в ООН декларация министра колоний, столь странная, если не знать ее подоплеку. Но теперь мы знаем авторитетное свидетельство фельдмаршала

*"Воспоминания фельдмаршала Монтгомери", стр. 415.

Монтгомери: министерство иностранных дел 23 апреля было так плохо информировано, что Бевин пришел к заключению: в свете массового убийства 23 000 арабов в Хайфе* мировое общественное мнение поддержит предложение Великобритании оставить проектируемое еврейское государство без Негева, без Иерусалима и без Яффы – нечто вроде большого Тель-Авива.**

Однако в Организации Объединенных Наций никто особенно не торопился: ни англичане, ни американцы, ни Ассамблея, ни даже арабские делегации. С приближением рокового дня 15 мая в Ассамблее продолжалась дискуссия. Каждое утро выдвигалось много новых идей с единой целью: затянуть или даже отменить

* В боях в окрестностях Хайфы 21 и 22 апреля арабы потеряли убитыми около 300 человек; точные цифры отсутствуют. В те дни я находился в Хайфе и наблюдал за боями. Представителем британского министерства иностранных дел в Хайфе был Сирил Герберт Альфред Мариот, имевший необычные суждения о положении в Эрец Исраэль в то время. Несколько его наиболее ошеломляющих отчетов (или их копий) министерству иностранных дел попали в руки разведки Хаганы и представляют собой в высшей степени странное чтение. Дж. К.

** Ближе к вечеру 23 апреля эти смехотворные слухи были рассеяны телеграммой, отправленной генералом Канингемом министру колоний: "Еврейское наступление на Хайфу явилось прямым следствием непрекращающихся нападений арабов на евреев в Хайфе в предыдущие четыре дня. Арабы в Хайфе сами несут ответственность за нападение, вопреки нашим неоднократным предостережениям. Они знают, что на них лежит ответственность. Заявления, что англичане не помогли, являются ложными. Фактически британский командующий делал все что мог, однако, безуспешно, и напоследок ему удалось свести обе стороны для переговоров о прекращении огня. Требования евреев (как они были предъявлены британской армии) состоят в том, что они готовы согласиться на прекращение огня при условии конфискации арабского оружия. Следует вспомнить, что в Кфар-Эционе (речь идет о колонне Даниэля, возвращавшейся из Кфар-Эциона – авторы) арабы забрали все оружие, конфискованное у евреев британской армией. Обвинения в убийстве женщин и детей крайне преувеличены. Разговоры о резне – абсолютная ложь. Потери евреев – 14 убитых и 100 раненых. Пожалуйста, обратите внимание Азам-паши и арабских правительств на данный отчет".

план раздела. Специальная сессия приняла резолюцию, уполномочила посредника от имени Организации Объединенных Наций найти пути мирного урегулирования проблемы и распустила комиссию по Эрец Исраэль. Ассамблея продолжала прения до 14 мая, однако ноябрьской резолюции суждено было остаться в силе.

Глава седьмая

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МАНДАТА. "ПЛАН ДАЛЕД" И ОБОРОНА ИЕРУСАЛИМА

В апреле 1948 года многие из еврейского главного командования все еще не были уверены в том, что англичане покинут страну, но, по мере того как англичане освобождали военные лагеря и полицейские участки, становилось все более очевидно, что они сдержат слово. Поэтому Хагана разослала приказ своим командирам во всех районах, которые будут эвакуированы, "заполнить оставленный британцами вакуум", захватить стратегические высоты, господствующие над дорогами возможного продвижения арабских войск и соединить территории, находящиеся в руках евреев, в один сплошной массив.

Военные лагеря, полицейские укрепленные участки и правительственные здания, само собой разумеется, имели важное тактическое значение и для арабов и для евреев. Обе стороны хотели осуществить их захват тотчас же после ухода англичан. Зачастую это лучше удавалось арабам. Они заблаговременно получали сведения о предстоящей эвакуации от своих сторонников в палестинской полиции и в британских войсках. Иракский военачальник генерал Тага Хашими, возглавлявший обучение арабских добровольцев в Дамаске, рассказывает в своем "Дневнике войны", как англичане сообщали арабам точную дату эвакуации важных полицейских укреплений в Цфате и Неби-Иеша в

Галилее. Обе крепости были немедленно захвачены силами Адива Шишакли, командующего зоной Галилеи в Арабской армии спасения. Их также известили об эвакуации англичанами головной электростанции в Гешер-Нагараим, и отряд из двухсот арабских легионеров ее занял. По словам генерала Тага Хашими, аналогичным образом были захвачены арабами крепость в Цемахе и крупный военный лагерь в его окрестностях. Тага подтверждает, что британский заместитель начальника полиции в Иерусалиме сообщал арабам о всех деталях предстоящей эвакуации.

В некоторых местах английские командиры приглашали арабов для передачи им стратегических позиций еще прежде, чем они были оставлены: иракские силы появились в казармах Алленби на юге Иерусалима уже за неделю до ухода оттуда английских солдат. Полицейский укрепленный участок, господствующий над Абу-Гошем в Иерусалимских горах, был передан местным арабам, но благодаря английскому сержанту, связанному с закупщиками оружия для Хаганы, все же перешел в руки евреев.

И евреи не мешкали с занятием эвакуируемых позиций. Их разведка была хорошо организована и часто добивалась успеха подкупом. В действиях против англичан у них был многолетний стаж. В результате, евреи заняли многие оставленные англичанами полицейские укрепленные участки и военные базы.

Первым большим городом со смешанным населением в Эрец Исраэль, в котором британские войска самоустранились от поддержания законности и порядка, была Хайфа. Попытка заполнить созданный англичанами "вакуум" привела к одной из решающих битв в этой войне*. В течение нескольких недель противники

*Первым завоеванным Хаганой городом со смешанным населением была Тверия, которая перешла в руки евреев 18 апреля, в день, когда англичане объявили о своем уходе из Хайфы.

готовились к столкновению, которое должно было разразиться, как только англичане покинут город. Обе стороны слали подкрепления, и с приближением дня эвакуации атмосфера в городе со 150 000 арабов и евреев накалилась. Большинство составляли арабы, но организованы они были плохо, и у них не хватало оружия. Соперничавшие военные объединения боролись за власть и влияние на арабов в городе. Однако Мухаммед эль-Хаммед эль-Ханити был сильным руководителем, сумевшим навести порядок среди соперничавших группировок и организовать оборону арабских кварталов, которые трудно было защищать из-за доминирующих позиций Хаганы на Кармеле.

Но прежде чем начался бой за Хайфу, арабы потеряли своего способного командира. Эль-Ханити погиб, когда арабский транспорт с пятнадцатью тоннами оружия и взрывчатки угодил в засаду и был уничтожен евреями. Его место занял Амин Аз эд-Дин, бывший офицер трансйорданских пограничных войск. Аз эд-Дин не обладал ни мужеством, ни талантом своего предшественника, и эти его недостатки сказались в бою. В Хайфе ему пришлось столкнуться с одним из наиболее сильных еврейских штабов. Фронтом командовал Моше Кармел, человек богатырского сложения, распространявший вокруг себя атмосферу уверенности. Он зорко подмечал каждую из представлявшихся ему возможностей и свои решения проводил неуклонно. У него был хороший начальник оперативного отдела в лице Мордехая Маклефа. Что не менее важно, к услугам Кармела был арабский отдел Хаганы.* Благодаря этому отделу Кармел получил решающее

*Свою информацию разведывательная служба Хаганы черпала, между прочим, из арабского отдела. Он состоял из евреев, свободно владеющих арабским, которые переодетыми проникали на арабские территории страны и добывали ценнейшие сведения.

преимущество над противником еще до начала битвы за Хайфу.

18 апреля британский командующий в Хайфе генерал-майор Стоккуэл пригласил к себе офицера связи Еврейского агентства Гарри Бейлина; ему было сказано, что английские войска покинут все районы города, за исключением района порта и части Французского Кармеля. Эвакуация завершится в сорок восемь часов, до вторника, 20 апреля. Стоккуэл быстро подошел к большой настенной карте Хайфы и спросил Бейлина, сумеет ли Хагана овладеть городом. По расчетам Интеллидженс сервис, добавил Стоккуэл, для выполнения этой задачи Хагана потребуется 4000 человек. Бейлин не сказал своему собеседнику, что Хагана может в лучшем случае мобилизовать чуть больше одного батальона.

К счастью для евреев, наметки как английской, так и еврейской разведок оказались весьма завышенными. Они оценивали общее число арабов в 1500 – 2000 человек. На самом же деле число вооруженных и обученных арабских бойцов ненамного превышало евреев, которых было-то в точности 560. Однако это обстоятельство не было известно командованию Хаганы, когда оно готовилось к сражению, которое должно было решить судьбу Хайфы.

Стоккуэл пригласил к себе и арабского старшего командира, чтобы сообщить ему о своем решении эвакуировать город. Поскольку тот не явился, Стоккуэл сам поехал в своей машине на хайфский рынок разыскивать его, но не нашел. Тогда о намерении англичан в отношении Хайфы он сообщил арабским старейшинам.

Тут инициативу взяла в свои руки Хагана. Небольшой отряд получил задание овладеть домом, контролирующим подступы к мосту Рушмейя, по которому поддерживалось сообщение с Хайфой в восточном направлении. После боя за каждую комнату отряд

выполнил свою задачу, но тотчас же был отрезан арабами из соседнего квартала Халиса. Весь день командование Хаганы пыталось оказать помощь своим людям, находившимся под сильным давлением на шоссе Рушмейя, но безуспешно. В ночь с 21 на 22 апреля три колонны Хаганы устремились в арабские кварталы города: две атаковали с Адар-Хакармель нижнюю часть города и вади Рушмейя, а третья колонна, состоявшая из пальмаховцев, ударила по нижнему городу из торгового центра близ порта, чтобы соединиться с полевыми отрядами, спускавшимися с Адар-Хакармель. Всю ночь продолжался бой. Утром 22 апреля им уже почти удалось соединиться. Сопrotивление арабов значительно ослабело, когда они узнали, что их командир покинул город. Он оставил письмо, что отправляется за подмогой.

Исход битвы уже не оставлял сомнений, и Стоккуэл предложил свои услуги в качестве посредника при переговорах о капитуляции арабов. Моше Кармел согласился и поставил свои условия: все оружие передается Хаганы; во всех арабских кварталах немедленно вводится комендантский час; Хагана получает полную власть в городе; у всего населения — еврейского и арабского — права и обязанности одинаковые.

В семь часов утра 22 апреля командование Хаганы получило заявление генерал-майора Стоккуэла. Он сообщал, что арабы просят официально вручить им требования Хаганы. Через два часа, в девять утра, бои прекратились, а в полдень на руках у Стоккуэла уже были условия Хаганы касательно перемирия. По его мнению, эти условия были умеренные и приемлемые.

В четыре часа пополудни в здании хайфского муниципалитета состоялась встреча еврейских и арабских представителей. Председательствовал на встрече Стоккуэл. Переговоры открыл мэр города Шабтай Леви, который заявил, что евреи не желают ухода из города хотя бы одного жителя Хайфы. Сорок лет евреи и

арабы жили в мире рядом друг с другом и сумеют жить так и в дальнейшем. Затем арабам были разъяснены условия капитуляции. Мэр подчеркнул свое желание, чтобы арабы оставались равноправными гражданами, по-прежнему свободными в своих делах и образе жизни. Тут арабская делегация* потребовала перерыва, чтобы она могла "связаться с арабскими странами для консультаций".** С раннего утра арабы поддерживали связь с Дамаском, и теперь они отправились обсудить свой следующий шаг. О том, что произошло за эти три решающих часа, очень много сказано и написано, и все это не столько прояснило, сколько запутало картину. Главное, однако, ясно.***

В семь вечера четверо христиан арабской делегации возвратились в муниципалитет без своих мусульманских коллег. Теперь они изменили свое мнение. Прежние дружеские манеры уступили место мрачному фатализму. Они заявили, что не подпишут соглашения о перемирии, потому что для них унижительно расписаться рядом с Хаганой на одном документе. В принципе они вообще не согласны что-либо подписывать.

Вместо этого они попросили, чтобы евреи дали возможность арабским жителям покинуть город. Под управлением евреев они не останутся в городе ни одного дня: "Мы не признаем вас, и мы вернемся, когда вас тут больше не будет", — так гласили заключительные слова арабского заявления.

*Арабская делегация состояла из шести человек — двух мусульман и четырех христиан.

**Цитируется по отчету Верховному арабскому комитету в Дамаске от 30 апреля.

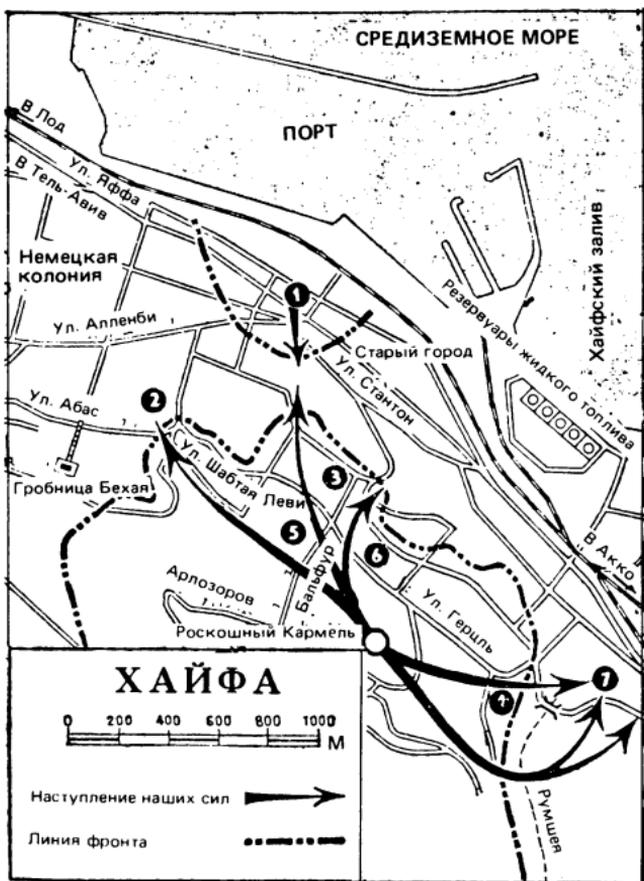
***Уход арабов из Хайфы — важнейшее принципиальное событие, так как оно ознаменовало собой появление проблемы беженцев. Попытка установить все факты, связанные с уходом арабов, впервые была предпринята Валихом Халейди на страницах бейрутского "Ближневосточного форума" в июле 1959 года и продолжена в декабре того же года. Обе эти статьи содержат много новых важных материалов, но в них также много существенных пробелов.

Стоккуэл спросил четырех арабов, в своем ли они уме. Шабтай Леви со слезами на глазах уговаривал арабских старейшин остаться в городе со своими людьми. Потом один из четырех — Виктор Хаят — утверждал, что он был против ухода из города, но не разъяснил, кто и как навязал это решение арабской делегации.

Элиас Куса, другой член арабской делегации, также не дает объяснения причин, побудивших делегацию сделать это заявление после перерыва. Он утверждает, что не было указания Верховного арабского комитета покинуть свои дома и что бегство было стихийное и возникло под психологическим давлением Хаганы, которое было многократно усилено массовым убийством, совершенным Эцелем в Дир-Ясине 12 апреля, когда погибло более двухсот мужчин, женщин и детей.*

Всего этого тем не менее недостаточно, чтобы объяснить внезапный отказ арабской делегации в Хайфе от перемирия. И это не объясняет уход из Хайфы 70 000 арабов. Этот процесс начался уже в декабре 1947 года, сразу после голосования в Организации Объединенных Наций по вопросу о разделе, и особенно усилился в среде арабов-христиан, составлявших почти половину

*Э. Н. Куса, ныне хайфский адвокат, в письме авторам этой книги утверждает, что "вовсе неверно, будто господин Хаят получил приказ эвакуировать город. Я был членом комиссии и лично передал сирийскому консулу в Хайфе, господину Тават эль-Арису примерно в полдень 22 апреля 1948 года телеграмму в адрес правительства Сирии с условиями предлагаемого перемирия и описанием панического бегства арабских жителей Хайфы, испрашивая при этом инструкции. Несмотря на неоднократные телеграфные напоминания, никакого ответа получено не было. Вероятнее всего, что арабские руководители не смогли справиться с громадными масштабами бегства, не предусмотренного заранее и лишившего их, к нашему сожалению, возможности управлять ситуацией. Однако ни муфтий, ни Верховный арабский комитет, ни какой-нибудь другой арабский руководитель не отдавали приказа арабам Хайфы покинуть свои дома".

Карта № 4. Сражение за Хайфу 20–22 апреля 1948 г.

арабского населения Хайфы, которые постоянно находились под давлением со стороны мусульман, требовавших от них проявлений большей военной активности против евреев и большей финансовой поддержки. С другой стороны, усилившаяся эмиграция арабов из Хайфы беспокоила руководящую верхушку Хаганы: еврейские руководители были убеждены, что бесперебойная работа Хайфского порта возможна лишь при участии арабских докеров-профессионалов. Поэтому Хагана хотела, чтобы арабы остались в городе.

Несмотря на это, уже к концу марта 1948 года – до начала крупных боев и задолго до Дир-Ясина, когда успех еще сопутствовал арабам, – Хайфу покинули 25 000 арабских жителей. Еще 20 000 ушло в первые восемнадцать дней апреля, после нападения Каукаджи на Мишмар-Хазмек и после распространившихся среди хайфских арабов слухов, что им надо уйти из города, чтобы арабская авиация могла бомбить Хайфу, не причиняя потерь своим. Им было обещано, что уход временный, и что это облегчит арабским вооруженным силам сражаться в районе Хайфы.

Арабские руководители активно поощряли эвакуацию. Еще в начале февраля и в марте 1948 года руководитель христиан архиепископ Хаким отправил арабских детей большими группами в Дамаск и Бейрут, а за детьми ушли их родители.

Бои и отказ от предложения о перемирии усилили бегство, и назавтра после провалившихся переговоров в хайфском муниципалитете город покинули еще 20 000 арабов. В этом ничего нового уже не было, за исключением лишь того, что теперь арабские руководители поощряли бегство, даже если они и не отдавали прямого приказа. Они действовали косвенно, путем намеков арабским участникам и переговоров, а также с помощью пропаганды, рассказывая об ужасах, ожидающих арабов, если они не уйдут из города, и

предсказывая, что их ждет такая же участь, как в Дир-Ясине.*

У арабов в Верхней Галилее были все преимущества. По численности они превосходили евреев раз в тридцать. Жители арабских сел были хорошо вооружены и действовали неподалеку от баз Арабской армии спасения, расположенных по ту сторону границы с Сирией и Ливаном. Их главное преимущество заключалось в необычайно удобном географическом положении: евреи Верхней Галилеи находились в окружении в долинах, арабы же были над ними на холмах. И, когда в последние дни апреля оттуда ушли англичане, казалось, что западня, в которую попали еврейские селения, захлопнется неминуемо.

Эта "опасная зона" простиралась на восток, в сторону галилейского "пальца", торчавшего между Сирией, с одной стороны, и Ливаном, с другой. Серьезная опасность грозила евреям и в древнем Цфате,** где проживало 12 000 арабов и 3000 евреев.

В долине было около двадцати еврейских поселений, в большинстве изолированных и окруженных арабскими деревнями. Единственную дорогу на юг арабы перекрыли, захватив холмы по обе ее стороны. Более того, арабам удалось взять под свой контроль внутреннюю сеть дорог в долине. Таким образом, еврейские поселенцы в долине были лишены возможности прийти на помощь находившимся в опасности одиноким кибуцам, поскольку теперь они были вынуждены заботиться сами о себе.

Хадж Мохаммед Нимер Эль-Хатиб и Тага Хашими, два арабских писателя, оказавших влияние на арабскую политику того времени, привели достаточно доказательств в пользу предположения, что такие приказы были действительно отданы.

**С началом враждебных действий в декабре Цфат, как и другие города со смешанным населением, страдал от перестрелок, террора и диверсий.

На западе вздымались горы Нафтали, по которым проходит граница с Ливаном. Три маленьких поселка в горах образовали единственную оборонительную линию, ограждавшую еврейские поселения в долине от вторжения со стороны Ливана. На востоке течет Иордан, за ним — горные склоны высокого Голанского плато. Здесь было несколько еврейских селений, игравших роль пограничного кордона. Однако ключом ко всему этому району был узкий клин Верхней Галилеи. Если бы арабы сумели напасть двумя колоннами из Сирии и Ливана и соединиться в Рош-Пина, то им удалось бы полностью отрезать всю Восточную Галилею, и ловушка надежно захлопнулась бы.

Времени уже не оставалось. Осталось всего лишь две недели до 15 мая — даты окончания мандата и ожидаемого арабского вторжения. Поэтому главное командование Хаганы решило больше не выжидать и сразу же занять места англичан, как только те уйдут в конце апреля. Это решение легче было принять, чем выполнить. Командование операцией было поручено 28-летнему Игалу Алону, командиру Пальмаха.

Алон предложил сосредоточиться на трех главных целях: отобрать у противника ключевые позиции, открыть дороги для еврейских транспортов и "подготовить" Галилею к скорому вторжению арабов. Но когда Алон прибыл в местный штаб в Аелет-Хашахар, то убедился, что ситуация куда более сложная, чем он предполагал. Многие кибуцы и мошавы находились в отчаянном положении; поселенцы требовали оружия и подкреплений.

Алон это требование отклонил. На чрезвычайно бурной встрече с представителями поселенцев Алон заявил им, что они должны отказаться от части своих людей и оружия, чтобы укрепить ударную силу единственного батальона Пальмаха, который уже действовал в Галилее. Это была тяжелая жертва для поселенцев. Алон предлагал им ослабить свои позиции и подверг-

нуть риску жизнь своих семей ради идеи, казавшейся многим опасной авантюрой. Но после убедительных слов Алона они поняли, что выбора нет: если они хотят выстоять, им придется бороться так, как предлагает Алон. Вдобавок к взятым у них людям, под командование Алона был передан батальон из бригады Голани.

Алон начал свое наступление лишь только англичане ушли 28 апреля из большого полицейского укрепления в Рош-Пина и из соседнего военного лагеря. Он ждал этого момента. Его батальон был развернут в окрестностях, готовый опередить арабов, если те предпримут попытку захватить лагерь. Между тем, сообразив, что лагерь перейдет в руки Пальмаха, английский арьергард поджег несколько строений. Пальмаховцы ответили на это нападением на лагерь в боевом строю. Англичане открыли огонь. Развернулся ожесточенный бой. Он закончился так же внезапно, как начался: английский арьергард отступил.

Теперь Алон продолжил намеченное наступление. Первой его целью был город Цфат. Еврейский квартал здесь был заселен преимущественно религиозными евреями, не имевшими ни малейшего понятия о самообороне. Им на помощь пришли сорок пальмаховцев с базы в Гар-Кнаан, но они не могли противостоять многочисленному арабскому населению и помогавшим ему бандам. Еврейский квартал теснили арабские силы, насчитывавшие от 2000 до 3000 человек. Командование этой группой Арабской армии спасения (ААС) принял полковник Адив Шишакли. Но позиция арабов еще более усилилась, когда англичане передали им два господствовавших над городом полицейских пункта: большую крепость Теггарт на вершине горы (50 метров над городом) и городской полицейский участок, а также два других укрепленных пункта — школу "Спокойствие" (конфискованную у евреев в начале войны) и "Крепость" (в центре города, на стыке еврейского квартала с арабскими). Укрепившись в этих пунктах,

арабы взяли позиции евреев в тиски, которые с каждым днем все сжимались.

В начале мая отряд Пальмаха предпринял вылазку со своей базы в Гар-Кнаан и атаковал ночью два арабских села на окраине Цфата — Эйн-Зитун и Бейрию, пробившись, таким образом, в еврейский квартал города. Но теперь арабы были начеку. Когда пальмаховцы волна за волной пошли по крутому склону в атаку на укрепленную арабскую позицию, их отбили, нанеся им тяжелые потери. Первые бои за Цфат закончились в пользу арабов. Теперь уже Шишакли был готов проявить инициативу и напасть на евреев в Цфате. Город был охвачен страхом. После неудачи Пальмаха жители еврейского квартала растерялись, но бодрости духа в арабском квартале было еще меньше. Хоть они и брали верх, арабы толпами начали покидать город. Но никто еще не поднимал разговора о "беженцах".

По странной случайности арабы избрали ту же дату для начала своего наступления и в других местах Галилеи. Сильным атакам подверглись почти все еврейские селения близ границы с Сирией. Арабские отряды устраивали засады на еврейские транспорты, спешившие доставить подмогу в атакованные селения. Арабы обрушили свой основной удар на кибуц Рамот-Нафтали, расположенный в горах близ ливанской границы. Их намерение было ясным: если им удастся захватить Рамот-Нафтали, то можно будет устремиться в долину и отрезать силы Пальмаха в Цфате от их базы в Рош-Пина, а арабские войска,двигающиеся с востока после захвата там еврейских селений, помогут целиком отрезать всю Галилею.

Поэтому арабы продолжали нападать на Рамот-Нафтали весь день. Они наступали на кибуц вместе с отрядами ААС под прикрытием орудий, броневиков и пехоты ливанской армии. Через несколько часов поселенцы начали отступать с верхушки горы, возвышав-

шейся над их хозяйством. Вскоре после этого первые ливанские броневики добрались до двора хозяйства. Это был решающий момент. Защитники Рамот-Нафтали готовились оставить свой кибуц. Местный командир сообщил Алону, что, если не появится немедленно подкрепление, он будет вынужден эвакуировать хозяйство.

Этого Алон и опасался. Единственное подкрепление, которое он мог послать, было из Цфата; но поступить так означало почти наверняка утратить инициативу. С другой стороны, если Рамот-Нафтали падет, то возникнет опасность окружения всего еврейского фронта на севере и утраты всей Галилеи. Алон решил не посылать подкрепление осажденному хозяйству, а вместо этого удвоить свои усилия в Цфате, чтобы заставить арабов перебросить туда свои силы из Рамот-Нафтали. В соответствии с этим, он радировал командиру Рамот-Нафтали следующее: "К подножию горы выслано отделение Пальмаха с пулеметом. Каждый, кто оставит кибуц, будет застрелен". На закате солнца хозяйство Рамот-Нафтали превратилось в груды развалин, но все же оставалось в руках защитников. Ночью арабы, по своему обыкновению прекратили атаку. Эта пауза дала возможность вывезти раненых и доставить из долины небольшое подкрепление.

И назавтра, 2 мая, арабские атаки не добились успеха. Второй батальон Пальмаха прибыл в Галилею 3 мая и расчистил дорогу, ведущую от озера Кинерет в Рош-Пина. (Тверию еще ранее покинули ее арабские жители после ухода англичан из города).

Но в Цфате положение оставалось неясным. Арабские руководители понимали, что в их планах вторжения Цфату принадлежит особое место. В этих планах предусматривалось, что к 15 мая Цфат будет уже в руках арабов, и тогда ливанская армия двинется на Цфат и овладеет всей центральной Галилеей.

10 мая около полуночи, всего за пять суток до арабского вторжения, Пальмах предпринял вторую атаку в Цфате. Он ударил по всем трем арабским укреплениям одновременно. Это был трудный бой. В конце концов Шишакли и оба его заместителя Сари Анфиш и Амин Джамейян не выдержали и дали приказ отступить. Они не предвидели, каким потрясением станет этот их приказ для арабских жителей города. Последние из 12 000 цфатских арабов бросили свои дома и бежали вместе с отступавшими войсками. Цфат остался за евреями.

Падение Цфата повлекло за собой цепную реакцию среди арабов Верхней Галилеи. Толпами покидали они свои деревни и присоединялись к потоку беженцев, направлявшихся в Сирию и Ливан. Войска Алона, избавленные теперь от забот о Цфате, получили возможность укрепить оборону поселений и подготовить их к предстоящему вторжению. Наступление в Галилее почти завершилось. В этом бою проявились выдающиеся военные способности Алона, не выпустившего из рук инициативу в момент, когда поселения находились на грани гибели. И это стало решающим фактором сражения за Галилею.

Позднее, в июне, Алон намеревался развить свой успех и продолжить наступление на юг, в Нижнюю Галилею, имея на сей раз целью Нацерет. Этот план был отклонен главным командованием, ввиду тяжелого положения Иерусалима. После укрепления еврейского фронта на севере, Алону было приказано принять командование над тель-авивской частью иерусалимского коридора. До этого назначения Алон хотел осуществить дерзкую операцию стратегического характера, которая должна была повести к решающей победе. Он предложил, чтобы его силы на севере, совместно с еще одним батальоном, вторглись в центр Эрец Исраэль, находившийся в руках арабов — "треугольник" между Дженином, Шхемом и Рамаллой, — насту-

пая в трех направлениях: на юг вдоль Иордана, в тылу у обороняющихся; на северо-запад, и, наконец, вдоль западного фланга. Алон был убежден, что этим наступлением он вызовет деморализацию обороняющих "треугольник" арабов и заставит арабские войска отступить от Иерусалима и повернуть на север. План произвел впечатление на начальника оперативного отдела Хаганы Игаэла Ядина, но у него не было достаточно войск для такой операции, да и положение на иерусалимском фронте было слишком серьезным, чтобы рисковать. Он нуждался в помощи Алона на этом фронте. И в июне Алону пришлось отправиться на юг, а наступление на "треугольник" осталось на бумаге одним из неосуществленных замыслов Войны за Независимость.

И в других частях Эрец Исраэль евреи перешли в наступление. В западной Галилее в направлении Акко продвигались силы, захватившие Хайфу.

Наступление Хаганы для захвата этой крепости оказалось более удачным, чем атака Наполеона: через сутки после ухода англичан город был в руках евреев. 14 мая люди Кармела овладели Наполеоновой горкой, откуда император в то время руководил операцией против Акко. К вечеру 17 мая пал и сам город.

В центре оставалась Яффа, крупнейший среди городов на западе страны. Развитие событий стало уже обычным, и, несмотря на два выходящих из ряда вон события (действия Эцеля и вмешательство англичан), итог был тот же. Большинство еще находившихся в городе арабов покинули свои дома, и 13 мая 1948 года город пал, после того как Хагана пришла Эцелю на помощь в проведении операции "Хамец" и заняла большинство окрестных арабских деревень*.

*27 апреля Моше Шарет телеграфировал из Нью-Йорка, что госдепартамент запросил, владеют ли еще руководители Еврейского агентства положением ввиду нападения Эцеля на Яффу. Шарет подчеркнул, что любой признак утраты Сохнумом руководящей власти пагубно отразится на их

Так и продолжалась "подготовка представления" накануне вторжения. В любом оставленном англичанами месте вспыхивал бой. Ни один важный пункт не оставался в стороне от столкновений. Задачи Хаганы, сформулированные "Планом далед", выполнялись одна за другой. Хагана заполняла "вакуум", оставляемый англичанами, и овладевала стратегическими высотами, господствующими над предполагавшимися направлениями будущего вторжения.

На этом этапе верх взяли евреи. Однако война пока даже и не начиналась, и в руках арабов было еще одно крупное преимущество, имя ему — Иерусалим. Именно Иерусалим решит исход войны. Несмотря на свои поражения в других местах, в районе Иерусалима арабы сохраняли превосходство в силе, и мы должны рассмотреть действия в этом районе, чтобы оценить события, развернувшиеся после конца мандата 15 мая 1948 года.

Положение Иерусалима отличалось от положения в других частях страны. Иерусалим был средоточием всего конфликта. В глазах Бен-Гуриона, равно как и в глазах короля Абдаллы, Иерусалим был всем — он определит победу или поражение. Для обоих овладение Иерусалимом было куда больше, чем вопрос престижа; в их политике по отношению к этому городу

политическом статусе и повредит его позиции на переговорах, которые он ведет.

Назавтра Хагана опубликовала следующее заявление: "В соответствии с решением исполкома Сионистской организации представители Хаганы встретились с представителями Эцеля, и соглашение, принятое исполкомом, вступило в силу. Это соглашение призвано оберегать ишув от разрозненных и вредных с военной, моральной и политической точек зрения боевых операций, обеспечив верховную руководящую роль Хаганы во всем, что касается военных действий. Мы хотели бы надеяться, что соглашение не причинит ущерба борьбе, фракционные действия прекратятся и будет проложен путь к ликвидации разброда".

стратегические вопросы занимали не менее важное место.

Абдалла жаждал захвата Иерусалима — третьего святого города мусульман. Если он станет правителем Иерусалима, это явится некоторой компенсацией за утрату, которую понес его отец, потеряв почти тридцать лет назад Мекку и Медину. С другой стороны, Абдалла понимал, что если он допустит, чтобы евреи овладели всем Иерусалимом, то это перечеркнет все его планы присоединения арабских частей Эрец Исраэль. Начальник его штаба генерал Глабб разделял его мнение. Глабб писал: "Если бы евреи захватили весь Иерусалим, они могли бы устремиться на юг по магистрали на Иерихон, и вся ситуация в Эрец Исраэль переменилась бы. Если бы евреям удалось захватить мост Алленби, Арабский легион был бы отрезан от своей базы и потерпел бы военное поражение"* Но, хотя в этом пункте Глабб был согласен с Абдаллой, он тем не менее сомневался в том, что главная задача Арабского легиона — захват еврейского Иерусалима.

В Иерусалиме Глабб видел иудейскую крепость, которую ему никогда не взять с его маленьким войском. Поэтому предпочтительней достичь прекращения огня в районе Иерусалима и, по возможности, его демилитаризовать, чтобы расположить легион на открытом пространстве, где можно с наибольшей эффективностью использовать огневую силу и маневренность. "Если мы войдем в Иерусалим, — утверждал Глабб, — мы потеряем половину армии и не сумеем удержать другие части страны. Если евреи удержат остальные части страны, Иерусалим окажется в окружении и в конечном счете попадет в их руки".

Глабб не единственный рассматривал положение Иерусалима подобным образом. Тот же самый аргу-

*Сэр Джон Глабб: "На службе у арабов", стр. 107

мент выдвигал главный стратег Хаганы — начальник оперативного отдела Игаэл Ядин, который не разделял мнения Бен-Гуриона, что иерусалимскому фронту следует отдать безусловное предпочтение. Бен-Гурион был убежден, что обороняя Иерусалим и сосредоточив на его защите главные силы, можно будет защитить все части страны. Ядин и весь генеральный штаб считали, что решение проблемы прямо противоположное: Иерусалим будет спасен, если обеспечить оборону остальных частей страны. Бен-Гурион твердил: Иерусалим — единственный пункт, который удерживается евреями в Иудейских горах, и в случае его потери ничто уже не помешает арабам устремиться с гор на прибрежную долину и повторить завоевательную войну, известную из истории Эрец Исраэль. Ядин в противовес этому полагал, что наибольшая угроза еврейскому ишуву в Эрец Исраэль исходит либо от прорыва арабов к берегу в районе Калькилии — Нетании или на Хайфу, либо от наступления египетской армии на юге. Поэтому он был уверен в жизненно важной необходимости держать имеющиеся силы в этих опасных зонах, оставив в Иерусалиме минимальные силы, необходимые для его защиты.

Таким образом, Ядин с Глаббом пришли к сходным выводам о месте Иерусалима в общей стратегии. Но Ядин основывался при этом на реальной оценке сил Хаганы в случае вторжения арабских полчищ, а позиция Глабба базировалась на совершенно ошибочной оценке сопротивления, с которой он столкнется в Иерусалиме. Это яркий пример близорукости иорданской разведки и результат ее неосведомленности. Глабб был уверен, что Иерусалим превращен в мощную иудейскую крепость, и что его маленький легион там столкнется со 100 000 вооруженных евреев. "Неделями, — пишет Глабб, — евреи строили бетонированные укрепления в своем городе. Они перекрыли улицы бетонными защитными стенами и баррикадами, при-

крыв все подступы дотами, пулеметными гнездами и заграждениями из колючей проволоки. Половина легиона, — добавляет Глабб, — будет потеряна в столь большом городе”.

Действительность резко отличалась от оценки Глабба. Преувеличение мощи евреев в Иерусалиме явилось одним из крупнейших просчетов Глабба в войне. Поразительно, что он так ошибся, хотя до мая 1948 года части Арабского легиона дислоцировались в Иерусалиме в составе британских войск.

В руках арабов находились все возвышенности, господствующие над городом: с юга гряда Бейт-Джалла; с востока Масличная гора; с севера Французская горка; с северо-запада Неби-Семуэль; а с запада — Эйн-Керем и горы позади него. Они господствовали над всеми путями сообщения с городом, включая шоссе Тель-Авив — Иерусалим, повторно перерезанное арабскими бандами вскоре после наступления Хаганы.* В самом городе положение арабов также было выгодным.

В отчете главному командованию Хаганы, представленном 21 марта 1948 года, командующий сектором генерал Давид Шалтиэль оценил арабские силы в Иерусалиме и его окрестностях в 5000 человек. Сюда входили 350 бойцов нерегулярной службы из Ирака и 60 добровольцев-мусульман из Югославии. Шалтиэль же располагал в общей сложности 2500 солдатами, включая людей гарнизонной службы. Не хватало оружия для всей бригады Эциони, а гарнизонники практически вообще не были вооружены. Отчет главному командованию Шалтиэль закончил напоминанием, что инициатива находится целиком в руках арабов: ”У нас едва хватает сил даже для оборонительной борьбы”.

*20 апреля силы Пальмаха из бригады Харель на время захватили высоты над Шаар-Хагаем, чтобы обеспечить доступ в Иерусалим транспортом, и с тех пор действовали в зоне Иерусалима.

Более того, почти половина полевых отрядов Шалтиэля была расквартирована в одиноких поселениях в иерусалимских горах, совершенно отрезанных от остальных еврейских частей Эрец Исраэль и самого Иерусалима. В число этих поселений входили Неве-Яков в районе Рамаллы и Гуш-Эцион в окрестностях Бейт-Лехема. Остальные бойцы были рассеяны по отдаленным еврейским кварталам Иерусалима, отрезанным в апреле от центрального еврейского района города арабскими кварталами. Таким было положение в кварталах Тальпийот, Рамат-Рахель, Макор-Хаим, Емиц-Моше и в Еврейском университете на горе Скопус, не говоря уже о еврейском квартале в Старом городе — изолированном острове посреди арабского моря. Все эти пункты имели лишь слабую связь с главными еврейскими силами в центре Иерусалима.

Задача генерала Шалтиэля усложнялась еще и тем, что значительная часть еврейского населения города принадлежала к крайним ортодоксальным группировкам и не только не годилась для борьбы, но и не желала принимать в ней участие. Еще около 500 человек числились за одной из отколовшихся организаций, отказывавшихся подчиниться приказам коменданта города. Иерусалим не только не был могучей иудейской крепостью, но являл собой странную смесь слабости и решимости. При таких обстоятельствах Шалтиэль считал, что военные соображения требуют эвакуации некоторых населенных пунктов, особенно Гуш-Эциона. Тогда, утверждал он, можно будет сосредоточить силы в самом городе и воспользоваться ими для наступления. Бен-Гурион, однако, твердо стоял на своем: должно проводить тактику "никакого отступления!". Ни одно поселение не будет добровольно оставлено, как бы это ни было трудно и какими бы притягательными ни были стратегические аргументы.

Итак, мы видим, что картина, которую рисовал себе Глабб, изображая противника вооруженным с головы

до ног и надежно укрепившимся и окопавшимся, была далека от действительности. На самом же деле перед арабами находились немногочисленные отряды, вплоть до апреля располагавшие одним лишь ружьем на двоих. Большая часть еврейской обороны была привязана к одиноким поселениям вдали от города, а из остальных многие были рассеяны по крошечным отрядам, которые защищали маленькие еврейские кварталы, окруженные арабскими зонами города. У них не только не было готовых укреплений, — Хагане пришлось "ловить" ортодоксов на улицах их квартала Меа-Шеарим и заставлять в последние минуты рыть окопы, и все это буквально в считанные дни до 15 мая, в момент, когда иерусалимское командование Хаганы было уверено, что легион вот-вот начнет наступление.

Положение арабов в Иерусалиме было гораздо лучше: евреи не могли рассчитывать на подкрепление людьми или оружием до овладения заново дорогой на Тель-Авив, а арабы располагали достаточными резервами в людях и снаряжении. Феллахи в Хевронских горах на юге и в районе Рамаллы на севере были хорошо вооружены и имели опыт вооруженной борьбы. Арабский транспорт, хотя и страдал от нападений евреев из Неве-Якова на севере и Кфар-Эциона на юге, не подвергался серьезной угрозе. В самом городе у арабов не было изолированных кварталов, требовавших защиты. Они имели все возможности сконцентрировать свои силы, но им не удалось воспользоваться своими преимуществами. Гибель Эбед эль-Кадра эль-Хусейни в Кастеле явилась для местных арабов тяжелым ударом, их руководство в Иерусалиме утратило свою прежнюю энергию. Что касается короля Абдаллы или Глабба, то их местные арабы никогда не считали своими вождями.

Еврейские кварталы в Иерусалиме, особенно Емин-Моше и Макор-Хаим, подвергались почти ежедневным нападениям, но сильным атакам они не подвергались.

В горах позади Иерусалима арабы действовали более эффективно. Они вернули себе после операции "Нахшон" высоты по обе стороны Шаар-Хагая и после 20 апреля снова изолировали Иерусалим от остального еврейского ишува, так что 100 000 иерусалимских евреев оказались в осаде. Задолго до 15 мая, когда Арабский легион двинулся на Иерусалим, позиции евреев в городе были слабы и находились под угрозой. Одновременные арабские атаки в городе и в окрестных горах поставили перед главным командованием Хаганы новую стратегическую задачу. С одной стороны, надо было заботиться, чтобы дорога Иерусалим — Тель-Авив оставалась открытой; с другой — положение внутри города было настолько серьезным, что все силы, которые можно было собрать, были необходимы для отражения атак арабов. У старшего командира Хаганы на Иерусалимском фронте хватало сил для действий либо в городе, либо в горах по обе стороны дороги, но совершенно недостаточно для того, чтобы воевать тут и там. Не прошло и недели, как бригада Харель начала наступление в Иудейских горах, чтобы заново овладеть господствующими над дорогой высотами,* а ей уже приказали срочно возвратиться в город. За пять дней своего наступления в горах бригада сумела проложить дорогу трем большим транспортным колоннам. В каждой насчитывалось более 200 гражданских грузовиков, конфискованных Хаганой и доставивших в осажденный Иерусалим продовольствие и оружие. Однако наступление бригады Харель было сведено на нет. 21 апреля бригада в составе четвертой колонны вернулась в Иерусалим, пробив-

*Операция "Харель" была прервана после получения от разведки известия, будто англичане намереваются покинуть Иерусалим в конце апреля. Ввиду этого, действия в горах прекратили и бригаду перебросили по тревоге в город. Потом оказалось, что эти сведения были ошибочными.

шись с большими трудностями и ценой значительных потерь.

Эти подкрепления прибыли в Иерусалим буквально в последнюю минуту. Бригада Эциони, половина которой обороняла Гуш-Эцион и другие селения на холмах, вела непрекращающиеся боевые действия с декабря и несла большие потери. Отряды, запертые в кварталах Макор-Хаим, Емин-Моше и еврейском квартале Старого Иерусалима, вели бои днем и ночью. Переутомление уже давало себя знать. В городе не было никаких резервных войск, которые могли бы заменить сражающихся или облегчить их положение. Когда арабы из засады напали на транспорт, доставлявший врачей и медицинское оборудование в больницу Хадаса на горе Скопус, у Шалтиэля не нашлось резерва для выручки конвоя, хотя последний бился с арабами на виду у всего города целых семь часов. Взяв верх, арабы подожгли машины и расстреляли всех, кто пытался спастись от огня. К вечеру там было 80 погибших, в том числе директор больницы, много врачей и медсестер. Этот инцидент произошел на расстоянии нескольких сотен метров от английского военного лагеря. Английским солдатам, наблюдавшим это массовое убийство, было приказано не вмешиваться якобы из-за опасности, которой они могут подвергнуться. Британский командир счел, что сил для вмешательства у него недостаточно.

Пребывание англичан в Иерусалиме близилось к концу. Город погрузился в напряженное ожидание. И арабы, и евреи задавались тем же вопросом: что произойдет после 15 мая? 26 апреля, через пять дней после прибытия в Иерусалим еврейских подкреплений, трансйорданский парламент утвердил решение послать Арабский легион в Эрец Исраэль в момент окончания мандата. Абдалла заявил корреспондентам: "Все наши усилия найти мирное решение палестинской проблемы потерпели неудачу. Нам остался лишь путь войны..."

Мне выпала честь спасти Палестину”. 27 апреля вторая моторизованная бригада иракской армии вышла из Багдада в Трансиорданию, чтобы оттуда направиться в Эрец Исраэль.

Тем временем на иерусалимском фронте был создан особый штаб под верховным командованием Ицхака Саде; Шалтиэль командовал бригадой Эциони в Иерусалиме, а Ицхак Рабин — бригадой Харель в иерусалимских горах. Этой бригаде поручили операцию “Иевуси” — захват четырех важных позиций, от которых в большой степени зависело господство над всем Иерусалимом: Неби-Семуэля, Шейх-Джарах, Катамон и госпиталь Августа-Виктория. Наступление, однако, не принесло победы. На северо-западе Иерусалима нерегулярные силы арабов добились крупнейшего до тех пор успеха: нанесли поражение роте из бригады Харель, пытавшейся завладеть грядой Неби-Семуэл. Еврейское подразделение было вынуждено отступить, потеряв более сорока убитыми. Провалилась также атака на высоту Августа-Виктория — миномет “Давидка” взорвался*. Из-за этого атака утратила устрашающую внезапность и запоздала. Зато внутри города бригады Эциони и Харель использовали три последние недели мандата целиком и полностью. Прибытие подкреплений позволило Хагане наладить постоянную связь между изолированными кварталами. Теперь силы Хаганы попытались установить прямую связь с горой Скопус — единственной стратегической высотой в районе Иерусалима, находившейся в руках евреев. При этом имелось в виду создать угрозу тылам арабских позиций в Старом городе. После упорного боя, длившегося всю ночь на 26 апреля, отрядам бригады Харель удалось овладеть северной окраиной Шейх-Джараха.

*Самодельный кустарный миномет, метавший на несколько сот метров заряд взрывчатки со страшным грохотом, не имевшим ни малейшего отношения к действительной эффективности заряда.

Тем самым они перерезали арабскую дорогу, соединявшую Старый город с Рамаллой, и восстановили связь с горой Скопус.

Но то была эфемерная победа. Ицхаку Саде тотчас же был предъявлен ультиматум командующего британскими войсками бригадного генерала Джонса, так как Шейх-Джарах простирался по обе стороны эвакуационной трассы англичан. Они заявили, что не потерпят, чтобы шоссе превратили в место боя, и евреям приказывалось немедленно покинуть квартал. К моменту истечения срока ультиматума местность все еще находилась в руках Хаганы. Английское танковое подразделение при поддержке пехоты начало артиллерийскую атаку на еврейские позиции с применением 25-миллиметровых орудий, стрелявших прямой наводкой. Было ясно, что Джонс серьезно взялся за дело. Тогда Хагана приняла его требования, и Шейх-Джарах оставался в руках англичан до 15 мая. Джонс обещал Хаганае, что после эвакуации из Шейх-Джараха квартал будет возвращен евреям, и действительно сдержал слово.

Но самые тяжелые бои разгорелись в южной части Иерусалима, где шел спор за господство над крупным и богатым арабским кварталом Катамон, который отделял Макор-Хаим от центра города. Наиболее ожесточенный бой разгорелся вокруг греческого монастыря, служившего арабским силам базой в этой части города. В конечном счете арабы были вынуждены отступить, оставив в развалинах монастыря и его садах около 80 убитых.* С падением Катамона сопротивле-

* Потери атакующих составили десять человек убитыми и около шестидесяти ранеными. Подразделение Хаганы намеревалось прекратить атаку, когда связист услышал по радиации приказ отступить, отданный арабским командиром в монастыре. Основные потери были причинены евреям во время отражения арабских контратак. Евреи не отступали, не желая оставить раненых. Они упорно держались, пока враг не выдержал и отступил.

ние арабов начало разваливаться во всей южной части Иерусалима. Однако силы Хаганы не смогли использовать свое преимущество, так как британский командующий снова — в последний раз — навязал обеим сторонам прекращение огня, вступившее в силу в первую неделю мая.

В городе установилось напряженное затишье, зато снова вспыхнули бои на окрестных холмах. Подкрепления Пальмаха вышли из города и возобновили наступление на Шаар-Хагай в очередной попытке освободить дорогу на Тель-Авив для еврейских транспортов.*

Но теперь арена битвы переместилась в Хевронские горы к югу от города. За одиннадцать дней до окончания мандата и "официального" вторжения арабских армий легион предпринял свое первое нападение.

Он метил в Гуш-Эцион — комплекс из четырех еврейских кибуцов, расположенных в двадцати трех

*В ночь на 8 мая бригада Харель (при поддержке бригады Гивати) приступила к операции "Маккаби" — еще одной попытке освободить дорогу Тель-Авив — Иерусалим. За неделю тяжелых и затяжных боев удалось захватить деревню Бейт-Мехсир и холмы над Шаар-Хагаем. В ночь на 15 мая были взяты также деревни Латрун и Дейр-Июб. В ночь на 18 мая через Латрун прошло около сорока машин — последний транспорт, достигший Иерусалима. 18 мая арабы вернули себе Латрун и Дейр-Июб.

Существуют значительные расхождения во мнениях по поводу событий, имевших место в эти 48 часов, когда израильтяне покинули позиции, которым предстояло стать ключевыми в этой войне. Предметом спора является вопрос, могли ли на них израильтяне удержаться. Ядин говорит, что перед ним стояла угроза наступления египтян на Тель-Авив с юга, где не было никаких оборонительных еврейских сил (за исключением кибуцов). Он был вынужден снять бригаду Гивати с Латруна и перебросить на юг, отказавшись от Латруна и стратегически важных подступов к нему. Ядин получил телеграмму от Бен-Гуриона с требованием овладеть Яло — ключом к освобождению транспортных артерий Иерусалима. В своем ответе Ядин разъяснил свою позицию. Аргументы Ядина убедили Бен-Гуриона, и он согласился оставить район Латруна. Впоследствии он сожалел об этом своем решении. Но был ли иной выход?

километрах к югу от Иерусалима, по соседству с шоссе Иерусалим – Хеврон. Кибуцы, получившие подкрепления людьми из бригады Эциони, находились внутри густонаселенной арабской зоны и с декабря 1947 года были отрезаны от остальных районов еврейского ишува. Арабы на них постоянно нападали, но до сих пор им удавалось отбиваться. Евреи Гуш-Эциона были бельмом на глазу у арабов. Они из захваченного ими русского монастыря открывали огонь по арабскому транспорту на дороге между Хевроном и Иерусалимом. В конце апреля, во время боя за квартал Катамон, людям Гуш-Эциона удалось почти наглухо перекрыть эту дорогу.

Однако эти успехи впоследствии дорого обошлись защитникам Эциона. Дорога имела жизненно важное значение для Арабского легиона. По ней шло непрерывное движение в обе стороны, грузовики доставляли в Трансиорданию продовольствие и боеприпасы из британских военных лагерей в районе Суэцкого канала. Британское правительство обещало Абдалле поставить полное снаряжение для одной дивизии, и Арабский легион спешил перебросить это снаряжение до истечения срока мандата, когда закроется дорога в Египет. Еврейские поселенцы обстреливали дорогу. Необходимость ответной реакции была использована местным командиром как предлог для начала наступления еще до истечения срока мандата.

4 мая начался внезапный обстрел русского монастыря из орудий. Грохот боев был ужасен. Такого еще не было в предыдущих сражениях. Он был хорошо слышен в Иерусалиме, и заставил сжаться сердца всех евреев. Обстрел с близкого расстояния дал роте легионеров возможность овладеть монастырем, но все их усилия захватить вершину над монастырем и холм в сотне метров к северу от него провалились. К вечеру рота отступила и защитники вернулись в монастырь.

Атака не удалась, но легион добился своей цели: поселенцы перестали обстреливать арабские машины, продвигавшиеся по шоссе, колонны легиона и транспорты двигались теперь беспрепятственно. Более того, защитники потеряли 12 человек убитыми и 30 ранеными. А поскольку никаких надежд на людские подкрепления не было, это был тяжкий удар, сделавший их положение еще более опасным. В течение восьми дней после нападения в районе царило относительное затишье, но 11 мая передовые посты сообщили о подозрительном шуме. Их беспокойство было обоснованным: легион готовился к атаке.

Две роты легионеров сосредоточились на холме Бейт-Паджар. Они решили захватить оборонительные позиции, защищавшие внутреннюю дорогу в поселения, и таким образом рассечь весь район надвое, чтобы затем приняться за каждый кибуц или мошав в отдельности. К тому же в район Эциона под покровом ночи устремились сотни местных арабов из Хеврона, Идны и Дахарии, прослышавших об атаке легиона и собиравшихся принять участие в резне и грабеже.

К полудню атакующим легионерам удалось рассечь еврейскую оборону. С помощью броневиков легионеры быстро подавили сопротивление позиций, оборонявших внутреннюю дорогу. Однако на подступах к самому Кфар-Эциону все их атаки были отбиты, и с наступлением ночи бои прекратились. Теперь защитники потеряли всякую надежду: за день у них было 70 жертв из общего числа, которое составляло менее пятисот мужчин и женщин. У них уже не было сил подняться в контратаку.

С рассветом легион возобновил наступление на позиции, защищавшие Кфар-Эцион. После шестичасового боя и после того, как на переднем крае защитников кончились все боеприпасы, легион взял верх и ворвался в деревню. Дрались за каждый дом. К легионерам присоединились сотни местных арабов,

устремившихся в деревню следом за легионом. Бой превратился в резню.

Офицер легиона предложил защитникам сдаться, и около пятнадцати человек вышли и сложили оружие. Когда они стояли в ряду перед офицером, собиравшимся их фотографировать, вперед вышел местный араб с автоматом и расстрелял всех, вопреки возражениям офицера. Только трое мужчин и одна девушка остались в живых из всего населения села; все остальные были убиты. Таков был конец Кфар-Эциона. Вскоре после этого, 14 мая, сдались остальные кибуцы района и их население было взято в плен. Легион охранял их от местных арабов и относился к ним как к военнопленным.

Падение Гуш-Эциона вызвало ликование среди арабов в Иерусалиме. В церквах Старого города по случаю победы ударили в колокола, и толпы собрались перед Яффскими и Дамасскими воротами, не обращая внимания на выстрелы. В тот день, 14 мая, арабам и англичанам в Иерусалиме казалось, что дни еврейского города сочтены. Всего несколько километров отделяли победоносный Арабский легион в Гуш-Эционе от Иерусалима. Иерусалимские евреи переживали отчаяние защитников Масады.

В отрядах Хаганы люди стояли возле раций и слушали последние прощальные слова из Кфар-Эциона, перед тем как арабы захватили его. В тот вечер офицер Хаганы посетил взводы на позициях и рассказал людям, что последний из кибуцов Гуш-Эциона сдался и что перед Арабским легионом, его бронетанковыми силами и тяжелой артиллерией открыта дорога на Рамат-Рахель и Тальпийот, лишенных всякой противотанковой защиты. Евреи, высыпавшие на улицы города, и среди них ортодоксы-экстремисты были доставлены в оба квартала на южном конце города рыть окопы и возводить наспех укрепления. С минуты на минуту ждали появления легиона. 15 мая его орудия с

высокого холма Неби-Семуэль открыли огонь по северо-западным предместьям Иерусалима.

В разъединенном взбудораженном городе почти не обратили внимания на британский флаг, который спустился с мачты правительственного дома, резиденции последнего британского верховного комиссара. Завершив свою работу, закрылась 14 мая специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, не внесшая поправок и не изменившая ноябрьского решения 1947 года о разделе. Почти в тот же момент народное собрание в Тель-Авиве провозгласило основание еврейского государства.

Так окончилось британское правление в Иерусалиме, но ни клики радости, ни вопли возмущения не провожали последнюю колонну войск и чиновников, неспешно потянувшуюся вверх по улице Пророков. Их уход из Эрец Исраэль окружало безмолвие. Евреи и арабы остались в стране один на один. Казалось, что удача будет на стороне арабов. Так началась объявленная война в Эрец Исраэль.

Часть третья

ОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА

Глава восьмая

НАЧАЛО ВОЙНЫ.

ПЕРВЫЙ ЭТАП: 15 МАЯ – 11 ИЮНЯ 1948 ГОДА

Срок мандата истек, и от британского правления в Эрец Исраэль остался лишь маленький островок в Хайфском порту и еще аэродром Рамат-Давид, откуда эвакуировали последних британских солдат.* Мандат завершился не так, как это представляли себе в кругах Организации Объединенных Наций. Власть не была передана постепенно еврейским и арабским органам управления под дружественным надзором специальной комиссии ООН; вместо этого англичане с отвращением бросили все: пускай евреи и арабы дерутся за власть между собой. Уже в феврале основные правительственные учреждения в Иерусалиме перестали работать из-за сильной стрельбы, не позволявшей еврейским и арабским служащим приходить на работу. Сначала закрылись суды, затем центральный почтамт, вслед за этим пришел черед телефонной станции, а под конец оказались парализованными водопровод, электроснабжение и прочие полуправительственные службы и учреждения. Не было сделано никакой попытки передать управление и административные дела евреям и арабам. Британские чиновники сожгли свои папки, уничтожили

*Последний британский военный генерал Макмиллан покинул Эрец Исраэль 30 июня 1948 года.

документы и ушли. Комиссия ООН, призванная осуществить контроль над передачей власти, была допущена в страну лишь в конце марта. Англичане и арабы фактически ее игнорировали.

Тем не менее, несмотря на почти демонстративное нежелание британской администрации сотрудничать, ожидаемого англичанами хаоса в Эрец Исраэль не наступило. Служащие Еврейского агентства приняли на себя управление, брошенное англичанами.* Создали временную почтовую службу, снова пустили в ход предприятия водо- и электроснабжения в еврейских районах, охрану общественного порядка взяла на себя еврейская вспомогательная полиция. На арабской стороне вторгшиеся войска объявили военное положение на захваченных территориях и занялись делами местного населения. Так осуществился на практике раздел на еврейский и арабский секторы, рекомендованный Организацией Объединенных Наций. Евреи удержали власть на территории, выделенной еврейскому государству, кроме Негева, где еврейские поселения были изолированы от остальных частей страны, находившихся в руках евреев.

Арабы остались хозяевами положения на своей территории, за исключением западной Галилеи, где с рассветом 15 мая разгорелся упорный бой за контроль над местностью, закончившийся в пользу Израиля.

Обоих противников теперь предоставили самим себе. Однако как Хагана, так и верховное арабское командование еще не были готовы к настоящей войне. И те, и другие страдали от многочисленности органов власти и расплывчатости их полномочий, которые требовалось четко разграничить, чтобы действовать

*С этой целью исполком Сионистской организации назначил в апреле под председательством Бен-Гуриона комиссию в составе 13 человек, названную Народным Советом. 14 мая 1948 года комиссия эта стала временным правительством Израиля.

эффективно. Накануне войны в Эрец Исраэль обе стороны оказались застигнутыми серьезным кризисом в области военного управления. У евреев этот кризис разрешился появлением единого полномочного главнокомандующего. Арабы продолжали страдать от раздробленности командования в течение всей войны.

Со времени sporadических боев в марте и апреле состав командования Хаганы не изменялся, если не считать появления Игаэла Ядина. Он прежде не был известен среди тех, кто определял стратегию и тактику войны. По мере учащения боев и приближения войны Бен-Гурион превратился в фактического главнокомандующего, а Игаэл Ядин — также де-факто — стал начальником его штаба. Это привело к тому, что наличие формального командования Хаганы стало анахронизмом и в значительной степени помехой при разработке кардинального плана военных действий.

Проблема командования заботила Бен-Гуриона, особенно в тяжелом месяце — апреле 1948 года. В командовании было слишком много политиков — десять человек — и слишком мало профессиональных военных — фактически ни одного. Ицхак Саде и Ядин были талантливые люди, но все же не профессиональные военные. У Бен-Гуриона имелись сомнения насчет того, сумеют ли они руководить современной войной со всеми ее запутанными проблемами — организационными и техническими. Он полагал, что Галили и высшие командиры Хаганы не подходят для новых актуальных задач и что центральные командные посты должны занять офицеры, обладающие опытом службы в британских войсках.

Сам Бен-Гурион лишь незадолго до того познакомился с работой внутреннего аппарата командования Хаганы. До конца 1946 года у него не было никакой прямой связи с командованием. Лишь после Всемирного Сионистского Конгресса в Базеле в декабре 1946

года Бен-Гурион получил назначение на пост главы по вопросам безопасности в Еврейском агентстве и с этого времени начал играть активную роль в военных приготовлениях еврейского ишува. При этом он был не столько связан с главным политическим командованием, сколько с оперативной комиссией командования (Вторым отделом), которую возглавлял Галили, а также с начальником штаба Хаганы Яковом Достровским (Дори), его заместителем Ицхаком Саде и начальником оперативного отдела Игаэлом Ядином.

К концу апреля 1948 года Бен-Гурион пришел к твердому убеждению: работе серьезно мешает разделение полномочий между ним и Галили, и Бен-Гурион решил действовать по-своему.

3 мая он отправил к Галили нарочного с письмом. В письме говорилось, что после создания Комиссии тринадцати и исполкома Комиссии тринадцати с исчерпывающими полномочиями, главное политическое командование стало излишним. А поскольку в главном командовании больше нет нужды, нет надобности и в главе политического командования. В соответствии с новым положением должность Галили упраздняется немедленно. Начиная с двенадцати часов сего дня, говорилось в конце письма, Хагана будет получать распоряжения от главы отдела безопасности Еврейского агентства Давида Бен-Гуриона. Это послание прибыло в момент, когда в генштабе Хаганы шло обычное утреннее заседание. Галили прочитал письмо присутствующим. Они были поражены содержанием и сухим тоном послания. Галили, однако, уговорил их беспрекословно подчиниться решению. Было 9.30 утра, всего два с половиной часа оставалось до установленного срока, назначенного Бен-Гурионом. Галили поставил об этом в известность свою партию Мапам и попросил не делать из этого политическую проблему.

На фронте известие было воспринято со смешанными чувствами. Группа старших офицеров, большинство

которых служило во время второй мировой войны в британской армии, одобрительно встретили решение Бен-Гуриона, направленное на внедрение более высокой степени централизма в структуру главного командования. Однако многие другие — ядро Хаганы и, в особенности, товарищи Галили по партии Мапам, занимавшие центральное положение в Пальмахе, — были уязвлены и потрясены. В тот же вечер они явились в кибуц Наан, где жил Галили, выразить свой протест против решения Бен-Гуриона. Галили категорически приказал им не предпринимать никаких самостоятельных ответных действий.

Тем временем Бен-Гурион узнал о реакции, вызванной его мерами, и задумался над вредом, который это может нанести Хаганы в решающий момент. Безусловно были преимущества, которые появились бы при наличии подходящего заместителя. Сначала он предложил эту должность Цви Аялону, но тот отказался; затем новую должность отказался принять и Ядин, который не согласился занять пост Галили. В это время несколько руководителей штаба послали Бен-Гуриону письмо с критикой его действий. Они утверждали, что без Галили пострадает координация и эффективность работы штаба. Ядин писал, что если приказ не будет отменен, у него не останется другого выхода, как подать в отставку. Многие начальники отделов Хаганы также выразили свою озабоченность. Бен-Гурион понял обстановку и спустя пять дней послал своего военного секретаря Нехемию Аргува к Галили с личным письмом. Он писал, что у него нет намерений стать главой Хаганы, и просил Галили вернуться к своим обязанностям. Назавтра Бен-Гурион и Галили опубликовали совместное заявление, адресованное начальникам отделов Хаганы, и 9 мая Галили возвратился на свой пост в Кмиссии трех, которая руководила всеми операциями Хаганы. Кризис был заторможен, но не ликвидирован. Фактически положение Галили ста-

новилося все более туманным, и по мере приближения 15 мая начальники отделов Хаганы все больше убеждались, что у них есть только один главнокомандующий — Бен-Гурион.

Что-то от классической трагедии было в этом столкновении двух сильных личностей. Оба были заинтересованы лишь в благе народа, но каждый сомневался в пригодности другого. Долгое время они работали рука об руку. В тридцатых годах Бен-Гурион остановил свой выбор на Галили как на человеке, способном придать Хаганы нужный облик, и Галили взялся за дело самозабвенно, со страстью, не признающей ничего другого, увлекая за собой и своих подчиненных. Он построил Хагану заново, он превратил ее в военный инструмент, который дал Бен-Гуриону необходимый маневренный простор, нужных командиров и дух, спасительный для Израиля. Но теперь необходимо было нечто другое. Так произошел разрыв.

Арабским лидерам также досаждали проблемы командования. Своих планов они друг другу не открывали. Между войсками и штабами не имелось ни малейшей координации. Военная комиссия Арабской лиги существовала только на бумаге, на практике ей не подчинялась ни одна арабская армия. Египтяне держали в секрете свои намерения от Абдаллы и даже от сирийцев; генералу Глаббу не сообщили решения арабских командующих Сирии, Ирака, Ливана и Трансиордании, встретившихся 12 мая на трансйорданской военной базе в Зерке (в то самое время, когда король Абдалла проводил свою последнюю тайную встречу с представителями Еврейского агентства Голдой Меирсон и Эзрой Данином — см. главу шестую). Несмотря на то, что генерал Глабб командовал единственным из арабских армий боеспособным войском, было решено, с одобрения короля Абдаллы, не посвящать Глабба в планы и намерения арабов. Глабб констатирует, что не получил информации о важнейших решениях Лиги

касательно вторжения в Эрец Исраэль. Арабские руководители не доверяли ему. Кажется, сам Абдалла не слишком с ним откровенничал, судя по собственному свидетельству Глабба, который рассказывает, что его не допускали к тайнам тесного круга приближенных Абдаллы, занимавшихся делами Эрец Исраэль.

Черновой план арабского вторжения был составлен к началу мая в штабе генерала Тага Хашими в Дамаске и изложен арабским командующим на их встрече в Дамаске в первую неделю мая. Окончательно утвердили план на заседании политической комиссии Арабской лиги в Дамаске 11 мая 1948 года. По инициативе Ирака, верховным командующим арабских войск комиссия назначила иракского генерала Нур эд-Дина Махмуда, получившего титул "командующего регулярными и нерегулярными вооруженными силами спасения Палестины".

План вторжения в Эрец Исраэль основывался на создании широких клещей, которые должны были сомкнуться в Афуле. Предполагалось отрезать Галилею и восточную часть Изреэльской долины от остальных территорий еврейской Эрец Исраэль. После падения Афулы, хашимитским войскам надлежало повести наступление на Хайфу — главный объект вторжения. Вот основные пункты этого плана:

Ливанские войска движутся из Рош-Ханикра вдоль берега в направлении Акко и Хайфы;

Сирийские войска, со своей базы в Бинат-Джабейль на юге Ливана, вторгаются в центральную Галилею, захватывают Цфат и направляются в Нацерет и Афулу;

Иракские войска идут на Афулу, а другая их часть пересекает Иордан южнее совместно с Арабским легионом. Все группы войск движутся в Афулу, пройдя через населенную арабами Самарию, а затем и Дженин. Соединившись с сирийцами, иракские и трансйорданские войска проходят Эмек-Изреэль и Шефарам в

направлении Хайфы, в то время как особые соединения сирийцев прочесывают те районы Галилеи и Изреельской и Иорданской долины, которые окажутся отрезанными от остальной израильской территории. Ливанские войска, продвигаясь с севера, примут участие в конечном штурме Хайфы;

Египетские войска наступают на Тель-Авив с юга, стремясь отвлечь как можно больше еврейских сил от главного арабского наступления на Хайфу.

12 мая, назавтра после представления плана политической комиссии в Дамаске, представитель Иордании вернулся в Амман. Он доложил Абдалле содержание плана и сообщил о назначении Нур эд-Дина Махмуда. Арабские историки говорят, что король показал план Глаббу, и тот отверг этот план и изменил его. Глабб утверждает, что о плане он никогда ничего не слышал, не видел его и тем более не вносил в него изменений. В действительности король Абдалла не советовался с Глаббом по этому вопросу. У короля имелись собственные цели. 13 мая он связался с политической комиссией Лиги, продолжавшей свои заседания в Дамаске, и потребовал, чтобы верховное командование арабскими вооруженными силами было передано ему. Арабские делегаты согласились на требование Абдаллы при условии, что Нур эд-Дин Махмуд будет его заместителем. Сам король заявил Махмуду, что плана он не принимает, и что у него имеется совершенно другая программа действий. По его мнению, главное — это Иерусалим. Он не намерен навязывать своему легиону участие в кампании на севере, хотя и считает Хайфу желанным объектом, пока окончательно не определится судьба Иерусалима. Легион сосредоточит свои усилия на Иерусалиме и его окрестностях и совместно с иракскими войсками овладеет теми частями в центре Эрец Исраэль, которые, по его плану, должны стать территорией арабского палестинского

государства. Абдалла посоветовал Махмуду перенести сирийское наступление из центра, где незащищенным флангам сирийцев грозила бы опасность, к южной оконечности озера Кинерет, пересечь Иордан и проникнуть в Эрец Исраэль через Цемах, двигаясь северней иракцев, которые пересекут Иордан в Гешере (километров на девять ниже по течению) и будут, таким образом, защищать левый фланг сирийцев. Нур эд-Дин согласился с этими поправками.

Внесенные Абдаллой коррективы означали, что первоначальный план окружения и смыкания клещей в Афуле уже невыполним. Поэтому сирийцам было приказано отозвать свои войска из Бинат-Джабейль, куда они уже были стянуты, и перебросить их в Цемах, к югу от озера Кинерет. Длинная вереница сирийских обозов, тянувшихся среди холмов, была хорошо видна израильтянам. В тот момент они не могли понять смысл этого запоздалого перемещения. Сирийцы не придавали особой важности внезапности, ибо в противном случае они провели бы свой маневр более осторожно. Тогда арабы еще полагали, что не натолкнутся на серьезное сопротивление евреев; они были настолько самоуверенны, что в эту свою первую попытку вторжения послали менее половины своей армии.

Пока сирийцы уходили из Бинат-Джабейль, часть сирийских войск, сосредоточенная в Рош-Ханикра, начала продвигаться на восток в Малкию. В соответствии с новыми распоряжениями, отданными Нур эд-Дином, ливанцам надлежало вторгнуться вглубь населенной арабами центральной Галилеи, используя ее как базу для дальнейших нападений на Изреэльскую долину и Хайфу. Дану Ланнеру суждено было неожиданно столкнуться с этими войсками в тяжелом бою.

По новому плану Нур Эд-Дина иракцы и сирийцы должны были провести свое первое нападение на поселения в Иорданской долине. Со стратегической точки зрения, этот план был значительно скромнее

предыдущего. Вместо движения в двух направлениях по заселенной арабами территории теперь планировалась фронтальная атака на еврейские районы, достаточно заселенные и неплохо защищенные. Правда, эти районы были изолированы и расположены относительно далеко от центра еврейской Эрец Исраэль, где должны были по замыслу арабов развернуться решающие сражения.

Итак, сирийцам предстояло атаковать в Цемахе, а иракцам — вторгнуться через Гешер. Нур эд-Дин Махмуд сообразил, что левый фланг иракского наступления окажется обнаженным, так как Арабский легион стянет свои силы значительно южнее, в районе Иерусалима. Получалась большая брешь и возникала опасность, что евреи ею воспользуются, атакуя через Самарийские горы, фактически незащищенные, в направлении Дженина. Поэтому одна из обеих иракских бригад, составлявших экспедиционный корпус,* не участвовала в первой атаке на Гешер: ее оставили в резерве на случай военных действий в центре страны. Позднее этой бригаде удалось спасти арабский Дженин: она прибыла на место действия, когда город готов был сдать евреям.

В Дамаске действия короля Абдаллы вызвали почти панику. Утром 15 мая президент Сирии Куватли позвонил из своего дворца королю Абдалле и сказал, что у него находится генеральный секретарь Арабской лиги и что между ними достигнута договоренность отложить вторжение арабских войск в Эрец Исраэль. Вместо этого они хотят увеличить помощь местным арабам

*Поскольку иракская армия строилась по территориальному принципу, был создан экспедиционный корпус из двух усиленных бригад. Им придали более 12 самолетов. В июле и августе были отправлены дополнительные подкрепления, и к осени 1948 года иракские силы были крупнейшие среди арабских армий в Эрец Исраэль, насчитывая 26 полков.

деньгами и оружием, чтобы последние могли подготовить почву и создать более выгодные условия для всеобщего вторжения. Абдалла решительно отверг эту идею, и президент Куватли согласился послать сирийцев в Цемах, но предупредил о возможных задержках, так как к этому новому повороту событий сирийцы не готовы.

Пока сирийцы тянули, к Абдалле стали поступать тревожные сообщения и призывы из Иерусалима. Вопреки сопротивлению Глабба, опасавшегося за бедуинский легион, если ему придется драться в условиях тесной городской застройки густонаселенного Иерусалима, Абдалла твердо стоял на своем, требуя захватить город. Он также был заинтересован и в захвате обширных пространств страны, насколько позволят время и его малочисленные силы. Как и от Бен-Гуриона, от него не ускользали важные политические проблемы, которые будут решены путем военных захватов. Он смотрел куда дальше и видел глубже, чем Глабб-паша с его ограниченным военным кругозором. Абдалла хотел опередить египтян и раньше дотянуться до желанных ему объектов.

Опасения короля по поводу Египта были преувеличенными, поскольку у египтян были свои осложнения с военным руководством. Египетское командование соглашалось с правительством Нукраши, которое утверждало, что участвовать во вторжении в Эрец Исраэль вместе с регулярными армиями арабских стран чистое безумие. Вместо этого египетское правительство время от времени оказывало помощь Организации мусульманских братьев в Эрец Исраэль оружием и добровольцами. Словом, египетское командование было совершенно не готово к внезапному решению правительства Египта вступить 15 мая в Эрец Исраэль силами двух бригад. Всего за несколько дней до изменения правительством Нукраши своей позиции египетский министр обороны генерал Хейдар стукнул

кулаком по столу в ответ на вопрос Мохаммеда Хейкала о намерениях Египта: "Мы никогда не будем обсуждать возможность официального участия в войне, потому что мы еще не сошли с ума! — заявил Хейдар, — мы разрешаем нашим людям и нашим офицерам записываться на службу в Палестине в качестве добровольцев и снабдим их оружием, но не более того".

Египетский министр обороны знал, что говорит. Через несколько дней после этой беседы, когда ему сообщили о перемене планов, он пригласил на совещание к себе в Каир командующего египетскими вооруженными силами в Синае. По прибытии генерал-майора Ахмеда эль-Муави, Хейдар спросил его, в каком состоянии войска; было это в конце апреля 1948 года. Муави ответил, что положение никуда не годится. Тогда Хейдар сказал, что ему, Муави, возможно, придется возглавить своих солдат в войне против евреев. Муави запротестовал, заверив, что войска необучены и не готовы к войне. Тогда Хейдар устроил генералу Муави выступление перед египетским генеральным штабом и министрами правительства. Выслушав отчет Муави о состоянии египетских войск в Синае, премьер-министр Нукраши заметил, что положение Египта среди арабских стран обязывает к изменению политики и к вступлению в войну. Он, однако, успокоил Муави, отметив, что нет причин для слишком большой тревоги. Произойдут считанные столкновения — ведь вмешается Организация Объединенных Наций. Но даже если и будут стычки, — утверждал Нукраши, — то они будут скорее политической демонстрацией, чем действительными военными действиями.

Слова Нукраши успокоили Муави, и он вернулся в Эль-Ариш готовиться к войне такого рода. Он понятия не имел о том, что происходит на других фронтах. Он пригласил к себе своего заместителя полковника Мохаммеда Нагиба и рассказал ему о принятом решении. Нагиб указал, что у них всего четыре боеспособных

батальона, что нет людей и нет даже снаряжения для успешного военного похода. "Зачем нам навлекать на себя катастрофу? – спросил Нагиб. – Мы получили приказ и должны выполнять его, а не рассуждать", – ответил Муави и приступил к подготовке вторжения на юг Эрец Исраэль. Он знал, что ни на одну из арабских армий нельзя полагаться на поле боя, но он должен выполнить приказ.

Так мы подходим к кульминационной точке в неуклонном развитии событий. После решений в Аммане и в Каире уже не было пути к отступлению.

В Городском музее Тель-Авива 14 мая собрался в послеобеденные часы Народный Совет евреев Эрец Исраэль.

Ровно в четыре часа пополудни со своего места поднялся Бен-Гурион, вместе с ним справа и слева встали его коллеги, министры нового еврейского государства. То была несомненно величайшая минута в жизни Бен-Гуриона. В этот момент он брал на себя ответственность за судьбу еврейского народа. Маленький зал был переполнен взволнованными людьми, ощущавшими движение истории. Бен-Гурион деловым тоном приступил к чтению. В энергичных и сжатых фразах он напомнил о столетиях неисчислимых бедствий народа и его извечном стремлении.

... В Эрец Исраэль еврейский народ возник и сложился... После изгнания народа нашего из страны... Исходя из исторических традиций... В году 1897 первый Сионистский конгресс... Признано Декларацией Бальфура 2 ноября 1917 года... Оставшиеся в живых жертвы нацистского геноцида... Во второй мировой войне... 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций...

Короткая пауза. До сих пор речь шла об истории. Теперь ему самому предстоит вершить историю, и Бен-Гурион продолжает, словно после раздумья:

... Естественное право еврейского народа — жить, как любой другой народ, и располагать собой в своем суверенном государстве.

И далее — звонким голосом:

... Поэтому мы — члены Народного Совета, представители еврейского ишува и сионистского движения, собрались в день истечения британского мандата на Эрец Исраэль и на основании нашего естественного и исторического права, а также на основании решения ООН провозглашаем создание еврейского государства в Эрец Исраэль — Государства Израиль. Мы устанавливаем, что с момента истечения срока мандата нынешней ночью, в канун субботы шестого ияра 5708 года — 15 мая 1948 года и до создания выборных и постоянных органов государственной власти в соответствии с конституцией, которая будет принята учредительным собранием, избранным не позднее 1 октября 1948 года, — Народный Совет будет действовать в качестве Временного Государственного Совета, и его орган исполнительной власти — Народная администрация образует Временное правительство еврейского государства, которое будет называться И з р а и л ь.

Государство Израиль будет открыто для еврейской алии из всех стран рассеяния; будет опираться на принципы свободы, справедливости и мира, как учили пророки Израиля; обеспечит полное равенство в общественных и политических правах всем своим гражданам без различия религий, расы и пола; обеспечит свободу вероисповедания, совести, слова, воспитания и культуры; будет охранять святыни всех религий и хранить верность принципам устава Организации Объединенных Наций.

Государство Израиль готово к сотрудничеству с учреждениями и представителями ООН во имя осуществления решения Генеральной Ассамблеи от 29

ноября 1947 года и к усилиям во имя экономического единства Эрец Исраэль в целом,

Мы призываем Организацию Объединенных Наций оказать поддержку еврейскому народу в строительстве нашего государства и принять Государство Израиль в семью народов.

Мы призываем — даже теперь, во время кровопролитного нападения, продолжающегося уже долгие месяцы, — всех сынов арабского народа, жителей Государства Израиль, возвратиться на путь мира и внести свой вклад в строительство государства на основе полного гражданского равноправия и соответствующего представительства во всех его учреждениях — временных и постоянных.

Мы протягиваем руку дружбы всем граничащим с нами странам и призываем их к добрососедству и сотрудничеству с независимым еврейским государством на основе взаимопомощи. Государство Израиль готово внести свой вклад в дело развития всего Ближнего Востока.

Мы призываем еврейский народ во всех странах диаспоры сплотиться вокруг ишува и своим участием в алии и строительстве поддержать нас в великой битве за воплощение мечты поколений о возрождении Израиля.

Упова на Бога, скрепляем мы нашими подписями эту Декларацию на заседании Временного Государственного Совета на родной земле, в городе Тель-Авиве сегодня, в канун субботы, пятого ияра — 14 мая 1948 года.

Семнадцать минут длилось чтение Декларации Независимости. Было много предположений и много споров по поводу официального названия нового государства. Теперь это название стало известно и было принято. Тотчас после оглашения Декларации и ее

подписания Бен-Гурион сообщил о первых распоряжениях нового правительства.*

Рано занялась утренняя заря над восточным районом Средиземного моря. В четыре часа с минутами взошло солнце — впервые над новым государством Израиль. Тель-Авив был погружен в глубокий сон после утомительных торжеств предыдущего дня, следовавших вслед за провозглашением независимости. То была и первая суббота Государства Израиль. Однако всю ночь горели огни за светомаскировочными шторами в большом розоватом здании на берегу моря — там заседало главное командование Хаганы, проводя совещание с председателем первого израильского правительства Давидом Бен-Гурионом. Там же присутствовали заместитель Бен-Гуриона Исраэль Галили и начальник оперативного отдела Игаэл Ядин, звезда которого теперь быстро восходила, хотя он еще не прошел подлинных испытаний.

Призрак войны присутствовал на всех обсуждениях в "красном доме". Бен-Гурион, Галили и Ядин были почти уверены, что на рассвете против Израиля выступят регулярные арабские войска. До последней минуты они еще питали некоторые сомнения насчет намерений арабов. Так или иначе, не оставалось ничего другого, как только ждать. Для доброго имени государства Израиль в ООН было необходимо, чтобы открытую войну начала арабская сторона, а не израильские. В любом случае у Бен-Гуриона и его коллег

* Провозглашению предшествовал долгий спор, решившийся, в конечном итоге, большинством в один голос, следует ли включать в Декларацию определение границ страны. Подход Бен-Гуриона к этому вопросу был категоричным. Как рассказал он в 1966 году, он тогда заявил: "Невозможно определить границы. Если арабы не пойдут на нас войной, территории установлены. Есть резолюция ООН, и мы с ней согласны. Но арабы объявили, что ее не примут и будут воевать — тогда мы возьмем их землю. И я упомянул два места: западную Галилею, которую они у нас отняли, и обе стороны дороги на Иерусалим".

военачальников не было выбора: относительно немногочисленные людские резервы, ограниченное количество снаряжения и особое стратегическое положение обязывали их ждать, пока арабские войска сделают свои первые шаги, и лишь затем двинуть армию Израиля навстречу сражению*.

В ожидании они перебирали решения штаба за последние дни. Они знали действительное положение вещей по эту сторону холма, но их представления о силе и средствах врага страдали некоторыми преувеличениями. Ядин пришел к выводу, что у Израиля немного шансов на победу, если быстро не поступят новые партии оружия и снаряжения. В этом случае у Израиля будет известный шанс устоять перед нападением. Бен-Гурион и Ядин были убеждены, что вышедшие в море грузовые суда и транспортные самолеты "Дакота", вылет которых с европейских аэродромов сопряжен с большой опасностью, прорвутся и долетят, невзирая на блокаду, проводимую арабскими странами, англичанами и Организацией Объединенных Наций.** Но ни один израильский руководитель, нахо-

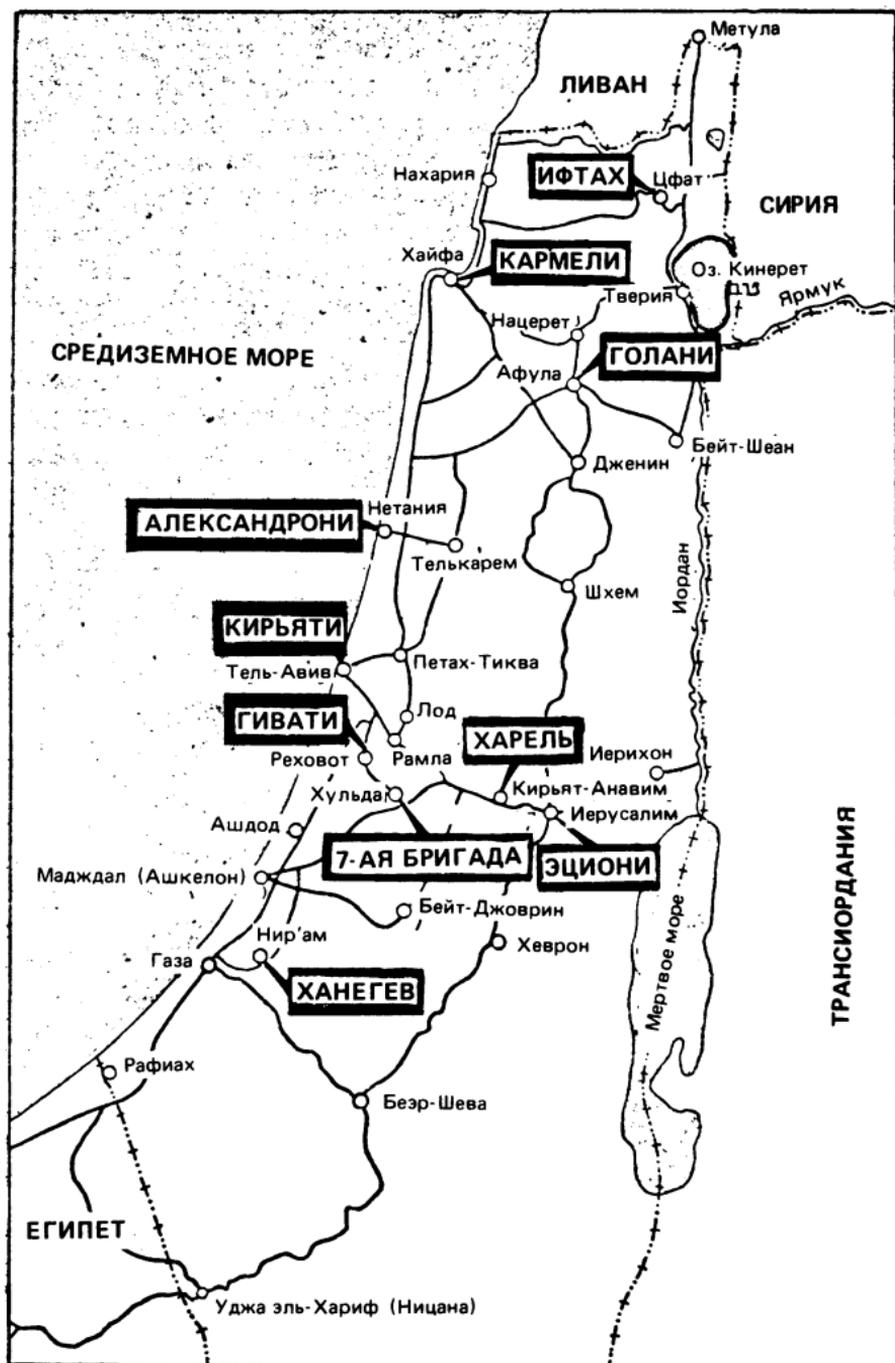
* Бен-Гурион спросил тогда Ядина и Галили, сможет ли, по их мнению, Израиль противостоять арабским странам. По словам Бен-Гуриона, "...ни один из них не рискнул сказать "да". Не сказали и "нет". Я изложил им, как мне представляется положение. Сказал, что существуют три возможности. Либо мы останемся один на один с местными арабами – в таком случае мы победим. Есть вторая возможность – все арабские страны вместе, а мы одни с имеющимся у нас оружием. Тогда не устоять. И есть третья возможность: мы получим людей из-за границы – тогда выстоим против всех арабских стран. Остальные с этим были не вполне согласны".

** 17 апреля 1948 года Совет Безопасности принял (несмотря на сопротивление Советского Союза) резолюцию, на деле означавшую полное эмбарго на оружие и запрет въезда в Израиль потенциальным бойцам. Этот запрет был расширен после 15 мая британским правительством, будучи распространен и на арабские власти, вторгшиеся в Эрец Исраэль. В конечном счете, эмбарго превратилось в обузу для обеих соперничающих сторон, затруднив, но не исключив получение оружия и снаряжения. Даже британские власти изыскали удобные лазейки, через которые Египет, Трансиордания и Ирак могли получать военное снабжение.

дившийся в ту ночь в "красном доме", не верил, что Израиль сможет одержать победу в предстоящей ему войне теми средствами, которыми он тогда располагал.

По словам Ядина, эта неизвестность почти не ощущалась среди военных или гражданского населения. В результате ряда частичных успехов, имевших место в продолжение сорока дней с начала апреля, настроение жителей (кроме Иерусалима) было устойчивым, проникнутым сильной, даже преувеличенной уверенностью в себе. Вскоре после полуночи поступила воодушевляющая новость из Вашингтона о признании нового государства Соединенными Штатами. Это было некоторой компенсацией за угнетающую весть о падении Кфар-Эциона и окрестных поселений после трехдневных боев с Арабским легионом. Ядин обратил внимание присутствующих на то, что необходимо планировать более эффективную защиту населенных пунктов от артиллерийских атак. Обсуждение продолжалось без каких-либо решений. Рассвело, но о реакции арабов еще ничего не было известно. Бен-Гурион готовился к специальной радиопередаче на Соединенные Штаты. В Тель-Авиве было пять часов утра.

Три самолета "Спитфайер" с опознавательными знаками египетских королевских военно-воздушных сил появились со стороны моря в ясном утреннем небе, но израильская противовоздушная оборона, которой, можно сказать, почти и не существовало, их не заметила. Самолеты шли курсом, раскрывавшим их очевидную цель: электростанция "Рединг" на берегу моря и расстилающийся позади нее песчаный аэродром Тель-Авива. Египтяне сбросили с высоты 300 метров не слишком мощные бомбы, повредили взлетную дорожку и несколько самолетов и повернули назад к морю. Но один из "Спитфайеров" был подстрелен из пулемета, установленного для противовоздушной обороны на крыше электростанции. Летчика подобрали неподалеку от Тель-Авива.

Карта № 5. Расположение израильских сил на 15 мая 1948 г.

То был сигнал, которого дожидались люди в "красном доме". Но еще прежде, чем рассеялся дым над аэродромом, подоспели новые известия. В Негеве нападению с воздуха подверглись Кфар-Даром и Нир'ам. Несколько поселений на границах с Трансиорданией и Сирией были обстреляны. Пока трудно было различить в этих нападениях контуры какого-либо плана. Однако последние сомнения, еще оставшиеся у главного командования Хаганы, были рассеяны. Нападение началось.

Оборонная мощь Хаганы опиралась на шесть полевых бригад* и три бригады Пальмаха. На севере стояли три бригады:

Ифтах — пальмаховская бригада вместе со всеми местными отрядами находилась под общим руководством Игала Алона,** а позднее — под командованием Мали Когана.

Голани — первая бригада Хаганы под командованием Моше Монтага и его заместителя Н. Голана обороняла Тверию и Иорданскую долину, а также Изреэльскую долину и Нижнюю Галилею.

Кармели — вторая бригада Хаганы во главе с Моше Кармелом (позднее он руководил Северным фронтом, а командование бригадой перешло к М. Маклефу) действовала в районе Хайфы и западной Галилеи.

* Число бойцов в бригаде подвергалось значительным изменениям в течение всей войны. По штату бригаде полагалось иметь 2750 человек. В начале мая 1948 года бригады в своем большинстве были малочисленные. Так, например, на 1 апреля в первой бригаде было 1554 человека, во второй — 1667, в третьей — 1880, в четвертой — 846 и т. д.

** То было временное решение. Алон командовал всем Пальмахом, чьи бригады находились в подчинении у пальмаховского штаба. Соединения Пальмаха по мере надобности перебрасывались с фронта на фронт и тогда входили во временное подчинение командующего фронтом.

В центре стояли две бригады:

Александрони — третья бригада Хаганы под командованием Дана Эвена защищала центральный сектор от Зихрон- Якова до Рамат-Гана.

Кирьяти — четвертая бригада Хаганы под командованием Михаэля Бен-Гала обороняла Тель-Авив и его окрестности до шоссе Мадждал — Бейт-Джоврин.*

На юге стояли две бригады:

Гивати — пятая бригада Хаганы во главе с Шимоном Авиданом обороняла линию Реховот — Ашдод.

Ханегев — двенадцатая бригада (Пальмах) под командованием Назума Сарига обороняла зону Негева.

В Иерусалиме Давид Шалтиэль командовал шестой бригадой Хаганы — бригадой Эциони.

В иерусалимском коридоре Иосиф Табенкин принял командование бригадой Харель от Ицхака Рабина.

К концу мая, в связи с наступлением на Латрун, была создана седьмая бригада Хаганы, ее командиром был назначен Шломо Шамир.**

Общая численность активных сил, имевшихся в распоряжении главного командования Хаганы на 14 мая 1948 года, составляла около 30 000 человек.**
Сюда включено все: вся мобилизованная пехота, состав гражданской обороны, летчики, моряки и вспомогательные войска.

Особенностью этой армии было то, что из общего числа — 30 000 человек — 25 000 были бойцами первой линии. Такое соотношение — лучшая характеристика системы обучения и организации Хаганы.

* Ныне Бейт-Гуврин.

** В ходе войны были созданы дополнительные бригады: восьмая бронетанковая под командованием Ицхака Саде и девятая.

*** Цифра, сообщенная Израэлем Галили, и которая, по-видимому, является самой точной — 28 760 человек, но в нее не включено несколько вспомогательных служб.

В тот день главное командование Хаганы располагало следующим вооружением:

22 000 ружей (в том числе разных устаревших систем),

10 200 автоматов (в основном, "Стэны" израильского производства),

1500 легких пулеметов,

несколько пулеметов среднего калибра,

105 трехдюймовых минометов,

682 двухдюймовых миномета,

16 минометов "Давидка",

75 "Фиатов" и противотанковых ружей,

4 пушки калибра 65 миллиметров,

25 пушек калибра 20 миллиметров.

Не хватало боеприпасов. На винтовку приходилось по 50 патронов и около 700 — на пулемет.

Бен-Гурион и его соратники знали, что дело обстоит совершенно иначе, чем это представлялось врагам. Глабб-паша, информированный лучше всех остальных арабских военачальников, полагал, что у израильтян "около 65 000 штыков". Он считал реальными слухи, что у евреев 20 000 солдат, служивших в русской и польской армиях. Так он пришел к выводу, что Арабский легион стоит против сильного противника. Другие арабские командиры были убеждены, что им придется иметь дело с израильским войском, насчитывающим почти 100 000 солдат, хорошо обученных и полностью обеспеченных снаряжением*. Соотношение сил на фронтах было совершенно иным.

Вторгшиеся регулярные арабские войска по численности приблизительно соответствовали израильским, и так было на большинстве фронтов. Большая часть рассказов о подавляющем численном преимуществе

* Майор Обаланс в книге "Арабо-израильская война, 1948" относится к этим цифрам, как к абсолютно достоверным.

одной стороны и героическом меньшинстве другой – рассказов, которые распространялись как арабами, так и евреями, являются вымыслом.

Общая численность сил вторжения равнялась приблизительно 29 000 человек, которые делятся по странам следующим образом:

Египет	10 000 человек
Арабский легион Иордании	9 000 человек
Сирия	3 000 человек
Ирак	4 500 человек
Ливан	3 000 человек
(в том числе 2 000 человек Арабской армии спасения).	

Расстановка по главным фронтам выявляла то же соотношение сил. Таким образом, положение на утро 15 мая было таково:

	Израильтяне	Арабы
Юг	5 000	5 000 египтян
Дальний юг и Хеврон	1 500	4 000 египтян
Иерусалим и коридор	4 500	6 500 Арабский легион* 1 000 египтян
Центральный фронт:	3 000	3 000 иракцев
Тель-Авив – Нетания	5 000	3 000 сирийцев
Север		1 000 ливанцев 2 000 Арабская армия спасения
В с е г о:	19 000	25 000

*Цифра эта взята из книги о войне Абдаллы эль-Таля. По словам иорданского военачальника, легион насчитывал около 9050 человек. На 15 мая списочный состав легиона был следующим: дивизионный штаб с резервным артиллерийским полком – 750 человек; первая бригада – 2250; третья бригада – 2300; четвертая бригада – 2550; солдаты нерегулярной службы – 1200. Однако не все бойцы легиона участвовали во вторжении.

В это время в легионе насчитывалось, по словам Абдаллы эль-Таля, 72 тяжелых броневика, 52 броневика разведки, 24 – 25-фунтовых пушек, 38 – 6-фунтовых пушек, 40 трехдюймовых минометов, 29 2-фунтовых пушек, 334 пулемета "Брен", 57 среднего калибра ("Виккерс" и "Гочкис"), 668 автоматов ("Томпсон") и 7359 ружей.

В своей книге "На службе у арабов" Глабб утверждает, что силы вторжения насчитывали лишь 4500 человек.

Эти цифры — лишь приблизительная оценка, тем не менее они проливают свет на соотношение сил, более или менее уравновешенное на главных направлениях. Они не показывают огневую мощь арабских войск, обладавших в этом отношении значительным превосходством над евреями. У арабов имелось подавляющее преимущество в артиллерии на всех фронтах, были у них и истребители, и несколько устаревших бомбардировщиков. У евреев же на первой стадии войны почти не было артиллерии, никаких современных самолетов или бронемашин.

Такой была общая ситуация к моменту, когда арабские войска вторглись в Эрец Исраэль. Она никак не могла ободрить тех еврейских руководителей, которые знали истинное положение вещей. Их счастье, что Глабб-паша и другие арабские командиры составили себе преувеличенное представление о мощи израильских войск; арабское политическое руководство внушило своим солдатам прямо противоположное тому, в чем были убеждены их командиры: рядовые считали, что их поход превратится в приятную прогулку, и что легкая победа и богатая добыча уже обеспечены. Тем более сильным и глубоким оказалось разочарование, которое они испытали впоследствии. Однако Глабб и его военные коллеги, если судить по их воспоминаниям, так и не осознали своего огромного просчета, увековечив свои ошибочные, порой смехотворные оценки в сделанных ими в те дни записях.

Израильтяне следили за приближением вторгшихся армий, готовясь отразить угрозу, надвигавшуюся одновременно со всех сторон. Трудно было установить степень срочности и очередности: на всех фронтах положение было в равной степени опасным, и ни на одном из направлений израильтяне не могли себе позволить уступить территорию.

Вместе с тем главное командование Хаганы опасалось ошибиться в определении численности бойцов,

необходимых для отражения нападения на одном фронте, дабы это не нанесло непоправимого ущерба на других фронтах. Командование не слишком много знало о положении на арабской стороне. Военная разведка Хаганы действовала не очень успешно. Кибуцы находились под ударом, и местные командиры Хаганы были склонны преувеличивать арабские силы. Два обстоятельства тревожили израильское командование. Во-первых, арабское вторжение выглядело хорошо продуманным, оно действительно имело вид умно скоординированной стратегии. У израильтян было немного предварительной информации. Согласно этой информации, перед египтянами была поставлена задача оттянуть силы обороняющихся к югу, а перед сирийцами — отвлечь их к северу. Вторым обстоятельством была неясность о роли английской политики. Поэтому командование Хаганы мешкало с отправкой подразделений на север или на юг, опасаясь наступления в центре. Однако без подкреплений невозможно было продержаться ни на юге, ни на севере. Такова была стратегическая дилемма Израиля, но арабы об этом не подозревали. Давайте посмотрим, что же произошло на деле и как развивалось вторжение.

Генерал Глабб утверждает, что разброд в арабском стане был столь велик, что израильтяне могли бы без особых потерь захватить Иерусалим, Латрун и важные позиции на египетском фронте.

Генерал-лейтенант Ядин отвечает на это, что выводы Глабба сами по себе логичны, но он не учитывал его, Ядина, проблемы. Ведь ему приходилось думать не только о борьбе с Арабским легионом, но о наступательных действиях врага и на севере страны, и на юге, и в центре. В итоге, говорит Ядин, у него не было ни людей, ни даже необходимых средств, чтобы остановить одновременно наступление со всех сторон да еще начать свое контрнаступление. Глабб был прав, говоря

о положении в стране, но он, конечно, ошибался в оценке возможностей израильских сил и не догадывался, до какой степени малы были эти возможности.

Ситуация на южном фронте 15 мая, в момент вторжения египетских войск в Эрец Исраэль, сложилась следующим образом: в Эль-Арише сосредоточились египетские экспедиционные силы в составе двух бригад – второй и четвертой – под командованием генерал-майора Ахмеда Али эль-Муави. Его заместителем был полковник Мохаммед Нагиб, а начальником штаба у Нагиба – майор Абдель Хаким Омар (назначенный после революции 1952 года заместителем командующего египетскими вооруженными силами Абделя Насера). Обе бригады были готовы двинуться вглубь Эрец Исраэль 29 апреля 1948 года, не представляя себе при этом, что их ожидают тяжелые бои. В инструктаже из Каира говорилось, что египтянам, по-видимому, придется сыграть роль оккупационных войск, чтобы не дать королю Абдалле захватить больше, чем ему причитается в Эрец Исраэль.

Лишь 9 мая, за шесть дней до вторжения, Муави получил приказ овладеть южной частью Эрец Исраэль и идти на Тель-Авив и Иерусалим. Его бригады не были ни оснащены, ни обучены для продвижения с боями. Нагиб запротестовал, но получил приказ принять на себя командование и повести войска вдоль прибрежного шоссе через Газу на Тель-Авив. Что до солдат, то их настроение не упало. Солдаты и офицеры пребывали в уверенности, что не может быть никаких серьезных боев с "еврейским гражданским сбродом", кое-как сформированным в войско. Итак, бригаде Нагиба было поручено продвигаться вдоль прибрежного шоссе в сторону Тель-Авива, а вторая египетская колонна, поменьше, под командованием генерал-лейтенанта Абделя Азиза двинулась на северо-восток в направлении Беэр-Шевы и Хевронских гор. Ее задачей было обеспечить правый фланг главного отряда и не дать Абдалле

отхватить себе Негев и Хеврон. 21 мая Абдель Азиз достиг Бейт-Лехема и назавтра начал атаку на южные окраины Иерусалима.

Египтяне не были столь неподготовлены, как это нам рисуют опубликованный Нагибом отчет и пропагандистская литература, застилающая туманом историю египетского военного похода в 1948 году. Египтян, двигавшихся на север по местности, заселенной арабами, встречали с энтузиазмом и восторгом. Они получали значительную помощь от главарей местных банд. Благодаря этой помощи Нагиб смог продвинуться с большой быстротой. До 17 мая основные бригады уже миновали Газу, окружили Яд-Мордехай, расположенный чуть в стороне от дороги, и ушли вперед за Мадждал в направлении Ашдода.

С холмов, господствующих над шоссе, израильтяне видели продвигавшихся вперед египетских солдат. Большинство израильских разведчиков не имели опыта в истолковании деталей: насчитав около полутора тысяч машин, несколько броневиков и порядочно пушек, они сделали вывод, что египетская бронетанковая дивизия при полном снаряжении приближается к еврейским селам к югу от Тель-Авива. Рапорт о положении был направлен Шимону Авидану, командиру бригады Гивати, который лишь за четыре дня до того получил приказ двинуться на юг и остановить египтян.

Авидан оценил соотношение живой силы и техники и сообщил в генштаб о бедственном положении своего фронта, так как ему казалось, что предстоит массированный удар в направлении Тель-Авива. Нарисованная им картина была не очень веселой.

С самого декабря 1947 года бригада Гивати не выходила из боев. Она уже потеряла почти тысячу человек — 160 убитыми и 700 ранеными. Авидан был вынужден пополнять бригаду неопытными новобранцами из Тель-Авива и Реховота, которые не всегда

были столь тверды, как первые добровольцы. Пять батальонов были разбросаны по 17 оборонительным позициям, не было ни броневиков, ни пушек. В ночь, когда до бригады Гивати дошел слух, что на них движется мощное египетское соединение, среди неопытных, необстрелянных бойцов, по словам Авидана, началась чуть ли не паника, а в сердца бывалых воинов закралась глубокая тревога. Ведь это был первый случай, когда предстояло встретиться с "настоящим" войском.

Теперь южные поселения получили приказ направить в бригаду Гивати всех мужчин и все имеющиеся ружья. Тель-Авив тоже послал подкрепления. Там полагали, что египтяне рассчитывают соединиться с Арабским легионом в районе Лода — Рамлы еще до начала совместного наступления на Тель-Авив. Жителям еврейских поселений было сказано, чтобы они не надеялись на помощь, и сражались до последнего патрона и до последнего человека ради спасения Тель-Авива. Четыре драгоценных истребителя марки "Мессершмидт", которые только что прибыли, были введены в бой, чтобы остановить продвижение Нагиба к сердцу Израиля.

А Нагиб и не думал ни о чем подобном. Его одолевало беспокойство. Транспортные средства, сочитанные израильской разведкой, были в основном не танки, а грузовики, и число их было много меньше полутора тысяч, как полагали израильские разведчики. Он двигался на север по одному единственному шоссе. Взятые в плен одиночки оказали куда более серьезное сопротивление, чем рассчитывал Нагиб, а его осведомители из местных арабов доносили о крупном сосредоточении израильских сил. Однако неожиданным и ободряющим образом продвижение продолжалось без лишних помех. Он достиг Ашдода и решил укрепить свою позицию, прежде чем обрушиться на врага.

Так получилось, что на этом участке, который в Тель-Авиве считали самым опасным, стояли друг против друга два военачальника, два войска; каждая сторона полагала, что атаковать собирается противник, и рисовала себе этого противника куда сильнее, чем он был на деле. Поэтому обе стороны повели себя с чрезмерной осторожностью. Правда, неточность донесений разведки ненадолго остановила бы Нагиба, но его опасения еще более укрепились после первых схваток с израильтянами в Негеве и в Ашдоде. Авидан справился с нервозностью своих солдат. Мужество защитников Кфар-Дарома, Ницанима и Яд-Мордехая также помогло ему. Они дрались стойко и долго, отвлекая на себя силы противника. Яд-Мордехай держался шесть дней, и Нагибу пришлось сосредоточить там значительную часть людей и артиллерии. Неизвестно, как развернулись бы события в Ашдоде, если бы вся эта сила была пущена в ход против Авидана, прежде чем оборонительная система израильтян была усилена и укреплена.

Когда Нагиб подтянул к Ашдоду вторую египетскую бригаду, готовясь к следующему броску, с ним было 2500 человек, 10 танков, 6 полевых орудий и несколько самоходных двухфунтовых пушек. Другая египетская бригада, четвертая, тем временем заняла шоссе, идущее поперек страны из Мадждала в Хеврон и, таким образом, совершенно отрезала южный Негев. Египтяне завладели несколькими ключевыми позициями, окружили и атаковали Негбу — кибуц, преграждавший египтянам дорогу на север. Полицейский пункт в Ирак-Суидане и важные высоты 113 и 105, а также несколько сел стояли брошенными со времени ухода англичан, и появились критики, упрекавшие Авидана за то, что он все это не захватил, пока была возможность. Его возражения сводились к тому, что у него не было достаточно людей для удержания этих пунктов. Он был убежден, что еврейские поселения контролируют положение. Впоследствии израильтяне сожалели о

своей излишней беззаботности, так как здесь пришлось вести тяжелые бои, чтобы выбить египтян с позиций, оказавшихся чрезвычайно важными в борьбе за юг Эрец Исраэль.

Против этих двух египетских бригад, насчитывавших 5000 человек, командир бригады Гивати мог выставить три батальона первой линии, оставив два менее опытных в резерве. В общей сложности у него было 4800 человек, из них 3000 были, по выражению Авидана, "едоки" и только 1800 — "штыки". Еще у него было "моторизованное" подразделение: восемь грузовиков и три лошади. Таким образом, хотя на первый взгляд кажется, что между израильянами и египтянами имелось равновесие сил, египтяне все же обладали преимуществом в концентрации огневой мощи против еврейских солдат и необстрелянных поселенцев.

У Нагиба, близ Ашдода было 2000 человек, составлявших его ударный кулак, у Авидана же не было ничего похожего. Свои основные оборонительные позиции Авидан расположил в отдалении, вдоль вероятных маршрутов египтян на Ришон-Лецион и Реховот, с расчетом прикрыть также поселения вокруг Негбы, находившиеся в еще более опасном положении. Лишь небольшие силы занимали позицию в Ашдоде, готовясь встретить войска Нагиба. Бойцы бригады Гивати были утомлены и измучены. Боеспособность сохранила только одна рота. Она и вступила в бой с египтянами. Несмотря на сильный огонь, египтяне вначале не слишком растерялись. Нагиб тем не менее пришел к выводу, что перед ним мощная группировка из "4000 сионистов", и поэтому не продолжал боя, когда израильяне попрердержали атаку. Тогда израильяне продолжили натиск, да так, что Нагиб оставался при своем заблуждении. Правда существенных результатов еврейские отряды не добились. Они овладели городом Явне

и вынудили местные банды бежать, но отрядам Авида-на не удалось принудить Нагиба к отступлению.

3 июня израильтяне взяли высоту 69, контролировавшую линию снабжения Нагиба, но этот холм был потерян через пять дней из-за паники, охватившей командира отряда во время египетской контратаки. О другой атаке, 8 июня, египтяне были заранее предупреждены, и 30 человек — треть наступающей роты израильтян — пали в бою. Между бригадами Гивати и Ханегев на юге не было никакой связи, никакой координации в действиях командования, и когда 11 июня по инициативе ООН вступило в силу первое прекращение огня, египтяне все еще находились в 35 км к югу от Тель-Авива. Тем не менее израильской обороне удалось их остановить. Эта первая большая угроза Израилю была устранена благодаря находчивости, мужеству и таланту израильских бойцов и командиров.

Итак, первоначальный план египтян захватить Тель-Авив в течение сорока восьми часов не удался; но египетские военачальники теперь переменили цель. Отныне они сосредоточили усилия на захват Негева и вытеснение евреев с юга Эрец Исраэль. Тем самым они были готовы стоять в Негеве не только против евреев, но и против Абдаллы. Израильтяне должным образом оценили значение этой угрозы, и Абдалла также разгадал намерения египтян. Он понял это по их действиям на Иерусалимском фронте, где его силы соединились с египетскими. Командир последних имел под Иерусалимом почти столько же войска, сколько насчитывал весь Арабский легион. Он отказался признать Абдаллу верховным командующим и не разрешил ему посетить египетский фронт. Когда 11 июня закончился первый этап боев, египтяне считали, что если они и не достигли своих целей, то все же улучшили позицию. Они стояли близко к Тель-Авиву и в предместьях Иерусалима и контролировали все главные дороги в Негеве. В буду-

шем они надеялись свести счеты как с евреями, так и с королем Абдаллой. Поэтому египтяне были безусловно удовлетворены своими достижениями на этой "вступительной" стадии. Их люди нуждались в дополнительном обучении, хотя бы коротком отдыхе и новом снаряжении. В Каире правительство Нукраши и король Фарук трубили о великих победах в Эрец Исраэль и осудили Организацию Объединенных Наций, которая спасла израильские вооруженные силы от уничтожения, навязав 11 июня прекращение огня.

Бригада Гивати предотвратила прорыв египтян в первые чрезвычайно опасные дни. Она дорого за это заплатила — 200 убитых и 1000 раненых. Бригада нуждалась в людском пополнении, в оружии и оборудовании. Прекращение огня было более важно, чем передышка: оно было бригаде жизненно необходимо. Сказанное относится и к деревням в Негеве, подвергавшимся бомбежкам с воздуха, артиллерийскому обстрелу и налетам местных арабов. Поселения эти тоже нуждались в оружии и продовольствии, чтобы устоять перед египтянами, когда возобновятся бои. В еще большей степени это относилось к моторизованной группе джипов и негевской бригаде Пальмаха, которая досаждала египтянам и поддерживала поселения в дни тяжелых испытаний, когда казалось, что все потеряно. Бригада, однако, была окончательно истощена. Многие солдаты в продолжении семи месяцев не получали отпуска. И все-таки она сохраняла высокий боевой дух. Пример бригады ободрял жителей Негева. Когда в последний день перед прекращением огня бригада овладела Бир-Аслуджем и захватила несколько египетских пленных, жители Негева и солдаты воспрянули духом.

Однако сейчас и египтяне, и израильтяне рассматривали затишье как удобный момент для восстановления сил, истощенных на первом этапе войны на юге.

Теперь мы можем обратиться к другим фронтам.

Угроза с севера беспокоила главное командование Хаганы куда меньше. Там действовало несколько отборных подразделений Пальмаха и Хаганы, и два выдающихся командира Алон и Кармел несли ответственность за операции. По сравнению с положением в Иерусалиме или с военной угрозой Тель-Авиву, ситуация на севере выглядела не столь опасной. Алон и Кармел только что провели ряд наступлений в западной и восточной частях Галилеи, ободрив этим израильтян и улучшив положение. Сопротивление местных арабов прекратилось во всех западных районах одновременно с падением Акко 17 мая,* а в восточных подходила к успешному концу операция "Ифтах" под командованием Алона.

Однако уверенность главного штаба в том, что Северный фронт сам позаботится о себе, продержался недолго. С этого фронта поступали тревожные известия. Из-за отказа Абдаллы согласиться с планом совместных операций сирийское командование провело перемещение фронта куда более стремительно, чем полагали. Алон был еще озабочен возможностью атаки из Малкии по всей ширине северогалилейского "перешейка", как вдруг сирийская колонна в двести машин при нескольких французских танках и орудиях двинулась на большой скорости из Кунейтры к южной оконечности озера Кинерет. Достигнув реки Ярмук в семи примерно километрах от озера, сирийцы разделились на пять колонн и повернули к еврейским

*Взятие Акко было одной из наиболее смелых операций Хаганы. За считанные минуты до штурма Моше Кармел, командовавший операцией, получил из генштаба следующую радиограмму: "Взвесь заново, стоит ли начинать атаку на Акко ввиду малого числа солдат, которыми мы располагаем. Быть может, предпочтительней усилить осаду города. Взвесь осторожно и решай". Кармел прочитал телеграмму и отдал приказ штурмовать Акко.

поселениям, расположенным здесь по обе стороны Иордана.

Сначала сирийцы захватили Цемах, находившийся к тому моменту в еврейских руках, но эту ключевую позицию на пути к поселениям контролировал полицейский пункт, взятый Хаганой. Люди Хаганы удерживали его, пока не пали почти все сорок два его защитника. Попытка пальмаховской роты отбить пункт в ночь с 18 на 19 мая сорвалась. Рота понесла тяжелые потери. Израильтяне, к своему удивлению, убедились, что сирийцы отнюдь не являются фактором, которым можно пренебречь. После падения полицейского пункта уже не осталось никакой преграды междудвигающимися вперед сирийцами и несколькими селениями из числа самых популярных в Израиле, таких, как, например, Дегания и Афиким. Тревога охватила Иорданскую долину, и два кибуца — Масада и Шаар-Хаголан — были эвакуированы, так как они были наиболее уязвимы. Казалось, что и остальным придется сниматься с места.

Теперь в штаб Хаганы понеслись призывы о подкреплении. Бен-Гурион понимал, что он должен что-то предпринять, чтобы предотвратить разгром на северо-востоке, который неминуемо скажется на положении всей страны. Не было никаких людских резервов. Любое подразделение в любом месте выполняло свое задание, и многие из них выдерживали тяжелый натиск врага. Исключением была бригада Кармела, которая атаковала и взяла Акко на западе и двигалась на север к ливанской границе, овладевая западной Галилеей и не встречая при этом сопротивления. Но эта операция была столь выгодна, что нельзя было ее упустить. Поэтому Бен-Гурион приказал Кармелу продолжать свое продвижение, а в Деганию направил офицера Хаганы, который прославился как самобытный, талантливый командир и выдающийся организатор десантных операций, — Моше Даяна. Приказом на него

была возложена ответственность за оборону поселений в Иорданской долине.

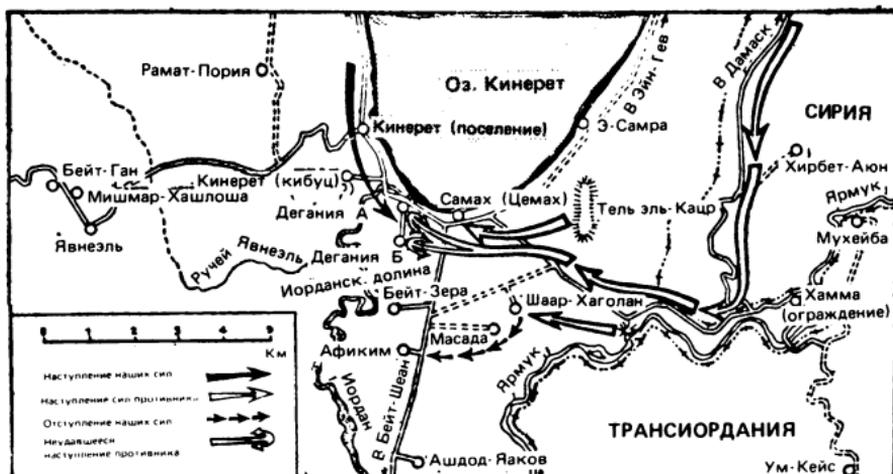
Позднее Даян сказал, что с военной точки зрения приказ этот не имел ни малейшего оправдания, но что то было "сионистское решение" — акт веры. Вместе с Даяном направили четыре артиллерийских ствола — четыре 65-миллиметровые пушки,* не производившие особого впечатления, а также весьма немного снарядов и опытный образец огнемета отечественного производства. Даян и пушки появились в Иорданской долине 20 мая, то есть в день, когда сирийцы предприняли массированную атаку на Деганию А. Ей предшествовал тяжелый обстрел из орудий и минометов, а вслед за тем сразу начался штурм. Впереди атакующих двигались пять танков. При поддержке броневиков танкам удалось пробить бреши во внешнем ограждении кибуца, а один из танков проломил внутренний забор и проник на территорию селения. Тем не менее защитники выстояли и вывели из строя три танка и два броневика. На этом первая атака захлебнулась. Сирийцы несколько оттянули свои силы, чтобы перегруппироваться и подготовиться к следующей атаке. В этот критический момент заговорили пушки Даяна. Сирийцы отступили в панике с поля боя и оставили город Цемах.** Спустя девятнадцать лет после боя за Деганию, вспоминая те роковые дни, генерал-лейтенант Ядин рассказал:*** "Помню, как старики Дегании во

* Пушки всего за несколько дней до того были выгружены в тель-авивском порту. Две из них тотчас после боя в Дегании были переброшены под Латрун.

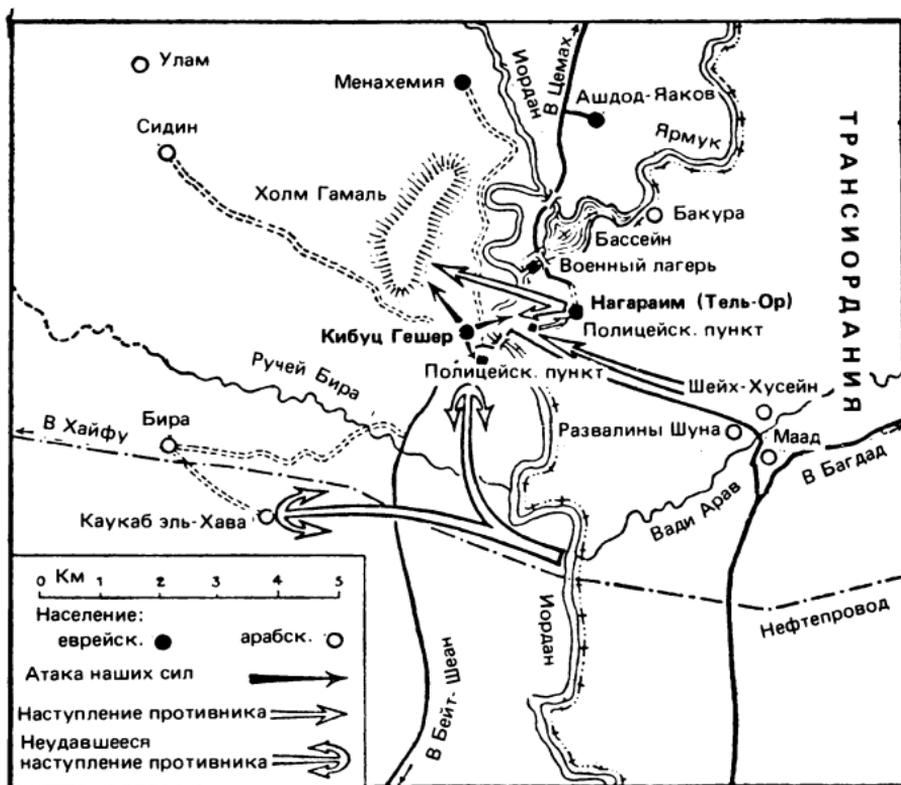
** В рапорте бригады Голани об этом бое сказано: "Наши силы отбили вчера тяжелую атаку танков, броневиков и пехоты, продолжавшуюся почти 8 часов. Атака была сорвана благодаря стойкости и мужеству наших парней, которые с бутылками с горючей смесью пошли на танки. 3-дюймовые минометы и тяжелые пулеметы нанесли врагу значительный урон. Полевые пушки обратили врага в паническое бегство, и вчера он ушел из Цемаха".

*** Интервью Игаэла Ядина Рафаэлю Бошану, "Маарив", 14 мая 1967 года.

главе с Йосефом Берцем явились к Бен-Гуриону и заявили ему, что Дегания и вся восточная Галилея падут, если не придет немедленная подмога. Бен-Гурион был вынужден ответить: "Возвращайтесь, товарищи, домой, мне нечего дать вам!" Тогда они пошли ко мне, и я им столь же беспомощно ответил: "Если Бен-Гурион ничего вам не может дать, то тем более нет ничего у меня. Есть только один для вас совет: кидайте в танки самодельные зажигательные бутылки". Тут деганиевцы разразились буквально воплями. Мне стало не по себе, и я в эту минуту почувствовал, что если Дегания будет взята врагами, то падет, быть может, весь север страны! На юге египтяне двигались к Тель-Авиву, Иерусалим был отрезан, иракцы напирали в центре страны. Я почувствовал – вот момент, когда мечта поколений повисла на волоске. Что же сделали деганиевцы? Они вернулись домой и остановили сирийские танки самодельными зажигательными бутылками! Но произошло еще кое-что. Каким-то чудом в те самые роковые дни прибыли морским путем из Европы пять 65-миллиметровых пушек выпуска 1870 года без приспособлений для наводки. Судно едва не было перехвачено британским крейсером, и, разгрузив его в тель-авивском порту, мы, ликующие и радостные, пошли к Бен-Гуриону пропустить по такому случаю по рюмочке. Я предложил Бен-Гуриону тотчас отправить эти пушки в Деганию, он же хотел их немедленно перебросить на иерусалимский фронт. Мы часами спорили, что делать с этими старинными пушками. Вообще, мне кажется, ни на какой войне так серьезно не обсуждались такие мизерные вещи. Наконец пришли к компромиссу: часть пушек пойдет в Деганию, а потом сразу будет переправлена в Иерусалим. Стволы прибыли в Рамат-Пория буквально в последнюю минуту, когда сирийцы уже начали вторжение в Деганию. Наши открыли огонь без прицелов и дальномеров. Часть снарядов упала в Кинерет, часть ушла в сторону, но

Карта № 6. Продвижение сирийцев в направлении Цемаха и поселений Иорданской долины

Карта № 7. Бой за Гешер

сирийцы, знавшие, что у нас нет артиллерии, ошалели, и началось их паническое бегство. До сих пор у меня с деганиевцами спор, что именно перевесило на чаше весов: зажигательные бутылки, остановившие танки в воротах хозяйства, или эти жалкие пушчонки. Это, конечно, бесплодный спор: мне кажется, и пушки, и бутылки привели к перелому в ходе боя за Деганию”.

Как видно, сирийцы были убеждены, что смогут разгуливать вдоль и поперек по Эрец Исраэль, не чувствуя серьезного сопротивления, и, встретив теперь отпор, возможно, вообразили, подобно Нагибу, что столкнулись с могучим сионистским войском. 20 мая стало поворотным пунктом. Быть может, эвакуация двух поселений — Масады и Шаар-Хаголана — раззодорила сирийцев. Они уверовали, что то же произойдет и в Дегании, и поэтому они так растерялись от сильного сопротивления, на которое натолкнулись. Через четыре дня после отступления от Дегании, они покинули также два захваченных ранее поселения и ушли из Цемаха после ряда беспорядочных стычек. Видно было, что сирийцы лишились ясной цели, когда первоначальный план похода — соединение с арабскими силами в Нацерете, в центре Галилеи, — оказался невыполнимым.

Правда, сирийцы отступили лишь для того, чтобы зализать раны. Уроки Дегании очень быстро стали предметом разбирательства в секретном отделе сирийского генштаба. Провал отнесли за счет недостаточной подготовки, а более всего — за счет отсутствия внезапности. Теперь они взялись за тщательную подготовку новой операции, которая должна была явиться для израильтян полным сюрпризом. Так и было. 10 июня — почти в самый канун прекращения огня — сирийцы спустились с гор к мосту Бнот-Яаков, в семи километрах южнее болота Хуле (существовавшего тогда). Они захватили мост, пошли в лобовую атаку на кибуц Мишмар-Хаярден, овладели им и удерживали его до

провозглашения прекращения огня. То было единственное предмостное укрепление арабов на израильской территории. Предположение, будто перед этой сирийской частью была поставлена задача прорваться в глубь долины, напасть на Цфат и продвигаться дальше, неверно.* В этом месте сирийцам удалось усилить свое предмостное укрепление. Они удерживали в своих руках речную переправу, местность в три с половиной километра к югу и три километра к западу и превратили кибуц в укрепленный опорный пункт, приковавший к себе силы израильтян, которые были так нужны в других местах.

И на северо-западном направлении израильтяне не продвигались так успешно, как этого бы хотелось. Игал Алон был убежден, что необходимо изгнать ливанцев из Малкии, чтобы положить конец постоянной угрозе, нависшей над Неби-Иеша и Рамот-Нафтали. Он послал одного из лучших своих офицеров Дана Ланнера с первым батальоном Пальмаха атаковать Малкию, а третьему пальмаховскому батальону поручил атаковать мосты, пункты снабжения и пограничные дороги. Однако на сей раз разведслужба Алона оказалась не на высоте. Когда Ланнер подступил к Малкии, он неожиданно для себя столкнулся с 3000 ливанцев. К обороне он не был готов и находился вдалеке от ближайшего поселения. У него не осталось иного выхода, как только вступить в открытый бой с противником, численно превосходившим его в шесть раз. Ланнер провел одно из самых успешных сражений. Он и его замечательные взводные командиры (среди них покойный Асаф Симхони) решили отходить с боем

*Как утверждают Гарри Сэкр в книге "Израиль: основа государства" и майор Обаланс (придерживающийся мнения Сэкра) в своей книге, намерение сирийцев было именно таким. Однако ничто не указывает на справедливость такого мнения. Во всяком случае, сирийские силы были слишком незначительны для такой задачи.

и дрались без перерыва сорок восемь часов. Он унес всех своих раненых и убитых — более ста, — не потеряв при этом присутствия духа, и спустя шесть дней — 19 мая — вернулся и овладел Малкией и Кадеш-Нафтали. Правда, два этих пункта были в июне потеряны, после перевода бригады Ифтах на юг.

Итак, в первый период боев никаких ошеломляющих событий на севере страны не произошло, и дела, с точки зрения израильтян, развивались достаточно успешно. Как всегда, приходилось тяжело сражаться. У некоторых местных командиров на севере заметны были признаки излишней самоуверенности, незнание обстановки из-за плохой работы разведки и ошибок в оценке положения.

По-видимому, Алон чувствовал эти недостатки. Фронт у израильских сил был слишком узкий для подлинно эффективных действий. Поэтому он предложил Кармелу провести совместное наступление по всей ширине Галилеи, с запада и с востока, и овладеть всем пространством, простирающимся от Нацерета до Ливана. Но прежде чем он сумел сколько-нибудь продвинуть свой план, его обязали направиться на юг, где под Латруном ждала более срочная задача (см. девятую главу).

Еще два участка на Северном фронте заслуживают хотя бы короткого обзора. Правда, эти участки простирались южнее и находились против другого арабского фронта, однако, оба они подчинялись Кармелу и, с точки зрения арабов, находились в зоне общего арабского наступления на Израиль с севера.

Вклад иракцев в силы вторжения состоял из одной бригады, насчитывавшей около 3000 человек, и одного бронеполка. Сначала намеревались использовать эти части для вторжения через Гешер, когда Арабский легион 15 километров южнее предпримет атаку на речную переправу Шейх-Хусейн. Абдалла стал катего-

рически настаивать на том, чтобы всему предшествовали действия на иерусалимском фронте. Но за иракцами все еще оставалась задача вторгнуться через Гешер и захватить израильские укрепления в Бейт-Шеане с тыла, прежде чем двинуться на Афулу и прорваться в долину Изреэль, правда, без фланговой поддержки легиона. Наступление иракцев началось 20 мая движением трех колонн. Одна шла из Нагараим на север от Гешера; вторая двигалась на кибуц Гешер, располагая при этом значительной артиллерийской поддержкой, а третья — наиболее опасная — форсировала Иордан к югу от Гешера, чтобы напасть на Каукаб эль-Хава (Звезда Иордана).

Последняя атака должна была подготовить почву для захвата Гешера, и если бы она удалась, израильские позиции вокруг кибуца уже невозможно было бы удержать.

К счастью израильтян, местный командир учел важность Каукаб эль-Хавы и 16 мая этот пункт взял. Иракцы подоспели туда назавтра, видимо, полагая, что там никого нет. Завязался упорный бой; иракцы временно отступили, но удержали за собой маленький клочок берега на израильской стороне реки. Тем временем они начали свою основную атаку на кибуц Гешер, и часть их сил на предместном укреплении получила приказ напасть на него с фланга. Они подошли к оборонительным позициям с севера, но тут дорогу им преградил тот самый талантливый израильский командир, который мужественно оборонял от иракцев полицейский пункт. На четвертые сутки иракский командир убедился, что его усилия напрасны. Глабб был того же мнения. Его все более беспокоило отсутствие арабских сил в северной части Эрец Израэль, особенно между Шхемом и Дженином. Из-за этого одна бригада Арабского легиона была прикована к месту, а Глабб хотел ее перебросить южнее, ближе к Латруну — авангардной и решающей позиции в системе

обороны Иерусалима. Поэтому Глабб посоветовал иракцам прекратить свои действия вокруг Гешера, особенно после отступления сирийцев.

Иракцы тотчас же оторвались от противника, двинулись на юг, к мосту Алленби, и пересекли Иордан, чтобы принять этот участок фронта от бригады Арабского легиона, перебрасываемой на юг в связи со вспыхнувшими боями за Латрун и дорогу в Иерусалим. Иракцы подоспели в решающий момент и предотвратили решительное поражение арабов на этом фронте; на сей раз счастье улыбнулось им.

Как только Кармел убедился, что иракцы прекратили давление на Гешер, он задумался над положением в той части его фронта, которая была повернута к югу, лицом к арабскому "треугольнику" напротив Дженина. Передовые позиции арабов находились всего лишь в полутора километрах от широкого шоссе Бейт-Шеан — Афула и совсем близко от четырех крупных еврейских поселений. Он опасался, что войска Каукаджи с севера и иракцы из Дженина нанесут удар с целью рассеять долину Изреэль. В генштабе также полагали, что атака на северную часть "треугольника" уменьшит давление на Иерусалим. Поэтому решили отбросить арабов назад и пробиваться, держась общего направления на Дженин. Однако начала сказываться слабость разведки Кармеля.

Операция началась по плану 28 мая и развивалась на удивление без помех и без особых происшествий. Передовые позиции и позиции в горах Гильбоа были в руках местных арабов, но они не оказывали значительного сопротивления. Продвижение шло несколько беспорядочно, напоминая на первой стадии скорее прощупывание, чем настоящее наступление. Один израильский отряд из бригады Голани прочесывал под командованием Авраама Яффе села в горах Гильбоа и взял 29 и 30 мая Зирин, Нурис и Мазар. Назавтра они овладели деревнями Сандала и Мукейбла. Второй от-

ряд двигался южнее, параллельно главной дороге, ведущей в Дженин. Сообщения об этом продвижении были восприняты в генштабе с большим удовлетворением. Казалось, нет серьезного сопротивления, и 3 июня два батальона бригады Кармели и еще полтора батальона из бригады Голани вышли к горам, охватывающим Дженин с двух его сторон и с тыла. Разведчики доложили, что город пуст, жители бежали и никаких признаков вражеских войск нет. Дженин как бы преподносил себя "на блюде". Мордехай Маклеф, однако, колебался. Один его подчиненный командир описывает Маклефа как осторожного военачальника, исповедовавшего принцип "ни шагу без полной уверенности". Дело показалось ему слишком легким и поэтому подозрительным: не западня ли? Он медлил — и упустил возможность.

Тем временем Глабб, встревоженный плохими вестями из Дженина, убедил иракского военачальника срочно перебросить один батальон на север. Иракцы не торопились. Единственное столкновение с силами бригады Кармели в Гешере научило их относиться с опаской к противнику. Но им везло. Маклеф снова усомнился в своей разведке. Ему доложили, что к Дженину приближается крупное иракское соединение и он решил драться. В описании последовавших затем событий существуют значительные расхождения. Что-то разладилось у трех израильских ударных батальонов. Одна рота 22-го батальона не сумела перекрыть дорогу из Шхема в Дженин, и иракские подкрепления без помех достигли района боевых действий. 21-й батальон попал под пулеметный и минометный обстрел из полицейского пункта Дженина и под огонь подошедших иракских войск. Батальон понес большие потери. Его солдаты впервые очутились под обстрелом. Один снаряд угодил в командный пункт, и был утрачен контроль над происходящим в батальоне. В решающий момент боя в штурмовую роту примчался вестовой от

командира батальона с приказом отступить — приказом, которого командир батальона никогда не давал.* Такое распоряжение немедленно возымело действие. Позднее командир отделения рассказывал: "Я был послан командиром батальона в стоявшую южнее роту, чтобы сообщить ему, что там происходит. Не успел я туда добраться, как вслед за мной появился вестовой с приказом командира батальона об отступлении. Как это могло быть? Ведь только что я с ним разговаривал. Да и нельзя отступить при свете дня, потому что нас всех перебьют. Однако слух об этом приказе распространился по роте со скоростью лесного пожара. От ее стойкости не осталось и следа. У всех в глазах горело лишь одно слепое, животное желание: спастись, бежать! Я останавливал людей, ловил их, кричал, ругался, отдавал приказы, но они устремились назад, не остерегаясь, забыв, как надо вести себя в бою, и все это под огнем противника. Часть их была почему-то без оружия. Другие уносили оружие с собой. Я заорал, предупреждая, что без оружия не возьму никого. Тогда некоторые поползли к убитым, которые лежали рядом, и взяли их оружие и патроны. Трое тяжело раненых тащились с нами и задерживали нас. Мы скатились в город. При этом часть людей вела себя так, будто совершает прогулку по берегу моря, совершенно не остерегаясь. На людей напала апатия. Мне было ясно: либо мы идем дальше без раненых, либо остаемся с ними, чтобы погибнуть всем. Вошли в один из брошенных городских домов, расстелили одеяла, оставили на них раненых и пошли дальше". 21-й батальон отступил к высотам, занятым 22-м батальоном, который присоединился к отступающим из-за отсутствия координации и связи.

* Этот странный казус не удалось расследовать: вскоре после передачи сообщения вестовой был убит.

Отряд под командованием Меира Амига из бригады Голани, захвативший перед этим командные высоты на юго-востоке Дженина, попытался предотвратить отступление и даже ворвался в окраину Дженина, но спасти положение ему было не под силу, и был отдан приказ отступить.

Дженинская операция фактически была спланирована как часть более обширного замысла. Предусмотрено было проводить ее одновременно с сильной отвлекающей атакой бригады Александрони под командованием Дана Эвена в Тулькареме и вади Ара и операцией захвата Рош-Хааин силами Эцея. Бойцы бригады Голани должны были совершить рейд в Иорданскую долину и напасть на полицейский пункт Джипатлик. Операции на севере вообще не состоялись; не состоялась и атака на Тулькарем, так что иракские войска отвлечены не были. Рош-Хааин был взят силами Эцея, однако, назавтра арабы его отбили в результате успешной контратаки иорданских добровольцев и людей Хасана Сальмы. Генштаб обещал поддержку с воздуха самолетами "Мессершмидт", но она так и не была оказана, а артиллерия и минометы были установлены в таком месте, откуда они не могли принести много пользы. Вся эта комбинация случайностей и просчетов работала против израильского командования и привела к провалу операции.*

*3 июня командующий фронтом Моше Кармел телеграфировал Ядину: "Положение в Дженине еще не определено. Идут упорные и ожесточенные бои за командные высоты и в городе. Согласно предположениям, мы потеряли 150 человек убитыми, тяжело и легко ранеными и некоторое количество пленными. Потери врага неизвестны. Противник продолжает вызывать подкрепления. Удерживать Дженин будет невозможно, так как против этого единственного клина, вбитого в "треугольник", враг бросит все свои силы. Если в ваши расчеты входит ударить завтра по Тулькарему с целью овладеть им, то мое мнение, что в Дженине надо будет держаться во что бы то ни стало, но если нет намерения атаковать "треугольник" из другого пункта, возможно, что Дженин

Несомненно в Дженине израильтяне упустили небывалую возможность. Они просчитались при оценке ситуации, счастье от них отвернулось и они понесли значительные потери: 42 человека были убиты и более ста ранены. Сама разноречивость в объяснении причин поражения указывает на путаницу и беспорядок, царившие там уже при планировании операции.

Однако не все было напрасно. Нападение на Дженин оставило в руках израильтян очень ценную полосу местности. Но оно не принесло им того большого стратегического успеха, которого они легко могли добиться. В тот час Бен-Гурион скрупулезно изучал в своей квартире в Рамат-Гане рапорты и отчеты с дженинского участка. Эти рапорты укрепили его уверенность, что израильская армия нуждается в коренных реформах.

Итоги этого периода военных действий на севере похожи на результаты, достигнутые на юге. Израильтяне удержали свои позиции, но с большим трудом. Арабское вторжение было остановлено, но ценой таких усилий, каких и представить себе не могли в Израиле и во внешнем мире. Вместе с тем ни север, ни юг не стали решающими узлами войны. По мнению Бен-Гуриона, как и по мнению Абдаллы, судьба всей войны зависела от участи Иерусалима.

следует оставить, прежде чем мы понесем новые потери. Свой ответ сообщите немедленно, самым срочным образом.

Ядин ответил: "1. Если нет возможности удержать Дженин, следует отступить в полном порядке; 2. Мы не в состоянии овладеть Тулькаремом. Этой ночью будут только стычки, чтобы не давать арабам покоя. Взвесь, решай, действуй и сообщи мне".

Глава девятая

ИЕРУСАЛИМ В КОЛЬЦЕ. БОЙ ЗА ЛАТРУН

В Иерусалим Абдалла послал три батальона своего Арабского легиона, в том числе 3-й батальон под командованием Джина Ньюмена — лучшее подразделение легиона. Он твердо решил овладеть городом и отвергал доводы командующего Арабским легионом генерала Глабба. Глабб надеялся на нейтрализацию Иерусалима и на успех усилий консульской комиссии по перемирию с целью продлить прекращение огня, установленное англичанами в Иерусалиме.*

Надежды Глабба, однако, не сбылись. Как только англичане покинули Иерусалим, схватки вспыхнули с новой силой. Старания комиссии по перемирию были безрезультатны. В Старом городе арабские нерегулярные силы нападали снова и снова на позиции Хаганы в еврейском районе, в то время как в Новом городе отряды Хаганы захватили ключевые здания, оставленные англичанами. Хагана тогда склонялась к принятию определенной формы прекращения огня ввиду своего,

*23 апреля ООН назначила консулов Франции, Бельгии и США в Иерусалиме членами комиссии по перемирию. Эта комиссия пыталась продлить прекращение огня, установленное англичанами в начале мая, и превратить его в постоянное перемирие в районе Иерусалима, но из этого ничего не вышло. Последнее заседание комиссии состоялось 15 мая в доме французского консула Невилля. Во время заседания дом был взят под обстрел и американский представитель был ранен.

не внушавшего оптимизма, положения. Представитель еврейских вооруженных сил Хаим Герцог поддерживал контакты с комиссией по перемирию во французском консульстве. Он неоднократно заверял, что Хагана готова прекратить огонь при условии, что так же поступят и арабы. Но в Иерусалиме не было ни одного арабского военачальника с достаточными полномочиями для выполнения требования комиссии. Абдалла же не хотел прекращения огня, а у Глабба не было возможности оспорить волю Абдаллы и дать согласие на прекращение огня. Бои продолжались.

При таком положении вещей у Абдаллы был удобный предлог: он намерен "спасти Иерусалим от евреев" и захватить весь город целиком. Иерусалим был для него несравнимо более важен, чем Самария или Хайфа: он с самого начала поставил себе целью захватить город и стать хозяином Иерусалима.

Первые подразделения Арабского легиона вошли в Старый город Иерусалима 18 мая, и в ту же ночь окраин города достигло еще одно соединение. До 18 мая в северном и восточном Иерусалиме были сконцентрированы следующие части легиона:

1. 6-й пехотный батальон 4-й бригады — прибыл в Старый Иерусалим из Иорданской долины Маале-Адумим.
2. 5-й пехотный батальон 4-й бригады, стоявший 15 мая в Рамалле и захвативший 17 мая Атарот и Неве-Яков.
3. В Рамалле были дослоцированы следующие части: дивизионное командование, 3-й батальон 1-й бригады, командование 4-й бригады. На участке Неби-Семуэль—Биду стояли 1-й батальон 1-й бригады и 1-й артиллерийский дивизион.*

*Эти данные приведены Глаббом в его книге. Вдобавок к этому, Абдалла передал под его командование два полка и роту нерегулярных войск из Арабской армии спасения, а также полицейский отряд, реорганизованный в боевое подразделение.

Этим силам противостояли два пехотных батальона Хаганы примерно по 500 человек в каждом, 200 бойцов Эцеля и Лехи с оружием, которого хватало лишь на сто человек, и несколько отрядов "гарнизонных войск", укомплектованных из людей старше сорока пяти лет, без должного вооружения и оснащения. За евреями было преимущество в численности. За арабами — огневая мощь. У них были пушки и вспомогательные броневики, их подразделения были полностью экипированы и вооружены. Вооружение еврейских отрядов было жалким. Не хватало боеприпасов, вместо вспомогательных средств — несколько минометов "Давидка"*.

Таковым было положение в Иерусалиме, когда 19 мая утром еще совершенно свежий Арабский легион начал свое наступление на части города, находившиеся в руках евреев.

Первая атака была нацелена на важный квартал Шейх-Джарах на пути из Рамаллы в Старый город. Этот квартал был взят евреями в апреле, но англичане заставили их уйти (см. главу седьмую). Когда англичане покинули Иерусалим, бойцы Хаганы вернулись и вошли в квартал, но ответственность за его оборону была возложена на отряд Эцеля, который был связан с подразделением Хаганы. Люди Эцеля укрепили район и заминировали его, однако, их вооружение состояло всего-навсего из 2 пулеметов, 21 винтовки, 10 охотничьих ружей и 10 автоматов; не было у них никаких шансов выстоять против крупных сил Арабского легиона, поддерживаемых бронемашинами и артиллерией. И легион захватил весь квартал и все позиции Эцеля. Это была важная тактическая победа арабов. Захватив Шейх-Джарах, легиону удалось отрезать еврейские позиции на горе Скопус, и они остались изолированными

*На 15 мая у евреев во всей стране было только 16 таких "Давидок".

от остальных частей Иерусалима вплоть до Шестидневной войны.

Добившись своей первой цели с очевидной легкостью, легионеры устремились к еврейским кварталам на севере Иерусалима: Бейт-Исраэль, квартал Паги, Шмуэль-Анави и венгерский квартал. При поддержке бронемашин и 25-фунтовых орудий их главные силы обрушились на дома Мандельбаума в попытке проложить себе дорогу вверх по улице Ханевиим, в сторону Меа-Шеарим, итальянской больницы и центра города. Другие атаки были предприняты в разных пунктах вдоль улицы Шмуэль-Анави на два еврейских квартала Бейт-Исраэль и Паги.*

В течение этого дня и всей последующей недели судьба еврейского Иерусалима висела на волоске. В известном смысле это был самый грозный период войны. Бойцы Хаганы были рассеяны на большом пространстве; они были утомлены двухмесячными боями, в то время как легионеры только начали боевые действия. Хагана почти не имела средств борьбы с бронемашинами легиона, если не считать самодельных зажигательных бутылок и нескольких "фиатов"; не было укреплений, способных выдержать огонь прямой наводкой из 6- и 25- фунтовых орудий. По меньшей мере, три раза казалось, что Арабский легион вот-вот прорвется, но всякий раз израильтяне подымались в контратаку и возвращали себе отнятые у них здания.

После нескольких дней ожесточенных боев на северных окраинах, сопровождавшихся с обеих сторон

* Глабб вообще не упоминает в своей книге об этих атаках, несмотря на то, что с ними связано несколько самых тяжелых боев в городе. Этот факт опровергает его утверждение, будто легион стремился лишь к установлению связи со Старым городом и созданию линии обороны внутри Иерусалима и не пытался овладеть еврейским сектором.

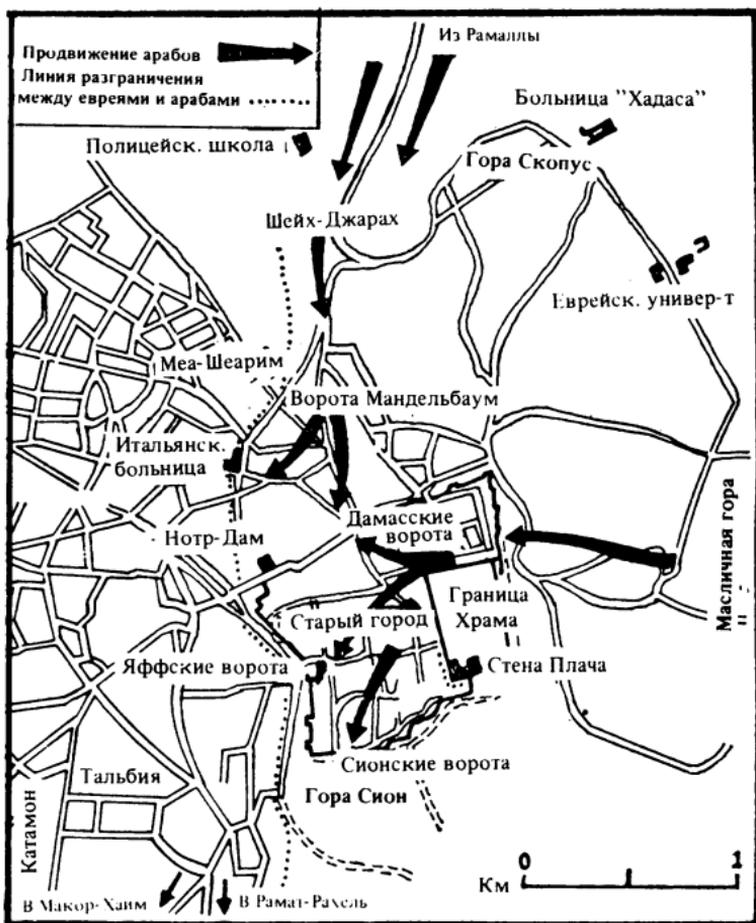
тяжелыми потерями, легион внезапно изменил направление своего наступления. Его новым объектом стал монастырь Нотр-Дам де Франс со стенами прочной каменной кладки. Это внушительное здание господствует над большей частью Старого города. Монастырь отстоит от центра еврейского Иерусалима приблизительно на 800 метров. Поэтому он являлся желанным объектом для обеих сторон. И на сей раз легион выдвинул вперед свои бронемашины, и в течение всего дня 23 мая иорданская пехота предпринимала энергичные усилия, чтобы ворваться в почти неприступное здание. Утром 24 мая в штаб легиона поступило известие, что легионеры ворвались во двор монастыря.

Весь день не прекращались бои в садах монастыря. Тем не менее в пять часов пополудни Нотр-Дам еще оставался в руках евреев. Из 200 арабских пехотинцев, участвовавших в атаке на монастырь, почти половина была убита или тяжело ранена. Одна из рот Глабба потеряла всех своих офицеров и сержантов, кроме одного. Атака захлебнулась. Защищавшие монастырь принадлежали к "старичкам" гарнизонного войска. Одним из их командиров был известный профессор Еврейского университета.*

Нападение на Нотр-Дам, как позже выяснилось, стало поворотным пунктом в сражении за северный Иерусалим. Легион не мог больше себе позволить таких потерь. У него не было резервистов. С этого дня бои в северной части города заметно пошли на убыль. Центр тяжести наступления переместился к южным предместьям.

Подразделения египетской армии достигли Бейт-Лехема после непрерывного марша от границы через Газу — Беэр-Шеву — Хеврон. Отряды эти были уком-

*Покойный профессор Боденгаймер, декан зоологического факультета.

Карта № 9. Вторжение Арабского легиона в Иерусалим после 15 мая 1948 г.

плектованы в основном Мусульманскими братьями под командованием подполковника Ахмеда Абдель Азиза. Теперь они соединились с частями Арабского легиона, захватившими Кфар-Эцион. Со дня падения Гуш-Эциона евреи в южной части Иерусалима ежечасно ждали появления легионеров. Им казалось, что некому остановить арабов. В южных предместьях не было ни противотанковых средств, ни укрытий от артиллерийского огня, которым легион так эффективно воспользовался в Гуш-Эционе.

Наступление началось 21 мая. Его целью был кибуц Рамат-Рахель на южной оконечности города. Кибуц находился на холме, господствующем над удобными подходами ко всему югу Иерусалима. Тальпийот, Макор-Хаим и Катамон невозможно будет защитить, если кибуц попадет в руки арабов.*

Наступлению предшествовал артобстрел с близкой дистанции. Он ошеломил кибуцников и причинил им тяжелые потери. Обстрел возобновился утром 22 мая, и после нескольких часов артподготовки египтяне захватили кибуц штурмом. Не успели они окопаться, как в контратаку пошла рота из бригады Эциони, отбившая высоту вместе с пылающими постройками поселения. Однако в еврейской пехоте нуждались и на севере города, и поэтому рота была тотчас заменена людьми второй линии. Последние не могли противостоять арабам. В повторной атаке египтяне на следующий день снова взяли Рамат-Рахель при поддержке легионеров.

Снова усилилась угроза еврейскому Иерусалиму. Арабский легион возобновил свое наступление на севере. Легионеры подвергли южные предместья обстрелу из тяжелых орудий, установленных в Мар-Эльяс. Однако в ночь на 24 мая рота из бригады Эциони

* Во времена царя Соломона холм имел примерно то же стратегическое значение. Там постоянно находился крупный гарнизон, который стерег южные подступы к Иерусалиму.

снова провела контратаку и овладела Рамат-Рахелью; наутро — 24 мая кибуц был передан отряду Эцеля и подразделению из бригады Эциони.

24 мая арабы начали третью и самую сильную атаку. В ней принял участие также легион с приданными ему бронемашинами. Арабам удалось зацепиться за южную окраину Рамат-Рахели, но они столкнулись с упорным сопротивлением обороняющихся. В послеобеденные часы вернулась рота бригады Эциони, заменившая подразделение Эцеля. Бои продолжались в тот день, а также 25 мая. К вечеру арабы отступили; бригада Эциони при поддержке маленькой группы из 5-го батальона бригады Харель овладела всей возвышенностью и в ту же ночь совершили рейд в направлении монастыря Мар-Эльяс. Эти рукопашные схватки были из самых ожесточенных за всю войну.

Хотя евреи в основном вели оборонительные боевые действия, они время от времени предпринимали вылазки, чтобы улучшить общее положение и установить связь с гарнизонными войсками в Старом городе. Первая такая вылазка началась тотчас после завершения эвакуации города англичанами 14 мая. Нерегулярные арабские части внутри города и силы Хаганы ждали этого момента, чтобы устремиться в оставленные здания и эвакуированные военные лагеря. Едва ушли англичане, как вспыхнули упорные бои за овладение этими стратегическими пунктами.

В этих боях евреи взяли верх; они не только захватили большой массив административных зданий в центре города, но и вытеснили арабов из домов, которые те занимали еще до ухода англичан, в частности, из больших казарм Эль-Аламейн и Алленби. Таким образом, до появления Арабского легиона удалось связать изолированные кварталы и овладеть большей частью нового Иерусалима. Единственным районом, оставшимся отрезанным и совершенно изолированным, был еврейский квартал в Старом городе.

1700 проживавших там евреев попали в тяжелое положение. В течение шести последних месяцев они были отрезаны от остальных частей еврейского города и получали раз в две недели мизерные продовольственные пайки, поступавшие на грузовиках под охраной английского конвоя. В последние недели мандата англичане объявили состояние прекращения огня, но как только они ушли из Старого города, арабы возобновили нападения на еврейский квартал, безнадежно запертый в ловушке. Шаг за шагом они оттесняли евреев, сужая занимаемое последними пространство, и к 17 мая положение стало критическим. Жители сгрудились в трех больших дворах. Многие бойцы Хаганы, находившиеся вместе с евреями Старого города, были ранены. Боеприпасы почти иссякли. 17 мая, после того как была отбита массированная атака, командир обороняющихся в Старом городе запросил по радио комендатуру Иерусалима о помощи: "Большинство наших людей ранено", "Почти не осталось боеприпасов", "Долго не сумеем продержаться", и наконец: "Патронов осталось только на четверть часа"...

В этот момент подоспела помощь. В ночь на 18 мая бойцы Пальмаха взяли гору Сион и в следующую ночь прорвались через Сионские ворота в Старый город. Через несколько минут после прорыва они появились в еврейском квартале. Для осажденных и голодных евреев это был день радости и благодарения.

Успех был, однако, недолгий. Подкрепления, обещанные Шалтиэлем командиру 4-го батальона бригады Харель, не прибыли. Было решено, что отряд бригады Харель в составе 100 человек под командованием Узи Наркиса пробьется в Старый город, а гарнизонные войска Шалтиэля пойдут следом и закрепят успех. В ночь на 19 мая прорвалась лишь маленькая группа — Наркис и его сотня, — и напрасно дожидалась обещанной Шалтиэлем смены, которая так и не появилась. Узи Наркис ждал сколько мог и к вечеру того дня, 19 мая,

вывел своих людей, оставив евреям Старого города 87 необученных солдат второй линии в качестве подкрепления. Арабы отбили Сионские ворота, и осада евреев Старого города возобновилась.

В тот день, 19 мая, в Старый город вступили первые подразделения Арабского легиона, и атаки на еврейский квартал усилились. Положение стало безвыходным. Шалтиэль и командир 4-го батальона провели спешное совещание и согласились начать назавтра комбинированную спасательную операцию. Эцель должен был провести отвлекающую атаку на Дамасские ворота, Шалтиэль — вторую атаку на Яффские ворота. Он должен был также обеспечить поддержку основного удара, порученного снова Узи Наркису со ста пальмаховцами. Поскольку накануне люди Шалтиэля не появились, пальмаховцы потребовали теперь четкого обещания, что это не повторится, и получили твердые заверения. Атаки начались по плану — на рассвете.

Отвлекающий удар Эцеля по Дамасским воротам не дал желанных результатов, как и атака Хаганы на Яффские ворота. Зато Наркис с отрядом пальмаховцев овладел всей горой Сион. Они с удивлением обнаружили, что заняли куда более обширную территорию, чем рассчитывали удержать своими небольшими силами. В тревоге ждали они подкреплений Шалтиэля, прежде чем идти в Старый город. Но и на сей раз обещанная — и совершенно необходимая — подмога не пришла, и они были вынуждены прекратить операцию.

Этот повторный провал ухудшил и без того натянутые отношения между Шалтиэлем и Пальмахом. Однако все объяснения так и не внесли ясность в этот вопрос. Почему Шалтиэль дал такие определенные обещания: переоценил ли, как он вообще был склонен делать, свои возможности или то были ошибки планирования? На пальмаховцев обрушились с нападками: почему так поспешно бросили занятые ими важные позиции?

Подразделения бригады Эциони пытались прорваться в Старый город через Яффские ворота в ночь с 18 на 19 мая. В ночь с 21 на 22 мая рота Пальмаха и бригада Эциони сделали еще одну попытку прорваться через Сионские ворота и потерпели неудачу. Между 22 и 25 мая были предприняты еще две атаки, но и они провалились. Еще несколько дней держался осажденный квартал под ударами Арабского легиона, но 28 мая два престарелых раввина вышли к линиям легиона с белыми флагами. Евреи Старого города сдались. Когда легионеры вошли в квартал и увидели, как ничтожно малы были силы, с которыми они сражались, как мало осталось нераненых солдат и какое у них оружие, то один из офицеров легиона заметил: "Если бы мы знали, что вас так мало, мы пошли бы на вас с палками, вместо пулеметов и минометов". Этот случай — еще одно свидетельство плохой разведки легиона.

Утрата Святых мест, особенно Западной стены, явилась для евреев тяжким ударом. Однако с военной точки зрения падение еврейского квартала в Старом городе мало повлияло на ход войны.

Тем временем усиливалось бедственное положение еврейского населения в остальных частях города. Арабский легион, овладев господствующими над Иерусалимом высотами, окружил город батареями 25- и 100-фунтовых орудий.* Иерусалим обстреливали без передышки и без разбора. Египтяне также подвезли батареи 100-фунтовых пушек и били снарядами по городу. На улицы носа нельзя было высунуть, лавки были закрыты, и те, кто занимался распределением мизерных порций воды, подвергались не меньшей опасности, чем солдаты на фронте. За три недели боев

*У легиона не было 100-фунтовых орудий, но иракские войска снабдили его батареями 6-дюймовых гаубиц со снарядами весом в 100 фунтов.

до первого прекращения огня по Иерусалиму было выпущено более 10 000 снарядов, 316 жителей погибли и 1422 были ранены.*

Однако то была лишь часть уготованных иерусалимским евреям испытаний. Незадолго до конца мая в городе почти окончательно иссякли запасы продовольствия. Жители получали суточный паек 160 граммов хлеба на человека (два обычных ломтя). В домах не осталось никакого провианта, и люди бродили по дворам в поисках зелени и травы. Воды не было. Ее развозили на грузовике — маленькое ведро в сутки на семью. Не было электричества и бензина, газет и сигарет. Вдобавок ко всему почти иссякли боеприпасы. Пулеметчики из экономии вели огонь одиночными выстрелами. Минометным расчетам выдавалось на день пять мин.

Такой была обстановка перед наступлением легиона. Окруженные и осажденные, почти без продовольствия и боеприпасов, атакуемые с севера и с юга, евреи Иерусалима понимали, что спасти их может только чудо. И тем не менее еврейский город был проникнут мятежным духом. И стар и млад лихорадочно строили укрепления, рыли траншеи и баррикадировали дороги, и все это — под артобстрелом. На фронт шли члены молодежных организаций, и в переполненных госпиталях нередко можно было видеть пятнадцати—шестнадцатилетних подростков, раненных при отражении атак легионеров на кварталы Паги и Бейт-Исраэль. Евреи были убеждены, что стоят перед врагом, превосходящим их десятикратно не только огневой мощью, но и по численности. Так же как Глабб и большинство командиров на фронтах, они преувеличивали силы

*Эти данные — итоговые цифры жертв в Иерусалиме за первые три недели военных действий. Число жертв из гражданского населения составило: убитыми 199 и ранеными 658.

противника. Но они полностью осознали решающее преимущество арабов в огневой мощи. Если бы вражеским бронемашинам удалось прорваться в район домов Мандельбаума или в квартал Паги, легионеры захватили бы весь Иерусалим.

На этой стадии боев еврейское командование в Иерусалиме имело несколько уязвимых мест. За исключением короткого периода, силы Хаганы в городе и силы Пальмаха в окрестных горах были лишены всякого общего руководства. Ицхак Рабин, первый командир сил Пальмаха в Иудейских горах, а затем Йосеф Табенкин, командир бригады Харель, имели постоянные трения с Давидом Шалтиэлем, командующим силами в Иерусалиме, частенько доводившим эти конфликты до сведения Бен-Гуриона — на его суд и усмотрение. Одним из результатов отсутствия координации явился провал попыток освободить из западни евреев Старого города. Кроме того, часто упускались возможности наступательных действий. Вмешательство Бен-Гуриона в тактические вопросы, касающиеся иерусалимского фронта, было серьезной помехой инициативе местных командиров. Пальмаху не всегда предоставлялась свобода действий на фронте, а результаты не всегда оценивались Шалтиэлем положительно. Действия Пальмаха были мужественными и дерзкими, но часто несдержанными.

В самом городе штаб Хаганы работал из рук вон плохо. Шалтиэль, командир бригады Эциони, слишком отдалился от своих людей. Он был педант и требовал дисциплины, но не сумел завоевать любовь и доверие подчиненных, сражавшихся под его руководством. Некоторые его приказы не учитывали трудных условий в городе. Дело дошло до кризиса, когда несколько ротных командиров пехотного батальона отказались выполнять его приказы, и он пригрозил им арестом.

Батальон был вынужден покинуть город и присоединиться к Пальмаху.*

Шалтиэль имел трудности также с "отколовшимися" войсками Эцеля и Лехи. У них было отдельное командование, собственное оснащение и намерение действовать по своему усмотрению. Они подчинялись лишь тем приказам, с которыми были согласны. Особенно серьезно было то, что они не только не сообщали Шалтиэлю о своих силах, вооружении и численности, но еще вводили в заблуждение, утверждая, что их численность значительно выше, а вооружение куда лучше, чем было на самом деле. В действительности и Эцель, и Лехи насчитывали менее чем по 350 активных бойцов, а винтовок у них было — одна на двоих.

Эти недостатки, естественно, сказывались на еврейской обороне, но легион не сумел их использовать, потому что и на сей раз не имел правильной информации о положении евреев. Сочиненное Глаббом пугало оказалось очень на руку Шалтиэлю, помогая скрыть пороки его командования. Таким образом, после тщетных попыток легиона захватить монастырь Нотр-Дам и удержать Рамат-Рахель его наступательная энергия пошла на убыль, и он ограничился стычками и атаками местного характера. Легион и не подозревал, как близок он был к успеху. Правда, нельзя не учитывать еврейское гражданское население Иерусалима. Большая его часть проявила поразительное мужество и понимание гражданского долга. Этот высокий гражданский дух поддерживал и солдат.

Иным было положение на стороне противника. Население арабского сектора Иерусалима, сильно уве-

*Он стал 15-м полком Пальмаха, приданным бригаде Харель. Позднее, перед вторым туром боев, когда командование бригадой Эциони принял Моше Даян, полк этот был возвращен в Иерусалим по просьбе последнего.

личное беженцами из Катамона и других арабских кварталов, занятых евреями, находилось в состоянии, граничащем с паникой. И оно, подобно евреям, полагало, что только чудо может спасти арабов от потери всего города, и эти настроения постепенно передавались офицерам легиона.

Так борьба внутри города оказалась в равновесии, но положение евреев, отрезанных от остальных частей страны, продолжало оставаться отчаянным. Чтобы выстоять, необходимо было разжать клещи, в которые арабы взяли Иерусалим. Судьба сражения за Иерусалим должна была решиться в горах, к западу от него. Поэтому следует теперь рассмотреть развитие событий на этом важном участке. Мы уже вплотную подошли к тому моменту, когда начались бои за Латрун — самое противоречивое событие всей войны в Эрец Исраэль. Мы не знаем, чем обосновал израильский генеральный штаб необходимость наступления на Латрун, и не знаем, существовало ли такое обоснование. Нет никакого официального документа, свидетельствующего об осторожном обсуждении всех "за" и "против" перед лобовой атакой на этот центральный узел арабской блокады Иерусалима. По-видимому, такого документа и не было. Было несколько совещаний между главой правительства и начальником оперативного отдела. Имеется лишь клочок бумаги — десять сантиметров на пять — с распоряжением Бен-Гуриона Ядину: "Необходимо выручить Иерусалим. Необходимо выбить арабов из ключевой позиции — из Латруна. Если для такой операции нет солдат, надо сформировать новую бригаду. Нет оружия, но суда должны его доставить. Нельзя ни в коем случае медлить. Для тщательной разработки нет времени, допускается импровизация: в противном случае, Иерусалим можно потерять навсегда. Кроме того, операцию надо провести до вступления в силу соглашения о прекращении огня".

То был приказ. Бен-Гурион и слушать не хотел о

трудностях, он их знал. Дело Ядина преодолеть их. Это была немислимо трудная задача. Ядин сомневался, но он понимал Бен-Гуриона, и не мог в данной ситуации предложить никакого другого разумного решения, которое помогло бы избавить Иерусалим от страшной угрозы. В субботу 22 мая было принято решение: 7-й бригаде, сформированной 15 мая в Хульде, быть готовой к штурму Латруна в понедельник вечером, через сорок восемь часов. Ядин ужаснулся при мысли о последствиях приказа Бен-Гуриона, но приступил к исполнению, действуя, может быть, единственным в своем роде образом во всей истории войн. Эти действия по выполнению поставленной задачи заслуживают поэтому куда больше внимания, чем им уделялось до сих пор.

Ядин вызвал Шломо Шамира, майора Еврейской бригады во второй мировой войне, и объявил ему, что назначает его командиром новой бригады. В субботу утром Ядин приказал начальнику отдела безопасности Еврейского агентства в Иерусалиме Хаиму Герцогу вылететь в Тель-Авив. Там ему было сказано, что он назначен начальником оперативного отдела 7-й бригады. Шамир сообщил ему о приказе повести следующей ночью бойцов в атаку, даже не повидав личного состава бригады. Шамир и Герцог были убеждены, что это совершенно невозможно. Бен-Гурион, хотя и с большим трудом, согласился отсрочить наступление еще на двадцать четыре часа. Новый штаб был переведен в Наан, где шло формирование сил, выделенных для атаки. Гражданские автобусы доставляли людей из Тель-Авива: 32-й батальон под командованием Цви Германа, рота Пальмаха с несколькими броневиками и батальон из новых олим под командованием Цви Горовица. Последние лишь за день до того прибыли в страну. Им показали, как обращаться с ружьем. У них не было никакого боевого опыта, и говорили они на каких угодно языках, кроме иврита.

В это время под Кфар-Билу комплектовалась большая колонна грузовиков со снабжением для Иерусалима.

Во вторник (25 мая) в десять часов вечера провели первый инструктаж. Приказ гласил: взять Латрун и двигаться на Рамаллу так далеко, как только возможно. Основная цель — обеспечить транспорту с продовольствием и вооружением для Иерусалима продвижение сквозь блокаду в Латруне.

Людей посадили на тель-авивские грузовики и автобусы. Стояла жара, фляг с водой у них не было. До полуночи еще не прибыло дополнительное военное снаряжение. Герцог предложил отложить наступление, и Шамир связался с Ядином, который перебрался в кибуц Наан. Ядин согласился и посоветовал Шамиру послать телеграмму в генеральный штаб. Сам он тотчас возвратился в Тель-Авив, дабы убедить Бен-Гуриона дать свое согласие на отсрочку. Бен-Гурион, однако, стоял на своем. Наступление должно развиваться согласно плану. С тяжелым сердцем Ядин протелеграфировал Шамиру ответ: "Наступай любой ценой!" В два часа ночи войска с шумом и грохотом выступили из Хульды по дороге в Латрун. Когда тронулись в путь, в Хульду начала прибывать дополнительная боевая техника — танкетки, пулеметы и минометы — прямиком из тель-авивского порта, где она в тот вечер была выгружена. Времени не оставалось даже на разведку. Информацию о противнике представил генштаб. В ней говорилось, что в Латруне находится лишь небольшая группа солдат нерегулярной службы из войск Каукаджи.

Между тем уже за неделю до того Глабб перебросил в Латрун второй и четвертый полки Арабского легиона, дабы предотвратить получение Иерусалимом подкреплений из Тель-Авива. Эти арабские солдаты, богато оснащенные боевой техникой, вместе с сотнями иорданских добровольцев и местными феллахами не

могли не заметить шума, зажженных автомобильных фар и движения со стороны Хульды, в 10 километрах от Латруна. Не было ни малейшей попытки использовать элемент неожиданности или военную хитрость. Когда первые лучи солнца озарили Иудейские горы, автобусы и грузовики еще тянулись в Латрун навстречу своей судьбе. Их встретил огонь артиллерии и минометов из Латруна и Яалу, где стояли пушки Арабского легиона. Не слишком губителен был огонь, но он подорвал боевой дух новобранцев, и без того уже страдавших от жары и жажды. Они повернули назад, многие — прямо в лапы местных арабских банд у подножия гор, к югу от Бейт-Джиз. Люди бросились врассыпную и ударились в бегство. Иные падали в полном изнеможении. Хаим Ласков, находившийся на месте с несколькими броневиками, спас большинство людей, так как сумел сохранить самообладание и прикрыть отступление. Солдаты 32-го полка героически дрались, чтобы, не расстроив ряды, вырваться из западни.

На следующий день передовую посетил Бен-Гурион, чтобы лично познакомиться с положением. Перед ним открылась невеселая картина. Бойцы бригады пали духом, да и с командованием дела обстояли далеко не блестяще. Урок оказался горьким. Бен-Гурион распорядился послать для укрепления фронта под Латруном несколько боеспособных подразделений. Еврейский доброволец из Америки, полковник Микки Маркус, уже принявший участие в нескольких дерзких десантных операциях на египетском фронте, был назначен командующим фронтом, но без своего штаба. Сам факт его присутствия подействовал ободряюще на солдат, и был составлен новый план атаки на Латрун, так как положение в Иерусалиме продолжало оставаться серьезным.

Суть нового плана заключалась в том, что Ласков проведет штурм полицейского пункта Латруна и этим

отвлечет на себя внимание и огонь легиона. Одновременно Фролову, командиру свежего и обученного подкрепления, поручался десятикилометровый марш-бросок по труднопроходимой местности из Бейт-Сусин в Яалу, чтобы, угрожая путям отступления легиона, вынудить его оставить свой опорный пункт. Этот план мог принести успех только в том случае, если каждый из командиров выполнит возложенную на него задачу. Однако теперь обнаружилась еще одна трудность.

Подкрепление, получившее приказ поддержать своими действиями наступление на Латрун, состояло из подразделений 52-го батальона бригады Гивати под командованием одного из самых способных офицеров бригады. Однако командир бригады Шимон Авидан и командир 52-го батальона сомневались в своих офицерах, ответственных за операцию. Авидан разъяснил, что он не полагается на их суждения. Поэтому Фролову была дана команда не вступать ни в какие стычки, чреватые напрасными потерями в личном составе. Авидан сознавал, что в качестве комбрига он несет ответственность за благополучие своих людей. В последовавшей операции Фролов выполнил этот приказ Авидана.

В первую ночь наступление пришлось отложить, так как рота 72-го батальона, которая должна была участвовать под командованием офицеров 52-го батальона, не была заменена другим подразделением 7-й бригады. Однако на следующую ночь все началось по плану: штурм Латруна прошел удачно, и Фролов достиг Дейр-Июба. На гребне Дейр-Июб рота 7-й бригады столкнулась с врагом; пять человек были убиты, многие ранены, и началось беспорядочное отступление. Фролов опасался, что рота, которой поручено овладеть грядой с артиллерийскими батареями, не успеет справиться с заданием и окопаться, а с наступлением рассвета окажется отрезанной и расчлененной против-

ником; решив, что без тяжелых потерь не добиться успеха, он повернул назад.

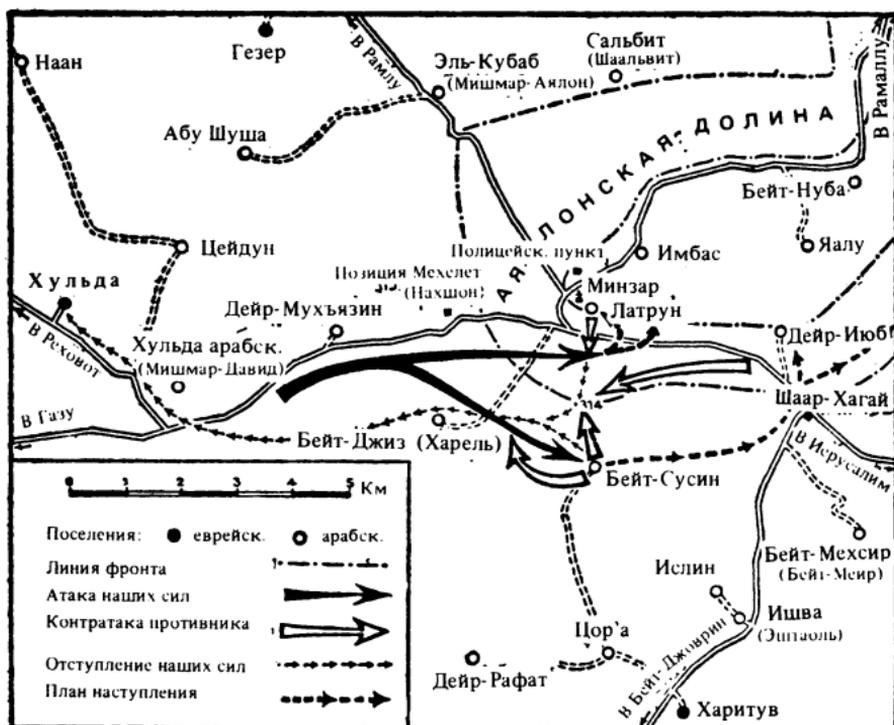
Такой оборот дела привел к тому, что Ласков застрял в самом горячем месте сражения. Он ворвался на полицейский пункт, понеся тяжелые потери, но пехота, составленная из новых олим, которая должна была идти следом и поддержать его, не двинулась в зону огня. Так ему пришлось во второй раз отступить, почти добившись цели. В ту ночь Маркус телеграфировал Ядину: "Я был там и видел бой. План хорош. Артиллерия хороша. Броневики отличные. Пехота pozorная".

Попытка провалилась. За неделю с 25 по 31 мая 7-я бригада (включая батальоны 32-й и 33-й) потеряла 137 человек убитыми. Но для бригады дело на этом не закончилось. Ибо тем временем Бен-Гурион и Ядин сообразили, что в этой войне владение определенными пунктами будет решающим. Поэтому до Иерусалима надо добираться, чего бы это ни стоило. Раз старую дорогу через Латрун взять не удалось, необходимо изыскать другую тропу или проложить новую дорогу. Пальмах до сих пор пользовался тропой к югу от Латруна и Шаар-Хагая для отправки людей пешком через горы в Иерусалим. В первый раз эта тропа пригодилась во время операции "Маккаби" 15 мая, когда один-единственный грузовик со снабжением под конвоем трех броневиков прошел через горы, так как баррикады с главных шоссе еще не были удалены. Теперь об этой операции вспомнили, и тотчас приступили к превращению тропы в мало-мальски пригодную дорогу. Пятьсот жителей Иерусалима и Тель-Авива были доставлены для встречной прокладки дороги с двух сторон, прежде чем близкое прекращение огня сделает работу невозможной. Работа шла круглосуточно, подчас под огнем арабских пушек, стрелявших из Латруна. Поначалу грузовики могли доезжать только до Бейт-Сусина. Там их разгружали, и рабочие два с

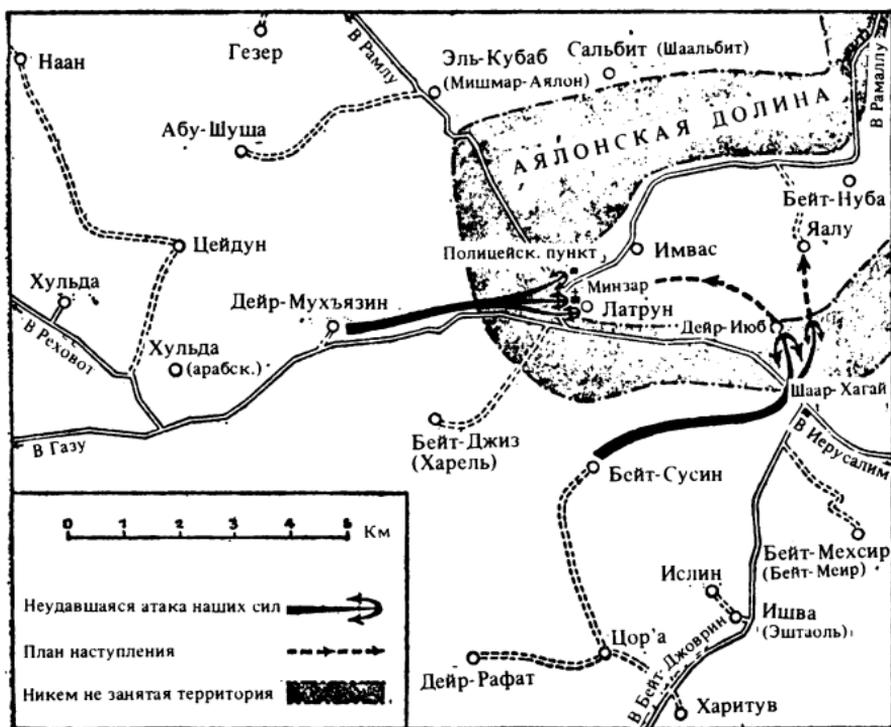
половиной километра на спинах переносили грузы до готового участка шоссе, где ждали порожние грузовики из Иерусалима. Постепенно промежуток сокращался, и под конец, за два дня до прекращения огня, была завершена прокладка "Бирманской дороги", как ее прозвали в народе. Дорога эта спасла положение в городе. Именно она явилась оправданием политической претензии Израиля на свою часть в Иерусалиме.

Сражение за Латрун поучительно, как пример неосуществленного военного плана, а также по своим косвенным последствиям. Кроме того, весьма показательными были представления арабов о ходе сражения и о еврейских войсках. В Латруне генерал Глабб и 4-й полк Арабского легиона оценивали положение совершенно иначе, чем израильтяне. В соответствии со сведениями, которые Глабб получал с фронта и которые включил в свою книгу, он стоял перед еврейскими соединениями, имевшими якобы подавляющее превосходство и штурмовавших из ночи в ночь укрепления легиона. Глабб сообщает о сотнях убитых евреев, валявшихся на поле боя, и пишет в своих воспоминаниях, что в четырех боях израильтяне потеряли 1400 человек убитыми — больше начального списочного состава всей 7-й бригады!

Нет сомнений, что из-за поразительно раздутой информации о силах противника Глабб с самого начала противился предложениям Абдаллы наступать на Иерусалим крупными силами, а позднее — очистить Лод и Рамлу, не дожидаясь атаки израильтян (см. одиннадцатую главу). Глабб ни разу не потрудился проверить, соответствуют ли действительности рапорты, которые он получал от своих офицеров с фронта. Такая неподобающая военному человеку доверчивость дорого обошлась ему и арабам. Ведь на основе подобной информации Глабб разрабатывал свою стратегию и приспособлял ее к встрече с "мощной и прекрасно оснащенной израильской армией", которой не было и в поми-

Карта № 10. Первая израильская атака на Латрун 25 мая 1948 г.

Карта № 11. Вторая израильская атака на Латрун 30 мая 1948 г.

не. Он говорит об упущенных израильянами возможностях, но не мешало бы ему задуматься над возможностью, которую он сам упустил, так как, потеряв Иерусалим, он проиграл войну. Ни Абдалле, ни Глаббу второго такого случая уже не представится.

По другую сторону линии фронта в уроки Латруна вникал Бен-Гурион. Он пришел к выводу, что риск был оправдан. Эта операция была необходима, чтобы добиться перелома в Иерусалиме. Возможно, что амбициозные планы Ядина и Алона оказались бы более успешными, но там успех мог придти слишком поздно. Сражение под Латруном выявило также слабые стороны молодой армии Израиля: отсутствие дисциплины, недостаток взаимного доверия между ветеранами Хаганы и теми, кто прошел службу в британских войсках, пороки в структуре командования — особенно опасность бездействия и нерешительности из-за бесконечных препирательств.

Значение Латруна вышло за пределы локального боя. Оно подтолкнуло кризис в главном командовании, которому предстояло поколебать структуру израильского правительства во время приближавшейся передышки. Можно с уверенностью сказать, что сражение за Латрун более всякого другого эпизода войны определило новый облик молодой армии Израиля. Оно укрепило самодовольство Глабба и его преувеличенную уверенность в том, что легион одержал крупную победу в войне. Однако более всего сражение это, закончившееся вничью, упрочило в Бен-Гурионе сознание, что судьбу войны решит в основном противостояние между Арабским легионом и израильянами, если только серьезно не вмешаются египтяне, во что Бен-Гурион не верил. "Либо легион ворвется в наш "треугольник", либо мы вторгнемся в их "треугольник", — говорил Бен-Гурион, — в случае удачи это будет наша победа в войне. Поэтому самый важный участок фронта — это территория в руках Арабского легиона, а не

Негев или Галилея. Я отношусь с уважением к силе легиона". 9 июня была сделана еще одна попытка захватить дорогу через Латрун, которая закончилась неудачей.*

Спустя два дня, за считанные часы до прекращения огня, погиб полковник Маркус. Он был случайно убит одним из своих часовых.

*Операция "Иорам". На сей раз в атаке участвовали батальон бригады Харель и батальон бригады Ифтах. Атака сорвалась из-за того, что один батальон по ошибке двинулся на укрепление, намеченное другому. Последний шел к своей цели через пункт, который должен был взять первый батальон, наткнулся неожиданно на противника и отступил. Это расстроило весь план наступления и повлекло тяжелые потери.

Глава десятая

ПЕРВОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ

В первые недели войны арабы и евреи следили за обсуждениями в Лейк-Сексесе, не отдавая себе полного отчета в значении событий, происходивших в Организации Объединенных Наций. Ни арабы, ни евреи не знали точно, какую позицию теперь займут англичане. Бен-Гурион признавался, что вопрос этот продолжал оставаться главной его заботой. Англичане пока еще не могли увеличить оказываемую арабам поддержку, и если они этого не сделают, то у Израиля, по мнению Бен-Гуриона, появятся шансы на победу в войне. Единственное место, где можно было понять тогдашние английские намерения, было ООН. Таким образом, нам необходимо проследить политические маневры в Организации Объединенных Наций, которые привели к первому прекращению огня в Эрец Исраэль.

Совет Безопасности собрался на заседание в субботу 15 мая 1948 года – в день, когда арабские войска вторглись в Эрец Исраэль. Представитель Египта заявил на заседании Совета, что его страна заинтересована лишь в охране законности и порядка. Никто из членов "большой тройки" (Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз) не вмешался. В понедельник 17 мая Совет Безопасности собрался снова. Теперь американский представитель сказал, что, поскольку совершены действия, приведшие к нарушению мира,

предусмотренные пунктом 39 устава ООН, Совет должен обязать стороны немедленно прекратить огонь и настоять на выполнении этой резолюции.

Представитель Англии сэр Александр Каддоган выступил лишь на следующий день. Он выразил сильные сомнения в целесообразности американского предложения. Он сомневался, являются ли рассматриваемые действия нарушением мира и можно ли считать, что имела место агрессия. В новостях того дня пока еще сообщалось только о продвижении арабов. Сэр Александр не хотел никаких санкций, даже если арабские страны отвергнут призыв Совета Безопасности поддерживать мир.

Прошло четыре дня, и мировая печать продолжала сообщать о победах арабов. Американский делегат повторно настаивал на том, что мир нарушен, и призывал употребить санкции в соответствии с уставом ООН, чтобы добиться прекращения огня. Сэр Александр этому снова воспротивился, и Совет Безопасности отложил обсуждения на два дня. 24 мая Совет получил послание от временного правительства Израиля,* в котором выражалось согласие с прекращением огня в духе проекта резолюции, внесенного американским делегатом. Сирийский представитель просил отложить окончательный срок, установленный для выполнения резолюции. Сэр Александр поддержал эту просьбу. Прошло два дня и еще два, и ничего не было сделано.

И снова 29 мая сэр Александр воспротивился всяким поспешным действиям. Он не принял даже простого предложения Советского Союза, поддержанного Соединенными Штатами и Францией, обязать стороны "прекратить огонь не позднее чем через тридцать шесть часов под угрозой применения санкций ООН". Вместо

*Правительство оставалось временным до выборов в Кнессет 25 января 1949 года.

этого Каддоган выдвинул свой проект резолюции, которая, по его словам, приведет к прекращению боев без того, чтобы потребовалось прибегнуть к санкциям. Накал дискуссий пошел на убыль.

Арабы продолжали войну. 28 мая пал еврейский квартал в старой части Иерусалима. Теперь проект резолюции сэра Александра был поставлен на голосование — и прошел. Основные положения этой резолюции были следующие: а) обращение ко всем сторонам прекратить огонь на четыре недели и б) если прекращение огня будет отвергнуто или нарушено и упразднено позднее, то "положение в Эрец Исраэль будет рассмотрено в соответствии с поправками к седьмой главе устава ООН". Всем членам Совета Безопасности было, разумеется, известно, что английское правительство противится любой форме санкций против арабских стран, и что оно будет стоять на своем вплоть до применения права вето.

Лишь спустя тринадцать дней, когда арабские войска уже находились на грани полного истощения, они тоже согласились на прекращение огня. Всю эту долгую паузу сэр Александр хранил в Совете Безопасности упорное молчание. Он ни разу не выступил с требованием, чтобы Совет предпринял более энергичные меры для прекращения военных действий.

Во время всех заседаний Совета Безопасности сэр Александр Каддоган лишь в одном случае проявил инициативу. 19 мая он вмешался в прения, чтобы нейтрализовать американское предложение применить санкции против арабских стран и даже внес впервые рекомендацию назначить в Эрец Исраэль посредника от имени ООН. Это не было неожиданностью. За шесть дней до начала объявленной войны в Эрец Исраэль уже совещались с графом Бернадоттом, прося его принять на себя эту роль. Теперь было ясно, что это максимум того, с чем может согласиться английское правительство: посредник без полномочий на санкции, пользуя-

щийся полным доверием Уайтхолла. "Большая пятерка",* придя к выводу, что подобный компромисс все же лучше, чем открытая оппозиция со стороны Великобритании, согласилась в Совете Безопасности на назначение графа Бернадотта посредником с крайне ограниченными полномочиями, в духе проекта резолюции, внесенного англичанами.

Уже с самого начала английское правительство показало свою одностороннюю заинтересованность в будущих действиях посредника, которая была не по душе графу Бернадотту. В своем дневнике он упоминает, что первым "посторонним", который его навел, когда он прибыл в Париж 25 мая, чтобы приступить к своим функциям посредника, оказался Эшли Кларк, британский уполномоченный в Париже, заявивший ему, что "английское правительство пока не готово предпринимать какие-либо шаги против арабов". Графу тогда было сказано, что правительство Великобритании продолжает поставлять арабам оружие и что английские офицеры, присоединившиеся к арабским войскам в качестве советников, активно участвуют в войне. Кларк намекнул Бернадотту, что официальные английские круги не заинтересованы в том, чтобы был принят американский проект резолюции, квалифицировавший действия арабов как "провокацию и серьезное нарушение устава Организации Объединенных Наций".**

В то же время представители английского правительства не замедлили намекнуть графу на то, каким образом его посредничество может принести плоды и получить британскую дипломатическую поддержку, хотя бы в арабских столицах. Правительство Великобритании, передали ему, желает внести изменения в план раздела: южную часть Негева (к югу от 31-й

* США, Англия, СССР, Народный Китай и Франция.

** Бернадотт: "В Иерусалиме", стр. 6-7.

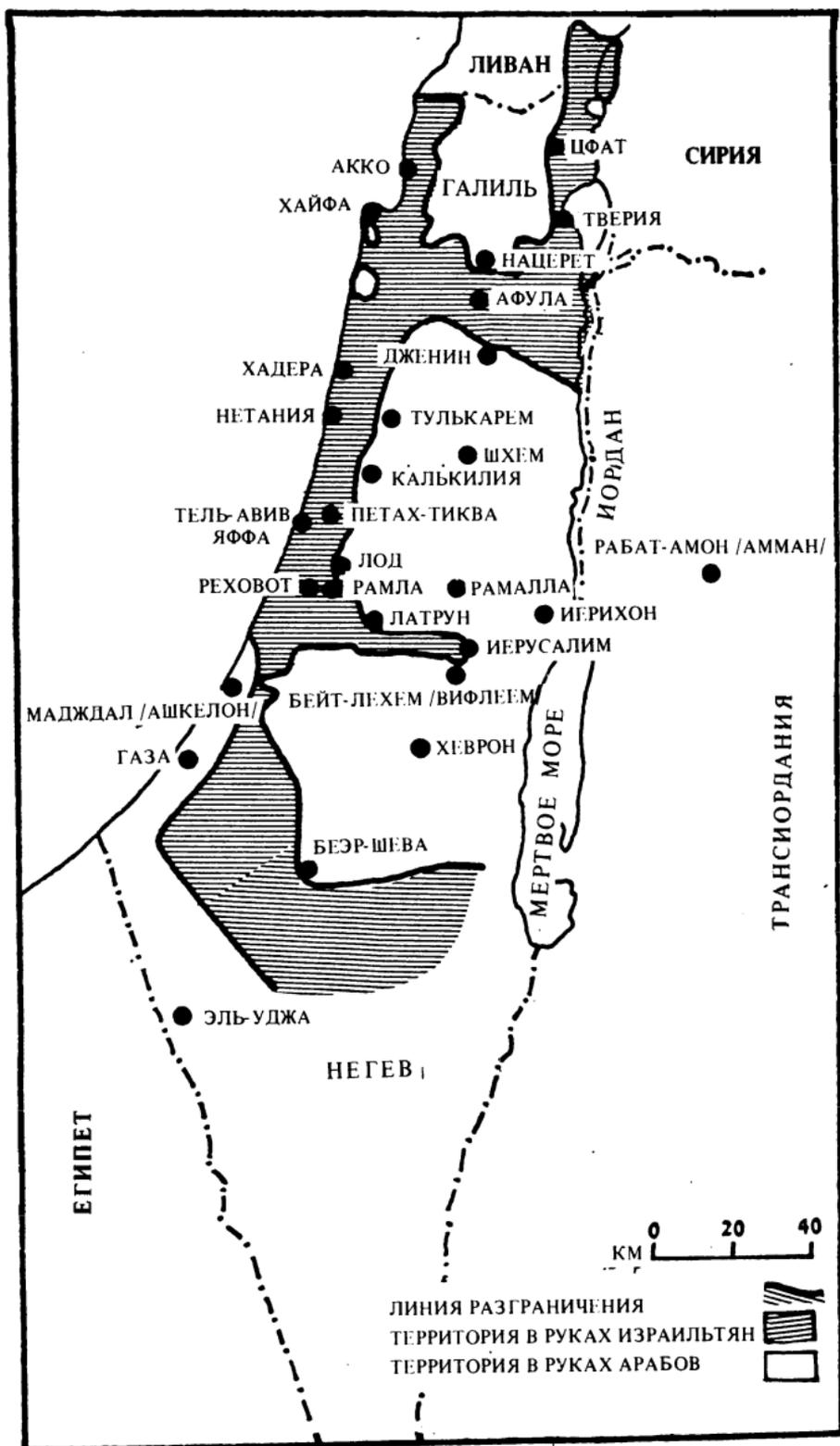
параллели) следует передать Абдалле, а не евреям; евреи же в виде компенсации получают западную Галилею. Кроме того, Абдалла получит весь Иерусалим.*

Через короткое время после начала перемирия, 11 июня, граф Бернадотт прибыл в свой штаб на острове Родос. Его помощником и главным советником был д-р Ральф Банч — секретарь комиссии ООН, которая представила доклад по вопросу о разделе, в большей своей части написанный самим Банчем.

Перерыв в военных действиях, о котором распорядилась ООН, был, по выражению Моше Кармела, как манна небесная для обеих враждующих сторон. Противники дошли до окончательного изнеможения. Они в равной степени нуждались в прекращении огня, чтобы перегруппироваться и развернуть силы заново. Эту необходимость хорошо понимали обе стороны, но арабские военные скрывали правду от общественности своих стран. В момент, когда прекратилась стрельба и на Святую Землю снизошла тишина, это было воспринято как чудо и арабскими, и еврейскими солдатами. По правде говоря, никто, однако, не верил в эту тишину. И тем не менее пушки умолкли, солдаты могли спать спокойно, и в осажденных селениях Негева, в еврейских и арабских кварталах Иерусалима жители теперь осмеливались выглянуть из своих домов. Постепенно улицы наполнились толпами людей, многие из которых впервые за месяц вышли за порог дома. В Иерусалиме, где местами противников разделяло лишь пятнадцать-двадцать метров, имелись многочисленные случаи тесного общения между легионерами и израильскими солдатами, пока английские офицеры, командиры легиона и израильские командиры ЦАХАЛа** не положили конец этому сближению в

*Там же, стр. 10.

**Хагана официально прекратила свое существование 26 мая 1948 года, когда был основан ЦАХАЛ — Армия Обороны Израиля под верховным командованием временного израильского правительства.

Карта № 12. Положение после первого прекращения боев 11 июня 1948 г.

обстановке какой-то нереальности: тишина казалась слишком большим чудом, чтобы на нее можно было положиться.

Передышка, однако, не относилась к военачальникам и политикам. С момента прекращения боев руководители засели за изучение положения. Вырисовавшаяся картина была не очень приятная. Арабам не удалось завладеть ни одним из намеченных ими объектов. Их планы взять за две недели Тель-Авив и Хайфу провалилась. Надежда Абдаллы, что "сионистские силы развалятся после первого же удара", не осуществилась. Легион застрял в Иерусалиме и понес потери, которые нелегко было восполнить. Продвижение египетских войск было остановлено в Ашдоде. После первого успеха в Дженине иракцы не осмелились двинуться вперед. Ливанцы отступили на свою сторону границы. Лишь сирийцам удалось создать предмостное укрепление на израильской территории.

Объединенное командование арабских армий распалось. Каждая арабская армия действовала по собственному усмотрению. Сирийцы атаковали Цемах, а иракцы провели свое нападение на Гешер, десятью километрами южнее, без малейшей связи и попытки помочь друг другу. В довершение всего, к моменту прекращения огня все арабские войска, за исключением египтян, общались об острой нехватке боеприпасов.

На еврейской стороне картина была еще более удручающей. Силы вторжения, правда, были задержаны, но Негев — более трети территории, выделенной Израилю Организацией Объединенных Наций, — был в руках арабов. На севере сирийцы окопались на западном берегу Иордана, грозя расчлнить восточную Галилею. В центре иракцы находились всего в 16 километрах от побережья Средиземного моря. В Иерусалиме оборона была на грани развала; почти иссякли боеприпасы, а гражданское население умирало от голода. Попытки пробить из Тель-Авива дорогу провалились.

Вместе с тем у Иерусалима было теперь удовлетворительное объединенное верховное командование. В нем, правда, имелись известные расхождения во мнениях, но авторитет Бен-Гуриона, Галили и Ядина в военных вопросах не ставился под сомнение. Командование собралось в генеральном штабе 11 июня, тотчас после вступления в силу соглашения о прекращении огня.

И все-таки лишь после того как о своем положении доложил каждый комбриг, — только тогда по-настоящему была осознана серьезность ситуации и та опасность, перед которой оказался Израиль в первом же месяце своего существования.

Командующий Северным фронтом Моше Кармел открыл совещание докладом о положении на севере страны. "Боевые подразделения, — сообщил Кармел, — доведены до полного истощения сил. Каждый батальон потерял убитыми, по меньшей мере, человек сто, и численный состав батальона сильно сократился". Огневая мощь арабов увеличилась, и Кармел выразил опасение, что его бригада будет вынуждена ограничиваться ночными действиями и партизанской войной, если не получит подкрепления. "На Дженинском фронте, — добавил Кармел, — мы стоим под непрерывным артиллерийским обстрелом и нас атакуют с воздуха. Если противник использует свою огневую мощь как прикрытие для наступления пехоты, мы не сумеем устоять".

Аналогичным образом рапортовал генерал Дан Эвен, командир бригады Александрони. "Подразделения находятся на грани кризиса. Основные причины — усталость и постоянная нехватка всех видов снаряжения. Были случаи, когда бойцы бригады шли в бой в пижамах. Были бойцы, возвратившиеся с фронта в нижнем белье и получившие обмундирование лишь спустя три недели". Дан Эвен добавил, что по-прежнему остро ощущается нехватка оружия.

В отчете о положении в Негеве Нахум Сариг отметил, что тамошние поселения находятся на грани развала. "Они подвергаются артиллерийскому обстрелу ночью, а днем еще и нападением с воздуха". В Негеве солдаты не выходят из непрерывающихся боев, обучать их некогда. Есть подразделения, личный состав которых семь месяцев не получал отпуска.

Отчеты продолжались в том же мрачном духе. Шалтиэль говорил о слабости своих людей в Иерусалиме из-за нехватки продовольствия и отметил, что большая часть его пехоты полегла в Гуш-Эционе и Неве-Яакове. В двух пехотных батальонах, защищающих сейчас Иерусалим, более 600 раненых и много убитых. Он добавил: "Первые контакты с противником после объявления о прекращении огня мы имели с британскими офицерами Арабского легиона. Они рассчитывают добиться падения Иерусалима путем продолжительной осады. Город обстреливали более пятидесяти орудий, в том числе 100-фунтовые пушки".*

Но самые печальные отчеты дали командиры Пальмаха. Пальмах в большей степени, чем все остальные, принял на себя тяжесть боев. Теперь его части были усталы и истощены. Бригада Харель доложила, что в двух ее батальонах, дислоцированных в Иерусалимских горах, 220 человек убито и 617 ранено. 200 уцелевших валяются с ног от усталости. Муля Коган из бригады Ифтах сообщил следующие цифры: 250 убитых и 300 раненых, которые до сих пор лежат в госпиталях.**

* Генерал Глабб утверждает, что пушек, обстреливавших еврейский Иерусалим, было значительно меньше.

** Согласно докладу Игаэла Ядина, начальника оперативного отдела генштаба, комбриги в своих отчетах рисовали слишком мрачную картину. Командиры бригад испытывали психологическую усталость и хотели получить побольше солдат для своих фронтов. Отсюда подчеркивание трудностей. По мнению Ядина, в заседании отразилась реакция на шок первых дней войны, от которого не все командиры еще оправились. Возможно, что эта его оценка до известной степени верна. Но даже если имели место преувеличения, факты, зафиксированные в отчете касательно количества потерь, говорят сами за себя.

Вот каким было положение дел в момент прекращения огня. Жестокая правда состояла в том, что войска находились на грани развала.* Они нуждались в оружии и снаряжении. Солдат надо было обучить. Необходима была дополнительная мобилизация. Требовалось восполнить запасы продовольствия и боеприпасов в изолированных поселках, но прежде всего в Иерусалиме. У израильтян был месяц передышки — месяц, в течение которого, по условиям перемирия, ни одна сторона не имела права делать что-либо дающее ей военное преимущество. Ни одна сторона не имела права доставить в Эрец Исраэль пополнение солдатами или вооружением. Иерусалим разрешалось снабдить провиантом и водой на четыре недели — и это все. Такими были условия, установленные посредником Организации Объединенных Наций графом Бернадоттом. Но израильское главное командование не могло, конечно, смириться с такими условиями: соблюсти их было смерти подобно. Если в этот короткий отрезок времени армия не успеет реорганизоваться, увеличить численность и обеспечить себя дополнительным вооружением и снаряжением, она в случае возобновления боев долго не продержится. Кроме того, операции по закупке вооружения были в полном разгаре. Семь судов с грузом артиллерии и стрелкового оружия — первые достижения агентов "Арехеша" за границей — уже достигли берегов Израиля. Теперь, после провозглашения прекращения огня, израильское командование не намеревалось прерывать эти операции, поскольку судьба молодого государства висела на волоске. Таким образом, без всяких угрызений совести отдавались приказы по расширению мобилизации и стимулированию репатриации молодых евреев при-

*В месяц вторжения погибло 1176 человек, из них 876 военнослужащих. Потери убитыми до 11 июня составили — по бригадам: Кармели — 266, Харель — 310, Ифтах — 159 и Эциони — 430.

званного возраста, и новые делегаты отправлялись за границу, чтобы добыть побольше оружия.

На заседании генштаба уже были даны первые ответы на требования командиров. "В ближайшие дни 3000 юношей в возрасте семнадцати лет будут направлены в тренировочные лагеря", — объявил начальник кадров отдела ЦАХАЛа Моше Цадок. Игаэл Ядин сообщил на заседании, что ружей уже имеется на сорок батальонов для солдат второй линии и членов кибуцов.

Это оружие, без которого Израиль бы не выстоял, было добыто окольными путями. Мы уже описывали (в четвертой главе), каким образом Авриэль и Орон установили первые связи в Чехословакии с целью приобретения винтовок и пулеметов. Теперь следует более внимательно присмотреться к этой стороне войны — закупке оружия для израильтян, потому что это неотъемлемая часть событий той эпохи.

После того как Авриэлю во время его первой миссии в Чехословакию удалось закупить 10 000 винтовок и 450 пулеметов, он возвратился в Тель-Авив за новыми инструкциями. Срок мандата еще не истек, и оружие приходилось провозить в страну тайком. Тем не менее распоряжения Бен-Гуриона были ясные и четкие: "Возвращайся в Европу и купи танки, пушки, самолеты. Они нам требуются больше всего".

Так, когда срок мандата истек, Хагана была уже готова к доставке в страну более тяжелых видов оружия. Еще не было провозглашено создание нового государства, а судно с вооружением уже прибыло в Тель-Авив. Вдобавок к винтовкам и пулеметам было доставлено пять первых орудий для новых артиллерийских войск, легкие полевые 65-миллиметровые пушки.* В течение двух недель пришли еще два судна,

*У израильтян уже было около 20 зениток марки "Испано-Сюиза", которыми, за неимением лучшего, пользовались и для борьбы против танков, но это было малоэффективно.

тоже с орудиями, в том числе с несколькими 75-миллиметрового калибра, но они не могли равняться с английскими 25-фунтовыми пушками легиона, иракцев и египтян.

Не менее неотложной была нужда в истребителях, чтобы нейтрализовать преимущество арабов в авиации. Единственные самолеты, имевшиеся у израильтян, были "Тайгер-Моты". Чехословацкое правительство было готово продать Израилю самолеты и оказать также другую помощь. 20 мая Хагане был предоставлен чехословацкий военный аэродром, который в продолжение трех месяцев служил главной базой Хаганы в Европе для переброски в Израиль самолетов с вооружением и боеприпасами. Началась операция "Баллак": разобранные "Мессершмидты", пулеметы среднего калибра "Ваза" и другое оружие перебрасывалось на транспортных самолетах "Дакота" и "Командо" в Израиль на аэродром в Акире. Не все вооружение поступало от чехов; много оружия и боеприпасов приобретали в Соединенных Штатах, где Хаим Славин — в прошлом один из руководителей военной промышленности Хаганы — создал высокоэффективную закупочно-транспортную организацию. Самолеты, пилотируемые главным образом еврейскими летчиками, служившими во время войны в британских военно-воздушных силах, в американской и южноафриканской авиации, перелетали на Корсику, заправлялись там и продолжали свой путь в Израиль. Когда Соединенные Штаты убедили Францию запретить посадку на Корсике, израильтяне получили право транзитного перелета в Югославию.*

У чехов не было никаких колебаний в отношении продажи оружия израильтянам, несмотря на строжайшее эмбарго, наложенное ООН на снабжение оружием

* Кроме Чехословакии, Израиль получал оружие также из Франции, в том числе пушки, танки и пулеметы.

стран Ближнего Востока. Они занимали безусловно нейтральную позицию, поскольку в равной степени снабжали оружием и арабов. Сирийская делегация во главе с Фавзи Салу и майором Фуадом Мардемом, племянником бывшего сирийского премьера, прибыла в Чехословакию незадолго до израильтян и подписала контракт на закупки оружия на 11 миллионов долларов. Она приобрела 8000 винтовок, 10 миллионов патронов, ручные гранаты и взрывчатку. С этой оружейной сделкой связан один из самых драматичных эпизодов войны в Эрец Исраэль, так как люди Хаганы прослышали про контракт и получили приказ из Тель-Авива любой ценой предотвратить доставку этого вооружения в Сирию.

В начале 1948 года закупленное арабами оружие было погружено на судно, стоявшее на Дунае. На первом этапе перехода в Адриатическое море судно бросило якорь в братиславском порту на том же Дунае. Поджидавшие его там люди Хаганы подкупили портовых чиновников, чтобы те как можно дольше задержали судно. Это было первое препятствие, но Фуад Мардем с ним все-таки справился, и партия оружия, хотя и с запозданием, прибыла в маленький порт на Адриатике возле Риеки (Фиуме), откуда ей предстоял путь в Бейрут. Но и здесь порт был "подготовлен", и груз задержан. Затем, во время перегрузки оружия на итальянское судно "Лино" группе еврейских партизан из организации Тито удалось подменить часть винтовок в ящиках устарелыми и негодными к употреблению ружьями.

В конце концов Мардем вывел свое судно в море, и уже казалось, что его дело сделано. Но ему не повезло. Корабль попал в шторм и был вынужден искать укрытия в порту Бари. Об этом узнали Мардор, Арази и Ада Серени — трое из Хаганы, отвечавших за эту операцию. Лишь только судно бросило якорь в Бари, гавань потряс мощный взрыв, и "Лино", корабль

водоизмещением в 450 тонн, перевернулся и затонул. "Человек-амфибия" — боец Пальмаха — подорвал судно с помощью самодельной мины. Порт Бари в то время обмелел, а оружие было упаковано в водонепроницаемые ящики. Поднять их со дна не было проблемой.

Теперь Мардему пришлось искать другое судно для доставки своего груза к цели. Оказалось, что это сложнее, чем он предполагал. Итальянским судовладельцам не хотелось брать на себя риск, связанный с этим грузом; некоторые из них были тайно предупреждены Арази, что судьба "Лино" может постигнуть любое другое судно, которое возьмет в трюмы оружие. Вторжение в Эрец Исраэль было в это время в разгаре, и Мардем получал телеграммы с настойчивыми требованиями немедленно слать оружие, в котором крайне нуждались сирийские войска. В конце концов, когда Мардем уже было отчаялся, ему предложил свои услуги капитан итальянского судна "Альджиеро". Мардем возликовал. Он, конечно, не знал, что двое из экипажа "Альджиеро" — ветераны Алии Бет и люди Арази. Оружие спешно погрузили, и в начале августа судно отплыло в Бейрут. Но оно не дошло до места назначения. Люди Хаганы в команде "Альджиеро" помогли израильскому кораблю задержать судно неподалеку от Додеканезских островов. Оружие и команда были доставлены на борт израильского корабля; и "Альджиеро" затонула. Эта партия оружия была важным пополнением арсенала израильских войск накануне военных действий против египтян, запланированных на осень 1948 года (см. двенадцатую главу).*

*После войны сирийский военный трибунал объявил Фуада Мардема виновным в измене делу арабов. Его обвинили в продаже оружия сионистам. Он был приговорен к смерти, но прежде чем приговор привели в исполнение, сирийское правительство было свергнуто полковником Хусейном Заимом, и Мардема освободили.

При добывании оружия Хагана использовала много необычных путей. Доставка самолетов "Бофайтер" из Британии, приобретение трех "Летающих крепостей" в Соединенных Штатах, перегон истребителей "Спитфайер" из некоторых европейских стран — все это были опасные задачи, но это тема для другой книги.*

Несмотря на прекращение огня и строгий международный запрет, наложенный на ввоз оружия в страны Ближнего Востока, много военного оборудования прибыло в Израиль в течение этих четырех недель. Однако приобретение оружия было лишь одной из проблем, занимавших израильское командование. Значительную часть времени отнимали внутренние разногласия, которые теперь обнажились с особой силой. После того как Израилю удалось приостановить продвижение вторгшихся арабских армий, он внезапно оказался в тисках внутреннего кризиса, скрываемого от непосвященных. Вся страна ничего не знала об остром столкновении в руководстве, приведшем правительство и генеральный штаб в состояние тяжелого кризиса.

Прежние разногласия в главном командовании Хаганы более или менее уладились, как об этом было рассказано выше. Галили был возвращен на свой пост в качестве заместителя министра обороны, но без

* "Летающие крепости" перегоняли через Пуэрто-Рико и Азорские острова. После многочисленных злоключений и больших волнений самолеты достигли базы Хаганы в Чехословакии. На последнем этапе перелета в Израиль "Летающие крепости" бомбили Каир. Операцию возглавлял американский еврей летчик Курц, который погиб в 1952 году при пилотировании "Москито" военно-воздушных сил Израиля. "Спитфайеры" приходилось перегонять по трассе длиной 2200 км. Максимальная дальность полета "Спитфайера" (без дополнительной заправки) равнялась лишь 1000 — 1100 км. Однако конструкторам Хаганы удалось приспособить баки "Спитфайеров" к достаточному для длинного перелета количеству горючего. Из пяти "Спитфайеров", вылетевших по этой трассе, только три достигли финиша без заправки. Два других были вынуждены пойти на посадку на Родосе из-за нехватки горючего.

исполнительных полномочий. Казалось, что работа главного командования протекает без помех. На деле же общая ситуация в генштабе стала весьма запутанной. Положение Галили становилось все более и более туманным. Дори превратился в символическую фигуру. Подлинным верховным командующим был Бен-Гурион. Он все решал. Его разрешение требовалось на любой шаг оперативного характера — большой и малый. Даже переброска роты солдат или минометов с фронта на фронт была возможна лишь с личного разрешения Бен-Гуриона. Работники генштаба, особенно начальник оперативного отдела Игаэл Ядин, зачастую не разделявший мнений Бен-Гуриона в важных вопросах военной политики, выказывали все усиливающееся недовольство. Таким вопросом была проблема Иерусалима. Бен-Гурион продолжал настаивать, что лучшим способом обороны всей страны является сосредоточение всех сил для обороны Иерусалима. А в генштабе пока что придерживались противоположного мнения: Иерусалим будет спасен, если сначала будет обеспечена безопасность остальных частей страны.

Теперь эти разногласия выявились с особой силой. Армия реорганизовывалась. Вместо прежних десяти бригадных командований, армия и страна были поделены на три фронта. Появилась необходимость в назначении командующих фронтами. Бен-Гурион воспользовался этим, чтобы вернуться к милой его сердцу идее: передать руководство войсками бывшим офицерам регулярной британской армии вместо командиров Хаганы, с их партизанской выучкой. Он сообщил генеральному штабу, что намеревается назначить двух бывших офицеров британской армии Мордехая Маклефа и Шломо Шамира командующими Центральным и Южным фронтами.

Сообщение это встретило резкое сопротивление нескольких работников генштаба, в особенности Ядина и Галили. Ядин предложил назначить командующим

Центром Игала Алона, проявившего себя одним из самых способных израильских командиров, Авидана — командующим Югом и Кармела — командующим Севером. Ядин не соглашался и с порядком очередности, установленным Бен-Гурионом для разных фронтов. Но Бен-Гурион отклонил аргументы Ядина. Он требовал, чтобы главное командование согласилось с его решениями. Ядин ответил, что уйдет в отставку. И когда Бен-Гурион отказался изменить свое решение, Ядин вместе с остальными начальниками генштаба встали, объявили о своей отставке и покинули заседание.*

Эта история была куда серьезней прошлых осложнений в генштабе, связанных с Галили. Разрыв слишком углубился, чтобы его можно было легко устранить.

*В своем интервью "Маариву" от 14.5.67 Ядин описывает свою отставку в следующих словах: "Мы, выросшие в Хагане офицеры, высоко ценили наших активистов, служивших в британской армии, но я считал, что у таких людей, как Игал Алон, Ицхак Рабин, Моше Кармел и Шимон Авидан, не прошедших британской службы, больше опыта и способности возглавлять военные операции, нежели у части — я подчеркиваю — части старших офицеров ЦАХАЛа, служивших в Еврейской бригаде.

Поскольку назначение командующего Центром было связано с назначением командующих остальными фронтами, я усматривал в этом принципиальный вопрос большого значения. И я заявил тогда Бен-Гуриону, что, если назначение получит рекомендованный им человек, я уйду со своего поста, и моему примеру последуют почти все начальники отделов генштаба. Сегодня я признаю, что, без сомнения, окончательное решение в таком вопросе остается целиком за главой правительства и министром обороны. Формально нельзя, вероятно, оправдать тогдашнюю мою позицию и позицию моих товарищей. Все это случилось перед окончанием первого прекращения огня. И тут возникла единственная в своем роде ситуация в истории Освободительной войны: Бен-Гурион фактически заявил правительству, что и он уходит в отставку. В генштаб он так и не заходил, а мы сидели и разрабатывали крупную операцию, на которую в свое время получили санкцию Бен-Гуриона. Цель этой операции, окрещенной нами "Лар-Лар" (сокращение от Лод-Рамла-Латрун-Рамалла), было добиться освобождения дороги в Иерусалим окольными путями".

1 июля Бен-Гурион получил официальное письменное заявление об отставке от Игаэла Ядина и письма с критикой создавшейся ситуации от Аялона, Цадока, Бен-Гура и других генштабистов. Галили написал аналогичное письмо Бен-Гуриону и членам правительства. Назавтра Бен-Гурион поднял этот вопрос перед правительством, намекнув, что в армии вспыхнул политический мятеж. Правительство создало министерскую комиссию во главе с министром внутренних дел Ицхаком Гринбоймом для расследования разногласий, приведших к такому положению вещей.*

Рассмотрению был подвергнут широкий круг вопросов, в том числе провал под Латруном, дело Тувьянского,** сепаратистские тенденции Пальмаха,** но прежде всего — положение в генеральном штабе и место Бен-Гуриона в нем. Кое-кто из вызванных отвечать на вопросы комиссии были уверены, что ее цель — "рассчитаться" с Бен-Гурионом и лишить его верховной власти.

В действительности комиссия обследовала весь метод ведения войны. Многие ее заседания проходили в напряженной и драматической обстановке, Ядин был особенно откровенен и критиковал постоянное вмешательство Бен-Гуриона в тактические вопросы. Но главным камнем преткновения в их отношениях была проблема Иерусалима. Ядин рассказал комиссии о

*Остальные члены комиссии: Моше Шертук (Шарет), Пинхас Розенблит (Розен), Аарон Цизлинг и Моше Шапиро.

**Тувьянский был офицером Хаганы, ответственным за военный лагерь Шнеллера в Иерусалиме. Его ошибочно обвинили в передаче информации врагу. Он был осужден и расстрелян. Впоследствии после тщательного расследования он был признан невиновным.

***Комиссия сделала упор в своем расследовании на вопиющем приказе подразделениям Пальмаха подчиняться только пальмаховскому штабу. Бен-Гурион утверждал, что для Пальмаха это было в порядке вещей и что приказ был утвержден Галили. Галили же отвечал, что старшие офицеры Пальмаха не были авторами этого приказа.

своих усилиях отсрочить наступление на Латрун хотя бы на несколько дней. По его мнению, такая отсрочка повела бы к победе вместо поражения.

О новых назначениях Ядин сказал, что Бен-Гурион не считался с рекомендациями генштаба и предпочел ветеранам Хаганы бывших офицеров регулярной службы. Галили и Цви Аялон поддержали Ядина. О распоряжении Бен-Гуриона предварительно согласовывать с ним все назначения на должности выше лейтенанта они отозвались как о ненужном централизме. Аялон говорил с горечью об отсутствии у Бен-Гуриона доверия к ветеранам Хаганы и прочил провести четкое разграничение полномочий между Бен-Гурионом и Галили, чтобы Галили дали на деле выполнять свои функции начальника штаба.

Бен-Гурион во время этих обсуждений держался совершенно спокойно. Ядину он ответил коротко и резко. По его мнению, бои за Латрун завершились не поражением, а победой. Бои уменьшили нажим на Иерусалим в момент, когда его опорные пункты едва держались. Он оправдывал свое "вмешательство" в оперативные вопросы тем, что это вмешательство само доказало свою пользу в ходе войны. Лишь в двух случаях он согласился с доводами противной стороны на этот счет и потом сожалел, что и тут не настоял на своем.

Тем временем драгоценные дни передышки уходили и растрчивались впустую. Создалось странное положение. Генеральный штаб продолжал бесперебойно работать и планировать военные операции, хотя весь его состав подал в отставку. Вместе с тем в сложившейся неопределенной обстановке невозможно было принять какие-либо решения. Однако во всех остальных областях Бен-Гурион по-прежнему осуществлял свою власть министра обороны. Теперь он бесповоротно решил осуществить свою программу преобразо-

вания вооруженных сил в регулярную армию по британскому образцу.

Бен-Гурион издал новые приказы: армия получит стандартную форму, офицеры — знаки различия; в зависимости от званий будут разные оклады; будут созданы офицерские столовые; военная полиция позаботится, чтобы эти приказы были выполнены. Разница по сравнению с равноправием времен партизанской войны была огромная. Привыкать к ней было мучительно. И пока реформа была доведена до конца, она не раз сталкивалась с сопротивлением ветеранов Хаганы. Во многих пехотных полках бойкотировали офицерские столовые, и так оставалось до конца войны. Пальмаху разрешили сохранить свой отдельный штаб еще на некоторое время, но офицеры Пальмаха вынуждены были смириться с ношением знаков различия. Солдаты проходили интенсивное обучение. Были организованы курсы по освоению современных видов оружия. Многих солдат послали в офицерские училища и школы среднего командного состава, а новобранцы, в том числе многочисленные новые олим и добровольцы из-за границы пополнили потрепанные боевые подразделения. Таким образом, за короткое время, оставшееся до конца перемирия, армия превратилась в боеспособную, хорошо организованную и эффективную силу; так, по крайней мере, казалось, по сравнению с тем, каково было положение вещей на 14 мая.

Параллельно этой энергичной деятельности комиссия Гринбойма продолжала свои расследования и обсуждения. С опасной быстротой приближался конец передышки. Ход совещаний вызывал в Бен-Гурионе растущее нетерпение. Утром 6 июля он направил председателю комиссии Ицхаку Гринбойму следующее письмо:

Дорогой Гринбойм —

Не хочу вмешиваться в деятельность комиссии, тем более — в свободу и образ ее действия. Мой долг,

однако, указать вам и вашим товарищам на факт, что это разбирательство правительственной комиссии в продолжение пяти дней не способствует ускоренному проведению важных мер перед концом передышки, если она через несколько дней закончится. Министерство обороны в данный момент сковано именно в отношении центральных и — по моему мнению — срочных мероприятий, послуживших поводом (по крайней мере, непосредственным) для разбирательства, которым занимается сейчас комиссия. Я думаю, совершенно необходимо, чтобы комиссия безотлагательно перешла к подведению итогов ее расследования и к выводам, потому что остались считанные часы и дни.

Организация двух важнейших фронтов задерживается — и мне трудно откладывать необходимые мероприятия на неопределенное время, и я не хочу также в данных условиях принимать окончательные решения. Нет у меня также права и возможности уклониться от ответственности, и я призываю вас и ваших товарищей как можно скорей представить свои рекомендации правительству.

В это время комиссия уже приняла решение. Осталось лишь сформулировать и подать его на окончательное утверждение остальным членам правительства. Среди прочего в этих предложениях имелись следующие пункты:

1. Правительство назначит узкий военный кабинет, который будет проводить заседания так часто, как потребуется, даже ежедневно. Военный кабинет примет решение об общем плане войны и об изменениях в плане и стратегии в зависимости от перипетий войны. После обсуждения в военном кабинете министр обороны или два члена кабинета могут потребовать обсуждения вопроса в правительстве.

Членам кабинета будет ежедневно представляться сводка, посылаемая министру обороны и начальнику генштаба.

В заседаниях кабинета участвуют управляющие делами, начальник генштаба и другие штабные офицеры — в соответствии с потребностями момента.

2. Министр обороны несет ответственность за все, что касается армии, ее содержания, обучения и контингентов; он устанавливает внутренний распорядок, программы снабжения, закупок и производства.

Министр обороны отвечает перед правительством за ведение войны. Ему принадлежат верховные полномочия в делах армии и войны: он определяет главные направления стратегии, имеет решающее слово в отношении важнейших операций и утверждает их планы. Он отдает распоряжения и приказы через управляющих. В случае необходимости, главным образом касательно военных действий, министр обороны дает указания начальнику штаба. Приказы начальнику штаба отдаются в письменной форме и доводятся до сведения управляющих в соответствии с их компетенцией.

Министр обороны назначает начальника генштаба с одобрения правительства.

Начальники отделов назначаются министром обороны по согласовании с начальником штаба.

Министр обороны утверждает командиров батальонов в их должности по рекомендации начальника штаба и назначает командиров бригад и командующих фронтами после совещания с начальником генштаба. Если последний противится назначению и заявляет, что не может нести за него ответственность, вопрос передается на решение военного кабинета.

В помощь министру обороны придаются два главных управляющих — военными делами и делами военного хозяйства.

3. Управляющий военными делами дает, с согласия министра обороны, указания об исполнении государст-

венных законов, касающихся армии, устанавливает порядок мобилизаций и внутренний распорядок в армии.

Управляющий военными делами отвечает за выполнение распоряжений министра обороны, осуществляет контроль над координацией между родами войск и бригадами и дает указания в рамках своих полномочий штабу и через начальника генштаба — его отделам.

Ему подчинены военный суд и военная полиция.

По всем вышеуказанным вопросам управляющий военными делами отчитывается перед министром обороны.

4. Управляющий делами военного хозяйства ведает бюджетом, закупками, производством и снабжением.

Управляющий делами военного хозяйства дает, с согласия министра обороны, указания к исполнению государственных законов, касающихся военного хозяйства.

Управляющий делами военного хозяйства заботится о размещении войск и удовлетворении их нужд, он отвечает за проведение конфискации, необходимых для нужд армии и ведения войны. По всем этим вопросам управляющий делами военного хозяйства дает указания через начальника генштаба соответствующим отделам генерального штаба.

Управляющий делами военного хозяйства отчитывается перед министром обороны; он отвечает за выполнение его распоряжений в пределах своих полномочий.

5. Начальник генштаба руководит работой генштаба и его отделов.

Начальник генштаба при посредстве соответствующих отделов разрабатывает военные планы, планы операций и военных действий и представляет их на утверждение министру обороны через управляющего военными делами.

Начальник генштаба отвечает за выполнение распоряжений министра обороны и управляющих делами в соответствии с их компетенцией.

Любые приказы отделам генштаба, всем родам войск и бригадам отдаются начальником генштаба. Он же ведает назначениями командиров до должности командира батальона по согласованию с управляющим военными делами.

6. Операции обсуждаются на встречах, проводимых по договоренности. Во встречах принимают участие: министр обороны, управляющий военными делами, начальник генштаба, начальник оперативного отдела штаба и другие офицеры, которых будут приглашать по мере необходимости.

Окончательное решение — в компетенции министра обороны. Министр обороны и управляющий делами не будут решать вопросов, находящихся в профессиональной компетенции генерального штаба и в рамках полномочий начальника генштаба.

Половина выводов комиссии была недвусмысленно обращена против Бен-Гуриона. Хотя окончательная рекомендация не называла никаких имен, было ясно, что на должность управляющего военными делами комиссия наметила Исраэля Галили. Это было четко заявлено Шаретом, когда комиссия обсуждала вопрос об управляющих делами. Шарет сказал:

”Мы обсуждаем сегодня тему, имя которой — Исраэль Галили. Исраэль Галили принесет пользу любому делу, которое окажется в его ведении. Есть традиция, и так было заведено, что будучи начальником штаба, он занимался всеми вопросами и приносил пользу во всем, чем занимался. Поэтому оправдано желание сохранить для него это поле деятельности ради пользы, которую он принесет”.

Однако Шарет воспротивился проектируемым функциям управляющих делами. ”Разумный организа-

ционный принцип состоит в том, что существует разделение функций между министерством и штабом, — заявил он и чуть-чуть завуалированно добавил: — если бы Галили годился на должность начальника штаба, положение было бы иным: но нельзя, чтобы были два начальника штаба. Если он годится на пост министра, — пускай будет министром и несет полную ответственность

Но глава правительства был не из тех, кто легко пасует перед своими критиками. Он отреагировал быстро и в характерной для него форме. Вечером 6 июля он послал комиссии следующее письмо:

”Ущерб, который может быть причинен военным усилиям и нашей молодой армии, вынуждает меня промолчать об обстоятельствах, связанных с заявлениями об отставке некоторых работников министерства обороны и обо всем, что за этим последовало.

Обсуждение, состоявшееся в комиссии, и предложения, внесенные некоторыми товарищами, устраняют меня из министерства обороны и временного правительства. Однако серьезнейшее положение, в котором мы находимся, обязывает меня, как и любого другого еврея, помочь, по мере сил, временному правительству в его главной задаче — поддержании безопасности, — и, насколько это в моих возможностях, я буду оказывать правительству поддержку, как если бы входил в него, и прежде всего в военных условиях.

Нельзя допустить, чтобы руководство военной кампанией и подготовкой к ней прервалось хотя бы на один день.

Если начальник генерального штаба не может вернуться к исполнению своих обязанностей и для вас окажется затруднительным назначить вместо него другого начальника генштаба, я предлагаю, чтобы вы возложили планирование военных действий на Игаэла Ядина, Иоханана Ратнера и Шалома Эшета (Фриц Эйзенштетер) с тем, чтобы Игаэл Ядин по-прежнему

оставался начальником оперативного отдела. Эти трое вместе с начальником интендантского отдела и начальником отдела людских ресурсов, образуют группу, которая под руководством правительства будет повседневно ведать приготовлениями и военными действиями.

Если вы тотчас не назначите другого министра обороны, я предлагаю, чтобы комиссия из трех членов правительства образовала военный кабинет, который совместно с вышеупомянутыми работниками генштаба будет ежедневно, начиная с сегодняшнего дня, обсуждать неотложные проблемы организации фронтов, мобилизации людских резервов, оснащения частей и планирования боевых действий.

Я предлагаю, чтобы начальник генштаба, либо три члена правительства, проконсультировавшись с начальником генштаба, немедленно назначили заместителя начальника генштаба, который будет координировать работы штабных отделов.

Я готов сотрудничать с тремя членами правительства в качестве советника, без права голоса, пока вы будете это считать полезным, и участвовать в заседаниях с работниками генштаба.

Эти упорядочения и обсуждения не терпят отлагательства. Надо немедленно назначить командующего Северным фронтом и командиров бригад, которые будут действовать там. Точно так же необходимо назначить командиров в бригадах, которым предстоит действовать между Тель-Авивом и Иерусалимом, поскольку мои назначения не были выполнены теми, кто обязан был это сделать; и надо немедленно разобраться с оперативными планами по Галилее, окрестностям Хайфы, Лоду — Рамле, Латруну, Иерусалиму, югу — и утвердить их.

Требуется уделить особое внимание береговой обороне Тель-Авива и, в еще большей степени, — Хайфы. Хайфа может стать одним из главных объектов араб-

ского наступления. Надлежит быстро мобилизовать все свободные людские резервы в этом городе. И надо позаботиться об усилении вооружения наших считанных военных кораблей и о противовоздушной обороне.

Я готов помогать и другому учреждению, если вы сочтете нужным утвердить другой порядок дел, чем предлагаю я. Буду помогать, бок о бок с вами, в любой желательной форме при условии, что на меня не будет возложено никакой официальной ответственности и что мой совет ни в каком случае ни для кого не будет обязательным.

Чтобы сэкономить правительству его драгоценное время, я прошу вас не предавать гласности предложения о структуре министерства обороны, если имеется в виду министерство обороны, которое я возглавляю.

Бен-Гурион

Письмо вызвало в комиссии замешательство и испуг. Отказ Бен-Гуриона принять на себя всякую дальнейшую ответственность по сути означал: "Попробуйте обойтись без меня". Шарет, делегированный к Бен-Гуриону на переговоры, не сумел даже поговорить с ним по-настоящему. Он рассказал комиссии:

"До беседы дело не дошло, потому что я нашел его в состоянии надлома. Возле него находился врач. Я, правда, попытался поговорить с ним, но не дошел до интересующего нас вопроса. Он начал говорить, что надо немедленно засесть вместе со штабом и кончить планирование. Я рассмеялся: "Кто сядет? — спрашиваю, — вы глава правительства или нет?" Отвечает: "Нет!"

По следующим отрывкам из отчета комиссии Гринбойма можно хорошо понять, какое впечатление оказала на комиссию угроза Бен-Гуриона уйти в отставку:

И. Гринбойм: У меня ощущение какого-то полного отката назад, как будто комиссия и не начинала, и не кончала, и все продолжается как было.

Если передышка продлится — продолжим и мы; если нет — мы полностью устранимся. Мой друг Цизлинг сказал об этом, что опасности с другой стороны не меньше, чем с этой.

М. Шапиро: Сомневаюсь, чтобы и тогда Бен-Гурион согласился.

А. Цизлинг: Если бы Бен-Гурион сказал нам, что это он принимает, что он все организует и принимает на себя всю полную ответственности, но не может взять на себя моральную ответственность; если бы он сказал: не могу взять на себя ответственность, но я не уйду из правительства — и остался бы, и участвовал бы советом, — я бы заявил: Бен-Гурион пришел к выводу, что он больше не в состоянии нести ответственность. Но в данном случае положение иное.

Совет, который вы даете, Гринбойм, это разрушение армии. В армии не куклы. Не было в армии мятежа. Это живые люди, люди с ответственностью, ответственностью за невыполнение заданий, которые выполнить невозможно. Нельзя этого принять. Иные говорят: Бен-Гуриона осуждают, не принимают его отставки, в таком случае мы должны согласиться с вариантом, который предлагает он, со всеми его советами. Но ни в коем случае он не должен уходить из правительства.

И. Гринбойм: Кто будет тот дурак, что возьмет на себя ответственность за советы Бен-Гуриона? Вы сделаете это?

Если бы Шерток мне сказал: я могу пожертвовать собой, потому что это самопожертвование — большая жертва, и я, то есть Шерток, беру на себя это вместе с Бен-Гурионом, и Бен-Гурион будет советником; я бы тотчас согласился. Но Шерток не готов на это.

М. Шерток: А вы что скажете?

И. Гринбойм: Предположим, что кто-нибудь из нас это скажет. Я предлагаю одно: пригласим Израэля Галили, Иоханана Ратнера и Игаэла Ядина и скажем им это.

Ф. Розенблит: Я предлагаю сказать ему, что мы принимаем все его предложения, кроме отставки, и вместе с тем заявляем, что, если он настаивает на своей отставке, уйдет все правительство. Надо поставить его перед этим серьезным фактом, следствием которого явится то, что правительство не сможет нести ответственность.

И. Гринбойм: Кто будет отдавать приказы и от имени кого?

А. Цизлинг: Либо Бен-Гурион возвращается к работе, либо Шертук принимает на себя эту функцию.

Удручающее обсуждение прервалось, когда Гринбойму принесли записку. Записка была от Бен-Гуриона. В ней комиссии сообщалось, что Бен-Гурион готов пересмотреть свое намерение уйти в отставку. Он готов согласиться с созданием "комиссии", составленной из Каплана и Гринбойма, которая будет работать при нем. Он не уточнял, в чем будут заключаться полномочия или задачи этой комиссии. Что касается комиссии Гринбойма, то ее предложения придется сохранить в тайне.

Однако предложение Бен-Гуриона само по себе кризиса не устраняло. Ситуация, сложившаяся между Бен-Гурионом и армейской верхушкой, не сдвинулась с мертвой точки. Поэтому, прежде чем принять компромиссное предложение Бен-Гуриона, комиссия поручила Гринбойму встретиться с некоторыми членами генштаба — Ядином, Ратнером и Алоном. Они сообщили ему о согласии подчиниться любому приказу правительства и не выходить в отставку даже в том случае, если этот приказ не совпадет с их точкой зрения. Гринбойм встретился с Галили и от него также получил заверения в верности приказам правительства. Гринбойм напомнил Галили, что тот может, по-видимому, оказаться "жертвой" и что Бен-Гурион включит в свои обязанности то, что до сих пор было обязанностями Галили. Галили заявил комиссии, что он готов

отказаться от своей должности, если это будет необходимо. Поскольку теперь была уверенность, что военные руководители примут любое решение правительства, комиссия Гринбойма согласилась с условиями Бен-Гуриона и попросила его вернуться и принять командование. Кризис миновал, и Бен-Гурион оправился от своей "болезни". Примирение сделалось более легким ввиду того, что Бен-Гурион пришел тем временем к соглашению с Ядином по вопросу о назначении командующего Центральным фронтом. Он согласился, что командующего фронтом не будет, а вместо этого Алона назначат командовать наступлением на Лод.* Это устраивало Ядина, и он отказался от своего требования назначить Алона командующим Центральным фронтом. По планам Ядина в это время, наступление на Лод должно было развиваться без перерывов и охватить также Латрун и Рамаллу. Таким образом, согласие Бен-Гуриона на кандидатуру Игала Алона в качестве командующего операцией было почти равносильно, с точки зрения Ядина, назначению последнего командующим Центральным фронтом, и он нашел этот компромисс вполне удовлетворительным. Бен-Гурион, в свою очередь, сказал позднее, что пошел на компромисс только потому, что его кандидат, Маклеф, отказался сам под предлогом, что пока еще не готов к ответственности такого рода.**

*Операция "Дани" (9 -- 19.7.1948).

**Об этом компромиссе Ядин рассказывает в своем интервью "Маариву": "За несколько дней до окончания первой передышки, когда уже ясно было, что она кончается, я пошел к Бен-Гуриону, который лежал из-за простуды, и попытался прийти к решению. Мы оба понимали, что враг не будет считаться с создавшимся у нас внутренним положением. Под конец нашелся компромисс: Игал Алон будет командовать операцией "Лар-Лар" без всякой немедленной связи с вопросом о его назначении на пост командующего Центральным фронтом, и так родилась операция "Дани", по имени Дани Маса, возглавлявшего отряд Тридцати пяти, который шел в Гуш-Эцион. От "Лар-Лара" остался, правда, только один "Лар": Лод - Рамла. Приказ был дан Игалу Алону и его штабу, и операция была выполнена".

В течение всех дней прекращения огня израильская общественность даже не догадывалась о кризисе в верховном командовании, потому что ни одна из отставок не была оглашена. Вместо этого общественное мнение сосредоточилось на объединении вооруженных сил, роспуске раскольничьих организаций (Эцель и Лехи) и превращении вооруженных сил Израиля в регулярную армию обычного типа. Страсти бушевали, и много громких слов было произнесено по поводу роспуска организаций раскольников, однако Бен-Гурион действовал с неумолимой последовательностью. Когда во время передышки Эцель сделал попытку провести свой корабль с оружием* и отказался передать груз временному правительству, Бен-Гурион приказал солдатам открыть по судну огонь. Он твердо решил, что "частных" войск в Израиле не будет.

Инцидент с "Альталеной" он хотел использовать, чтобы упразднить прежнее соглашение с Эцелем, в соответствии с которым члены этой организации войдут в ЦАХАЛ обособленными подразделениями и под командованием своих командиров. Лишь в районе Иерусалима остались самостоятельные отряды Эцеля и Лехи, которые были распущены в сентябре, после убийства посредника ООН графа Бернадотта.

В свое время Бен-Гурион принял меры, чтобы подчинить Пальмах центральной власти. В выступлении перед комбригами на сессии главного командования 11 июня Бен-Гурион намекнул на это, сказав, что он "крайне встревожен фактом отсутствия дисциплины. Из-за отсутствия дисциплины мы потеряли, по меньшей мере, две позиции. Мы могли освободить Иерусалим целиком и дорогу на Иерусалим, и, возможно, овладели бы также Рамлой и Лодом (см. одиннадцатую главу),

*"Альталена", отплывшая из французского порта, везла главным образом легкое оружие. На ее палубе находилось множество сторонников Эцеля из европейских стран, в том числе один отряд из Великобритании.

если бы мы были единой армией, а не разрозненными отрядами, и сражались бы по единому стратегическому плану”. В этом вопросе он был непреклонен. Но никогда он не пытался поставить Пальмах на одну доску с организациями раскольников; достижения Пальмаха, его политические и общественные установки были совершенно иные.

Так, невзирая на напряженность, жесткие слова и натянутые отношения, Бен-Гурион добился своего. Он сделал только одну уступку — в вопросе новых назначений командующих фронтами. Центральный фронт (где предполагалось главное наступление) был отдан под начало Игала Алона, вместо бывшего офицера британской армии, которого поддерживал Бен-Гурион. И во время войны, вскоре возобновившейся с удвоенной силой, у Бен-Гуриона не было никаких причин раскаиваться в своей уступке.

Тем временем и в арабском стане происходили потрясения, не менее важные с точки зрения политической и организационной. Сразу после вступления в силу соглашения о прекращении огня начальник иракского штаба, генерал Саид эль-Джабури отправился в длительную поездку по линии фронта. Возвратившись в Багдад, он изложил свои выводы в пространном отчете, представленном министру обороны Ирака. Его замечания весьма поучительны, потому что, как и отчеты израильских комбригов, приведенные в этой главе, то были заключения военного, который объездил зону боевых действий сразу после прекращения огня. Доклад был секретным, без самооправданий и пропаганды — чисто деловой отчет. Генерал начинал изложение словами:

Арабские силы, действующие в Палестине, могли бы добиться куда более внушительных результатов, несмотря на свою малочисленность, если бы были выполнены следующие условия:

а) полное признание авторитета объединенного командования и добросовестное выполнение его приказов всеми арабскими войсками;

б) полное осуществление всех обязательств, возложенных на каждую армию по планам, разработанным до вторжения;

в) полное осуществление этих планов вместо их изменений буквально в последнюю минуту по неясным для нас причинам;

г) оставление нерегулярных сил (сил Каукаджи и других) в тех районах, где они действовали в течение многих месяцев – вместо их отвода в Сирию в момент, когда они были в высшей степени необходимы при вступлении в действие арабских армий.

Указанные причины привели к тому, что мы не добились в прошлом месяце более благоприятных результатов.

Он продолжает свой отчет предостережением министру обороны, что евреи безусловно приложат все усилия, чтобы приготовиться к возобновлению боев. "Арабы должны последовать их примеру", – твердит генерал. Арабам надлежит:

Ввести крупные силы разных родов, чтобы раз и навсегда подавить врага: заготовить снаряжения, оружия и боеприпасов в достаточных количествах для длительной войны... Добиться полного взаимодействия всех участвующих арабских войск по всему театру военных действий; сформировать "нерегулярные" подразделения из палестинцев и арабов других стран; организовать отправку добровольцев из других мусульманских стран, поддерживающих дело арабов.

Доклад был написан 15 июня 1948 года. У арабов был еще месяц передышки. Аналогичные отчеты и рекомендации поступили от командующих другими арабскими армиями. Глабб, например, рассказывает: "Как только стало вырисовываться прекращение огня, я отправился на свидание с главой правительства. Я

указал на наше опасное положение; подчеркнул большие потери и нехватку резервистов. Спросил, предпримет ли он дополнительную мобилизацию, чтобы облегчить наше положение, если бои возобновятся”.

Но, как это было особенно подчеркнуто Эль-Джабури, более всего требовались единое командование и единый координированный план действий. В попытке добиться этого иракская делегация (куда входил и Эль-Джабури) и король Абдалла посетили Каир через некоторое время после начала затишья.

Иракская делегация вернулась ни с чем. В своих усилиях восстановить объединенное командование, она предложила египетскому военачальнику пост верховного командующего арабскими вооруженными силами. Но и это не помогло. Вместо ясных ответов Нукраши стал колебаться, мямлить и изворачиваться. В начале перемирия он заявил иорданскому премьеру Туфику Абу эль-Гуде, что воспротивится возобновлению боев. Неделью спустя он отвечал иракцам и Абдалле общими словами и избитыми риторическими фразами, а к концу передышки перевоплотился в самого экстремистского из всех арабских руководителей и с пеной у рта требовал немедленного возобновления военных действий.

Стремление арабов использовать месяц передышки для реорганизации и согласования единого военного плана потонуло в пучине пустопорожних политических разговоров. Это причинило серьезнейший ущерб Абдалле и Арабскому легиону. Легион понес тяжелые потери; он страдал от нехватки боеприпасов. В большой степени в этом была вина египтян. В начале мая англичане согласились поставить легионерам значительное количество боеприпасов, и они были отпущены им с английских военных складов в зоне Суэцкого канала, погружены в Суэце на судно и должны были идти в Акабу. Но как только судно вышло из порта, его настиг военный катер египетского правительства и

приказал вернуться в порт. Там египетские солдаты перегрузили боеприпасы на грузовики и укатили. Британский штаб через некоторое время сообщил Глаббу об инциденте, но боеприпасов иорданцы не получили, несмотря на все протесты.

Инцидент этот ярко свидетельствует, что главной целью египтян при вступлении их в войну было мешать Абдалле, насколько это возможно, и не дать ему присоединить к своему королевству слишком большой кусок Эрец Исраэль. Некоторое время спустя англичане согласились отправить Арабскому легиону другое судно с оружием и боеприпасами, но прежде чем он успел отчалить, было объявлено о прекращении огня, и наблюдатели ООН предотвратили его отплытие.

Во время своего визита в Каир Абдалла пытался вернуть себе конфискованное оружие, но он не преуспел и в этом, как не преуспел в достижении других своих целей:

Когда я спросил Нукраши-пашу, каковы намерения Египта, он меня заверил, что Египет верен делу и намерен продолжать борьбу вплоть до полного успеха. Я отправился во дворец и в качестве верховного командующего выразил желание посетить главный штаб египетского командования в Палестине; мне, однако, дали понять, что это невозможно, поскольку Его Величество король (Фарук) сам еще не посетил фронта. Я тут же высказал мнение, что желательно, чтобы Его Величество посетил Иерусалим; но мне было сказано, что полет в Иерусалим связан с риском. Когда я на это ответил, что можно устроить путешествие морем из Суэца в Акабу и оттуда в Амман, появились другие возражения. А ведь такой визит дал бы нам возможность овладеть всем Иерусалимом силами трех соединенных армий в присутствии королевских особ: иракского регента (Абдель Иллы), Его Величества короля Фарука и в моем присутствии. Итак, я не сумел добиться ни возврата конфискован-

ных боеприпасов, ни реализации благоприятной возможности использовать в полную силу преимущества объединенного командования. Мне не удалось убедить Его Величество следовать на деле общим целям объединенного командования. Армии четырех стран фактически не были подчинены заместителю верховного командующего, генералу Нур эд-Дину (Махмуд)-паше, который командовал иракскими войсками и отвечал за все вооруженные силы.*

Абдалла не сумел ни добиться помощи для Иерусалимского фронта, ни получить боеприпасы. Он хорошо понимал, что его неудача ставит легион в трудное положение. Поэтому лучше отложить возобновление боев, пока не удастся доставить побольше оружия и боеприпасов и прийти к какому-нибудь соглашению в отношении единого стратегического плана. Абдалла понимал лучше любого другого арабского руководителя, что без этого могут провалиться все арабские усилия. Более того, легион был для него важнее даже территориальных притязаний. Он твердо знал, что его положение и авторитет в арабском мире зависят от мощи и эффективности его сражающихся войск. Поэтому он не хотел подвергать свою армию угрозе уничтожения. Отсюда его инструкции премьеру Туфику Абу эль-Гуде, отправившемуся в Каир на заседание Арабской лиги, — ни в коем случае не возобновлять боев, "пока армия не получит необходимого ей легкого и тяжелого вооружения". Сам Абдалла в это время предпринял поездку по столицам арабских стран, чтобы склонить арабских руководителей к согласию.

И на сей раз Абдаллу постигла неудача. Во время голосования на заседании Арабской лиги Туфик Абу эль-Гуда оказался в изоляции из-за утверждения о

* Абдалла, "Воспоминания Абдаллы, короля Трансиордании", стр. 240.

желательности отсрочки военных действий и поспешил присоединиться к большинству, чтобы на него не смотрели как на изменника общего дела. Остальные арабские руководители не были заинтересованы в новой отсрочке, так как в противоположность Арабскому легиону сумели использовать период прекращения огня. Иракцы увеличили число своих солдат более чем вдвое и теперь имели армию почти в 10 000 человек. Под видом отгрузок продовольствия и одежды иракцы перебросили в свои лагеря в Трансиордании и Эрец Исраэль одиннадцать больших транспортов с оружием, боеприпасами и военным оборудованием.* Часть боеприпасов позднее была передана Арабскому легиону, которому таким образом удалось пополнить свои арсеналы. Иракцы заняли также часть Центрального фронта, которую до того занимали легионеры.

Сирийцы провели крупную мобилизацию. Ливанцы получили под свое командование реорганизованную Арабскую армию спасения, сократившуюся из-за потерь и дезертирства до 2000 человек.**

Египтяне тоже хорошо использовали передышку. Прежде их войска не были готовы к войне. В первые недели кампании выявились многочисленные недостатки как в организации, так и в обучении. Теперь командиры египетской армии устранили эти недостатки: ввели интенсивные обучения и мобилизовали пополнение (в том числе добровольцев из Судана, впоследствии завоевавших репутацию лучших солдат египетской армии); закупили новое снаряжение для наземных и военно-воздушных сил.

Все эти приготовления возродили в арабских руководителях чувство уверенности. Они более не хотели

* Это обнаружила иракская парламентская комиссия, занимавшаяся изучением причин поражения арабов в войне.

** Многие иракцы, служившие в этой армии, ушли из нее и присоединились к регулярным иракским войскам: еще одно обстоятельство, из-за которого поредели ряды ААС.

состояния прекращения огня и не считались с предостережениями Абдаллы и с его мрачными предсказаниями. Решение о прекращении огня было принято в основном по политическим мотивам, а не из военных соображений. Арабская общественность в своих странах пребывала в иллюзии, будто арабские армии одержали победу в войне. Неделями заголовки арабских газет трубили о победах в крупных сражениях. Только прекращение огня, утверждали газеты, отняло у арабов полную и окончательную военную победу. Теперь народные массы в арабских странах с нетерпением ожидали возобновления военных действий в Палестине. Любая дополнительная отсрочка могла вызвать недовольство, брожение и, быть может, даже свержение правительств. В начале июля Арабская лига собралась в Каире, чтобы сформулировать ответ посреднику Организации Объединенных Наций, который добивался продления перемирия. Однако арабские руководители во главе с Нукраши-пашой единогласно постановили возобновить бои.

Незадолго до сессии Арабской лиги посредник граф Бернадотт опубликовал свои "пробные" предложения по урегулированию конфликта. Эти предложения вызвали возмущение как в Израиле, так и во всех арабских странах, кроме Трансиордании — поскольку граф предлагал передать ей Иерусалим. Он рекомендовал отдать Абдалле Иерусалим, который последнему не удалось захватить, несмотря на месяц упорных атак, а также Негев, где египтяне завладели сильными позициями.* Взамен Иерусалима граф предлагал отдать евреям западную Галилею, и без того уже находившуюся в их руках; что касается египтян, то им не обещалось никакой компенсации за Негев, который

*В заключительных рекомендациях, опубликованных в сентябре, Бернадотт добавил в список территорий для передачи Трансиордании города Лод и Рамлу.

должен был отойти к Абдалле. Программа содержала предложение сотрудничества между Израилем и Транс-Иорданией по всем вопросам экономики, внешней политики и обороны обеих стран. Хайфе предлагался статус свободного морского порта, а Лоду — свободного аэропорта.

Неудивительно, что этот план был немедленно отвергнут и евреями, и арабами. И те, и другие пришли к выводу, что граф Бернадотт — орудие британского империализма, и его рекомендации имеют целью под вывеской ООН осуществить английский замысел — передать Абдалле Негев и Иерусалим. Никогда достоинство и авторитет ООН в Израиле и арабских странах не пал так низко, как в те дни.

Посредник потерпел неудачу в своей миссии. Его предложения продлить состояние прекращения огня были отвергнуты арабами. Месяц передышки близился к концу. Проблема Эрец Исраэль снова решалась на поле боя. 8 июля — за 28 часов до истечения срока перерыва военных действий — египтяне начали наступление. Война возобновилась.

Глава одиннадцатая

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ВОЙНЫ: 8 – 18 ИЮЛЯ

Итак, египтяне нарушили резолюцию ООН о прекращении огня. Но и без того неопределенное положение "не мир, не война" не могло бы долго продержаться. Слишком много проблем, не решенных на первом этапе войны, повисло в воздухе, и это препятствовало урегулированию путем переговоров. Но самым существенным было мнение, укоренившееся в арабских столицах подобно религиозной вере: круги арабской общественности и — что поразительно — многие арабские руководители твердо уверовали, что первое прекращение огня отняло у них победу. Решение египтян покончить с передышкой и довести до конца начатое отражало настроения арабского мира. Опасения и сопротивление Абдаллы этого настроения не выражали.

Передышка коренным образом изменила положение. Ни одна сторона не соблюдала более чем для проформы требование Организации Объединенных Наций не увеличивать военный потенциал. В момент прекращения боев в июне в Эрец Исраэль было около 50 000 активных бойцов — арабов и евреев. Когда в июле бои возобновились, эта цифра подскочила до 110 000, но теперь изменилось соотношение сил. Израильская армия увеличилась с 20 000 человек до 60 000. Арабские войска также увеличились, но не до

такой степени; теперь они насчитывали в Эрец Исраэль около 50 000 человек.*

Разительно возросло и количество вооружения. Египтяне сумели обеспечить себя боеприпасами из английских арсеналов в районе Суэцкого канала. Артиллерии у них было больше и более крупного калибра — целиком английская. Британское правительство тщательно соблюдало решение об эмбарго на вооружение; но строгий контроль над гигантскими военными складами в зоне Суэцкого канала и Исмаилии был невозможен.

Однако и вооружение израильтян изменилось по сравнению с тем, что было месяц назад. Теперь у них было некоторое количество танков и пушек, много минометов и достаточно стрелкового оружия. Израильские силы были моторизованы и по сравнению с состоянием в предыдущих боях чрезвычайно повысили свою мощь. Это уже была армия, способная наносить серьезные удары.

Кончились долгие препирательства в израильском штабе. Бен-Гурион снял свое предложение назначить Шломо Шамира командующим Центральным фронтом и согласился с рекомендацией Ядина отдать этот пост Алону. Бен-Гурион согласился также избрать Лод в качестве первой цели израильского наступления. Ядин разработал соответствующие планы, в которые внесли кое-какие изменения после принятия Алоном командования за три дня до возобновления боев.

Обсуждение велось, чтобы выяснить, что более целесообразно, — и только. Алон хотел взять Лод и Рамлу, не подвергая себя опасностям лобовой атаки — подход,

*Цифры, относящиеся к израильской армии, включают и тыловиков — в генштабе, в учебных лагерях и снабжении, в то время как цифры, касающиеся арабов, относятся только к войскам на фронте. ЦАХАЛ насчитывал 59 150 солдат, из них 44 500 в бригадах и специальных родах войск (включая военно-морские силы).

который Ядин для данного случая одобрил. Новая расстановка сил в армии Израиля вывела на орбиту блестящее созвездие командиров, и они подготовили достойную их имени операцию. Это были Бен-Гурион, Ядин, Алон, Рабин, Муля Коган и Дан Ланнер. В военных талантах недостатка не было.

Они еще занимались штабными разработками, когда начали доходить глухие отголоски обсуждения в ООН и слухи о планах посредника предотвратить возобновление войны.* Израильский генштаб и в особенности штаб Алона относились к этим известиям, как к чему-то не заслуживающему внимания. Исход войны будет решен на поле брани, а не в Организации Объединенных Наций. Израильские командиры скрупулезно разрабатывали свои планы. Они не желали, чтобы их торопили, они извлекли урок из прежних своих ошибок, не обращали внимания на поток речей в ООН. Спустя две недели Ядин рассказал, что их оперативный план "основывался на предпосылке, что бои продолжатся значительно дольше десяти дней". У него были большие цели и далеко идущие намерения.

На севере израильтяне намеревались отеснить сирийцев за Иордан, прежде чем повернуть на Нацерет. В центре они собирались овладеть Лодом и Рамлой, чтобы затем использовать этот успех для удара в

* Активность графа Бернадотта сводилась к попыткам убедить обе стороны вступить в переговоры на острове Родос; но это приглашение основывалось на его рекомендациях от 27 июня, которые не могли быть приняты ни израильтянами, ни шестью из семи арабских стран, поскольку эти предложения в самой недвусмысленной форме играли на руку Абдалле с его претензиями на весь Иерусалим. Бернадотт в своем дневнике записал, что "многое зависело, разумеется, от позиции, которую в создавшейся ситуации заняла Англия. Можно было предположить, что благодаря своим тесным связям с арабами, англичане уже знали все о моем предложении. Можно было также с уверенностью полагать, что на арабские страны и особенно на Трансиорданию сильно повлияет совет, который дадут англичане". ("В Иерусалим", стр. 139).

общем направлении на Рамаллу, расширить иерусалимский коридор и, если не уничтожить легион, то подорвать его боеспособность, насколько это возможно.

Было решено прежде всего атаковать сирийцев, удерживавших предместное укрепление возле Мишмар-Хаярден на севере. В большой степени это была операция престижа — выбить сирийцев с израильской земли, но преподносилась она как профилактическое наступление с целью предотвратить попытку сирийцев расширить предместное укрепление. Легко догадаться, что Алону требовалось дополнительное время, так как задача, которую он на себя взял, была не из малых. Под его командованием были самые крупные силы, которыми до того располагал израильский командир — около 6000 человек. Его участок в операции "Дани" простирался от Тель-Авива до Иерусалима.

Общее руководство войсками, стянутыми для удара по сирийскому предместному укреплению, осуществлял Кармел. Наступление намечалось по всем правилам военной науки: внезапность, атака с тыла, неожиданный подход и ловушка противнику, окопавшемуся в Мишмар-Хаярден. Но на деле получилось не так. Приготовления носили эпизодический характер, бойцы впали в неоправданную самонадеянность, план сражения был недостаточно детально разработан; но главное — саперам не удалось навести переправу через Иордан, а без этого нельзя было захватить центральный объект — сирийскую таможенную. Удар израильтян не застал сирийцев врасплох: они заблаговременно подготовились. Кармел усилил атаку, но вынужден был отступить от первоначальной диспозиции. Потери увеличились. Сирийцам хорошо помогала их авиация.

Кармел делал все возможное, чтобы выбить сирийцев из их опорных пунктов. 14 июля на рассвете его силы предприняли еще одну атаку на сирийское предместное укрепление, но потерпели неудачу. Наступление на Мишмар-Хаярден было видоизменено в опера-

цию заслона, а продвижение на север задуманное как продолжение этого наступления, быстро передвинули в западном направлении, где потом действительно удалось преподнести противнику сюрприз.

Пока все внимание арабов в Нацерете и в центральной части Галилеи было сосредоточено на участке Саджры, где Каукаджи хотел нанести свой главный удар, с запада в их расположение вторглась 7-я бригада под командованием Хаима Ласкова и добровольца из Канады бригадного генерала Бена Дункельмана. Без особых затруднений она захватила Шефарам и Нацерет, а также большие деревни близ этого города. Среди них, например, Сефурию (деревня Ципори), искони служившую прибежищем мятежникам. В течение сорока восьми часов — незадолго до того как вторично, по требованию ООН, был прекращен огонь — израильтяне овладели Нижней и Центральной Галилеей. Как во время наступления на Латрун в мае, так и здесь самые важные незапланированные события произошли, когда израильтяне поняли, что военные действия вот-вот прекратятся. Но на этот раз 7-я бригада, которой всего лишь месяц назад так крепко досталось под Латруном, во всем блеске продемонстрировала свою силу и возможности.

Десять дней, чуть не приведшие поначалу к катастрофе на севере, а затем улучшившие положение в большинстве северных районов, кардинально изменили всю военную ситуацию в центре страны. Алон начал свой поход 9 июля. Бронетанковая часть под командованием Ицхака Саде прошла южнее Иегудии, за Лодом, в направлении еврейского Бен-Шемена по занятой арабами территории. Войска южного фланга — бригада Ифтах — двинулись из района Гезера, пересекли шоссе Тель-Авив — Иерусалим и соединились с частью Ицхака Саде в Бен-Шемене. Саде должен был захватить аэродром, а бригаде Ифтах при поддержке 82-го танкового полка предстояло двинуться на Лод. Кос-

венной целью этой операции было изолировать гарнизон Арабского легиона в Латруне.

Однако когда замысел Алона начал проясняться, Глабб разгадал это последнее намерение противника. Исходя из правильной оценки местности, Глабб выслал 1-й батальон легиона с танками на дорожный перекресток Бейт-Небалла, километрах в пяти к северо-востоку от Лода. Чтобы отразить эту угрозу своему флангу и тылам, 89-й десантный батальон, а также подразделения 40-й бригады были вынуждены отказаться от поставленной им задачи и войти в соприкосновение с легионом. 82-й батальон действовал в это время в Дир-Шарифе. 12 июля после полудня предпринятая недостаточно энергичная попытка проникнуть в лагерь Бейт-Небалла была отбита.

Израильтяне не поняли истинного намерения Глабба. Они полагали, что он ударит по основным силам Алона, чтобы ослабить израильский натиск на Лод, которому теперь угрожала бригада Ифтах. А Глабб главным образом беспокоился о защите своего фронта в Латруне от обходного маневра с тыла. На участке возле Лода он собирался провести лишь демонстрацию силы, чтобы не уронить арабский престиж. Но Алон не знал этого и бросил весь 82-й батальон в бой с Арабским легионом вместо того, чтобы оставить только прикрытие, которого безусловно бы хватило, чтобы не дать легиону продвинуться вперед.

Остальные наступательные операции продолжались согласно плану. Бригада Ифтах вступила в Лод, хотя приданные ей бронемашины не пришли. Комбриг столкнулся с затруднениями и запросил срочной помощи у 82-го батальона. Однако у 82-го батальона были свои проблемы в Бейт-Небалле, и призывы о помощи даже не дошли до него. Запрос был принят Моше Даяном, который командовал 89-м десантным отрядом джипов и танкеток в Бен-Шемене. Не объяснив, что его отряд отнюдь не 82-й танковый батальон, Даян

ответил, что явится немедленно. Он ворвался в Лод на полном ходу, стреляя направо и налево, нагоняя страх и панику на жителей города и его защитников. В центре города он повернул на петлявшее шоссе и чуть было не вошел в Рамаллу, прежде чем догадался о своей ошибке. Однако его внезапный налет на Лод произвел нужное впечатление. До этого положение было неопределенным, но теперь, 12 июля, Лод пал и 30 000 его арабских жителей обратились в бегство и теснились, как овцы, на дороге в Рамаллу. Назавтра пала и Рамалла, жители бежали, и оба города перешли в руки победоносных израильтян.

Но то была лишь часть — наиболее яркая — операции "Дани". План Алона осуществлялся во всех направлениях: к югу, к западу и к востоку от Латруна. Был расширен узкий коридор в Иерусалим. Теперь открылась и вторая дорога, благодаря удару бригады Харель, нанесенному в юго-восточном направлении от Латруна, и нерешенной осталась лишь центральная задача: сам Латрун и дорога на Рамаллу.

Только теперь в тревожных отчетах израильских политиков из Нью-Йорка появились предупреждения о том, что для продолжения операции во всех запланированных подробностях не хватит времени: большинство в Совете Безопасности решительно склоняется в пользу немедленного прекращения огня. Если использовать успех под Лодом и Рамлой, надо действовать быстро. Четыре драгоценных дня, потерянных в начале второго этапа войны, уже не вернуть. Алон предпринял энергичное усилие, чтобы перерезать дорогу из Латруна в Рамаллу. Подразделение бригады Харель вышло к господствующим над дорогой позициям в момент, когда объявили о новом прекращении огня. Легион был готов отступить, но израильское подразделение не имело достаточной силы, чтобы отбить у легионеров охоту к сильным контрдействиям, не говоря уже о том, чтобы оседлать дорогу. Выбить легион из Лат-

руна — для этого требовались более значительные силы, нежели штурмовая группа с ее легким вооружением.

И на сей раз арабская оборона в Латруне устояла, несмотря на две большие атаки, предпринятые в ночь на 16 июля и днем 18 июля. Тем не менее израильтяне добились заметного успеха в других местах благодаря тому, что легион стянул большую часть своих сил к Латруну для его обороны любой ценой. Толпы арабов в Рамалле забросали легионеров камнями и встретили их плевками и криками "предатели!" за то, что те бросили на произвол судьбы население Лода и Рамлы. Однако Абдалла пока не терял надежды получить Иерусалим и считал нужным держать блокаду в Латруне, пускай даже за счет Лода, Рамлы и 60 000 арабских беженцев. Решение Абдаллы оставить эти оба города связано в большей степени с его страстным желанием завладеть Иерусалимом, чем со стратегическими и тактическими соображениями. Святой город, как мифологическая сирена, все более влек к себе и Абдаллу, и Бен-Гуриона. Постепенно командиры ЦАХАЛа поняли упорство Бен-Гуриона в отношении Иерусалима и старались выполнить его желание, не жертвуя при этом своими более обширными стратегическими концепциями. Не так обстояло дело с Глаббом.

Глабб смирился теперь с мыслью, что у его легиона задача оборонительная — и только: удерживать уже захваченное и не подвергать излишнему риску ни легионеров, ни свои позиции. Однако легион продемонстрировал высокую боеспособность в сильных контратаках при Бель-Бордже, Коле и Шильте, нанеся израильтянам значительные потери. Алону не удалось покончить с легионом, как он рассчитывал; но он все же сумел (благодаря оборонительной тактике Глабба) его нейтрализовать. Это обстоятельство имело решающее значение в последующих боях за Негев.

Командующий израильскими силами в Иерусалиме генерал Давид Шалтиэль воспрянул духом, к нему вернулась самоуверенность. Незадолго до возобновления боев он заявил, что ему не потребуется больше четырех дней, чтобы занять весь Старый город. Он получил целых девять дней, прежде чем вступило в силу второе прекращение огня, но практические действия начал только за двадцать четыре часа до истечения оставшегося у него срока.* Его честолюбивые намерения, которые так хорошо выглядели на бумаге, развеялись. Наступление слишком долго откладывалось, а когда началось, оно не отличилось ни мастерством маневрирования, ни продуманностью плана.

В это же время израильские войска на юге очистили от противника несколько селений вокруг Негбы. Военные действия на юге возобновились с того момента, как египтяне 8 июля в 6.00 утра нарушили перемирие — за сутки до истечения срока. Египтянам удалось захватить Хулейкат и опорные пункты всего этого узла, но их атака на "треугольник" Бейт-Дарас — Джулис — Негба была отбита. Между 9 и 12 июля египтяне предприняли сильные атаки на эти пункты, но

* Незадолго до начала боя Ядин приказал Шалтиэлю атаковать Шейх-Джарах вместо Старого города. Шалтиэль не подчинился приказу, а потом утверждал, что получил его слишком поздно и уже не мог остановить приготовлений к атаке на Старый город.

Ядин рассказывает об этом эпизоде: "Был момент перед затишьем между боями, когда командующий войсками в Иерусалиме генерал Шалтиэль хотел взять Старый город прямой атакой. Нам в оперативном отделе было ясно, что предпочтительней нанести удар по Старому городу окольным путем. Другими словами, сначала заполучить в свои руки Шейх-Джарах и гору Скопус, что даст нам лучшие позиции для взятия Старого города. С согласия Бен-Гуриона я послал Шалтиэлю телеграмму: "Если в оставшееся у нас короткое время можно атаковать Старый город или Шейх-Джарах, то лучше предпочесть атаку на Шейх-Джарах". Шалтиэль все-таки атаковал Старый город. Он аргументировал это тем, что приготовления уже были в разгаре и если б он изменил план, то вообще остался бы ни с чем".

были отброшены. В ночь с 17 на 18 июля израильтяне захватили пункты Хата и Каратия, открыв себе дорогу в Негев, однако египтяне прибегли к хитрости и во время передышки заняли холмы, господствующие над дорогой.

Тем временем обсуждения в Организации Объединенных Наций превратились в политический фон войны, идущей в Эрец Исраэль. У каждого из двух соперничающих лагерей были свои сторонники в ООН, и то, что происходило в Лейк-Сексесе, зачастую влияло на положение сильнее, чем военные действия в стране.

Англо-американское соглашение об общей политике по отношению к Эрец Исраэль еще не дошло до Совета Безопасности. Совет собрался 8 июля для обсуждения телеграммы посредника графа Бернадотта, весьма уклончиво и туманно сообщавшей о возобновлении военных действий в стране. По этому поводу американский делегат заметил, что "если бы телеграмма посредника содержала более определенный текст или ясно говорила бы об отклонении арабскими странами призыва к прекращению огня, Совет Безопасности вынужден был бы сделать вывод, что имели место действия, которые угрожают миру и предусмотрены параграфом 39". Сирийский делегат возражал против необходимости столь поспешных крайних мер. Сэр Александр Каддоган, по-видимому, придерживался того же мнения. Он ничего не сказал. Тогда Совет отложил заседание на пять дней, направив Израилю и арабам очередные безрезультатные телеграммы, призывавшие к прекращению огня сроком на 10 дней (начиная с 10 июля). Израиль дал согласие, арабы же вообще не сочли нужным ответить. Поскольку первые дни боев не выявили еще уготованной им судьбы, они полагали, что дела у них продвигаются неплохо: наступление израильтян на сирийское предместное укрепле-

ние провалилось: евреи несут большие потери. И им казалось, что израильский натиск на севере закончится ничем.

Сэр Александр Каддоган сидел себе в Лейк-Сексесе и спокойно ожидал развития событий; ему некуда было спешить. Похоже было, что евреям теперь воздается по заслугам. По всей видимости, в Совете Безопасности это вообще никого не интересовало. Роковое 13-е число еще не наступило.

Однако во время 334-го заседания Совета Безопасности вечером того решающего дня поступили известия о переломе в положении в Эрец Исраэль. Алон начал действовать. Его бронетанковая колонна захватила 10 июля аэродром в Лоде; на завтра то же самое произошло с ключевым пунктом Бейт-Небалла (окончательно взятым лишь 17 июля).

Отныне уже нельзя было допустить естественного развития событий. Каддоган приступил к действиям, быть может, несколько грубоватым для такого лощеного дипломата. Впоследствии он пытался выгородить себя, указывая на свое трудное положение, вынуждавшее его плясать под дудку министерства иностранных дел. Но сплясал он отлично.

Он заявил Совету Безопасности, что, по мнению Великобритании, "последние события" требуют срочно обязать стороны воздерживаться от всяких новых военных действий. Необходимо также обсудить возможность применения санкций против каждой стороны в случае невыполнения призыва Совета Безопасности. Однако теперь уже сам Совет не проявил той поспешности, на которой настаивал сэр Александр. Только через два дня, 15 июля, состоялось голосование по проекту резолюции, и она была принята. Второе прекращение огня должно было вступить в силу 18 июля.

Спасательная операция сэра Александра Каддогана запоздала и оказалась успешной лишь отчасти.

В течение этих девяти дней израильские войска овладели 1000 квадратных километров территории, находившейся в руках арабов; таким образом, к Израилю теперь отошли 1300 квадратных километров из тех земель, что по плану раздела были отведены арабам. У арабов же осталось 330 квадратных километров из территории, отведенной евреям. Негев, хотя и был отрезан египтянами от остальных частей Эрец Исраэль, продолжал оставаться в руках евреев.

За тридцать восемь дней боев Израиль овладел в общей сложности 14 арабскими городами и 201 из 219 арабских деревень в пределах еврейского государства. Вдобавок было взято 112 деревень в зоне, выделенной арабам. Арабы же захватили 14 еврейских поселений, в том числе еврейский квартал в Старом Иерусалиме, и только один кибуц Мишмар-Хаярден на территории, отведенной еврейскому государству.

Официальная война в Эрец Исраэль пришла к концу. Но второе прекращение огня не принесло стране мира. Обе стороны жаждали новой схватки. Евреи твердо решили покончить с арабскими заграждениями на шоссе из Тель-Авива в Иерусалим и из Тель-Авива в поселения Негева, а также обеспечить другие "исправления" границ. В арабском стане также зрела уверенность, что колесо фортуны еще повернется к ним.

Передышка изобиловала инцидентами и провокациями. Стрельба в Иерусалиме, а иногда и артиллерийские обстрелы, вылазки, убийства и "исправления" границ были повседневными явлениями во время этого напряженного мира, в который никто не верил.

В конце августа напряжение заметно возросло. Двоюродный брат муфтия Джамаль эль-Хусейни, пред-

седатель Верховного арабского комитета,* который долгое время был главным представителем арабов Эрец Исраэль, в последний день августа написал из своего изгнания в Каире отчет старому другу Фарсу эль-Хури, бывшему делегату Сирии в Совете Безопасности и главному арабскому представителю в Организации Объединенных Наций.

Этот отчет, данный здесь в переводе с арабского, описывает положение в Эрец Исраэль на 31 августа 1948 года:

”Как я выяснил у военных наблюдателей в Дамаске, Бейруте и на месте, половины вооруженных сил (арабских), сосредоточенных теперь в Палестине, достаточно, чтобы овладеть всей страной в течение двух недель при условии, что политические руководители не будут вмешиваться в военные операции. Численность наших сил в Палестине достигла уровня, далеко превосходящего все, что мы имели там до сих пор:

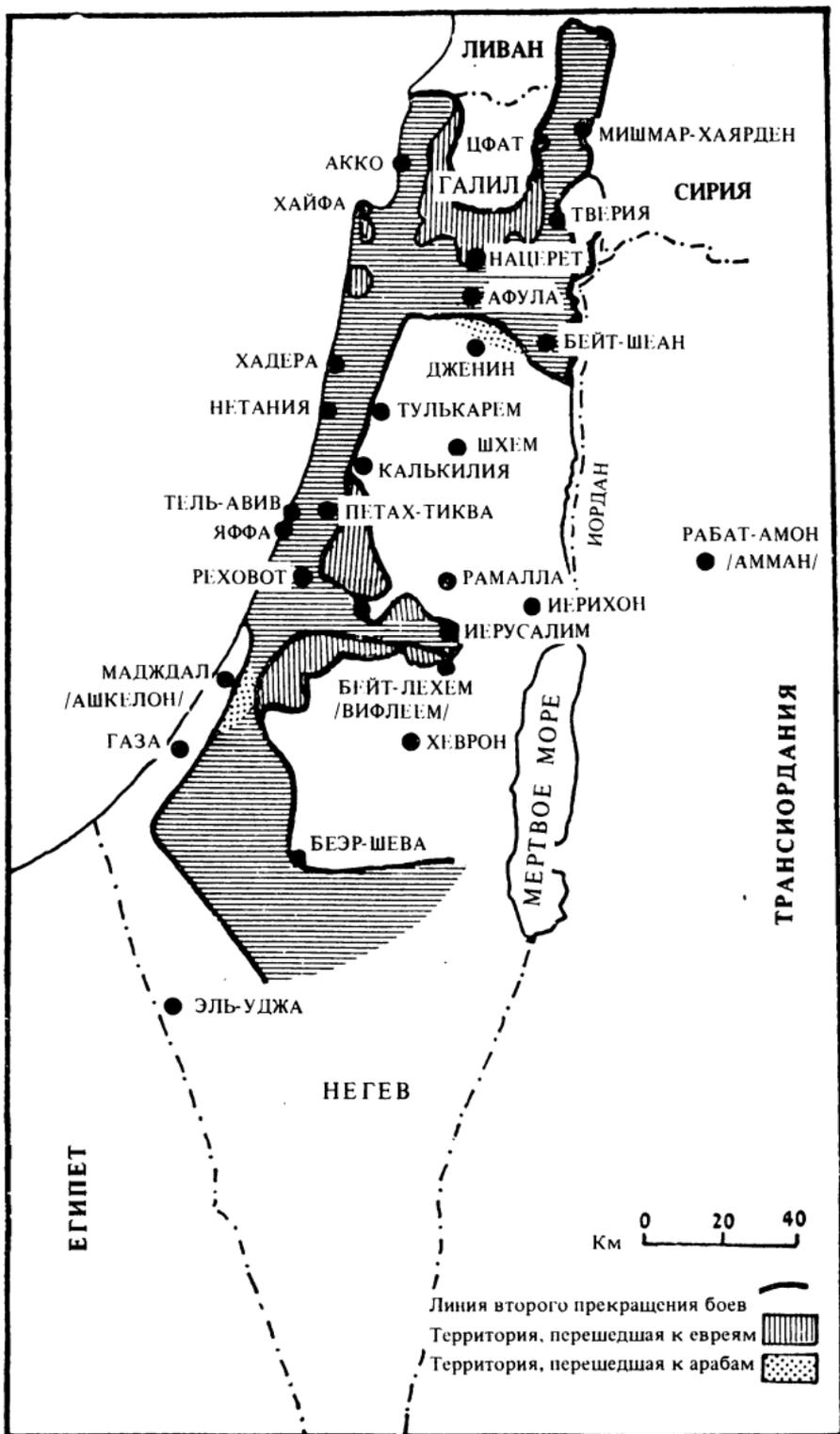
- 1) у Ирака есть теперь 20 000 человек,
- 2) у Сирии и Ливана — 10 000,
- 3) у палестинцев нерегулярной службы — 10 000,
- 4) у Трансиордании, правда, лишь 4000 солдат,
- 5) у Арабской армии спасения 3000 человек. Пока командовал Каукаджи, там насчитывалось 6000. Теперь Каукаджи находится в длительном отпуске; армия передана ливанцу Шукейри.

*Политикой арабов Эрец Исраэль руководил Верховный арабский комитет, созданный в 1936 году одновременно с объединением пяти политических партий. Решающее влияние в комитете со дня его основания принадлежало муфтию Хадж Амину эль-Хусейни, избранному председателем. Остальные главные члены комитета были Джамаль эль-Хусейни, возглавлявший Партию арабов Палестины, д-р Халеди, лидер Реформистской партии, и Абдель Латиф-бей Нашашибиди, основатель Партии национальной обороны. Вражда между кланами Хусейни и Нашашибиди была одной из основных причин отсутствия единства среди арабов Эрец Исраэль в первые месяцы войны.

В отношении ухода наших людей из Палестины. Кажется, лишь один человек был убит во время эвакуаций в период, когда положение еще было удовлетворительным. Эвакуации имели место в результате приказов, поступавших из Аммана. Уход из Цфата состоялся по приказу из Аммана. Приказы об отступлении из Лода и Рамлы вам хорошо известны. Все эти отходы не сопровождалось боями. Регулярные войска не давали возможности местному населению обороняться и только облегчили его бегство из Палестины.

Все эти приказы исходили из одного и того же места. Народ Ирака пылает гневом и направил парламентскую делегацию для расследования положения в Палестине. По возвращении делегация объявила, что иракские войска совместно с армией другого арабского государства в состоянии овладеть страной. В итоге волнение в войсках достигло предела. Престононаследник Абдель Илла сообщил своему дяде (королю Абдалле) о серьезности положения и что он (наследник) обдумывает решительные действия, подчеркнув, что необходимо, чтобы его дядя принял участие в операции. Тогда Абдалла дал согласие объединить обе армии под иракским командованием. К нашему счастью, главой правительства является Эль-Фачачи. Это человек достойный и прямой. Сейчас он объезжает Ливан и Сирию, добиваясь практического объединения двух армий.

Теперь все убеждены, что была возможность провести крупные операции в Палестине, которые, если бы их осуществили в минувшем марте, уничтожили бы сионизм; если б это было сделано, сионизм стал бы уже достоянием истории. Так или иначе, иллюзия насчет еврейской мощи развеяна. Лишь недостаток у палестинцев оружия и проведенная евреями концентрация сил создали видимость нашей слабости. Это удручающее положение, особенно если вспомнить о страданиях, причиняемых палестинцам.

Карта № 13. Положение после второго прекращения боев 18 июля 1948 г. Территориальные изменения в результате десятидневных боев

Арабская лига и ее секретарь (да падет проклятие на его голову) связали руки тем, кто хотел действовать, и нанесли Палестине огромный вред. Отсюда незавидное положение генерального секретаря. Евреи пали духом, в то время как мы тверды и все жаждут сражаться насмерть, лишь бы не жить в существующих условиях”.

Так, твердо уверовав в свою воображаемую мощь и слабость евреев, арабские руководители готовились и с нетерпением ждали следующего тура — тех двух недель, в течение которых они ”покончат с сионизмом”. Весьма многозначителен факт, что в своем отчете Джамаль Хусейни не упомянул Египта. Он верил, что в третьем туре решающим будет влияние иракцев, а не египтян, поскольку Египет не был заинтересован в возобновлении боев. Египтяне получили все, что хотели. Они, а не евреи или Абдалла, господствовали над всем югом Эрец Исраэль. Хотя это в основном пустыня, она представляет собой две трети всей территории, на которую претендуют евреи. Египтяне были довольны, однако в своих переговорах с евреями они были безрассудно упрямы и жестки. Позднее им это дорого обошлось.

Итак, и арабы, и евреи готовились к новым схваткам. В страну продолжали поступать оружие, пушки и самолеты. Командование армии Израиля сгорало от нетерпения добиться новых успехов. Министр иностранных дел Моше Шарет и некоторые члены правительства были против возобновления военных действий, но приготовления тем не менее продолжались. Бен-Гурион колебался, склоняясь, в общем, к позиции военных. Арабский легион помог ему определить свою позицию, когда взорвал 12 августа насосную станцию возле Латруна. По мнению Бен-Гуриона, это было грубым нарушением перемирия. Разведка легиона не знала, что незадолго до того израильтянам удалось

проложить запасной водопровод параллельно "Бирманской дороге". Если бы не это, диверсия легиона отрезала бы Иерусалим от источников воды. Бен-Гурион считал эту акцию Арабского легиона достаточным основанием для возобновления военных действий. Поэтому были разработаны планы генерального наступления на Иорданском фронте — в Иудейских горах и Хевроне. Израильские войска были приведены в боевую готовность. Все было готово, ждали приказа начинать. Большинство в правительстве, в том числе многие в партии Бен-Гуриона, еще сопротивлялись возобновлению военных действий, невзирая на инцидент с водопроводом в Латруне.* Но, хотя наступательные планы были отложены, напряжение сохранялось. Военное командование надеялось, что иорданцы будут по-прежнему нарушать перемирие, и это убедит правительство предоставить армии свободу действий. В зарубежную прессу стали просачиваться известия, что арабы готовят штурм Иерусалима в ночь на 15 сентября. Утром 15 сентября поступило сообщение, будто арабы перенесли свою атаку на 21. Либо чувствуя, либо зная о растущей напряженности в Иерусалиме, граф Бернадотт решил лично посетить город в пятницу 17 сентября. Он был убит группой Лехи, когда проезжал по городу. Убийство потрясло правительство Израиля и часть общественности. Однако в еврейском ишуве не было всеобщего возмущения и твердой решимости изловить участников убийства. Большинство считало, что погиб еще один враг евреев. Похоже было, что общество не заинтересовано в поимке убийц графа.

Эти настроения еще более усилились, когда вскоре после убийства опубликовали содержание последнего отчета, отправленного графом Бернадоттом в ООН.

*Результаты голосования в правительстве: 7 министров были против возобновления боев, 6 — за.

Отчет был дописан автором на острове Родос накануне его последней роковой поездки. Он предлагал внести поправки в план раздела с учетом существующих военных границ: евреи оставят себе всю Галилею, однако уступят весь юг (Негев) арабам. Более того, рекомендовалось разрешить арабским беженцам немедленное возвращение в свои дома в Израиле, откуда они бежали или были изгнаны.

Доклад убедил израильское правительство и армию, что арабы и англичане все еще рассчитывают отнять у еврейского государства Негев. Появилось также убеждение, что судьба спорных территорий в конечном счете будет определяться только реальной властью над ними, и надо поставить противников и ООН перед свершившимся фактом. Армия Оборона Израиля готовилась к этому с большой осторожностью, в то время как египтяне, ничего не подозревая, продолжали играть с огнем и под конец затеяли инцидент, который потом привел к их изгнанию из Эрец Исраэль.

Мрачно наблюдавший за событиями из своего дворца в Аммане Абдалла написал 30 сентября письмо своему другу Риад Сулаху, главе правительства Ливана. Риад Сулах участвовал в это время в Генеральной Ассамблее ООН в Париже, которая должна была обсудить доклад Бернадотта. Абдалла писал:

Доклад графа Бернадотта никогда не был мне представлен для рассмотрения, однако Вам известно, что Иордания, по соглашению со странами Лиги, включилась в борьбу с сионистами, чтобы сокрушить их, и желает выйти из этого дела с минимальными потерями; Вы, вероятно, помните, что я Вам об этом говорил на обеде во время Вашего первого визита.

Но пока мы в Трансиордании вели нашу военную кампанию и в одиночестве несли тяжелейшее военное бремя, Лига приняла решение создать в Газе беспомощное правительство для всей Палестины, чтобы исключить наше участие в решении судьбы Палестины.

Эти действия означают согласие на раздел и его осуществление. Что касается меня, то я не перестану уповать на Бога в исполнении моего долга. Когда я увидел, что войска Египта на западе и Сирии и Ливана на севере готовятся провести этот план, а потом оказываются не в состоянии отправить на фронт хотя бы одну бригаду и не проявляют ни симпатий, ни уважения к людям, изгнанным из Палестины, а только продолжают их подстрекать и надеются, что Палестина будет завоевана в одиночку одной страной, — когда я это увидел, я отошел в сторону, как всегда поступал в подобных случаях.

Зима не за горами, а у беженцев нет крыши над головой. Ответственность за их участь, за нежелание исправить положение лежит на тех арабских странах, которые, вместо того чтобы предпринять военные усилия, сидели сложа руки и наблюдали со стороны. Дела и боевой дух моей армии опровергают злостные измышления на мой счет.

Привет Вам и всем Вашим братьям

Абдалла Ибн эль-Хусейн*

Амман, 30 сентября 1948 года.

*Абдалла, "Завершенные воспоминания", стр. 12, 13.

Глава двенадцатая

ВОЙНА С ЕГИПТОМ

Наступление на иорданцев было отложено. На Центральном фронте царило затишье; там сохранилось положение равновесия. Не то было на юге. Израильтянам стало ясно, что нельзя далее рассматривать Южный фронт как второстепенный. Каждый новый день бездеятельности усиливал египетские позиции. Кибуцы Негева находились в осаде. Их запасы продовольствия и боеприпасов почти иссякли. Египтяне же все это время укрепляли свои позиции вдоль линии обороны, простиравшейся от Ашдода до Хевронских гор. Негев был полностью отрезан. Если не принять немедленных мер, голод вынудит поселения к сдаче и эвакуации. Более того, становилось все очевиднее, что будущее политическое урегулирование осуществится по принципу: "Что у тебя в руках, то у тебя и останется". В таком случае, египтянам достанется весь Негев.

Среди условий второго соглашения о прекращении огня, объявленного Организацией Объединенных Наций, был пункт, предусматривающий поставку продовольствия блокированным поселениям в Негеве. Пункт этот оказался невыполнимым. Предполагалось, что узел дорог к западу от Фалуджи будет равно необходим как израильтянам, так и египтянам: египтянам — чтобы доставлять снабжение своим солдатам в Бейт-Джоврин в районе Бейт-Лехема, израильтянам — для прохождения транспортов в южные поселения.

Упомянутый дорожный узел находился в пределах досягаемости и египетской, и израильской артиллерии. Посредник ООН постановил, что обе стороны будут пользоваться перекрестком поочередно — сменами по шесть часов. Эта система провалилась. Египтяне отказались пропускать еврейские транспорты через узел Фалуджи и дальше по территории, находившейся в их руках. Неоднократные протесты Ральфа Банча, незадолго до этого назначенного посредником, не возымели действия. Еврейские транспорты не пропускались через этот дорожный узел.*

Положение в кибуцах Негева ухудшалось. Новый командующий Южным фронтом Игал Алон предпринял рекогносцировочный полет в изолированные поселения. Он возвратился в Тель-Авив с убеждением, что весь Негев будет потерян, если не предпринять срочных действий.** Были основания опасаться, что Организация Объединенных Наций навяжет Израилю "линию Бернадотта" (предложившего передать арабам Негев к югу от линии, соединяющей Мадждал с Фалуджей). Поэтому было необходимо добиться изменения положения. Кроме того, египтяне представляли собой наибольшую угрозу израильским территориям. Эту угрозу необходимо было устранить.

Начальник оперативного отдела Игаэл Ядин разделял мнение Алона. Поэтому была сделана попытка убедить Бен-Гуриона согласиться с проведением на юге крупного наступления. Тогда Бен-Гурион был еще поглощен идеей наступления в Иудейских горах. Он верил, что решающий фронт — Центральный и что война решится в сражении с Арабским легионом, а не с египтянами.

Тем не менее он быстро уловил возможные послед-

*Египтяне могли доставлять снабжение своим силам в Хевронских горах по магистрали Беэр-Шева — Хеврон — Бейт-Лехем.

**И это — несмотря на операцию "Авак" (воздушный мост в осажденный Негев).

ствия тупика, в который зашло положение дел на перекрестке Фалуджи. Египтяне открыто нарушали условия перемирия и оставались глухи к повторным настояниям ООН действовать в соответствии с порядком, установленным исполняющим обязанности посредника Ральфом Банчем. Бен-Гурион знал, что сумеет убедить членов правительства в справедливости применения силы для освобождения дороги транспортом в еврейские поселения в Негеве. Его собственный план овладеть горами, окружающими Иерусалим, можно будет осуществить после прорыва через южный узел дорог, когда расширится зона боев.

Игал Алон был согласен с этим. Он представил Бен-Гуриону генеральный план, где были намечены два этапа: первый — прорыв через египетские линии к осажденным поселениям в Негеве, второй — последующее широкое наступление на северо-восток с целью выйти к Иерусалиму с юга с захватом Хеврона и Бейт-Лехема.

Мнение Алона о срочности операции в Негеве поддерживал Игаэл Ядин, который издавна видел в египтянах наиболее опасного врага. Однако Ядин противился идее Алона связать наступление в районе Иерусалима с наступлением на юге. По мнению Ядина, такое совмещение было нереально и могло помешать решительной победе над египтянами. Ядин втайне опасался, что Бен-Гурион, поглощенный проблемой Иерусалима, может приказать перебросить войска с Южного фронта к Иерусалиму прежде, чем будет покончено с египтянами. Поэтому Ядин заготовил дубликат плана, предусматривавший наступление только в Негеве. Этот свой план он назвал операцией "Десять казней египетских".*

* Название стало настолько крылатым, что оказалось неприемлемым по соображениям военной тайны. Слишком многие среди "посвященных" вели разговоры об этой операции, почему и пришлось перейти на другое, более скромное кодовое обозначение — операция "Иоав".

План был честолюбивый, с большим размахом. Бен-Гурион заинтересовался. Тем временем египтяне сами постарались убедить колеблющихся членов израильского правительства, что в операции на юге есть действительная необходимость. Поведение египетской стороны становилось все более вызывающим. Число инцидентов росло. Египтяне увеличивали свое войско и проявляли признаки агрессивных намерений. Прекращение огня на Южном фронте превратилось в фикцию. 30 сентября произошли тяжелые бои в районе Хербат-Махаз. 5 октября египетские самолеты бомбили селения в Негеве и их тяжелая артиллерия подвергла сильному обстрелу некоторые высоты, находившиеся в руках израильтян. Кибуц Рухама, где был один из главных аэродромов, откуда израильтяне поддерживали связь с изолированными ишсувами, подвергался в тот день особенно сильному обстрелу.

Назавтра в Тель-Авиве собралось главное командование. Бен-Гурион подробно ознакомился с операцией "Десять казней", разработанной Ядином и Алоном. Теперь он поддерживал этот план всей душой. Он открыл совещание и сделал короткий обзор проблемы, стоящей на повестке дня: "Отправка транспортов в Негев имеет жизненно важное значение. Египтяне вмешаются. Будет бой. Нам надлежит решить, какие следует сосредоточить силы, чтобы гарантировать успех и как можно быстрее".

Операция "Десять казней египетских" — идея Алона с доработкой Ядина — была утверждена.

И все-таки внутри командования были противники перенесения наступательных действий на юг.

Противники наступления в Негеве твердили: наступать можно только в одном месте, а "треугольник" важнее Негева; угроза магистрали Тель-Авив — Хайфа пока еще существует; мы можем овладеть большей частью "треугольника". Их поддержал генерал Кармел: "Если мы слошим иракцев, то решим этим нашу

наиболее серьезную военную проблему. Имея 8-ю бригаду в качестве резерва мы будем в состоянии завоевать "треугольник".* Ядин энергично сопротивлялся распространению плана Алона на Иерусалимский фронт. Он говорил, что Иерусалим еще никогда не был взят с юга. Только с севера можно ворваться в город. Легион сосредоточен на севере, и он может атаковать и полностью блокировать шоссе Тель-Авив — Иерусалим. Поэтому, чтобы овладеть Иерусалимом, надо наступать с севера, а не с юга.

Несмотря на эти аргументы, опирающиеся на исторический опыт, сошлись на том, что надо в Негев отправить транспорт и это означает войну. План Ядина был утвержден, но Алон не получил все войска, которые он требовал. Израильтяне разрабатывали свои планы, не зная, какова будет реакция остальных арабских армий. Придут ли они египтянам на помощь? Приходилось считаться с возможностью генерального контрнаступления арабов на всех фронтах. Поэтому Ядин не соглашался слишком оголить фронты и передать Алону все те дополнительные силы, которые он (и Бен-Гурион) просил для наступления в Негеве.

Когда Алон явился просить хотя бы часть 8-й бригады, оставленной в резерве на случай ударов на других фронтах, Ядин ответил: "Получишь только через мой труп". Ядин твердо стоял на том, что у Алона сил для операции достаточно — факт, по мнению Ядина, подтвердившийся целиком в ходе дальнейших событий.

*Цитаты эти взяты из протокола заседания генштаба, с которым авторы ознакомились с разрешения отдела истории ЦАХАЛа. В интервью глава правительства Бен-Гурион сказал, что обсуждение дано в протоколе недостаточно точно. Генерал-лейтенант Ядин также не мог вспомнить, действительно ли были выдвинуты вышеприведенные доводы. И неудивительно. В течение всего августа и сентября Ядин просил командующих фронтами представить свои планы на случай возобновления войны. Каждый из них добивался предпочтения для своего участка, и приведенные здесь прения были лишь заключением дискуссии, продолжавшейся много недель.

Этот вопрос чуть не привел к новому столкновению между Бен-Гурионом и Ядином. Бен-Гурион считал, что Алон должен получить еще одну бригаду, так как был убежден, что другие арабские армии не вмешаются в сражение ЦАХАЛа с египтянами; но Ядин ни за что не хотел оставить страну без центрального военного резерва. В этом Ядин был до такой степени непреклонен, что собирался уйти в отставку, если его мнение не будет принято. Бен-Гурион это понял; он не хотел остаться без Ядина, считая, что заменить его некем. Точка зрения Ядина была принята.*

*Позднее Бен-Гурион считал, что если бы на юг была послана еще одна бригада, она придавала бы наступлению дополнительный размах, и Алон мог бы овладеть всей полосой Газы. Ядин же по сей день считает свою оценку положения правильной; легко быть умным задним числом, но в тот момент не было никакой уверенности, что фронты в центре и на севере не придут в движение во время наступления на Негев. В интервью "Маариву" Ядин рассказывает: "Мы оголили буквально все фронты сколько было возможно, чтобы сконцентрировать максимум сил на юге. И вот сюрприз: генерал Алон требует еще одну бригаду — восьмую, частично бронетанковую, бригаду генерала Ицхака Саде. Алон требовал, чтобы бригада спустилась на юг еще до начала операции. Я воспротивился со всей решительностью, потому что это был единственный резерв верховного командования, а старое военное правило гласит: без резерва командир пускай идет домой, даже не начиная боя. Я полагал, что в результате нашего наступления на египтян могут вспыхнуть бои и на других фронтах, хотя признаю, что шансы на это казались невелики. Во всяком случае, я считал, что если потребуются, бригаду всегда можно будет ввести в бой. Бен-Гурион поддерживал требование Алона, аргументируя это тем, что, по его мнению, нет никаких оснований думать, что другие арабские войска придут на помощь египтянам! Тогда я заявил ему буквально следующее: "Бен-Гурион! 8-я бригада спустится в Негев только через мой труп!" И тут, в отличие от Латруна, Бен-Гурион сдался! По сегодняшний день Бен-Гурион утверждает, что сожалеет о своей тогдашней уступчивости. Развитие событий, говорит Бен-Гурион, показало, что он был прав, и арабские армии не выступили в поддержку Египта. Ядин продолжает: "Соображения Бен-Гуриона действительно были верными, но, мне кажется, я тоже был прав в своем требовании. Ведь если б, не дай Бог, события повернулись иначе, у верховного командования не нашлось бы никакого оправдания тому, что оно само себя оголило и не оставило ни малейшего резерва".

Тем не менее приготовления к операции "Десять казней египетских" начались. В этих приготовлениях Алон полностью учел особенности расположения египтян. Их фронт описывал широкую дугу от Рафияха на юге до Бейт-Лехема в центре. И хотя этот фронт был хорошо укреплен, его оборона была неглубокая. Более того, у израильтян были войска и перед египетской линией, и позади нее. На открытом пространстве Негева бригада Пальмаха* действовала в тылу у египетских линий: поддерживала связь с блокированными селениями, помогала оборонять их и проводила рейды в расположения египтян. Египетская линия обороны от Рафияха до Ашдода, защищавшая прибрежное шоссе и железнодорожную колею, могла быть прорвана силами этой бригады. Таким образом, оказалось возможным создать египетскому фронту, растянутому поперек страны от Средиземного моря до Хевронских гор на востоке, опасную угрозу и с севера, и с юга.

План Ядина строился на "игре" двумя этими возможностями. Он намеревался не только восстановить транспортные связи с поселениями, но разгромить и уничтожить, насколько удастся, египетскую армию, устранив таким путем угрозу центру с юга.

Для решения этой задачи Алон располагал крупными силами: бригада Гивати, удерживавшая линию, параллельную египетской поперек страны; бригада Ифтах, действовавшая в Негеве; два батальона бригады Ханегев, возвращенные на юг перед наступлением, и два батальона из бронетанковой бригады Ицхака Саде. Позднее, когда начались бои, на юг были переброшены дополнительные силы из бригады Овед, сформированной в мае 1948 года. У Алона была эскадрилья, доставлявшая снабжение в поселения Не-

* Бригада Ханегев (Пальмах), действовавшая там с начала вооруженных столкновений, была тем временем заменена бригадой Ифтах (Пальмах). Ее силы просочились через египетские линии и добрались до своих позиций в Негеве.

гева, и прекрасная разведка под командованием Зерубавеля Арбея. Были пушки и тяжелые минометы в небывалом до тех пор у ЦАХАЛа количестве.

Следующие цифры дают некоторое представление о переменах в вооружении израильских войск.

	15.5.48	12.10.48
Бойцы	35 000	80 000
Пушки	4	250*
120-мм минометы	0	12
6-дюймовые минометы	0	33
3-дюймовые минометы	105	389
2-дюймовые минометы	682	618
Минометы "Давидка"	16	22
"Фиаты" и противотанковые ружья	75	673
Пулеметы	1 550	7 550
Ружья	22 000	60 000
Автоматы	11 000	21 300

Египетские силы, стоявшие против Алона, были чуть больше, они хорошо окопались и имели заметное превосходство в бронемашинах и артиллерии.

Вдоль дороги Рафиях-Ашдод стояли две пехотные бригады (одна резервная, с базой в Газе; другая на линии Мадждал—Ашдод)** еще одна усиленная бригада удерживала линию восточнее Мадждала до Бейт-Джоврина, а линию Беэр-Шева — Хеврон — Бейт-Лехем обороняли десять якобы добровольных батальонов***

* 130 полевых пушек и 120 противотанковых и зенитных. Полевая артиллерия наполовину состояла из орудий устаревшего образца.

** Египетские бригады были очень крупные. Например, 4-я бригада, стоявшая на линии Мадждал — Бейт-Джоврин, насчитывала 8566 солдат и 281 офицера. У них было два артиллерийских батальона (56 стволов), около 60 противотанковых орудий, примерно 50 зениток, около 40 танкетов, 40 легких танков и сотни автоматчиков.

*** Ими командовал бригадир Абдель Азиз. Большинство этих солдат состояло из Мусульманских братьев, воевавших в Эрец Исраэль еще до начала "официального" вторжения 15 мая.

Было еще два артиллерийских батальона и один бронетанковый. Всего около 15 тысяч солдат.

Утром 15 октября израильский офицер связи сообщил в штаб наблюдателей ООН, что в соответствии с порядком, установленным Объединенными Нациями для пользования дорожным узлом Фалуджа, после полудня будет отправлена транспортная колонна в Негев. Отправка грузовиков была утверждена ООН, и вскоре после этого колонна вышла со своей базы. То был пробный камень. Нападение египтян должно было послужить сигналом Алону начинать операцию.

Колонна вовремя достигла перекрестка Каратию и прошла его без помех. Но едва она поравнялась с первыми домами села, как по ней открыли сильный огонь с обеих сторон дороги. Головная машина загорелась; остальные повернули назад и не без трудностей отступили. Израильцы только этого и ждали. Египтяне нарушили перемирие, не пропустив транспорт, санкционированный ООН. Таким образом, операцию "Десять казней" можно было начинать.

В тот же день израильцы приступили к действиям с быстротой, явившейся для египтян полной неожиданностью. В шесть вечера, вскоре после нападения на грузомашину, израильские самолеты атаковали главную авиационную базу Египта в Эль-Арише и вывели из строя несколько самолетов на земле. Налетам подверглись также Газа, Мадждал, Рафиях и Бейт-Ханун. С наступлением темноты подразделения бригады Ханегев атаковали египетские коммуникации, заминировали шоссе между Рафияхом и Хан-Юнесом, — в общем, всячески тревожили египтян в разных районах Негева. До рассвета 16 октября силы бригады Ифтах углубились на 600 метров в расположение египтян возле шоссе у Бейт-Хануна, создав угрозу всему египетскому снабжению на Западном фронте, а в это время бригада Гивати просочилась на боковое шоссе Фалуджа — Бейт-Джоврин.

Это сочетание воздушных налетов, рейдов на египетские дороги и склады снабжения, клиньев, вбитых в египетские позиции, угрозы приморскому шоссе у Бейт-Хануна и общая атмосфера опасности, нависшей над всем египетским фронтом в ночь на 16 октября имели целью, по плану Алона, запутать египетского командующего, расчленив фронт и придать этой отвлекающей, маскировочной акции вид главной задачи. Основная же цель этой ночи состояла в атаке на Ирак-эль-Маншиэ — высоту, господствующую над дорогой в поселения Негева. Алон приказал захватить Ирак-эль-Маншиэ в течение ночи и затем развивать этот успех наступлением на запад к узлу Фалуджа.

Первый этап боев прошел в соответствии с планом. Теперь пришла пора основного этапа — прорыва через укрепленную линию и соединение с поселениями Негева. Две дороги вели на юг. Главная — к западу от Фалуджи, через Каукабу, Хулейкат и Берейр; другая — плохая дорога — к югу от Фалуджи на Мишмар-Ханегев. Алон избрал для прорыва южную дорогу.

16 октября на рассвете батальон пехоты при поддержке танкового соединения из бригады Ицхака Саде напал на Ирак-эль-Маншиэ — ключевой пункт египетской обороны на этом участке фронта. Это был первый случай, когда израильтяне атаквали совместными силами танков и пехоты; у них еще не было никакого опыта в координировании действий этих двух родов войск и поэтому понесли большие потери. Две пехотные роты вышли к цели, но одна из них была отброшена египтянами, оказавшими сильное сопротивление. Отступая, рота попала в зону огня египетских пушек и пулеметов, сосредоточенных в Ирак-эль-Маншиэ и Фалудже. В считанные минуты рота потеряла более трети своего состава убитыми и ранеными. Одновременно противотанковые пушки били прямой наводкой по наступающим танкам. Два танка "Гочкис" были уничтожены, остальные повреждены. Нача-

лось поголовное отступление израильтян. Египтяне удержали свои позиции.

Алон попал в трудное положение. Он утратил преимущество внезапности; бронемашины были выведены из строя; пехота понесла большие потери. Египтяне теперь уже подготовятся к его следующей попытке атаковать Ирак-эль-Маншиэ. Поэтому он решил изменить свой план на ходу. Он перенесет место прорыва несколько западней. Придется брать укрепленный узел, чтобы освободить главное шоссе в Негев. В первые послеполуденные часы, после тяжелой утренней неудачи, Алон разработал план нового наступления вместе с одним полковым командиром бригады Гивати. Атака должна была начаться с заходом солнца. Решающим фактором была быстрота, и надо было приковать внимание египтян к восточной дороге.

Дорожный узел Фалуджа защищен четырьмя холмами. Два из них, высоты 110 и 113, находятся севернее, возвышаясь над кибуцом Негба; два других высятся над перекрестком. Высоты оборонялись 9-м полком египетской армии, который за недели перемирия хорошо укрепил свои позиции.

Операция Алона в Негеве приближалась к зениту. Военные действия на всех участках фронта приняли обычную форму: совершались рейды, египетские линии рассекались клиньями, израильтяне с боем врываются на высоты, контролирующие перекрестки, и удерживали их, несмотря на тяжелые потери от египетских контратак, которые продолжались весь день 17 октября. Однако то была лишь часть операции. Несколько южнее бригаде Ифтах предстояло атаковать египетские и саудовские войска, укрепившиеся в селе Хулейкат. Решено было брать село с тыла, с юго-западного направления. Но эта атака не удалась.

Дорожный узел Фалуджа был в руках Алона, но им невозможно было воспользоваться: египтяне по-прежнему держали линию сильных укреплений южнее шоссе

и параллельно ему. Египетский командующий опасался, что израильский клин против Бейт-Хануна представляет собой направление главного удара, и поэтому 16 октября открыл сильный артиллерийский огонь по израильским позициям.

Тут Алон понял, что если ему не удастся взять главный египетский опорный пункт Хулейкат, то вся операция лишится смысла. Его клинья выступали по всему району боевых действий, но широкого прорыва пока не удавалось осуществить ни в одном пункте. Время поджимало, и Алон понимал, что придется брать Хулейкат лобовой атакой. Это было нелегкое решение. Деревня Хулейкат со своими семью укреплениями стояла в крайне выгодном для обороны месте и недаром получила у израильтян название "Негевского чудовища".

После многих колебаний Алон убедил Ядина и двух своих комбригов Саде и Авидана предпринять лобовую атаку на Хулейкат. Это сражение явилось самым выдающимся военным достижением Алона, благодаря точному плану, хорошему замыслу и мужеству. В результате одного из самых тяжелых боев войны деревня Хулейкат была взята штурмом в ночь на 19 октября, во время незабываемой атаки 52-го батальона бригады Гивати под командованием Якова Фролова, того самого Фролова, который чуть не угодил под военный суд за неудачу под Латруном. Его поддерживали "Лисы Шимшона" под командованием Цви Цура. В архивах израильского генштаба, возможно, нет более значительного сообщения, чем телеграмма Алона, полученная в штабе на рассвете 20 октября: "Хулейкат — наш". Взятие Хулейката стало возможным благодаря атаке бригады Оедд на опорные пункты Каратии, предшествовавшей штурму села Хулейкат.

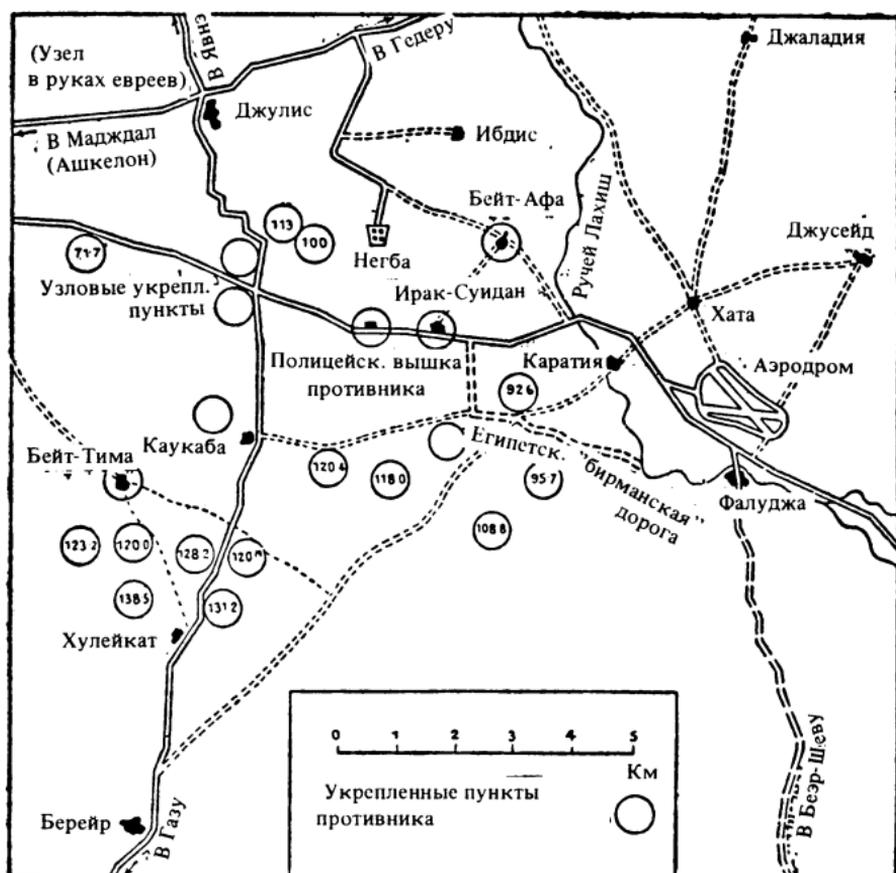
Как выяснилось потом, это и был перелом в ходе войны. Если прежде были блокированы поселения в Негеве, то теперь египетские солдаты к востоку от

места прорыва очутились под угрозой окружения. Так создавался Фалуджийский котел. А западней в результате наступления бригады Ифтах 22 октября в направлении Бейт-Хануна и приморского шоссе угроза нависла и над другой египетской бригадой. Но здесь египтяне энергично и успешно предупредили опасность. Египетские инженеры спешно проложили дорогу в Газу через пески, и, прежде чем клещи сомкнулись, вся египетская бригада была эвакуирована. Города Ашдод и Мадждал перешли в руки израильтян почти без боя. Египетский "палец", нацеленный на Тель-Авив, был отрублен.

Между тем командование ЦАХАЛа ожидало с часу на час нового распоряжения Организации Объединенных Наций прекратить огонь и положить конец военным действиям. Алон приказал командиру бригады Ханегев Нахуму Саригу срочно разработать план наступления на Беэр-Шеву, если только у него хватит времени, чтобы это осуществить. За 12 часов, прошедших после штурма села Хулейкат, Алон перебросил Саригу три батальона. И Сариг предпринял внезапную атаку на египетский гарнизон в Беэр-Шеве в последнюю ночь перед прекращением огня. Египетский комендант Беэр-Шевы даже не знал, что израильтяне прорвались в Негев. Главный город Негева пал, и вместе с этим рухнула надежда египтян на военное господство в Негеве.*

Пока шли главные сражения в северном Негеве, генштаб не забывал о конечной цели наступления на юге — расширении подступов к Иерусалиму. Более того, израильтяне хотели максимально использовать

*Глава египетского правительства в это время находился в Аммане и обсуждал с другими арабскими руководителями меры для изгнания израильтян из Негева. Он как раз выступал со своими предложениями, когда король Абдалла прервал его сообщением, что Беэр-Шева находится в руках израильтян. Нукраши не мог поверить своим ушам. Книга Абдаллы "Завершенные воспоминания", стр. 26.

Карта № 14. Фалуджийский узел

для военных действий тот короткий срок, который отделял их от нового прекращения огня, который будет навязан Организацией Объединенных Наций. Поэтому, когда решилась судьба Хулейката, израильские батальоны начали наступление на базы египтян в Иудейских и Хевронских горах. В то время как солдаты из бригады Харель быстро продвигались в юго-восточном направлении к Бейт-Лехему и Гуш-Эциону, бригада Гивати устремилась на восток — на Бейт-Джоврин и к подножию Хевронских гор.

Казалось, что вторая стадия наступления Алона — продвижение через Хеврон и Бейт-Лехем в направлении горы Скопус и Иерусалима — увенчается полным успехом. Израильцы шли вперед, почти не встречая сопротивления. Египтяне, уже зная о своем поражении на западе, начали всюду отступать. На грани развала была вся их система обороны в Хевронских горах. Предвидя, что должно случиться, арабы Бейт-Лехема и окрестных селений начали покидать свои дома.

Однако вышло иначе. Трудности, с которыми здесь столкнулись израильцы, были не военного, а политического характера. Абдалла опасался, что у него обнажится фланг, если израильцы возьмут Хеврон и станут угрожать Иерихону и Иерусалиму. Он поспешил отправить в Хеврон подкрепление. Это был очень маленький, несущественный в военном смысле, отряд, который не смог бы ничего изменить в противостоянии израильцев с арабами. Но с политической точки зрения этот шаг Абдаллы привел к тому, что район Хеврона оказался под юрисдикцией Трансиордании. Теперь любое вторжение в этот район означало бы, что конфликт вышел за рамки египетско-израильской войны, и это повлекло бы возобновление военных действий по всему иордано-израильскому участку, а возможно, и по участку, занятому иракцами, а также на других фронтах.

Абдалла хорошо знал, что израильтяне хотят предотвратить такой оборот событий любой ценой. Он также знал, что израильтяне заинтересованы вступить в переговоры о мире хотя бы с одной арабской страной и тем самым сломить единый арабский фронт. Поэтому он сообщил по неофициальным каналам, что, возможно, он согласится вступить в переговоры такого рода с израильтянами при условии, что они воздержатся от нападения на иорданский участок фронта, в частности на Хевронские горы.

Израильтяне, продвигавшиеся на юг и на восток к Бейт-Лехему и Хеврону, осознали, что в борьбу против них вступило время. Поэтому они решили приложить все силы, чтобы достичь своей цели, прежде чем на место явятся легионеры и придется прекратить огонь. В ночь на 19 октября, в ночь праздника Суккот, два батальона под командованием подполковника Моше Даяна начали продвижение из Иерусалима на юг через Иудейские горы. Их первой целью было укрепленное селение Эль-Валаджа, расположенное над иерусалимской железной дорогой; следующая цель — селение Бейт-Джалла, ключ к Бейт-Лехему и самый высокий пункт в горной гряде, возвышающейся над Иерусалимом с юга. Операция эта, однако, была разработана плохо и в большой спешке. Трижды выступление откладывалось буквально в последний момент, а когда солдаты наконец выехали на грузовиках из казарм в долине и из лагеря Алленби, весь Иерусалим уже знал, что предстоит атака на Бейт-Лехем.

На осуществление операции Даян получил лишь сорок восемь часов, "чтобы избежать международных осложнений"; но с самого начала дело не продвигалось из-за нерасторопности командира одной штурмовой роты, который, натолкнувшись на сопротивление, не действовал достаточно быстро. Остаток ночи был потерян: полковой командир на месте посчитал, что если он ночью продолжит наступление, то с рассветом его

полк окажется на виду у противника на обнаженных горах, и путь отступления будет отрезан. Даян поддержал это соображение, а несогласный с ними командующий фронтом Цви Аялон не настоял на своем. Наутро Эль-Валаджа была взята, однако Бейт-Джалла осталась в руках арабов.

В течение всего дня 20 октября Бейт-Джалла подвергалась артиллерийскому обстрелу, служившему подготовкой к атаке, назначенной на ночь. Но к вечеру этого дня из штаба Центрального фронта поступил приказ прекратить все военные действия в районе. 25 октября Арабский легион прибрал к рукам зону, находившуюся у египтян. В соревновании за Хевронские горы верх взял Абдалла. Так свелась на нет одна из важных операций, которая могла решить исход войны. Если бы израильтяне в первую ночь продолжили наступление или если бы был отложен на один день приказ о прекращении огня, все последующие переговоры о мире приняли бы совершенно другой характер: Бейт-Лехем и Хеврон были бы в руках израильтян и Хашимитское королевство Трансиордании оказалось бы в позорном положении. Нерешительность пожилого командира роты, растерявшегося под огнем арабских пулеметов, привела к последствиям, которым суждено было определить карту Ближнего Востока.

Спустя двадцать четыре часа на Южном фронте вступило в силу прекращение огня, объявленное Организацией Объединенных Наций. Так ускользнули от Израиля Бейт-Лехем и Хеврон. Бригада Харель, продвигавшаяся вглубь гор с запада, почти не встретила сопротивления и подошла к Гуш-Эциону и Бейт-Лехему на расстояние нескольких километров. Командир бригады заклинал командующего Центральным фронтом дать ему еще несколько часов для завершения операции, но все было напрасно.

Тем временем на заседаниях Совета Безопасности в Париже Аба Эвен старался обеспечить дипломатическое прикрытие, чтобы дать время Алону сделать свое дело. Эвену помогали (вернее — не мешали) члены Совета — американец, русский и украинец, в то время как бельгийский, английский, китайский и сирийский члены Совета Безопасности требовали срочного вмешательства. Англичане настаивали. Прекращение огня 22 октября парализовало действия Алона, но не уменьшило британского давления. 4 ноября английская делегация была уверена, что большинство в Совете Безопасности проголосует за резолюцию ООН, обязывающую израильскую армию отступить на рубежи, на которых она стояла 14 октября (до начала наступления Алона).

Однако в решающий момент на помощь израильтянам пришел посредник Ральф Банч. 17 ноября, за двадцать четыре часа до срока, установленного Советом Безопасности для отступления израильтян, Банч предложил Эвену новую формулировку. В соответствии с ней от Израиля требовалось вывести из Негева, в том числе Беэр-Шевы, моторизованные силы, но не гарнизонные войска. Израильтяне приняли вариант Банча, объявившего, что этот вариант находится в согласии с условиями, установленными ООН. Англичане, однако, заявили, что Банч пообещал Негев израильтянам.

Между тем прекращение огня вступило в силу (22 октября) по всему фронту. Правда, у подножия Хевронских гор, где стояли египтяне, а не иорданцы, продолжались столкновения: Бейт-Джоврин, Агур, Дуйма и весь район Лахиша были взяты войсками Алона после объявления перемирия. Египтяне же воспользовались передышкой, чтобы эвакуировать всех своих солдат и снаряжение с севера от Бейт-Хануна, где им грозило окружение. При этом они проявили немалую находчивость. Во время эвакуации в день установления перемирия они использовали морские суда, а также

проложили временную дорогу через пески. Произошел морской бой, в котором были потоплены два египетских судна. Одним из них был флагман египетского военно-морского флота "Эмир Фарук". Во время боя на его борту находились 700 солдат. Еще хуже для египтян обернулось дело в Фалудже, которая была окружена и с наступлением перемирия оказалась совершенно отрезанной от расположения других арабских частей.

Котел в Фалудже стал крупным поражением Египта: 2500 человек, одна из лучших бригад, со всем техническим оснащением очутились в западне, без малейших шансов на соединение со своими войсками. С другой стороны, бой за Фалуджу по справедливости занял почетное место в военной истории Египта: окруженные войска суданского генерала Тага-бея, командовавшего 4-й бригадой, продолжали сражаться мужественно и упорно, отказавшись даже обсудить условия сдачи, несмотря на отсутствие всякой надежды на победу.

Гарнизон полицейского пункта Ирак а-Сувейдан подал пример такого рода. Израильтяне предприняли шесть атак на большое, похожее на крепость, здание, откуда в течение нескольких месяцев исходила угроза расположенному неподалеку кибуцу Негба, — и всякий раз атакующих отбрасывали с тяжелыми для них потерями. Египтяне продемонстрировали свое упорство и умение держать оборону, которым они отличались на всем протяжении войны.

Лишь после седьмой атаки, после того как израильтяне прибегли к артиллерийскому обстрелу, сильнейшему за войну, и к штурму при свете дня — лишь тогда гарнизон сложил оружие. Но и после потери своего главного опорного пункта окруженная под Фалуджей бригада продолжала отражать атаки. Переговоры между Игалом Алоном и Тага-беем (с участием нескольких штабных офицеров последнего, среди которых был майор Абдель Насер) оказались бесплодными. Позд-

нее, 28 декабря, израильтяне предприняли новую атаку на восточном участке котла Фалуджи, чтобы взять село Ирак-эль-Маншия, но и она не удалась. Наступающие приняли идущие в контратаку египетские танки за свои, и вся рота из батальона третьей израильской бригады была уничтожена до последнего человека. Тяжелые потери понесли и две другие роты. После этих болезненных неудач израильтяне удовлетворились усилением осады, уже не пытая счастья в новых лобовых атаках.

В начале ноября объединенное арабское командование в Аммане обсуждало срочные меры по спасению бригады. Описание этих заседаний в мемуарах короля Абдаллы показывает недоверие и подозрительность, царившие тогда между арабскими союзниками

...Покойный глава правительства (египетского) Нукраши-паша, сирийский премьер Джамиль Мардем-бей и Хусейни-бей эль-Заим прибыли в Амман, где уже находились регент Абдель Илла (из Ирака) и начальник иракского генерального штаба генерал Салех Саиб-паша. Вечером, когда мы все собрались на совещание, прошло более пяти минут, прежде чем кто-нибудь решился заговорить. Регент подал мне знак открыть обсуждение, но мне трудно было что-нибудь сказать, памятуя, что случилось с египетской армией.

Поэтому я произнес, подразумевая Нукраши-пашу: "Давайте послушаем, что скажет Его Превосходительство".

Вот его ответ слово в слово: "Ради Бога, я прибыл сюда, чтобы слушать, а не говорить".

Я на это ответил: "Мне кажется, что Его Превосходительство должен высказаться при обернувшихся обстоятельствах, когда Беэр-Шева потеряна, а Фалуджа в осаде".

"Кто это говорит? — спросил он. — Египетские силы пока удерживают свои позиции".

”Возможно, — ответил я, — что эти известия еще не дошли до Вашего Превосходительства. Я полагал, что вы укажете на необходимость военной помощи, желательной египетскому командованию, чтобы спасти положение”.

”Нет, — заявил он, — египетское правительство ни в чьей помощи не нуждается. Но где королевские армии Иордании и Ирака? Ведь всем нам известно, что сирийские войска ничего не стоят”. Эти слова были сказаны в присутствии Джамиль Мардем-бея.

”В таком случае я полагаю, — ответил я, — что вы, Ваше Превосходительство, явились сюда обвинять нас. Только что вы заявили, что правительство Египта ни в чьей поддержке не нуждается; и это в то время, когда Азам-паша передает по радио призывы о помощи. Неужели вы явились бранить арабов, находящихся в своем доме — в доме, где собрались Иордания, Ирак и Ливан?”

”Да простит мне Бог, — сказал он, — я пришел не для того, чтобы обвинять кого бы то ни было”.*

Переговоры зашли в тупик, однако попытки отыскать какой-либо путь для спасения положения на Южном фронте продолжались, поскольку Абдалла быстро оценил преимущества, которые он может извлечь из бедственного положения египтян. Больше всего он был заинтересован в укреплении своей опасной позиции в Хевронских горах. Поэтому он попросил иракцев перенять фронт у Латруна, чтобы он смог послать в Хеврон крупные части легиона ”с целью оказать помощь египтянам, попавшим в ловушку”. Но у иракцев были свои заботы; в Латрун они могли перебросить от силы один батальон. Тем не менее легион не отказался от намерения сыграть активную роль в Фалуджийской драме. Египетский военный атташе в Аммане, коман-

*Абдалла, ”Завершенные воспоминания”, стр. 26.

дующий бронетанковыми силами Забур Бар, получил нижеследующий план, предложенный Глабб-пашой:

1. Иракские и трансйорданские полки атакуют в направлении Бейт-Джоврин.

2. Пока израильтяне будут заняты отражением этого наступления, Тага-бей уничтожит все свои оборонительные позиции, самоходные пушки и прочее тяжелое оборудование. Затем его люди пешком, по забытой тропе, известной одному из офицеров легиона, просачиваются через линии евреев и выходят на арабские позиции в горах, километрах в пятидесяти.

3. Этот план надо осуществить быстро, так как иракцы не хотят долго задерживаться на участке Бейт-Джоврин, поскольку их присутствие требуется на другом участке.

4. Кодовое название операции — "Дамаск".

Отослав эти предложения в Каир, Глабб направил в Фалуджу офицера, который должен был служить египтянам проводником. Это был английский майор Локкет, и его сопровождал английский сержант. Локкету было поручено обсудить с Тага-беем детали операции. Тага, однако, усомнился в выполнимости операции и телеграфно запросил указаний у нового верховного командующего в Газе, генерала Фуада Цадека. Ответ был короткий и ясный:

Нельзя полагаться на план, инициатором которого является Глабб-паша. И невозможно сохранить его подробности в тайне от евреев, если план исходит из Аммана. Пешая эвакуация солдат через территорию, контролируемую евреями, означает их преднамеренную гибель. Отклоните план и прогоните наемника Локкета. Защищайте свои позиции до последнего патрона и последнего солдата, как подобает египетским воинам.

Операция "Дамаск" не сразу была сдана в архив, поскольку обсуждения продолжались в Фалудже, Газе

и Каире. Стоит ли рисковать и двинуться следом за Локкетом или не стоит? В итоге дело ничем не кончилось, однако история эта, пожалуй, более всего другого испортила отношения между египтянами и иорданцами. Египтяне были убеждены, что легион роет им яму; с другой стороны, эти подозрения вызвали возмущение иорданцев. В одном отношении опасения египтян были оправданы: израильтянам об операции "Дамаск" было известно все, и если бы ее попытались осуществить, отступающие египетские солдаты были бы разгромлены. Такая информированность не была следствием иорданского предательства: были подслушаны споры, которые велись на эту тему в арабских радиопередачах. На родосских переговорах о перемирии генерал-лейтенант Ядин "случайно" упомянул операцию "Дамаск", тем самым укрепив в египтянах подозрение, что иорданцы действительно замыслили против них предательство.

Так, не ожидая помощи других арабских армий, египетская бригада в Фалудже мрачно последовала приказу своего командующего драться до последнего солдата и до последнего патрона. Через некоторое время бригада была эвакуирована после мирных переговоров на Родосе и, по возвращении в Египет, заслуженно удостоилась почестей, какими встречают героев.

На Южном фронте, если не считать Фалуджийского котла, бои с вступлением в силу перемирия 22 октября затихли. Однако не успело на юге наступить затишье, как снова вспыхнули бои на севере. Арабская армия спасения (ААС) Каукаджи, реорганизованная и оснащенная заново ливанцами, опять начала проявлять признаки жизни. Ее солдаты делали набеги на еврейские поселения в Верхней Галилее. Вылазки учащались. Особенно дерзкими они стали в конце октября, когда ААС провела сильную атаку на кибуц Менара и окружающие ее высоты. Арабам удалось изолировать кибуц от остальных частей еврейской Галилеи. Эти на-

падения дали израильскому командованию предлог, чтобы нарушить перемирие на севере и ударить по войскам Каукаджи.

Последовавшее наступление под кодовым обозначением операция "Хирам", которым командовал генерал Моше Кармел, было одной из самых разработанных и быстрых операций в войне. Оно началось в ночь на 28 октября и длилось ровно шестьдесят часов. За это короткое время 7-я бригада вместе с двумя другими овладела всей Верхней Галилеей, а бригада Кармели вторглась в Ливан, заняла несколько ливанских деревень и достигла берегов Латаки. Армия Каукаджи попросту испарилась. В этой молниеносной операции арабы потеряли 400 человек убитыми, в том числе 200 солдат сирийского полка, попавшего в засаду в Гуш-Халаве, западнее Сасы. Около 500 арабских солдат было взято в плен.

Операция "Хирам" завершилась 31 октября. И здесь, как и в Негеве, завоевания израильтян обеспечил компромисс, достигнутый в ООН Ральфом Банчем. Дело предстояло урегулировать в ходе переговоров о перемирии, предложенных Банчем в дополнение к военному компромиссу, достигнутому в Негеве.

Так в Эрец Исраэль снова наступила передышка. Она была, однако, искусственной, навязанной извне и поэтому не имела шансов стать длительной. Сама по себе она не была решением, и ничего не делалось, чтобы добиться подлинного урегулирования. Было ясно, что пауза не затянется, если не отыщется другой путь положить войне конец. Применение силы стало неизбежным, когда правительство Египта заявило, что оно не согласится на переговоры с Израилем о замене состояния прекращения огня другим, более устойчивым видом перемирия, как того требовал Совет Безопасности в своей резолюции от 11 ноября.

Израильтяне реагировали на это заявление соответствующим образом. Если такова позиция Египта, Из-

раиль сохранит за собой право на свободу действий. Ибо теперь израильтяне пришли к выводу, что они не могут полагаться на решения, предлагаемые извне. Их целью было заставить арабские страны согласиться на переговоры. Последнее заявление египтян убедило их, что это будет достигнуто лишь после того, как арабские армии потерпят сокрушительное поражение и будут изгнаны с земли Израиля. Поэтому, утверждали еврейские руководители, единственная надежда, несмотря на политический риск, связанный с новым нарушением перемирия, заключается в решительной военной победе. В соответствии с этим генштаб был уполномочен разработать новое наступление против египетской армии.

22 декабря началась операция "Хорев", самая крупная и важная в войне. Она стала критической точкой войны; принесла израильтянам полную военную победу, чуть не вовлекла и Великобританию в войну против Израиля. К счастью, война кончилась до этого: Израиль добился переговоров с Египтом о перемирии.

И на сей раз руководство операцией находилось в руках генерала Алона. Перед ним была поставлена задача окончательно изгнать войска Египта с израильской земли и добиться полного разгрома египетской армии.

Египетские силы были расположены чуть северней границы Израиля с Египтом двумя нацеленными на север клиньями: западный клин вытянут от Рафияха в Газу (расположение египетского штаба), а восточный – через Уджу эль-Хефир и Бир-Аслудж в сторону Беэр-Шевы. Главная сила состояла из двух египетских бригад, державших линию фронта; на восточном ударном направлении еще две бригады занимали цепочку укрепленных холмов от Уджи эль-Хефира до Бир-Аслуджа. Кроме того, в египетскую армию в Негеве входила четвертая бригада, которая была окружена в Фалудже, и около двух батальонов добровольцев из

числа Мусульманских братьев в Хевронских горах — уцелевшие там остатки египетских войск. Клинья были соединены дорогой из Уджи в Рафиях, которая шла по египетской территории и вдоль которой египтяне держали свой главный стратегический резерв. Он не был особенно большим. Были резервы и на главной синайской базе в Эль-Арише. Не считая окруженной бригады, всего имелось 16 пехотных батальонов, 2 бронетанковых и 10 батарей полевой артиллерии.

Против этих войск израильтяне выставили пять бригад (из них одна была прикована к Фалуджийскому котлу).

Как видим, силы обеих сторон были более или менее равны. Египтяне имели преимущество, которое дает оборона хорошо укрепленных и удобно расположенных позиций; преимущество израильтян состояло во внезапности и в свободе выбора наиболее выгодного места для наступления. Алон и начальник оперативного отдела генштаба генерал Игаэл Ядин использовали эти преимущества. Они понимали, что фронтальная атака на полосу Газы будет связана с тяжелыми потерями, потребует много времени, да и нельзя быть уверенным в результатах, поскольку египтяне уже доказали свое умение держать оборону на укрепленных позициях.

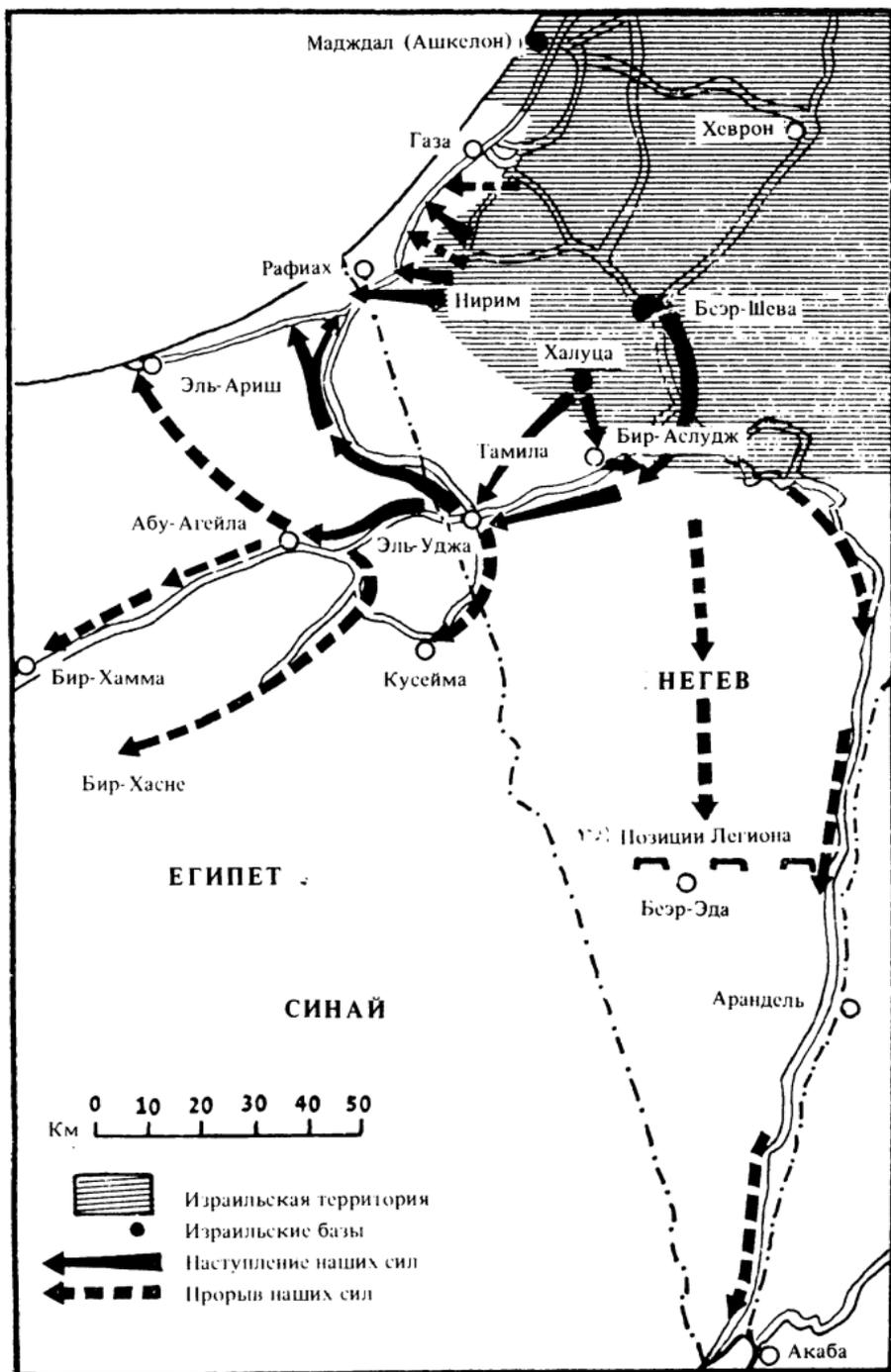
Поэтому израильский генштаб решил обрушить главный удар на восточный клин египетского фронта от Уджи до Бир-Аслуджа, а до этого нанести сильный обманный удар на Газу. У египтян будет впечатление, будто главный удар наносится здесь. Подлинной же целью на первой стадии наступления будет важный узел дорог в Уджу эль-Хериф на египетско-израильской границе. Взятие этого пункта дает возможность войскам Алона устремиться через Синайскую пустыню к морю и таким образом создать фактическую угрозу всему тылу египетской армии. Так будет решена вторая задача — отступление египетских войск из

полосы Газы и их уничтожение. И все это без фронтальной атаки, которая может дорого обойтись. Таков был план. Позднее Ядин заметил: "Стратегия решила судьбу сражения еще до его начала".

Однако осуществление этого плана выдвинуло перед Алоном и офицерами его штаба много проблем. Холмы Бир-Аслудж — Уджа тянутся в безлюдной пустыне. Продвижение вдоль единственного шоссе от Безр-Шевы на юг к Бир-Аслуджу заведомо исключает всякую внезапность, и к началу атаки египтяне уже будут готовы ее встретить. С другой стороны, труднопроходимая пустыня недоступна для бронемашин, а наступление без поддержки танков и артиллерии заранее обречено на провал. И вот, пока генштаб ломал голову над этими безвыходными обстоятельствами, разведчики из бригады Ханегев обнаружили заброшенную дорогу, определенную Ядином как римская дорога из Халуци и Рухьябы в Уджу. Ее давно занесли съпучие пески, но Ядин полагал, что ее можно использовать для любых транспортных средств. После еще одной рекогносцировки дорога была передана саперам. Те установили, что задача трудная, но, если повезет, бронемшины пройдут.

Это позволило израильтянам нанести удар по Удже одновременно с атаками на укрепленные холмы вдоль линии Уджа — Бир-Аслудж. Внезапность была полная, так как египетский гарнизон в Удже пребывал в уверенности, что противник может появиться только с севера, вдоль хорошо защищенного шоссе. Когда атака началась неожиданным появлением израильских танков со стороны пустыни, по которой пройти невозможно, египетская оборона совершенно растерялась. И тем не менее бой за Уджу продолжался более двадцати четырех часов.

До удара по Удже Алон провел обманную, весьма впечатляющую диверсионную атаку на полосу Газу. Батальону израильтян удалось перерезать главное шос-

Карта № 15. Присоединение Негева к Израилю; последнее сражение с египтянами и прорыв израильских сил к побережью Эйлатского залива

се, соединяющее Газу с Рафияхом, и захватить важную высоту, однако египтяне в жестоком бою выбили оттуда израильтян и нанесли им значительные потери. Египтяне снова продемонстрировали умение оборонять свои позиции.

Падение Уджи 27 декабря поставило египетскую армию в нестерпимое положение. Восточное направление развалилось: египетские солдаты сдавались сотнями со всем снаряжением. Перед победоносными израильтянами открылась дорога в Синай — возможность, которой они быстро воспользовались. Алон уже решил, что, если политические обстоятельства позволят, он будет продолжать движение вперед и займет весь Синайский полуостров; если же нет — повернет назад, но не в Беэр-Шеву, а в Газу. Он учел, что западнее Эль-Ариша практически не осталось организованных египетских войск и что если удастся взять эту египетскую базу, то вся армия противника окажется в западне. Он действовал быстро, так как и на сей раз решающую роль играло время.

Не дав солдатам передохнуть и набраться сил, израильские командиры повели колонны вперед, и 28 декабря израильский авангард пересек границу с Египтом. Той же ночью головные подразделения вышли к Неве-Хамидбар и важному узлу дорог Абу-Агейла, с ходу атаковали на рассвете 29 декабря ошеломленных египтян и многих захватили в плен, в том числе всех, кто находился в расположенном неподалеку концлагере для политических заключенных.

В середине того же дня израильская колонна двинулась на север в Эль-Ариш, главную базу египтян в Синайской пустыне. Одновременно другой отряд вторгся в пустыню, чтобы атаковать аэродромы у Бир-Хаммы и Бир-Хасне — древние места отдыха и приюта идущих через пустыню караванов.

Египтяне сложили оружие. Они были полностью деморализованы. Вечером 29 декабря солдаты Алона

достигли аэродрома в Эль-Арише и завладели им. Назавтра с рассветом его танки и пехота должны были устремиться в город. Алону осталось рукой подать до крупнейшей победы в войне. Он стоял на песчаной дюне километрах в десяти к югу от Эль-Ариша, обсуждая со своим начальником оперативного отдела Ицхаком Рабином детали близкого наступления. Он мог взять базу египетской армии; вся эта армия вот-вот могла очутиться в котле. В этот момент явился вестовой с посланием из генштаба: в течение одних суток эвакуировать все войска из Синайской пустыни.

Уж слишком горькой была пилюля. Алон приказал Рабину оставаться на позициях, сел в самолет и полетел в Тель-Авив уговаривать Бен-Гуриона. Сначала он встретился с Ядином, от которого услышал: "Меня тебе нечего убеждать: я и так согласен с тобой. Попробуй убедить Б. Г."

Ядин рассказал командующему Южным фронтом о политической буре с момента пересечения границы и вторжения в Египет. Египтяне обратились с призывом о помощи к своим арабским союзникам, но, кроме словесных ободрений, ничего не получили. Трансиордания не потрудились даже ответить. Однако опасность пришла с другой стороны. В угрозе Египту Великобритания увидела удобный случай, чтобы вдохнуть новое содержание в англо-египетский договор о дружбе от 1936 года, давно ставший источником разногласий. Заступничество Великобритании, рассуждало английское правительство, должно заставить египтян прекратить свои нападки на договор. Вскоре после того как войска Алона пересекли границу в Удже, англичане направили ультиматум, требующий от Израиля немедленного ухода из пределов Египта.

Послание, переданное через Вашингтон, сопровождалось аналогичным требованием американского министерства иностранных дел.

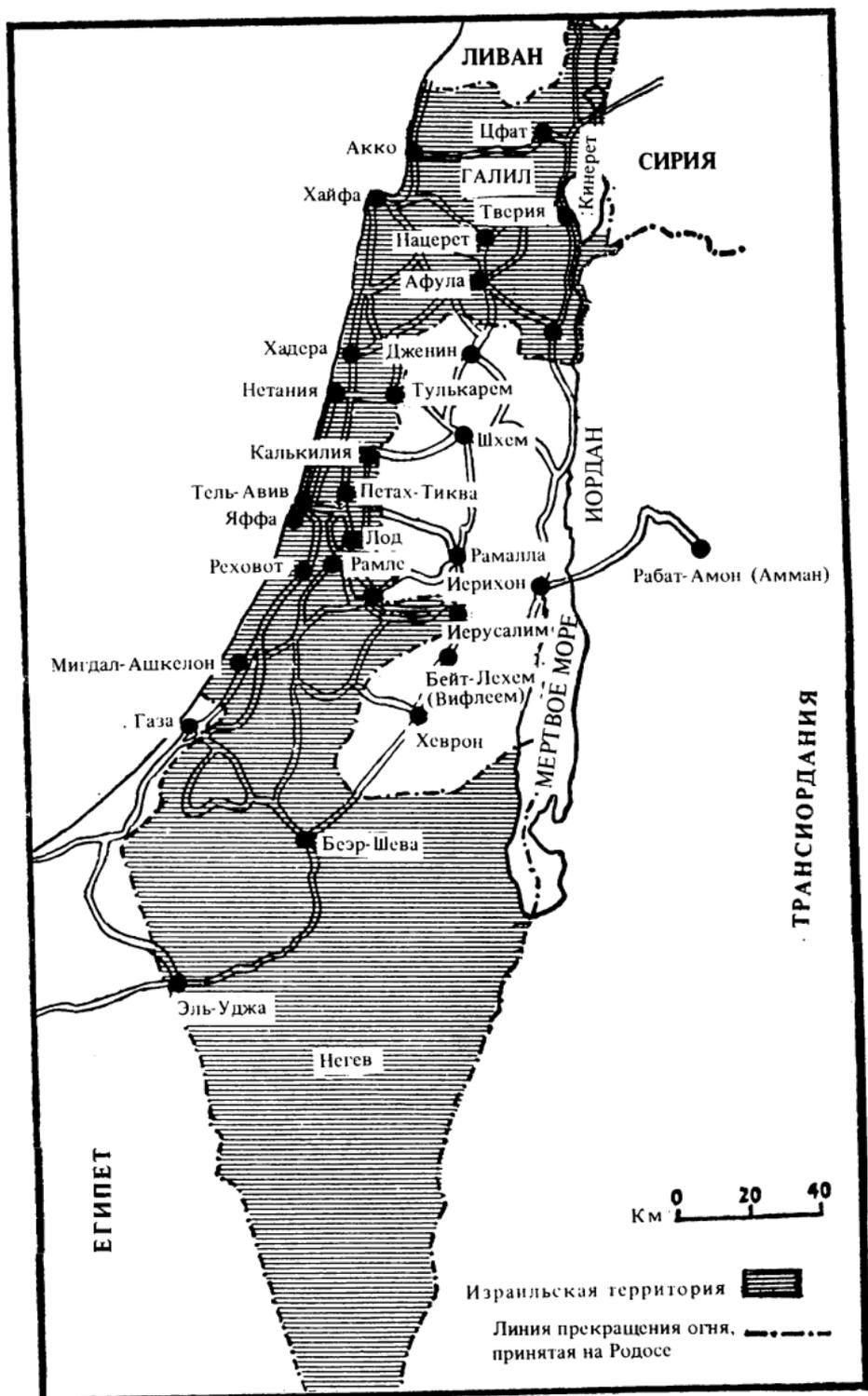
Давление было сильное, и англичане рассчитывали на реальные результаты. Ультиматум и заставил Бен-Гуриона и Шарета послать Алону приказ об отступлении. Алон умолял Шарета у него на дому в Тель-Биньямине (Бен-Гурион в это время находился в Тверии) разрешить ему взять Эль-Ариш, уничтожить эту базу и тотчас же уйти оттуда. Шарет был, однако, убежден, что захват Эль-Ариша повлечет немедленное вступление в войну англичан, и потому даже слушать ничего не хотел.

Тогда Алон попросил, чтобы ему разрешили задержаться в пустыне четыре дня, в течение которых он, Алон, будет делать приготовления, будто собирается напасть на Эль-Ариш; египтяне перебросят войска из полосы Газы, и тотчас он их атакует, объяснив, что Израилю на эвакуацию войск необходимо четыре дня.

Этот план показался Шарету более приемлемым, но, когда они позвонили Бен-Гуриону, тот с тяжелым сердцем отклонил его. В виде компромисса Бен-Гурион разрешил Алону воспользоваться шоссе Уджа — Рафиях (большая часть которого проходила по египетской территории), чтобы провести атаку на Рафиях. Взять последний было значительно трудней, чем захватить Эль-Ариш, но и этот вариант давал возможность окружить египетские войска в полосе Газы без опасности войны с Англией, поскольку Рафиях находился вне пределов Египта.

Таким образом, план наступления на Эль-Ариш был перечеркнут. Израильские солдаты, находившиеся с начала операции в непрерывном движении и уже десять суток не смыкавшие глаз, теперь устремились на Рафиях. Наступление началось 3 января. Поначалу оно не было успешным; египтяне, учитывая грозившую им опасность, дрались упорно, и их новый командующий генерал Фуад Цадек лично руководил контратаками.

Однако, пока египтяне с успехом обороняли Рафиях, израильтяне завладели высотами (в 3 километ-

Карта № 16. Граница между Израилем и арабскими странами после соглашения о прекращении огня

рах к западу от Шейх-Зуэва), господствующими над шоссе и железнодорожной линией через Эль-Ариш в Египет. Таким образом, египетские войска в Газе фактически оказались отрезанными от Египта. Теперь, после того как египетское правительство осознало серьезность положения, оно 6 января выступило с заявлением, что готово начать переговоры о перемирии в штабе посредника ООН на острове Родос. 7 января огонь прекратился на всех участках Южного фронта. Война между Израилем и Египтом закончилась.

Казалось, теперь у израильтян было достаточно оснований радоваться. Мира запросил самый сильный из врагов. Более того, владение высотами над Рафияхом давало израильтянам основание требовать полной эвакуации египетских войск из полосы Газы в качестве одного из условий соглашения о перемирии.

И тем не менее радость была преждевременной. Свое согласие на переговоры Египет обусловил последовавшей почти немедленно оговоркой. Египет будет готов обсудить перемирие, только если Израиль уйдет с позиций к югу от Рафияха. В Израиле крепло убеждение, что за этим внезапным поворотом стоит Великобритания, потому что почти одновременно с опубликованием Египтом своего первого заявления израильская авиация сбила пять английских самолетов, занимавшихся воздушной разведкой над районом военных действий. Англичане реагировали энергично. Они отправили новые подкрепления в Акабу, а затем потребовали вывода всех израильских войск с территории Египта, в том числе с высот над Рафияхом.

Это была, возможно, труднейшая из дилемм, которую война поставила перед Бен-Гурионом. Приказать отступить значило лишить Израиль его козырей на мирных переговорах. С другой стороны, отказ повлек бы продолжение войны с серьезной опасностью прямого английского вмешательства. А Бен-Гурион, быть может, единственный из израильских руководителей,

отдавал себе отчет в том, как еще слабо и неорганизованно молодое государство и чем чреватые санкции против него. И на сей раз Алон убеждал его отозвать свой приказ. Однако Бен-Гурион ответил: "С военной точки зрения, ты прав; но с политической — ошибаешься. Египтяне отказываются ехать в Родос, если мы не уберем наш клин".

Есть в Израиле люди, полагающие, что то был крупнейший просчет Бен-Гуриона за всю войну, потому что египтяне, по их мнению, были вынуждены запросить перемирия, так как их войска продолжали оставаться отрезанными от Египта. А если бы египтяне явились в Родос в то время, как израильский клин оставался на месте, переговоры могли привести к подлинному миру.

Однако Бен-Гурион считал, что на чашу весов было брошено слишком многое, чтобы брать на себя подобный риск. Если бы доводы Алона и его товарищей оказались ошибочными, они потеряли бы все, чего добились. Этим Бен-Гурион рисковать не желал. Он был доволен результатами военного похода. Надо уметь вовремя ставить точку. Сейчас как раз был такой момент.

Глава тринадцатая

”ОКО ЗА ОКО”:

БИТВА, КОТОРАЯ ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧИЛАСЬ

Война на египетском фронте закончилась политическим вмешательством Великобритании и Соединенных Штатов. Если бы не они, итоги этой военной кампании оказались бы более определенными и не породили бы таких осложнений в будущем. Но даже в данных обстоятельствах война не только продемонстрировала превосходство Армии Обороны Израиля. Она утвердила право Израиля на Негев и, что куда важней, убедила египетское правительство в срочной необходимости искать разрешение конфликта не только на дорогах войны.

Внутреннее положение египетского правительства становилось все более и более трудным. В разгар кризиса премьер Нукраши-паша был убит. Размеры военного поражения скрывались от египетской общественности, продолжавшей отмечать ”победы” в Эрец Исраэль выпуском специальных почтовых марок и военными парадами, которые принимал король Фарук. Существовала пропасть между опасениями правительства Египта насчет близкого военного разгрома на фронте и между ликованием египетского населения по поводу якобы одержанных в Эрец Исраэль побед. Но более всего боялось египетское правительство, как бы об истинном положении вещей не узнала каирская чернь, которая правит правителями.

Доктор Ральф Банч, исполнявший обязанности посредника ООН, нашупал самую суть этой проблемы.

Он вспомнил, что Совет Безопасности почти восемь недель назад, 11 ноября 1948 года, принял резолюцию о том, что "будет установлено перемирие во всех секторах Эрец Исраэль". После своего недоведенного до конца военного похода в октябре израильтяне не настаивали на осуществлении этой резолюции. У них имелись другие цели, прежде чем прийти к перемирию. Ни одна из малых арабских стран не хотела сделать первый шаг. Абдалла был в достаточной степени удовлетворен сложившимся положением. Ливанцы и сирийцы не желали действовать без Египта. Ирак и Саудовская Аравия тут непосредственно не были замешаны. Поэтому Банч, арабские страны и Совет Безопасности следили за реакцией Египта в ожидании увидеть признаки готовности начать переговоры о перемирии. Однако король Фарук и Нукраши решили держаться твердой позиции: никакого перемирия с Израилем не было и не будет.

После убийства Нукраши короля Фарука охватил страх. Он намеревался бежать в район Суэцкого канала при первом же признаке опасности, и его личный самолет уже стоял наготове. В готовность были приведены английские войска. Они должны были взять в свои руки власть в Каире и Александрии в случае массовых волнений. На сей раз египетское правительство ответило Банчу весьма расторопно. Бои в Негеве и в Синайской пустыне закончились 7 января 1949 года. Пять дней спустя, 12 января, на Родос прибыла официальная египетская делегация для переговоров о подписании перемирия с Израилем.

Банч председательствовал на родосском совещании, и после неторопливого начала дело двинулось. Единственная серьезная трудность проистекала от того, что египетское население до сих пор еще понятия не имело о том, что произошло в Эрец Исраэль. Отсюда настоя-

ния египетской делегации, чтобы в соглашении о перемирии фигурировало что-нибудь подтверждающее мнимое присутствие египтян в Негеве. Сначала они предложили, чтобы назначили в Беэр-Шеву египетского военного коменданта, тогда как его действительным местом пребывания будет Каир или Газа. Предложение было отвергнуто как очевидная глупость. Тогда египтяне попросили назначить военного коменданта в Бир-Аслудж, и в конце концов — в Эль-Уджу. По-видимому, египетская делегация получала из Каира инструкции настаивать на этом назначении. В качестве компромисса Банч предложил демилитаризованную зону в Эль-Удже, и тогда соглашение было достигнуто 24. 2. 1949*.

Соглашение закрепило за израильянами завоеванную территорию (если не считать небольших уступок), однако оставило нерешенными несколько проблем, которые впоследствии стали источником новых трудностей. Но израильяне тогда были уверены, что урегулирование носит лишь временный характер, и ему на смену скоро придет мирный договор.

Поскольку египтяне начали переговоры, другие арабские делегации охотно последовали их примеру. Вскоре были подписаны соглашения о перемирии с Ливаном (23 марта) и с Сирией (20 июля).

Совершенно иначе протекали переговоры с транс-иорданской делегацией из небольшого числа представителей. Израильянам казалось, что Абдалла не хочет, чтобы кто-нибудь вел переговоры от его имени. В это время старшие офицеры ЦАХАЛа получили от разведывательной службы информацию о том, что иракцы уходят из Эрец Исраэль и что их заменит Арабский легион.

*Весь этот эпизод описан главой израильской делегации Вальтером Эйтаном в его книге "Первые десять лет". Лондон, 1958 г.

Тогда в израильском генеральном штабе при участии Бен-Гуриона начались длительные совещания. Было решено использовать всю армию — насчитывавшую теперь более 100 000 человек, чтобы овладеть "треугольником", всем центральным районом Эрец Израэль до Иордана, который пока находился в руках арабов. Операции дали кодовое название "Око за око". Особое внимание было уделено реакции, которую может вызвать в мире такая операция; пришли к выводу, что территориальные приобретения и будущие преимущества намного превзойдут те временные трудности, с которыми, возможно, придется столкнуться в ООН и в отношениях с западными державами. Русские доказали, что любые действия израильтян, расшатывающие позиции западного "империализма" на Ближнем Востоке, пользуются у них сочувственным нейтралитетом, а то и настоящей, хотя и негласной, поддержкой.

Однако, когда подготовка к наступлению достигла полного размаха, политические и военные руководители Израиля задумались: следует ли опять искушать судьбу, которая им улыбнулась после октябрьского наступления, а потом и после декабрьского. Они добились военных успехов и завоевали симпатии мирового общественного мнения — для них новое и ободряющее явление. А раз так, зачем ставить под угрозу выгодное положение новой военной операцией, результаты которой не безусловны и которая значительно осложнит проблему арабских беженцев?

Поэтому было решено использовать военные приготовления как средство дипломатического давления на Абдаллу, чтобы добиться более выгодного для Израиля урегулирования вопроса о границах. В соответствии с этим Ядин позаботился, чтобы до командования Арабского легиона дошли сведения о готовящемся наступлении. Вслед за этим Абдалле было передано неофициальное послание через военного коменданта легиона в арабской части Иерусалима полковника

Эль-Талья. Там говорилось, что, по мнению правительства Израиля, оно имеет не меньше прав, чем Арабский легион, на территории, которые готовятся оставить иракские войска. Имелась в виду узкая, но важная со стратегической точки зрения полоса, простирающаяся северней Дженина от Калькилии до Иордана: тут было много пограничных холмов.

Сначала Абдалла и штаб легиона были склонны отнестись к этой информации из израильского источника, как к дипломатической уловке с целью обеспечить Израилю более выгодные условия на родосских переговорах. Тем временем израильский генштаб подготовил другую операцию, которую он собирался осуществить до подписания соглашения с Абдаллой о перемирии. Первым шагом в переговорах о перемирии было подписание обеими сторонами соглашения о прекращении огня на всех участках фронта. Однако в первые дни марта израильские делегаты на Родосе старались замедлить и затянуть переговоры. Похоже было, что и иорданцы не очень торопились. Но к концу первой недели марта в штаб Арабского легиона поступили известия, что две колонны израильтян движутся на юг, на Акабу. До тех пор символическое присутствие маленького отряда Арабского легиона на берегу Акабского залива и на полицейском пункте Ум-Рахраш не привлекало к себе внимания. Правительство Трансиордании протелеграфировало о тревожной новости Банчу. Сначала израильтяне отнекивались, говоря, что у них нет об этом никаких сведений. Но к 9 марта израильские колонны уже далеко продвинулись, и назавтра израильская делегация объявила Банчу, что правительство Израиля намерено взять в свои руки власть над территорией у Акабского залива, выделенной ему планом раздела Организации Объединенных Наций.

В дипломатическом отношении тут сложилась весьма запутанная ситуация. Британский министр ино-

странных дел сообщил в парламенте, что этой территорией владеет Арабский легион, и поэтому ее следует рассматривать как территорию занятую Трансиорданией. Ядин, Алон и Дори обсудили эту проблему и решили, что надо выйти к Акабскому заливу, не нападая при этом на легион. Если же суждено быть стычкам, то пускай легион будет их зачинщиком. Комбриги обеих израильских колонн Сариг и Голан дали письменное обязательство не трогать ни одной позиции легиона. Последним указанием Алона было: "Защищайте себя по дороге в Эйлат". На таких условиях израильское правительство дало свою санкцию на эту деликатную операцию. Лишь маленький отряд преграждал им путь; однако из-за ограничений, наложенных израильским командованием, этих крошечных иорданских сил оказалось достаточно, чтобы вынудить израильтян ломать голову над тем, как заставить иорданцев отступить, не ввязываясь с ними в бой.* И на сей раз разведчики бригады Ханегев нашли тропу и взлетную полосу и подготовили место для посадки транспортных самолетов — Сдей-Авраам, километрах в 50 севернее Эйлата. Во всяком случае, проблема была решена, когда Глабб приказал легионерам уйти с их позиций в Трансиорданию. 10 марта израильские колонны вышли к Эйлатскому заливу, и 11 марта делегация Израиля подписала на Родосе соглашение о прекращении огня.

Тем временем определилась официальная позиция израильтян касательно ухода иракских сил из страны 13 марта. Израильский министр иностранных дел Шарет заявил Банчу, что Израиль считает себя вправе занять освобожденные иракцами позиции; через два дня израильтяне сообщили Банчу, что захват иракских позиций легионом они будут рассматривать как нару-

*У бригады Голани было несколько стычек с Легионом — в Эйн-Уваме и у горы Кетура.

шение условий прекращения огня. Между тем подготовка к операции "Око за око" продолжалось с почти демонстративным отсутствием секретности. Чтобы предотвратить то, что он считал большим несчастьем, Абдалла стал уговаривать иракское правительство задержать вывод своих сил. Ирак согласился, но при этом довел до сведения Абдаллы, что отсрочка может быть только на считанные дни, так как иракские солдаты готовы взбунтоваться: они уже несколько недель не получают жалования, питание никуда не годится и нет теплой одежды.

Тогда Абдалла решил действовать без Глабба. Он непосредственно связался с израильянами через военных комендантов в обеих частях Иерусалима. Арабский комендант полковник Эль-Таль позвонил еврейскому коменданту подполковнику Моше Даяну. В этом не было ничего сложного, поскольку между двумя комендантами установились постоянные контакты: Эль-Таль имел прямую связь со штабом Даяна. Первая встреча была официальной. Абдалла созвал всех своих министров для приема израильян. Первые расположились по правую руку от короля, в то время как израильяне столпились слева. Абдалла открыл заседание вступительным словом. Он говорил около двадцати минут, сделав обзор событий, которые привели к этой довольно странной встрече.

Во время речи короля израильской делегации становилось все более очевидно, что слова Абдаллы относятся не к ней, а к его министрам и что он хочет, чтобы израильяне услышали его мнение. После общепринятых вежливых фраз Абдалла заговорил с такой откровенностью, что Ядину стало неудобно за растерявшихся иорданских министров. Абдалла заявил им, что теперь они могут благодарить себя за то, что вместе с египтянами вовлекли его в войну, которой он не желал. Он продолжал в том же обвинительном духе и прочитал им резкую отповедь.

Закончив речь, Абдалла пригласил израильтян и своих министров на обед. Глава правительства Транс-иордании Абу эль-Гуда попросил совободить его от присутствия, сославшись на боли в животе. Король его отчитал, употребив грубый уличный жаргон, и приказал ему убираться. За обедом Абдалла имел довольный вид и беседовал об исламской поэзии с Ядином, которого посадил рядом с собой. Закончив обед, Абдалла удалился в свои покои, а израильская делегация приступила к серьезному обсуждению вопроса, приведшего ее сюда.

Вот как Ядин описывает встречу с королем Абдаллой:

Бен-Гурион решил, что я поеду вместе с Вальтером Эйтаном. К нам присоединился и Йосафат Гаркави. Первая встреча была назначена в зимнем дворце Абдаллы в конце марта 1949 года при посредничестве Абдаллы-бея эль-Талья, знавшего Даяна. Я понимал, что во время переговоров не будет возможности связаться со своими для консультаций и поэтому перед поездкой приготовил карту Эрец Исраэль, на которую нанес три линии в три разных цвета: варианты наших требований и границы уступок — максимум, середина и минимум. Ворота Мандельбаума мы прошли одетые как наблюдатели ООН. Эль-Таль посадил нас в свою машину. До Шхемских ворот через каждые пятьдесят метров стояли вооруженные караулы, останавливавшие автомобиль вопросом: "Кто тут?" — и Таль высовывал голову из кабины, отвечая: "Абдалла-бей!" Когда мы въехали в Иерихон, то застряли в толпе, демонстрировавшей на главной площади. Многие были вооружены винтовками и пистолетами. Толпа обступила автомобиль, требуя, чтобы мы назвали себя. Шофер нажал на газ, и мы только чудом выбрались живыми из Иерихона. Между прочим, узнав о наших приключениях, король вышел из себя, и, по его приказу, отныне нас возила его личная охрана.

После обмена обязательными любезностями Абдалла преподнес нам подарок: великолепный, кованный в серебре, кинжал. До сих пор он хранится в министерстве иностранных дел... Вальтер Эйтан позаботился о встречном подарке для короля: Ветхий Завет в переплете работы мастеров художественной школы "Бецалель". Раскрыв книгу, Абдалла потемнел от гнева: "Что это?!" Оказалось, первая страница была украшена картой Эрец Исраэль времен царя Соломона... "Что это?! — возмутился он. — Месопотамия, Египет!" Мы с трудом вышли из положения, объяснив ему, что это карта времен царя Сулеймана...

Абдалла принял нас в своих роскошных покоях. Справа от него сидел глава правительства Туфик Абу эль-Гуда, слева — все члены кабинета. "Как поживает мой друг Шерток?" — спросил он и просил передать ему привет. Затем спросил: "А как здоровье госпожи Голды Меирсон?" Оказалось, он был слегка уязвлен в свое время тем, что к нему на политические переговоры послали женщину, и когда мы ответили: "Госпожа Меирсон теперь посол Израиля в Москве", он подмигнул и сказал: "Прекрасно, там ее и оставьте!" Затем он встал и произнес напыщенную речь, обращаясь к нам, но явно имея в виду членов своего правительства. Суть речи была, примерно, такой: я вам с самого начала говорил, что у нас нет шансов победить израильтян, но вы меня не послушались. На арабов полагаться нельзя, англичане нас обманули и поставили плохое вооружение. И вот результаты: представители Израиля сидят в королевском дворце и диктуют нам условия!" Король заключил: "Я бедуин, а у нас, у бедуинов, есть пословица: если ты сидишь на перегруженном осле и чувствуешь, что враг близок, то у тебя две возможности: или попасть в плен со всем товаром, или попытаться бежать, сбрасывая по дороге связку за связкой, чтобы уменьшить груз. Я пригласил сюда израильтян, чтобы сбросить связки!" Затем он повер-

нулся к главе правительства Туфику Абу эль-Гуде и предложил: "Теперь говорите вы!"

Эль-Гуда встал, откашлялся и сказал: "Я прошу прощения у Вашего Величества, но я нездоров!" Тут Абдалла сделал презрительный жест и, не стесняясь нашего присутствия, закричал: "Раз так — вон отсюда!" Эль-Гуда поднялся и вышел. После этого мы сели за ужин, который подавался на золотой и серебряной посуде. Я сидел рядом с Абдаллой, и он с гордостью указывал на каждый предмет. "Это я получил от короля Георга, это — от Рузвельта; видите ту лампу наверху? Ее мне преподнес Пинхас Рутенберг!" Мы вели светскую беседу, и внезапно король сказал: "Знаете, что мне услаждает часы досуга? Древняя арабская поэзия!" Тут я вспомнил своего учителя, профессора Бината, заставлявшего нас зубрить наизусть длинные, тяжеловесные поэмы праисламской общины, — как в свое время я его проклинал! Из всего этого в голове у меня осталось только одно стихотворение, которое я начал цитировать Абдалле: "Вот мать, оплакивающая сына на поле брани: вскормила тебя, вспоила, взлелеяла..." Услыхал король — обнял меня и в восторге кричит: "Ей богу, это ж любимейшее мое стихотворение! Скажите, откуда вы его знаете!" Естественно, мои акции сразу поднялись, и атмосфера разрядилась.

Возглавлял трансйорданскую делегацию Фавзи эль-Мульки, но самым активным среди иорданцев был Эль-Таль. Глабба представлял его начальник оперативного отдела генерал Каукер. С израильской стороны заседали Ядин и сопровождавшие его Эйтан, Даян, Шилоах и Гаркави. После заседания, длившегося почти всю ночь, израильтяне отбыли на автомобиле Эль-Талья, полагая прибыть в Иерусалим до рассвета.

Поездки и ночные совещания продолжались почти неделю, пока наконец стороны пришли к соглашению.

Все это время израильтяне не прекращали приготовления к операции "Око за око", заботясь, чтобы Абдалла об этом знал. Платой за отмену операции было согласие Абдаллы на исправление границы в секторе, занятом иракцами. После долгих споров Эль-Таль прочертил черту на коробке из-под сигар — линию, в соответствии с которой к израильтянам отходили села и холмы, на которые они претендовали из соображений безопасности. Однако Фавзи эль-Мульки воспротивился. Он настаивал на том, чтобы в пределах Трансиордании остались хотя бы села: лучше села без земли, чем ни сел, ни земли. Он опасался гневной реакции в случае принятия границ, предложенных Эль-Талем.

В конце концов генерал Каукер совместно с Ядином и Гаркави начертил карту. Соглашение было утверждено Абдаллой и помечено инициалами в три часа утра. Представители сторон — Даян и Джунди — забрали соглашение и вылетели на Родос. Там они его утром подали, будто оно было достигнуто на месте. 3 апреля договор был подписан официально в присутствии Ральфа Банча. Иракцы отступили, и израильтяне двинулись вперед, чтобы занять стратегические высоты, которые должны были дать им дополнительные возможности оборонять границы, — те самые, которые в последующие два десятилетия заставили решить политические проблемы, связанные с отчуждением земель от крестьян.

Однако этих последствий не предвидели тогда ни израильтяне, ни Банч. Они были убеждены, что перемирие скоро сменится подлинным урегулированием. Они полагали, что перемирие просуществует недели и высмеивали тех, кто говорил, что оно может затянуться на месяцы и даже на полгода. Никто из участников переговоров на Родосе не мог вообразить, что создавшееся положение вещей таким останется в продолжение двадцати лет. Если б это предвидели, — кто бы с этим согласился... Временное решение оказалось по-

стоянным неурегулированием и постоянной проблемой.

Так практически неосуществимым перемирием закончилась война в Эрец Исраэль. Операцию "Око за око" отменили. Арабский "треугольник" как был так и остался в сердце Израиля, а Израиль так и остался в таком виде в центре арабского мира. Глабб упрекал Абдаллу за то, что он заключил сделку с израильянами. А в Израиле были люди, которые упрекали Бен-Гуриона за то, что он отказался от операции по захвату "треугольника" в обмен на столь ущербное соглашение.

Справедливости ради надо сказать: утверждение будто Абдалла обвел вокруг пальца Бен-Гуриона и Ядина, побудив их отменить операцию, не более соответствует фактам, чем утверждение Глабба, что Абдалла допустил ошибку, вступив с израильянами в переговоры. В обоих лагерях обстоятельства принуждали к этому соглашению, предотвратившему сражение за "треугольник" весной 1949 года.

Это незаконченное противоборство омрачало положение в Эрец Исраэль, особенно двусторонние отношения Израиля и Иордании, вплоть до 5 июня 1967 года, когда король Хусейн сделал крупнейший в своей жизни просчет и вступил в войну. Это привело арабов к серьезнейшему поражению и отняло у Хусейна тот самый "треугольник" на западном берегу Иордана, который оставался в арабских руках из-за отмены операции "Око за око" в 1949 году.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ИЗРАИЛЬ И АРАБСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Можно ли было предотвратить войну в Эрец Исраэль или достичь более действенного мирного соглашения?

Эти и другие вопросы были заданы Давиду Бен-Гуриону одним из авторов этой книги в дождливый январский день 1969 года.

Бен-Гурион, которому шел уже девятый десяток, писал тогда историю, а не делал ее. Ум его оставался по-прежнему острым, и ответы были четкими, решительными и дельными.

”Война была неизбежной, — заявил Бен-Гурион. — Правда, король Абдалла не был ее фанатичным сторонником, и тайные переговоры продолжались с ним до самого начала вооруженных столкновений. Тем не менее человек он был решительный и хотел властвовать в Палестине. Он ожидал, что евреи отложат создание государства до того времени, когда он утвердит свою власть над Палестиной. Цель его была — стать самодержавным правителем объединенной Палестины, в рамках которой евреям будет предоставлена полная автономия. Мы с этим не могли согласиться.

Однако Абдалла был прежде всего реалистом. После войны он снова согласился вести тайные переговоры с евреями. Беседы эти, — продолжал Бен-Гурион, — тянулись до самого его убийства. Если б не это, между Израилем и Иорданским королевством был бы заключен мирный договор. Переговоры достигли успешной

стадии. Израиль согласился предоставить Иордании свободный порт — Хайфу или Яффу — и сухопутный коридор к нему. Обе стороны обсуждали ширину этого коридора, когда Абдалла был убит наповал на ступенях мечети Эл-Акса в Старом Иерусалиме при выходе после субботней молитвы”.

Так, единственная настоящая попытка достичь подлинного мира между Израилем и арабским государством была задушена в зародыше арабскими экстремистами, избравшими орудием осуществления своих политических устремлений террор. Это произошло в 1951 году, но такого рода события неоднократно повторялись в истории Ближнего Востока.

Когда разразилась война, король Абдалла, которого сегодня многие арабы считают изменником национальному арабскому делу, был очень близок к осуществлению своих желаний. Если б не Бен-Гурион и маленькая горстка командиров Хаганы и еврейских руководителей, государство Израиль не было бы провозглашено в мае 1948 года, а король Абдалла праздновал бы победу.

Двадцать лет спустя Бен-Гурион рассказал о днях, предшествовавших провозглашению независимости. Он впервые рассказал о колебаниях и сомнениях, одолевавших еврейских руководителей в Эрец Израэль. Эти сомнения усиливались по мере приближения дня провозглашения независимости государства. Зарубежные друзья еврейского народа разделяли их опасения. Генерал Маршалл в Соединенных Штатах — большой друг евреев — связался с Моше Шертоком (Шаретом), находившимся тогда в Нью-Йорке, и уговаривал его убедить Бен-Гуриона отказаться от этой затеи. ”Это поведет к тому, что арабские армии начнут войну против молодого государства, и в живых не останется ни одного еврея”, — говорил Маршалл. Шерток доложил разговор Бен-Гуриону, добавив от себя: ”Я не уверен, что он не прав”. Бен-Гурион ответил: ”Доложи

остальным о своем разговоре с Маршаллом, но, ради Бога, не упоминай твоего собственного мнения”.

Генерал Маршалл был не единственным, кто так считал. Норвежский полковник Линт, находившийся в тесном контакте с Хаганой, полагал, что евреи навлекут на себя катастрофу, которая постигла их братьев в Европе, если провозгласят основание еврейского государства и тем самым вызовут войну.

Эти доводы находили отзвук в сердцах сионистских вождей в Соединенных Штатах и в Англии. Нахум Гольдман выступил против провозглашения государства, и его примеру последовала также президент женской организации “Хадаса” г-жа Роз Гальперин, покинувшая Израиль незадолго до мая 1948 года в уверенности, что она в последний раз видит Эрец Исраэль и своих друзей в живых.

Эта атмосфера общего страха давала себя знать. Член Народного Совета Перец Беренштейн открыто предложил отложить провозглашение государства и удовлетвориться на данном этапе заявлением о создании правительства. Его поддержали. Положение стало критическим. Некоторые командиры Хаганы на вопрос, сможет ли ишув противостоять вторжению арабских войск, отвечали неопределенно; они не были уверены в этом. Однако Бен-Гурион был уверен. Для него было немыслимым сидеть сложа руки. Он знал, что способность евреев в Эрец Исраэль защищаться зависит от одного фактора: от своевременного поступления оружия. К тому времени уже имелось согласие чехов на поставку вооружения. “Они были теми, кто спас страну, — помолчав, сказал Бен-Гурион. — Вдумайтесь и увидите, что чехи и русские без колебания стали на нашу сторону с начала войны и до ее конца, разумеется, по своим собственным мотивам. Но для нас это ничего не меняло”. Американцы наложили эмбарго на ввоз оружия в самый решающий момент; “Вы видите, — жестко добавил Бен-Гурион, — эмбарго не бы-

ло изобретением де Голля... Другие воспользовались им до него, но без заметных результатов”.

Поставки чешского оружия были в разгаре. Это дало Бен-Гуриону необходимые доводы для убеждения своих сомневающихся коллег.

В первой части книги мы описали, каким путем прибывало это оружие и как Эхуд Авриэль и Иегуда Арази были посланы в Чехословакию и Канаду на закупки. Теперь Бен-Гурион коснулся этого шире: ”В конце второй мировой войны, — рассказывает он, — у меня состоялась длинная беседа с бывшим министром колоний в правительстве Великобритании мистером Стэнли. Он не был настроен слишком проеврейски, но это был человек честный и искренний и разговаривал со мною откровенно. Он сказал мне, что англичане не смогут долго удерживать мандат на Палестину, потому что это означало бы войну с арабами или с евреями, чего они не могут себе позволить. Я расстался с ним в убеждении, что англичане через несколько лет уйдут из Эрец Исраэль. После этого разговора меня не оставляла мысль о том, что произойдет в Эрец Исраэль после их ухода. Мне было ясно, что если образуется вакуум, в Палестину вторгнутся арабы. Это мы должны были предотвратить любой ценой, раздобыв достаточно оружия для самообороны. Я поехал в США для мобилизации финансовых средств на приобретение станков, которые стали бы базой для развития военной промышленности. Я просил у Еврейского агентства для этой цели 5 миллионов долларов — сумму по тем временам совершенно сказочную. Когда мне обещали выделить 3 миллиона долларов, я отправил Эхуда Авриэля и Иегуду Арази на закупки. Чехи послали нам значительное количество оружия. Лишь один-единственный человек среди руководства чехословацкой компартии энергично сопротивлялся заключению этой сделки, и был это Сланский, еврей, который, по иронии судьбы, позже был приговорен к смерти за

”ревизионизм и сионистские тенденции”. Между прочим, этот пример показывает, до какого цинизма может дойти коммунистический режим.

Из Канады Арази сообщил, что канадцы готовы продать нам оружие при условии, что мы прекратим переговоры на эту тему с чехами. Я ответил, чтобы он не вмешивался в наши дела с чехами и занимался только тем, что связано с закупками в Канаде. В итоге мы ничего от них не получили. Что касается французов, то они готовы были оказывать нам помощь, но подпольно, дабы не сердить англичан. Это они дали нам первые шесть пушек”.

Оглядываясь на двадцать минувших лет, Бен-Гурион не верит, что евреи в 1948 году могли действовать иначе, чем действовали. Он также не верит, что были допущены ошибки, которые можно считать роковыми. Соглашение о перемирии было подписано на Родосе в полном убеждении, что это лишь первая стадия на пути к достижению прочного и подлинного мира. ”Так смотрели на это мы, и король Абдалла смотрел на это приблизительно так же; однако египтяне никогда не толковали соглашение о перемирии в подобном духе, и ничего нельзя было сделать, чтобы изменить этот их подход”.

Так Война за Независимость стала началом постоянной напряженности на Ближнем Востоке и была первой в серии вооруженных столкновений и войн. Несмотря на то, что война началась не как конфликт между Израилем и арабским миром, а как восстание евреев против британского мандата в Эрец Исраэль,* она завершилась поражением как для британских мандатных властей, так и для арабских стран.

*Прежде всего – против ограничения еврейской алии; в меньшей мере – против запрета, наложенного на евреев, покупать земельные участки в определенных районах Эрец Исраэль.

Арабы понесли тяжелые потери, однако больше всех пострадала Британская империя: за одно десятилетие Британия утратила все свои позиции на Ближнем Востоке, и ей предстояла потеря непосредственной власти над богатыми нефтяными источниками этого района. Национализация Иракской нефтяной компании в 1972 году явилась поучительным примером такого рода для Англии.

Именно этот аспект конфликта в Эрец Исраэль не был понят правительством Эттли. Оно считало, что империя в состоянии отказаться от власти по собственному желанию — может начать этот процесс или прекратить его, подобно пассажиру автобуса, который может сесть и сойти на любой удобной для него остановке. На самом же деле, у этого правительства не было даже осознанной политики ухода из этого района. Политика Эттли в Эрец Исраэль была лишь движением по течению: политика оттягивания решений, политика импровизаций в минуты отчаяния.*

Но Эттли был в этом не одинок. И ООН, и ее секретариат, и вся международная организация предпочитали стоять в стороне, сколько это было возможно. Даже президент Трумэн чаще был склонен уклоняться от решений, чем принимать их. Руководители Египта были заинтересованы в том, чтобы не занимать гласной и четкой позиции, то же самое относится к Арабской лиге с Азам-пашой во главе, разбивавшимся в положении лучше большинства других арабских вождей и опасавшимся трудных последствий для его Лиги, если придется прибегнуть к совместным действиям. Все они — Эттли, Трюгве-Ли, Трумэн, Нукраши и Азам — сползали с одной позиции к другой, пока в конечном счете не оказались так или иначе вовлеченными в войну в связи с уходом англичан из Эрец Исраэль.

*Президент Трумэн дал яркое описание (во втором томе своих воспоминаний) такого поведения Эттли.

Они поступали так, потому что всем им не удалось понять существа сложившейся в Эрец Исраэль проблемы: не только столкновения между евреями и арабами, но и — в не меньшей степени — неспособность правительства Эттли поддерживать "пакс-британика" — английский режим, на котором зиждился порядок на Ближнем Востоке. Им было невдомек, что кризис в Эрец Исраэль, казавшийся им местным явлением — это на самом деле симптом куда более обширного кризиса империи. Кризис в Эрец Исраэль отнюдь не был, как им казалось, досадным местным явлением; то было первое звено в цепи событий, приведших к закату Британской империи. Удастся ли удержать это звено или нет — для судеб империи это было решающим. Однако на совещаниях правительства в Лондоне проблема никогда не ставилась в такой форме. Она рассматривалась скорее как ссора евреев с арабами, ссора, в которой может очень пригодиться опыт Эрнеста Бевина, понаторевшего в профсоюзных переговорах. Это был, по-видимому, самый крупный просчет правительства Эттли.

Что касается имперских интересов на Ближнем Востоке, то правительство полагало, что их защитят арабские союзники Великобритании — Фарук в Египте, Абдалла в Трансиордании, Нури Саид в Ираке, опиравшиеся на позиции Великобритании в Судане и на Суэцком канале, в Ливии и в Трансиордании, в Ираке и в районе Персидского залива. Позиция англичан в конфликте в Эрец Исраэль должна была предотвратить разрыв этих связей с арабским миром, даже ценой недовольства американцев и возмущения арабов. Так английская политика привела сначала к войне в Эрец Исраэль, а потом к закату английского влияния на Ближнем Востоке.

Против такой позиции Великобритании выступили три человека, преследовавшие на Ближнем Востоке лишь ограниченные цели, но они знали чего хотят и

были полны решимости добиться своего. Эти трое были Сталин, Бен-Гурион и король Абдалла.

Сталин изложил свою позицию Эрнесту Бевину в частной неофициальной беседе, состоявшейся в конце совещания министров иностранных дел в Москве в марте 1947 года. Сталин заговорил о Ближнем Востоке. Он готов согласиться с законными английскими позициями в этом районе. Русские не станут чинить англичанам никаких затруднений и не помогут тем, кто этого хотел бы. Они будут проводить строго нейтральную политику в конфликте Великобритании с Египтом (его должны были обсуждать в Совете Безопасности) и в проблеме Эрец Исраэль. Сталин ставил только одно условие: англичане одни берут на себя ответственность за Ближний Восток, ни в какой форме не привлекая американцев. В этом и заключалась цель Сталина. Он хотел удалить американцев с Ближнего Востока; и если англичане решили бы допустить американцев в этот район, это привело бы к осложнениям и для тех, и для других.

Мы знаем, что одно из редких решений Эттли по Ближнему Востоку было принято месяцев за шесть до того, как Сталин обратился к Бевину. В то время Эттли пришел к окончательному выводу, что американцев надо заставить — раз нельзя их уговорить — разделить с англичанами ответственность за Ближний Восток. Почти несомненно, что такая позиция Эттли более всего другого побудила Сталина принять свое поразительное решение поддержать создание еврейского государства в Эрец Исраэль. Сталин нападал на арабских руководителей за то, что они сосредоточивают внимание своих народов на борьбе в Эрец Исраэль вместо того, чтобы направить их гнев против "англо-американского империализма".

Единственную в своем роде роль сыграл Бен-Гурион. Можно почти с полной уверенностью сказать, что его роль в этой войне еще не оценена по достоинству.

Ведь в этой борьбе он, по-видимому, был тем человеком, чьи идеи воплощались в жизнь быстрее и полнее, чем идеи любого другого. Убедившись осенью 1945 года, что англичане склонны уйти из Палестины, он стал размышлять о будущем и несравнимо опередил своей проницательностью всех своих коллег и противников. Самое удивительное, что отличает провозглашение государства Израиль, — это внезапность, с которой раскрылось полное значение этого шага большинству причастных к нему людей. Но предвидели его очень немногие, и никто — с прозорливостью Бен-Гуриона. Если бы не он, евреи Эрец Исраэль оказались бы беспомощными перед лицом уготованного им испытания с политической и практической точек зрения, уж не говоря о военной.

Его предвидение необходимости национальной армии в надвигающейся войне было масштабным. Но его мысль не ограничивалась одними военными рамками. Он знал, что ему предстоит. Он не был готов на сделку за счет своих принципов, даже когда его цели расходились с намерениями других в лабиринте событий в Эрец Исраэль. Он хотел не только армии и не только победы. Победа и армия нужны были как фундамент нового Израиля, где воедино сплавятся сионистская идеология и традиционные духовные накопления мирового еврейства, чтобы породить новую небывалую действительность.

Да, странный это факт, что лишь ничтожное меньшинство современников тех судьбоносных дней в истории народа сознавало значение совершающегося и еще меньше догадывались, как близок Израиль был в первые дни своего становления к катастрофе. Беду удалось отвести в основном благодаря прозорливости, точному расчету и решительности Бен-Гуриона и в равной степени благодаря тому, что в час испытания и кризиса Израиль остановил свой выбор на Бен-Гурионе. Верно, что он допускал, как все великие люди, и

крупные ошибки. Он обнаружил близорукость в подходе к проблеме арабов. Он не терпел глупцов и был непокладист со своими соперниками. Однако это были недостатки великого человека, могущего себе их позволить. Весьма не повезло арабам и англичанам, что на их пути встал человек такого калибра. Но то было спасение для Израиля.

Третий в этом триумvirате — король Абдалла, в общем, считается орудием английской политики и проводником воли Глабба. Мнение это в корне ошибочное, как уже было показано в предыдущих главах. В отличие от остальных арабских лидеров (и англичан) Абдалла знал, чего он хочет. Он стремился овладеть Иерусалимом и хотел удалить другие арабские страны из Эрец Исраэль. Если кому-нибудь удалось подчинить своей воле остальных, то это удалось Абдалле, который подчинил себе Бевина и Глабба, а не наоборот. Абдалла добился своих ограниченных целей, подобно тому, как Бен-Гурион добился своего; то же самое сделал и Сталин или, по крайней мере, его наследники.

Не то с англичанами. В общеисторической перспективе поражение в Эрец Исраэль потерпели именно они. Война в Эрец Исраэль была первой в длинном ряду войн арабов с Израилем, но стала также началом переворота на Ближнем Востоке, началом восстания против британского владычества. За десять лет по ее следам совершились: убийство короля Абдаллы; изгнание Англо-иорданской нефтяной компании из Ирана; эвакуация англичан из Египта и Судана; ликвидация режима Фарука; изгнание сэра Джона Глабба из Иордании и отмена договора о дружбе с Великобританией; провал англичан у Суэца, а затем переворот в Ираке. В итоге всех этих событий на ближневосточном небосклоне начала восходить советская звезда; появилось советское влияние, столь долго не допускавшееся в этот район мира, и СССР наконец предъявил свои требования.

Борьба за Эрец Исраэль, таким образом, была и переломным моментом для британского империализма — старого и нового образца; она обозначила конец старого режима на Ближнем Востоке. Эта война не только заложила фундамент государства Израиль, но и была началом подлинного арабского пробуждения и провозвестницей будущих революций на Ближнем Востоке.

В чем должны заключаться конечные цели этого арабского возрождения? Неужели в уничтожении Израиля? Вот вопрос, на который предстоит ответить новому и, быть может, более мудрому поколению арабских вождей. От этого их ответа зависит судьба арабской революции и мир на Ближнем Востоке.

עיריית חיפה
מערכת הספרות והמחנכים
מרכז תרגום לעולמים
בית ארדשט - ספרים
מס. מלאי.....

412

**П Е Р Е Ч Е Н Ь
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТ**

<i>Карта № 1.</i> Границы раздела по решению Совета Безопасности ООН от 29.XI.1974 г.	41
<i>Карта № 2.</i> Иерусалим и его окрестности в начале мая 1948 г.	133
<i>Карта № 3.</i> Нападение Каукаджи на Мишмар-Хазмек и контратака Хаганы 4–12 апреля 1948 г.	139
<i>Карта № 4.</i> Сражение за Хайфу 20–22 апреля 1948 г.	168
<i>Карта № 5.</i> Расположение израильских сил на 15 мая 1948 г.	213
<i>Карта № 6.</i> Продвижение сирийцев в направлении Цемаха и поселений Иорданской долины	231
<i>Карта № 7.</i> Бои за Гешер	231
<i>Карта № 8.</i> Первый бой за Дженин	239
<i>Карта № 9.</i> Прорыв Арабского легиона в Иерусалим после 15 мая 1948 г.	247
<i>Карта № 10.</i> Первая израильская атака на Латрун 25 мая 1948 г.	263
<i>Карта № 11.</i> Вторая израильская атака на Латрун 30 мая 1948 г.	263
<i>Карта № 12.</i> Положение после первого прекращения боев 11 июня 1948 г.	271
<i>Карта № 13.</i> Положение после второго прекращения боев 18 июля 1948 г. Территориальные изменения в результате десятидневных боев	319
<i>Карта № 14.</i> Фалуджийский узел	337
<i>Карта № 15.</i> Присоединение Негева к Израилю; последнее сражение с египтянами и прорыв израильских сил к побережью Эйлатского залива	351
<i>Карта № 16.</i> Граница между Израилем и арабскими странам после соглашения о прекращении огня	355

- 1–2. Леон Юрис: ЭКСОДУС
3. Д-р А. И. Кауфман: ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит: ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арие (Лева) Элиав: НАПЕРЕГОНКИ
СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин: ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод: РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ
(Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель: ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ: Еврейские мотивы
в русской поэзии
11. Натан Альтерман: СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниховский: СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль: ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам: ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Арон Мегед: ХЕДВА И Я
16. Яков Цур: И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль: ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. Стихи советского еврея: ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ
19. Говард Фаст: МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский: РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА
И СЕГОДНЯ
21. Игал Алон: ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер: УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш: ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917–1967)
25. Ш. Й. Агنون: ИДО И ЭЙНАМ
Рассказы, повести, главы из романов
26. Элиэзер Смоли: ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Товия Божиковский: СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА 2
30. А. Итай и М. Нейштат: ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург: ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С. Г. Фруг: СТИХИ И ПРОЗА
33. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК